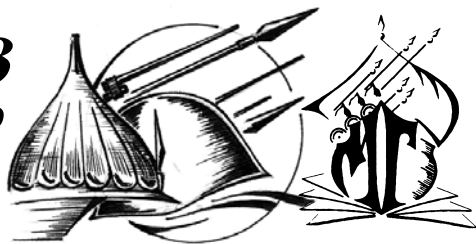

7-8
2009

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**
Основан в 1922 году

ПРОЗА

- Александр КОНОПЛИН. Клара. Рассказ**..... 12
Александр БЕЛЯЕВ. «Деды» и «шнексы». Повесть 139

ПОЭЗИЯ

- Владимир ТОПОРОВ. Дождь прошел. Стихи** 32
Сергей АГАЛЬЦОВ. Родные думы. Стихи 34
Павел КОСЯКОВ. Лучи. Стихи 38
Стихи поэтов России 42

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Елена СЕМЕНОВА. Об ущемлении прав русских** 3
Анна КЛЯЙН. Кто стоит за Обамой 71
Израэль ШАМИР. Облом в Газе 78
Сергей ЛЕБЕДЕВ. Что такое Хамас? 84
**Александр ЩИПКОВ. Нравственный кризис
информационного пространства России** 90

ДОСЬЕ «МГ»

- Марат КАЛАНДАРОВ. Виза в пучину.**
Продолжение 45

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ШАМБАРОВ. Три находки из истории Ивана Грозного	95
--	-----------

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Юрий БОНДАРЕВ, Владимир ЮДИН. Америка останется неоплаканной	121
---	------------

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Юрий БОНДАРЕВ. Мгновения	130
---------------------------------------	------------

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ. Поэт с душой героя	247
--	------------

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Геннадий ШИМАНОВ. Апология национальной общины	257
---	------------

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

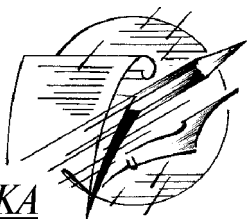
Марк ЛЮБОМУДРОВ. Горячие восьмидесятые	278
---	------------

ОБ УЩЕМЛЕНИИ ПРАВ РУССКИХ

Согласно официальной милицейской статистике количество преступлений, совершаемых приезжими, ежегодно возрастает. Нельзя не обратить внимания на то, что в прошедший год новостная лента была перенасыщена сообщениями о грабежах, убийствах, изнасилованиях и других правонарушениях, совершенных мигрантами. Характерно, что если раньше в таких сводках чаще других упоминались выходцы с Кавказа, то теперь они отступили на второй план перед волной приезжих из Средней Азии, вызванной все большей либерализацией закона о гражданстве, увеличением квоты на мигрантов и введением безвизового режима с Таджикистаном.

«А русских они теперь не берут!»

Рост числа выходцев из Азии в российской столице начал бросаться в глаза буквально еще год назад. Вначале стал заметен приток их в сферу коммунальных услуг. Если прежде на один двор приходилось по 1-2 дворника, то теперь можно наблюдать целые толпы мигрантов в спецовках, которым практически нечего делать, а потому обычно они коротают рабочее время за

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

разговорами, сидя на оградах и лавках или празднично шатаясь по улицам. Но дворниками дело не ограничилось. Весьма характерная и настораживающая тенденция нарастает в сфере торговли. Приведу в пример ситуацию в собственном районе: еще полгода назад продавщицами и кассиршами в киосках и магазинах были у нас русские (реже азербайджанки), работавшие в данных точках по несколько лет, знающие своих покупателей. Ныне же русских продавщиц практически не осталось. В считанные месяцы они были заменены азиатками. Причем эта замена произошла не только в уличных палатках, но и в известных магазинах. К примеру, еще весной в магазине сети «Пятерочка» работали русские женщины, ныне же после временного его закрытия в связи с ремонтом, все они были уволены, а их места заняли представительницы среднеазиатских республик, вследствие чего уровень обслуживания резко снизился. А в разговоре продавщицы-азербайджанки с покупательницей прозвучала фраза: «А русских они теперь не берут!» И теперь я могу констатировать факт: сегодня в нашем районе Москвы не осталось почти ни одной русской продавщицы. Такая же ситуация и в других районах. Идет откровенное выдавливание русских в интересах иноподцев.

В статье «Трагедия Москвы», опубликованной в «МГ» (2009, №4), авторы В.Бояринцев и Л.Фионова указывают:

«Квартира в панельном доме на окраине Москвы сегодня стоит дороже, чем квартира в Нью-Йорке на Манхэттене. Продав типовую двухкомнатную квартиру в Москве, можно купить приличный дом в одной из европейских столиц. И все-таки московские квартиры покупают. У кого нынче такие деньги? У воров, взяточников, наркоторговцев, у владельцев рынков, борделей, банков, казино... Эта публика, а также нищие иностранные рабочие и наполняют «демократическую» Москву. Среди этого пестрого многолюдства русские составляют уже меньшинство. По данным «Национальной газеты», (2003, № 1-5) в Москве на 1 января 2003 года проживали: азербайджанцы — 1,5 млн., татары — 900 тыс., армяне — 600 тыс., евреи — 500 тыс., грузины — 300 тыс., цыгане — 300 тыс., молдаване — 300 тыс., чеченцы — 300 тыс., вьетнамцы — 240 тыс., таджики — 200 тыс., китайцы — 200 тыс., узбеки — 150 тыс., афганцы — 100 тыс., башкиры — 100 тыс., дагестанцы — 100 тыс., чувашаи — 60 тыс., ингуши — 50 тыс., африканцы — 50 тыс., турки — 15 тыс., курды — 20 тыс., греки — 20 тыс., другие — 230 тыс.. Итого — 6 200 000 иностранцев и граждан России неславянской национальности. Всего в Москве, по данным переписи, на тот момент проживало

10,5 млн. жителей. Таким образом число русских в Москве составляло 3,36 млн. человек или 31%. И ситуация непрерывно ухудшается. Власти Москвы и ее мэр целенаправленно и энергично превращают Москву в нерусский город. Является ли основой такой миграционной политики стремление к сиюминутной прибыли без заботы о последствиях или намеренное разрыхление славянского социума — в любом случае такая политика способствует ослаблению России».

Российская столица уже практически перестала быть русской, и такой же сценарий просматривается для всей России. На 2009 год квота для мигрантов увеличена до 4 млн. Тем самым эта квота превысит планку 2008 года, которая прошлой осенью была скорректирована в сторону повышения — до 3 миллионов 400 тысяч человек. Это делается, несмотря на то, что экономический кризис уже спровоцировал рост безработицы. Сокращения идут на коммерческих предприятиях, начинается массовое увольнение военнослужащих, объявлено о сокращении на 15% столичной милиции. Большинство уволенных пополнят ряды безработных. Но тогда для чего нам нужны мигранты, необходимость в которых объясняли нам дефицитом рабочих рук? Уж не для того ли, чтобы сознательно спровоцировать межэтнические столкновения и под эту музыку еще больше ужесточить «борьбу с экстремизмом»?

58-я новейшего времени

По данным правоохранительных органов и ряда «правозащитных» организаций, с маниакальным упорством защищающих интересы любого изувера, кривая роста «экстремистских» преступлений неуклонно стремится вверх. «Бдительная общественность» в лице А.Гербер, А.Брода, И.Альтмана и других не перестает истерично вопить о т.н. «русском фашизме». В недавнем интервью агентству «РИА Новости» сопредседатель фонда «Холокост» Илья Альтман заявил, что «несдержанное отношение к представителям национальных меньшинств продолжает оставаться острой проблемой в мире и в России», а также выразил мнение, что прошедшие 4 ноября в российских городах националистические «Русские марши» «с их призывами и лозунгами» и «сводки новостей об убийствах таджиков» «очень напоминают Берлин 1938 года» (о сводках новостей об убийствах русских г-н Альтман, разумеется, ничего не знает). В связи с этим выдвигаются все новые предложения по ужесточению законов. Особенно не дает покоя сим озабоченным гражданам Интернет. Правда, отчего-то рост указанных преступлений обнаружился имен-

---

но в последние годы, то есть тогда, когда соответствующие законы стали ужесточать. Не секрет, что «меч правосудия» обращен опять же преимущественно на русских. Можно сколько угодно оскорблять русских и православных, можно сколь угодно нацменьшинствам кичиться своей национальной гордостью и требовать себе все новых и новых прав — это не будет признано экстремизмом. Русским вменяется в экстремизм едва ли не любое их действие. Вероятно, то, что мы еще просто-напросто живем, дышим и не забыли собственного имени, есть уже «экстремизм», за который следует привлекать нас по пресловутой 282-й статье, по которой в тюрьмах отбывают сроки в основном русские. Приведу лишь несколько дел, возбужденных по ней, лишь несколько имен жертв «58-й» новейшего времени:

Смирнов Александр Геннадьевич. Капитан милиции в Пикалево Бокситогорского района Ленинградской области. В 2001 году был в служебной командировке в Чеченской республике, где за проявленные мужество и смелые действия по отражению нападения на блокпост указом президента РФ был награжден медалью «За отличие в охране общественного порядка». Также за время командировки ему были вручены знаки: «Участник боевых действий», «За службу России», «За службу на Кавказе», «Отличник ВВ 2-й степени», «За верность долгу». В 2004 году в период с апреля по октябрь капитан милиции А.Г. Смирнов повторно был направлен в служебную командировку в составе сводного отряда ОМОНа ГУВД Санкт-Петербурга. Отряд проходил службу в Грозном и осуществлял охрану въезда в Комплекс правительственных зданий Чеченской республики. По окончании данной командировки Смирнову был вручен знак «Ветеран боевых действий». В 2007 г. капитан обвинен старшим следователем РОВД прокуратуры Ленинградской области советником юстиции Титовым А.В. в публичном распространении материалов, «содержащих идеи ненависти, вражды и унижения человека по признакам национальности».

Терехов Игорь Федорович — публицист, военный в отставке, руководитель Амурского отдела Союза Русского народа. 4 ноября 2006 года Игорь Терехов попытался провести в Благовещенске «Русский марш», однако попытка была пресечена властями. 28 января 2007 года Игорь Терехов организовал митинг в защиту руководителей русского национально-го движения, арестованных по политическим мотивам. Это послужило поводом для проверки и возбуждения уголовного дела по статье «Организация экстремистского сообщества». По тому же делу проходят Смирнов Евгений Петрович, пото-

---

мок амурских казаков, православный, отец троих детей, и Сычев Сергей Николаевич, амурский предприниматель, имеющий два высших образования, меценат, при активном участии которого в с. Константиновка Амурской области возводится православный храм св. равноапостольных Константина и Елены, отец троих детей.

Никольский Владислав Иванович — капитан первого ранга в отставке, действительный член Академии военных наук, автор более 150 научных трудов, профессор, доктор наук. Никольскому вменили в вину издание брошюры «Что делать сейчас (программа-минимум русского народа)». 21 января 2008 г. вынесен приговор по статьям 280 УК РФ (покушение на публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РФ) и 282 УК РФ (возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды) — один год колонии-поселения. Под арест он был взят прямо в зале суда. Основой для приговора послужило экспертное заключение старшего научного сотрудника Музея антропологии и этнографии Валентины Узуновой, охарактеризовавшей высказывания Никольского как «утверждения концепции русского национализма, сочетающего постулаты чистоты происхождения, русского языка и православного вероисповедания».

Список этот можно продолжать долго, тем более, что он регулярно пополняется новыми именами. Если прежде с уст наших властителей не сходило слово «терроризм», то теперь оно благополучно замещено «экстремизмом». «Русским экстремизмом». И последнее для нынешней власти значительно страшнее терроризма, поскольку, как и ее предшественники, большевики, ничего не боится она так, как русского национального пробуждения и возрождения, а потому старается погасить в зародыше всякие проблески оногo.

«Воля чеченского народа»

Кроме заключенных по 282-й статье свои сроки за верность России получили русские офицеры Буданов (10 лет), Ульман (14 лет), Аракчеев (15 лет, несмотря на полностью доказанную невиновность) и др., обвиненные в преступлениях против чеченского народа. Практически ни один террорист «с руками по локоть в крови» не получил от российских судов таких вопиющих сроков, как русские офицеры. Огромное количество бандитов были амнистированы, прощены и процветают, но ни один русский офицер снисхождения не получил.

В ситуации с Чечней русофобия нынешней власти вырисовывается более чем рельефно. В республику, де-факто существующую абсолютно по собственным законам, качаются огромные деньги, являющиеся своего рода контрибуцией, платой за формальную лояльность, «воля чеченского народа» выслушивается и исполняется, чеченским беженцам выплачиваются компенсации. При этом русские беженцы остаются в полном забвении, будто и нет их. Геноцид русского населения Чечни, вырезанного или изгнанного за пределы республики дудаевско-масхадовскими изуверами, старательно замалчивается и до сих пор не получил правовой оценки, равно как и другие бойни, устроенные русским в бывших республиках распавшегося СССР. Ежегодно нам сообщают, как в Чечне вспоминают жертв сталинской депортации, но нигде и никогда не вспоминают у нас сотни тысяч зверски убитых, замученных на территории ЧР русских людей. И никто не заботится о достойных компенсациях выжившим за утерянное жилье, утраченное здоровье и погибших родственников.

«Но я же не виновата...»

Русский народ сегодня является пораженным в своих правах. Представитель любой народности может смело заявить о них, и будет услышан и СМИ, и судами, и властью. Русский человек не может ждать себе защиты ниоткуда. Характерную историю поведала недавно своим читателям газета «Комсомольская правда». Учительница музыки поставила четверку девочке-азербайджанке. Через день ее вызвал директор и попросил срочно исправить четверку: отец пятиклассницы очень недоволен оценкой: «Т...ой нужны только пятерки». Пришлось исправлять. Но на этом дело не закончилось. Сын учительницы, инвалид с детства, был избит своим одноклассником, братом Т...ой, Камраном, заявившим, что это месть за честь сестры, униженной его матерью. Позже мальчик был жестоко избит еще раз, в результате чего попал в больницу. Избиение сопровождалось угрозами убийства. Мать написала заявление в милицию, но на скамье подсудимых, в итоге, оказалась она сама. Согласно возбужденному делу учительница избила Камрана со словами: «черный, подлый, кавказец, понаехали, вас надо выгнать из Москвы, так как вы нерусские, тупой, дурак, дебил». Женщине был сделан прозрачный намек: дело будет закрыто, если она заберет свое заявление. Затем начались телефонные угрозы: «Вас сразу в «Матросскую тишину» увезут! Вы что, думаете,

---

такие дела просто так проходят? Мы на вас управу найдем!» На суде азербайджанская сторона обрушила на учительницу потоки клеветы, обвиняя ее и ее сына в национальной нетерпимости. Суд признал женщину виновной по всем статьям и обязал выплатить 4 тысячи рублей штрафа и 1 тысячу рублей компенсации за моральный ущерб «потерпевшему»... «Но я же не виновата...» — растерянно сказала она вслед скрывшейся за дверью мантии судьи. «Я буду жаловаться! За такое и такой смешной штраф!» — возмутился Т...ев-старший...

Русский человек не может рассчитывать на защиту власти, потому что власть — нерусская. В свое время Петр Столыпин говорил: «Государственная Дума должна быть русскою по духу. Иные народности, входящие в состав Державы нашей, должны иметь в Думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских». Он считал, что представительство инородцев должно быть пропорционально их количеству в Империи. Мы же сегодня и во власти, и на ТВ, и в бизнесе наблюдаем как раз противоположное: народности, составляющие ничтожный процент от населения России имеют гораздо большее представительство во всех этих сферах, нежели русский народ, и диктуют русскому большинству свою волю, «вершат вопросы чисто русские».

«5-й пункт. Я — русский»

Как водится, зеркально отражает этот, мягко говоря, перекос, телевидение. Недавно художника И.С. Глазунова спросили, отчего его редко видно на экране, на что он ответил просто: «5-й пункт. Я — русский». Действительно, стоит хотя бы кому-либо заговорить о русском народе, коснуться национального вопроса, и он тотчас исчезает из эфира. Практически нельзя увидеть на экране русских исполнителей: Е.Смольянинову, Т.Петрову, О.Погудина, Ж.Бичевскую и многих других. Стоило певице В.Цыгановой выступить в защиту полковника В.Квачкова и дать интервью на тему ущемления прав русских, как имя ее исчезло с экранов, а редкие выступления в концертах стали попросту вырезаться из их телевизионных версий. Фильтр работает бесперебойно. На российском телевидении, за редчайшим исключением, не слышно ни русского духа, ни русских имен. Понятие русскости, национальное чувство, национальная культура, историческая память всемерно выхолащиваются, подменяясь

либо поповым, визгливо-гламурным псевдопатриотизмом «нашистского» типа, «хотящего такого, как Путин», возводящего в герои Диму Бирана, готового из глубокого и комфортабельного тыла заплевать и закидать шапками целый мир — с одной стороны; либо откровенной русофобией, поприемом вековых традиций, надругательством над историей и святынями русского народа — с другой.

В России в большом количестве организуются культурные центры для разных народностей, существуют школы с национальными компонентами. И лишь русские не имеют ни школ своих, ни культурных центров. Мэр Лужков заявил о необходимости воспитывать толерантность с детского возраста, пояснив, что благодаря этому впоследствии «не будет среды для желающих найти поддержку в обществе своих националистских идей». Российское образование полностью денационализировано и чем дальше, тем больше носит характер пророчески предвиденной Ф.М. Достоевским «шигалевины». Русская литература находится в фактическом загоне. Организации, защищающие права евреев, армян, азербайджанцев и др., без проблем получают официальную регистрацию, а вот Конгрессу Русских Общин Минюст в регистрации отказал, сославшись на наличие в программных документах Конгресса «пропаганды исключительности части граждан России». Когда-то белогвардейский поэт Арсений Несмелов писал:

*Ненависть к русским. Презренье к России.
Помним, как шли на расстрел мы босые.
Пуля в затылок цвету народа.
Победа! Ликует гнилая порода!
Лживые речи — отравой в душу.
Слабость и смерть — своих недругов слушать!
Вырвать и выжечь, сжав зубы от боли!
Пусть Память пребудет, а с нею и Воля!*

«Ненависть к русским. Презренье к России...» — не это ли суть нынешней российской власти?.. Русских изводят физически и духовно. При этом сами русские не находят в себе сил консолидированно сопротивляться этому. М.О. Меньшиков писал: «...инородцы берут вовсе не талантом. Они проталкиваются менее благородными, но более стойкими качествами — прыгучестью, цепкостью, страшной поддержкой друг друга и бойкотом всего русского». Нелепо, разумеется, было бы призывать перенимать дурные черты иных народов. Но не естественным ли было бы также перенять нам, рус-

---

ским, их «страшную поддержку друг друга» и бойкотировать все нерусское: нерусскую и антирусскую мерзость, льющуюся с экранов, нерусские газеты и журналы, нерусские политические организации и отдельных деятелей, получающих свои мандаты из рук русских избирателей? На вопрос, что могут сегодня русские, можно дать один ответ: объединиться и бойкотировать нерусское. А на все упреки в т.н. «ксенофобии» можно ответить словами все того же М.О. Меньшикова: «Враги русского национализма лгут, будто цель нашей партии — обидеть инородцев, искоренить их... Не нападать на чужие народности мы собираемся, а лишь защищать свою. На известном расстоянии все народы — братья и дорогие соседи. Желая мира, мы не хотели бы слишком наглого залезания милых братьев в наше Отечество и хозяйничанья их в нашем государстве».

КЛАРА

РАССКАЗ

ПРИЗРАК ВОЛИ

Готовиться к побегу начали в феврале. По мнению Валерия Боева, за два месяца — февраль—март — можно запасти достаточно сухарей.

— По сухарику в день, — говорит он, — на большее не потянем. Ломоть отрезать не тоньше мизинца и не поперек пайки, а вдоль!

Сушить сухари в бараке дело сложное, от печки не отойдешь — сопрут, спрятать невозможно — сухарь пахуч. Голодный зэк может настучать, а надзор тут же усечет: готовят побег. Приходится соваться то в КВЧ — там у Боева культорггом однополчанин — бывший политрук Сачков, — то к дневальному каптерки Сергееву, он сам иногда на своей печке то хлебец, то картошечку поджаривает.

Хранить готовый запас еще сложнее. В бараке нельзя, доверить Федьке-сапожнику рискованно, должность у него бластная, ее за особые заслуги дают, а какие на зоне особые заслуги, кроме стукачества? Остается дневальный барака. Но он за так чужое хранить не будет, надо делиться.

ПРОЗА

Наш дневальный Сохатый — бывший честняк (вор в законе), но не из теперешних, а еще доезовских, закон знает и ко мне относится с уважением: никто на ОЛПе не сможет написать прощение так, чтобы самого зэка слеза прошибла! И еще он любит слушать романы. Старому вору невдомек, что все эти «Кровь на коже», «Сашка-потрошитель», «Монашка-убийца» специально для таких, как он, сочиняю я сам, внаглую, забываясь только, чтобы чего не напутать. О том, что Лев Толстой и Пушкин не писали подобной галиматии, им не приходит в голову, а если этот недоумок профессор Свирский сунется со своими «открытиями», Сохатый его повесит, для него романы — дело святое, это единственный уход от действительности, погружение в мир грез, почище ширяева¹. Ширяево не каждому по карману, за него надо платить башлы немереные, да и отключка чревата бедой: привыкнешь быстро, а отвыкнуть уже не сможешь.

Пришлось остановиться на Сохатом.

Одно из условий выжить на зоне — не думать о плохом. Бывший полковой разведчик лейтенант Боев о плохом не думает. Нас собирает только чтобы уточнить детали побега.

— Главное, дойти до «железки», — внушает он.

До нее, то есть транссибирской магистрали Москва—Владивосток больше семидесяти верст по тайге. По словам повторника² Томилы, тайга здесь сильно заболочена, много незамерзающих болот — Томила в тридцатые годы строил здесь дорогу — потом ее забросили — и все знал. Он бы и сейчас пошел с Боевым, да прихватила старого лагерника пеллагра³, теперь ему не воля, а деревянный бушлат светит.

Лейтенант назначил время побега на первые дни апреля: лютых морозов уже нет, даже солнышко показывается, а болотам еще таять и таять...

— От погони оторваться — плевое дело. Если с умом...

— А с умом — это как? — интересуется бывший доцент Киевского университета, кандидат философских наук Прокопий Полищук. В отличие от нас, он — настоящая контра. Если я, к примеру, похвалил американский студебеккер и сдуру ругнул нашу советскую «полуторку», за что получил червонец, то Полищук на собрании, при всем честном народе сказал, что товарищ Ленин был не прав, искореняя религию. Что-де православная вера всегда спасала народ во дни бедствий и, даст бог, опять спасет, если начнется война с немцами... Ска-

---

¹ Любый наркотик, не обязательно тот, который нужно растворять.

² Повторник — человек, отсидевший срок до войны и получивший новый, чаще уже по политической статье. Но за ту же вину.

³ Последняя стадия физического истощения, неизлечимая дистрофия.

зал так за четыре года до нее, когда с немцами была дружба, и его посадили.

— С умом — это врассыпную, — говорит Боев, — погоня кинется за одним — на всех у вохры людей не хватит — и тут уж кому повезет...

В нашей группе четверо. Кроме меня, Боева и Полищука есть еще Котик Вавилов. Он тоже бывший фронтовик, но в войну служил писарем при штабе, в атаки не ходил, ранен не был, боевых наград не имеет, зато сохранил здоровье и завидную молодость. Он считает себя заместителем Боева, хотя никто его в этой должности не утверждал.

— Все продумано, — говорит Боев, и мы понимаем, что ничего не продумано, да и что можно предусмотреть, сидя в зоне? Семьдесят километров или верст, как их называют в Сибири, по зимней тайге, где снег выше колена, где нет ни дорог, ни человеческого жилья, с запасом сухарей на три дня — не просто авантюра, а самоубийство, но нам очень хочется хотя бы немного побыть на свободе.

— Сухари лучше поберечь. Главная еда — запасы белок, бурундуков и прочих... — Валера замолкает. Он не знает других животных в тайге, делающих запасы на зиму.

— Мне один человек рассказывал, — продолжает он, — сибиряк-охотник. Он ходил в тайгу с одним сухарем и двумя небольшими мешочками, в одном табак и спички, в другом соль. Мясо добывал силками и капканами. Чего поймает, шкурку сдерет, на вертел тушку насадит и через полчаса — жаркое: заяц или белка.

— Он что, и белку ел? — интересуется Котик.

— С голодухи и крыс едят, — мрачно вставляет доцент, и мы замолкаем: крыс из нас, кажется, еще никто не ел...

В Валере мало лагерного и много от прежней жизни, особенно фронтовой. В лагере он недавно, оголодать, как Полищук, не успел, жена регулярно шлет посылки, которыми он делится с нами, только сало и чеснок бережет для побега. Он по-детски доверчив и по-фронтовому верит в дружбу. Мы, зэки со стажем, все это давно забыли.

Самый старый из нас Прокопий Полищук — ему уже за сорок, — сказал как-то:

— Валера — мальчишка. Втянул нас в авантюру.

— Чего ж ты лез? — Он поежился, нахохлил бушлат и стал похож на старого петуха.

— Хрен его знает, чего. Вы с Котиком рванули, ну и я, старый осел... Наверное, тоже свободы захотел: хоть день без конвоя.

И уже в бараке, укладываясь спать, признался:

— Боюсь одного: как бы по моему следу не пустили старшину Гребнева с его собакой, тогда — хана.

Он накрылся с головой одеялом — типичная привычка зэка, но еще долго вздыхал и кашлял.

О старшине Гребневе я услышал сразу по приходе на этот ОЛП. Говорили, бывший фронтовик, орденов и медалей — полный «иконостас», ростом высок, физически силен, по тайге носится как лось. Одни говорили, что задержаний у него 235, другие, что много больше, но все дудели в одно: не приводит он беглецов! Кончает в тайге! Потом по его следу посылают лошадь, возница-зэк цепляет убитого за ноги к саням и волокает в лагерь. У вахты бедолагу кладут у самых ворот, чтобы зэки, выходя утром на работу, видели и понимали, что и с ними будет то же, если побегут.

О собаке Гребнева тоже слышал — какой же собаковод без собаки, — а вот кличку такую встретил впервые. Его собаку звали Кларой. Мне она представлялась громадной псиной, вроде тех, что сопровождают нас каждое утро на работу и обратно. Как же эти твари нас ненавидят! Захлебываясь лаем, прямо кидаются на каждого. Запах наш, что ли не нравится или черные бушлаты приводят в бешенство?

Подъем в шесть утра всегда неожиданен. Кажется, только-только задремал... Проснувшись, расталкиваю Полищука.

— Ну, ты здоров спать, доцент! — Но тут бросается в глаза его багровое лицо. — Похоже, тебе в санчасть надо, авось лепила даст кантовку. У тебя жар.

— Хрен даст, — отвечает Полищук, — у меня — стабильно: тридцать семь и два, до нормы не дотягивает.

Он тяжело поднимается, кашляет и не спешит вставать с нар. Я приношу ему сухие портянки от печки и валенки. Он этого не замечает. Ему раз в месяц приходит посылка от старушки-матери — сухари и немного сала или бутылка масла. Однако то, что ему присылают, а мне нет, ставит его на ступеньку выше, и нет ничего удивительного, с его точки зрения, что я подаю ему теплые портянки, а не он мне...

— Вторая бригада, на завтрак! — орет Сохатый. Орать что есть мочи ему нравится, после этого народ устремляется к выходу, и создается впечатление причастности Сохатого к маленькой частице большого начальства.

Сохатый — сука. Когда-то давно, на девятом ОЛПе, во время жестокой резни между блатными, Сохатый дрогнул и бросился в запретку, под защиту стрелка. И хотя в дальнейшем, за всю двадцатилетнюю лагерную жизнь он ни разу не преступил воровского закона, урки ему того поступка не простили.

После крика Сохатого шум в бараке усиливается, с верхних нар прыгает заспавшаяся молодежь, эти за столы сядут первыми и пайку выберут какую надо — серединку с поджаристой корочкой, и из-за стола встанут последними: не любит молодежь выхода на работу.

Мы с Полищуком приходим с опозданием. Сегодня он мне особенно не нравится: щеки обвисли, кожа белая с желтизной, взгляд тусклый. У дверей столовой нас ждет Валера. Бригада уже «отстрелялась» и теперь топчется в дверях, у кого есть махорка, закуривают, остальные ловят дым ноздрями.

— Сегодня в двенадцать у Трухлявого, — тихо говорит Валера. Он как будто не замечает согнувшегося в кашле доцента. Валера молод, крепок телом, тренирован, владеет приемами рукопашного боя и недолюбливает хлюпиков. Сегодня он явно сдобрил баланду топленным маслом из посылки и положил на хлеб кусочек сала...

— Нате вот, — он сует нам по луковице, — схаваете в обед.

Я свою кладу в карман, Полищук впивается в нее зубами. На нежной белизне сибирского «фрукта» остается кровь с его десен.

Мы идем к столу, где наши бригадники долизывают миски — каждый свою.

— Еще бы минута, и слопали бы ваш завтрак! — шутит четвертый член нашей группы Котик Вавилов. — Ну, как, доцент, сегодня наточишь мой топор?

— Не мое дело точить топоры, — глухо отвечает Полищук.

— А мой хлеб жрать — твое?! — вскрикивает Котик. Есть повод покуражиться. Топоры точат в мастерской возле зоны, в оцепление инструмент привозят кучей, но каждый берет свой топор: плохим много не наработаешь. В мастерской же точат небрежно, а иногда и вовсе пропускают.

— Падло! — орет Котик и все молчат: Вавилов прав...

Свою кликуху он получил при смехотворных обстоятельствах. Когда этап с Лубянки привезли на Москву-Товарную к вагон-заку, Вавилов в толпе зевак увидел свою кралю и помахал ей рукой. Она его тоже заметила и крикнула:

— Держись, Котик! Я тебя люблю!

Рабочий день начался как обычно, задолго до рассвета. Следом за бригадами привезли инструмент, бригадиры развели своих по делянкам. Работяги лениво подергали пилы и сели покурить. В этот час никто никого не подгоняет, не шлепает по загривку тяжелой рукавицей — в этот час все подобное бессмысленно.

С трудом доработав до обеда, мы пошли навестить Трухлявого. С ним Валера завел дружбу недавно, но здорово преус-

---

пел: у старого конвоира на фронте погиб сын такого же возраста, других детей бог не дал, старуха померла сразу после войны и Трухлявый доживает век скорее по инерции: служит в вохре, дома нянчит внуков — детей племянницы, неизвестно от кого прижитых. У него ревматизм, подагра и, кажется, туберкулез. В вохре он служит последнюю зиму, весной уйдет на пенсию сажать картошку и, если ноги не подведут, рыбачить. Нижняя Тунгуска, по его словам, сильно богата рыбой, ловятся и щуки, и налимы, и язи, попадаются хариусы и даже стерляди. Одну такую чудо-рыбку он как-то принес в оцепление для Валеры.

Мы понимали, что за поведением нашего вожака кроется хитрость, он хочет устроить побег во время дежурства Трухлявого. Участок тайги, где ведутся разработки, называется оцеплением, еще до прихода бригад стрелки обегают вокруг этого участка на лыжах. Переход лыжни считается побегом, охрана стреляет без предупреждения. Однако внутри оцепления валежник сухой давно сожгли и теперь для костров, где обогрывается вохра, ходят за оцепление, иногда довольно далеко. Заготовители сушняка идут в сопровождении охранника, чтобы перейти лыжню, надо получить разрешение начальника конвоя. Можно, конечно, жечь сырые сучья — их скапливаются горы, — но сырое дерево сильно дымит, стрелки матерятся: густой дым ест глаза, застилает от них наблюдаемый участок. Случалось, зэки использовали эту дымовую завесу для побега.

Между советским лагерником и серым волком много общего. Оба наблюдательны, осторожны, терпеливы, неслышны. У обоих один смертельный враг, оба отличаются жестокостью и оба всегда голодны. У них нет чувства товарищества, преданности дружбе и даже любви к самке. Год назад у нас на ОЛПе зэк зарезал молодую врачиху, имевшую глупость влюбиться в красивого, умного парня, получившего срок, по его словам, за чужие грехи. Романтика, присущая молодежи, и неопытность, а тем более врожденная интеллигентность и гуманность, естественная для двадцатитрехлетней москвички, непонятна уголовнику. Любовь их была короткой и безоглядной. Они встречались ночью в медсанчасти — зэк подделал ключ от двери. Потерявшая голову от любви девушка не задумывалась о последствиях. Скорей всего, он уверил ее, что срок его скоро кончится и тогда они вместе уедут далеко-далеко...

Будь на ее месте другая, более практичная и трезвая, она бы наверняка поинтересовалась в первом отделе о заключенном из второго барака...

Между волком и зэком есть только одно различие: волк убивает исключительно для еды. Зэк зарезал свою единственную любовь, проиграв ее в карты. Окровавленный белый берет ее еще долго валялся в подсыхающей кровавой луже.

* * *

Время, назначенное Боевым, стремительно приближалось. Вместе с тем нарастала тревога. Подставлять Трухлявого — и без того несчастного старика, — нам с доцентом не хотелось. Котик с Валерой смотрели на это иначе.

— Его не расстреляют, — убеждал Боев, — даже не посадят. Просто выгонят из вохры, а он и так собирался уходить.

Убеждая нас, Валера при этом отводит взгляд в сторону.

Другое дело, Котик. В последнее время мы стали его опасаться. Он подружился с урками, проводил в их бараке вечера, как я понял, накапливая недостаточный лагерный опыт и совершенствуясь в фене. Урка он показывал карточные фокусы и вскоре стал для них своим. На нас с доцентом смотрел свысока: теперь у него имелись покровители.

Когда мы подошли, старик сидел спиной к ветру и дремал. На нем были серые валенки выше колен, ватные штаны и старенький полушубок с заплатками возле карманов. Воротник поднят — охранник боится простуды. Дослуживая последние месяцы, он не очень внимательно следит за нами, за его спиной можно пробежать незамеченным. Вот только контрольную лыжню без него не перейдешь...

Вечером к нам в барак пришел Боев. Долго молча курил, а, уходя, сказал тихо:

— Думаю, мужики, на той неделе и полетим. В среду или в пятницу. Если пурги не будет, — и ушел.

Среда и пятница — дни, когда дежурит Трухлявый. Значит, несмотря на наши просьбы, Боев делает ставку на него.

— Тебе не жалко старика? — спрашиваю я.

Доцент жмется, молчит, затем нехотя произносит:

— Мы с ним по разные стороны колючки. Сейчас он стар, немощен. А что делал в сорок лет? Те, кто знал его в те годы, давно за зоной, в овраге. Подумай, какие времена были.

— Хочешь сказать, стрелял нашего брата? Выслуживался?

Доцент пожимает плечами и молчит. Ему не повезло: попал в концлагерь задолго до войны. Теперь доходил, и было непонятно, зачем Боев включил его в нашу группу. Неужели из-за лагерного опыта? Но таких на ОЛПе пруд пруди. И вдруг понял: Полишук и Трухлявый знают друг дру-

---

га очень давно, возможно, еще с довоенных времен. Недаром старик водил нас за сушняком не иначе, как в компании с доцентом. Он знает Полищука как порядочного человека и верит ему, а через него — нам. Что, если лейтенант догадался об их симпатии? Почему тогда доцент вешает мне лапшу на уши?

Просветлело не сразу. Полищук, как старый зэк, не доверяет никому, а старика ему просто жаль.

Чем ближе становился день побега, тем муторней было на душе. Побегов на ОЛПе случалось много, но только двоим удалось уйти с концами, всех остальных ловили и после короткого суда направляли на штрафной ОЛП, уже с большим сроком.

Только дожить до суда удавалось не всем. Большинство оставались лежать в тайге с дыркой в голове, чтобы потом мирно лечь у лагерных ворот...

Боев приходил в наш барак каждый вечер и начинал разговор о родных — он опасался, что в последний момент мы дрогнем.

С доцентом все было в порядке: жена отказалась давно, детей нет, старуха-мать едва ли доживет до его освобождения: «врагу народа» Прокопию Полищуку аккуратно добавляют срок и теперь у него отсиженных накопилось более четырнадцати лет. Оставались я и Котик Вавилов. Но у меня впереди семь лет лагерей, дома еще не старая мать, переживет, если что... Хуже с Котиком, у него, кроме жены и малолетнего сына, есть еще любовница, которая тоже ждет и шлет письма, от которых Котик впадает в оцепенение. В такие минуты лучше не трогать, может, не глядя, треснуть кулаком по чему попало.

В предпоследнюю ночь перед побегом не спали не мы одни. Каким-то образом соседи по нарам прознали о нашем замысле и теперь решали вслух: рванем ли мы через забор, прямо из зоны, минуя запретку, или — из оцепления, в тайге... Интерес прямой: если нам удастся, почему бы и другим не попробовать?

Кое-кто пытался втереться в доверие, один даже предлагал большую ценность — пачку чая.

— Если силы иссякнут, засыпь в котелок, повари минут пять, охлади и пей. Побежишь, как лось.

Вообще, ни одна подготовка к побегу для зоны не осталась тайной. Нет на свете существа приметливее зэка, но доверять рискованно, а иногда и смертельно: продадут с потрохами, и вместо воли окажешься в БУРе, и надзиратели, развлекаясь, будут ломать тебе ребра и отбивать сапогами почки.

Этот день оказался суров, как наше предприятие. С вечера подул сиверко с Ангары, при морозе в тридцать два градуса это серьезное испытание даже для тех, кто через десять часов работы вернется в барак, к теплой печке, для тех же, кто уходит в неведомое, испытание вдвойне.

Стоя перед закрытыми воротами, я вглядывался в непроницаемое лицо нашего вожака. Его взгляд был устремлен вперед, голова, закутанная поверх шапки шерстяным шарфом, напоминала верхушку ДОТа, припорошенную снегом. Сходство дополняли высоко поднятые плечи и шея, заматанная еще одним шарфом. Толстая фигура в бушлате, ватных штанах и валенках, туго перепоясанная веревкой, казалась неуязвимой даже для пули стрелка.

Ворота открывались и закрывались, пропуская очередную бригаду. Однако шмон при выходе был поверхностный, мороз гнал надзирателей в тепло. Не прошло и четверти часа, как мы уже шли, поломав строй, по узкой дороге меж двух высоких сугробов. Временами сзади раздавался крик, бригадники шарахались в стороны, вжимались в рыхлый снег, а мимо нас в метельном вихре проносились либо расписная кошева начальника конвоя, либо белая от инея лошаденка с ящиком на полозьях, из которого торчали ручки лопат и лучковые пилы — бесконвойник Мурза вез в оцепление инструмент. Через пять часов, по этой же дороге, проследует другой ящик, но уже не с лопатами, а с алюминиевыми бачками, из которых на ухабах будет выплескиваться драгоценная влага — щи или бурда, называемая супом, и другой возница, сидя на ящике, будет запускать руку под брезент и отщипывать кусочки сладко пахнущего мякиша...

Но до нас все это уже не дойдет, к обеду мы будем далеко за той сопкой, с которой недавно ушли, спилив последнюю сосну. Обычно зэки, идя на работу, страдают от мысли, что идти им еще долго и далеко, мы же сейчас жаждали уйти от ОЛПа. Вдали от начальства расслабляется, делается ленивым конвой, и даже собаки лают не так старательно и свирепо.

С момента выхода из зоны нас волновал только один вопрос: идет ли с конвоем старшина Гребнев.

— Нету его, — одними губами наконец произносит Валера и мы успокаиваемся.

Но наш лейтенант ошибался. Когда немного рассветало, к костру начальника конвоя подошел высокий старшина в белом козьем полушубке и кирзовых сапогах, с хорошей армейской выправкой. Прикурив от головешки, что-то сказал

начальнику конвоя, еще не старому, но уже разжиревшему на казенных харчах увальню Клебанову, вольготно лежавшему на куче хвороста. Выслушав, Клебанов лениво зевнул и позы не изменил. Гребнев, — а это был он, — по званию ниже Клебанова, тот — младший лейтенант, — да и давать указания начальнику конвоя не дело собаководов. Впрочем, было ли это указание или солдатская шутка, мы так и не узнали. Через минуту Гребнев ушел.

Занятые наблюдением за конвоирами, мы как-то забыли о Трухлявом. В том, что он на месте, не сомневались, и этого было достаточно. Теперь надо выбрать момент, единственный и неповторимый — повторов в этой игре не бывает.

Еще до выхода из зоны Валера раздал всем обещанное. Мои сухари покоились у меня под мышкой, давили ребра острыми углами и дурманяще пахли. Кусочек сала и две луковки запаха не имели, но именно о них я вспоминал с нежностью: придет время, и они вольют в мою кровь новые силы...

В какой-то момент лейтенант решил, что минута настала — мы двинулись к костру Трухлявого. На наше счастье, у него как раз кончились дрова, и старик сидел, протягивая к углям скрюченные ревматизмом ладони.

— Сыночки пришли! А я уж заждался, хотел других просить. С вечера мало дров оставили, торопились, видно.

— Торопились, — кивнул Боев, а у меня вдруг исчезла последняя решимость...

— Может, не надо его? Может, как-нибудь без него, а?

— Еще раз вякнешь, самого пришьем, — прошипел над ухом Котик. Боев молча кусал губы, ему тоже было не по себе.

* * *

Старик спокойно шел впереди нас, закинув винтовку за плечо. Этим он вторично нарушил Устав. Впрочем, нарушения следовали один за другим. На ходу он обратился к Боеву с вопросом, для чего подошел вплотную и повернул голову в его сторону.

— Вот ты скажи, боевой офицер, мне, рядовому необученному, какого хрена Гитлер на нас полез? Ведь дураку было ясно: не одолеть! Али советники у его такие?

— Такие, гражданин начальник, — рассеянно ответил Боев, озираясь, — мы только что перешли контрольную лыжню.

— Вот и я думаю! — обрадовался старик и через секунду спросил снова: — Как думать, подох он али рванул куда?

— Да подох, подох! — занервничал Валера. Невдалеке показался верхом на лошади начальник конвоя, но тут же скрылся за деревьями.

«Господи! — я поднял глаза к небу. — Сделай так, чтобы они его не убивали!» Боев и особенно Котик мне все больше не нравились. Наконец я не выдержал:

— Как хотите, мужики, но давайте без мокрухи, иначе я не согласен.

Глаза Валеры в прорези шарфов смотрели тоскливо, но сказал он вполне твердо:

— Ясенько. У кого еще очко заиграло? У тебя, доцент? Может, у тебя, Котик?

— Обижашь, командир, — зловеще произнес Вавилов. — А от ихнего мандража у нас средство найдется. — Я почувствовал, как в спину мне уперлось что-то твердое.

— Нельзя так, — глухо произнес Боев, — их понять можно. Только я знаю, они не подведут, — и пошел догонять ушедшего вперед конвоира.

Старик знал тайгу лучше всякого охотника. Вместо того, чтобы спуститься в распадок, где снег глубок, стал карабкаться на сопку. Валера забеспокоился.

— Куда, Трифон Степаныч? — оказывается, он знал имя и отчество конвоира. — Нет там никакого сушняка.

— Да есть, — старик продолжал подниматься, — в запрошлом годе наваяли, теперь высох, гореть будет, как порох.

— Ну что ты с ним будешь делать? — тихо произнес Валера и в этот момент позади нас грохнул выстрел.

— Никак тревога? — старик остановился. — Ну да леший с ними, пошли далее.

— Нет, стой! — приказал Котик, — а если это за нами?

— Сдурел, что ли? — возмутился Трухлявый. — Думаешь, я начальнику конвоя не докладал?

— Докладал, докладал... — Обеспокоенный Котик крутился на месте. — Чего-то тут не то, командир.

Но Боев и без него почуял неладное.

— Ты что, Трифон Степаныч, сдать нас надумал? Премию получить захотел? Мешок пшена?

— Да ты чего, Валера? — старик закричал от возмущения. — И как ты такие пакостные слова про меня? Да я ж тебя... Я ж тебя за сына... За сына принимал! Думал, помру, так и в гробе буду молить бога... Нету у меня никого, знаешь ведь, — он готов был плакать от обиды.

Боеву стало стыдно, он неловко обнял старика за плечи. И старик не отшатнулся, он даже прижался к зэку.

— Сам ведь знаешь, говорил я тебе...

— Ну, хватит, хватит, — Боев все еще держал старика за плечи. И тут грохнул второй выстрел, за ним послышались автоматные очереди. Старик опомнился.

— Надо вертаться, робятки, побег у их тама, не положено нам тут быть, — и стал спускаться. Боев удержал его.

— Обожди, Трифон Степаныч. Никуда мы отсюда не уйдем.

— Это как понимать? — старик опешил. — Подставить меня хотите? А ты, Валера, нешто возьмешь грех на душу?

— Возьму, Трифон Степаныч, уж не взыщи, больно воли хотим.

— Так... — Трухлявый снял шапку. — За что ж вы меня эдак-то? Чего я вам плохого издал? Эх вы! Я-то думал, только и людей у нас на ОЛПе, а вы — вон что... Ладно, чего уж, ваша взяла, берите все, — он отдал винтовку, — вот еще патроны... Махорки на одну закрутку... Берите все. А я-то, старый дурак! Ну вот, и дослужился на старости лет!

Он еще что-то лопотал, сидя на снегу. Котик, получив винтовку, прицелился ему в голову, но между ним и стариком встал Боев.

— Отставить!

— Ты чего, командир? Он же донесет!

— Я сказал, отставить! — и нагнулся над стариком. — Не убийцы мы, Трифон Степаныч. На свободу хотим, вот и все. Скажи лучше, как до железки добежать? В какую сторону идти?

Старик успокоился, но для порядка поломался немного.

— А ежели допрашивать почнут? Продадите меня?

— Вот те крест! — Боев истово перекрестился. — Молчать будем. Скажем, под дулом заставили... Ну, так куда бежать? Туда или туда? Ради бога, папаша, скорей говори!

— Прямо через сопку и далее по гриве, — нехотя произнес старик. Видимо, впервые он нарушил то, чему служил много лет.

— На гриве-то мы заметны будем, — с сомнением произнес Валера. Старик возразил:

— Да не до вас нашим топеря, побег у их.

Боев думал, Котик играл винтовкой.

— Ладно, пошли, — сказал лейтенант и сделал несколько шагов.

— Командир! — взывл Котик. — Ты что делаешь? Он же продаст!

— Не продам, идите, — твердо сказал Трухлявый и заковылял вниз. Одинокий, несчастный старик. Впрочем, кто из нас теперь более несчастен?

* * *

Перевалив сопку и пройдя по гребню другой километра три, мы вышли к реке, за которой, как и предполагал Боев, надо было разбежаться в разные стороны.

Но разбежаться некуда: позади кого-то ловили, справа и слева громоздились сопки, покрытые лесом, и только справа имелась узкая лощина до самого горизонта. Все стояли и смотрели в ту сторону.

— Там, что ли, железка? — спросил Котик. Боев кивнул. — Перекроют. Не дураки же. — Боев снова кивнул.

— опередить их надо. Давайте прощаться.

Мы обнялись. Вавилов и Полищук пошли, а мы с Валерой остались.

— А ты чего, Сашок? — Боев впервые назвал меня по имени и вдруг молча бросился мне на шею. Так, обнявшись, мы постояли немного, потом я сказал:

— Адресами бы обменяться. Не сообразили раньше.

— Зачем?

— Как зачем? На фронте...

— На фронте была надежда выжить, здесь ее нет.

— Обожди, командир... Как же так? Тогда какого дьявола мы...

— Не знаю. Ну, не знаю, какого! Чего ты от меня хочешь?!

Ну, давай возвращайся в зону, покаяйся, вали на меня, а меня оставь в покое. Пожалуйста!

Я схватил его за локоть. Боева трясло. Лихой разведчик страдал тяжелой болезнью. К счастью, до припадка не дошло. Он немного полежал на снегу и с моей помощью поднялся.

— Уж кому надо возвращаться в зону, так это тебе.

— Не ворчи, — попросил он, — ворчишь, как старая бабка. Лучше посмотри туда. Видишь распадок? Это река. Иди по правому берегу, там тень. Снег глубокий, но под деревьями можно спрятаться, если увидишь стрелков.

Он стер рукавицей пену с губ и посмотрел вдаль. По гребню самой высокой сопки шел Вавилов, его крупная фигура четко рисовалась на сером небе, темная тень тащилась позади — Котик шел к железке.

— Может, вместе, командир? — спросил я. Он не ответил, смотрел на Вавилова.

— Хоть бы вниз спустился. Вояка! А этот о чем думал, когда за нами увязался? — справа, в распадке, утопая в снегу, медленно тащился доцент. — А вместе нам нельзя. Договорились же... Да ты за меня не переживай, я — совсем в другую сторону. У меня — карта, — он похлопал себя по боку, — увяжутся за мной, я знаю, только где им против старого волка! — Он махнул рукой и пошел. Сумасшедший, обреченный на провал побег начался.

* * *

Вблизи речной берег выглядел иначе, чем издали. Поваленные деревья, стволы которых иногда перегораживали неширокую речку, едва угадывались под толстым слоем снега,

---

корявые сучья и глубокий снег делали дальнейшее передвижение невозможным, я углубился в тайгу, но и там идти было не легче, береговая полоса изобиловала буреломом, к тому же солнце заволочло тучами, пошел снег, быстро превратившийся в пургу — я потерял направление.

В тайге гибнут не одни беглецы. Иногда в распадах находят останки таежников, обглоданные лесным зверьем. Гибнут, чаще всего, заблудившись в пургу, бушующую по нескольку суток. Конец февраля — начало марта как раз время сибирских метелей.

Выбрав самую высокую ель, я забрался под ее нижние, утонувшие в снегу ветви, и принялся сооружать берлогу. Когда-то, до войны, мы с отцом ходили на охоту. В лесу не столько стреляли, сколько строили шалаши, делали переправы через речки, плели циновки из тростника, запекали в костре обмазанные глиной тушки уток, как это делают на охоте тунгусы, сооружали берлоги подобно этой. Милый, добрый отец! Его не покидала идея сделать из рохли-сына настоящего мужчину. Если он убивал кого-то, то только ради меня, сам же никогда не ел дичи — он жалел ее...

В июне сорок первого его убили под Волоколамском и даже не похоронили: часть отступила, и убитые остались лежать на земле. До осени сорок третьего я оставался старшим в семье, ходил на охоту — теперь уже с целью принести домой утку или зайца, — помня уроки отца, не брал с собой ничего, кроме соли: в лесу настоящий охотник должен уметь добывать еду. Своими трофеями я кормил мать и двух девочек-беженок, оставшихся без родителей. Но я не только кормил их, но и воспитывал...

Осенью сорок третьего меня призвали — мне исполнилось семнадцать. На этом мое лидерство закончилось, в армии молодятыне полагается подчиняться, а не командовать.

Лидерство возобновилось в тюрьме, куда я попал после войны, в сорок восьмом, как американский шпион. На следствии меня регулярно избивали — я не хотел признаваться в том, чего не совершал. Тогда я еще не знал, что попал под каток невиданных репрессий, развязанных с одной целью: получить для Великих Строек коммунизма бесплатные рабочие руки. Ради этого были даже отменены расстрелы: стране Советов теперь были нужны не липовые враги народа, а обыкновенные рабы, и чем их будет больше, тем лучше, а чтобы не было нареканий со стороны мирового общественного мнения — свое, российское в расчет не принималось — арестовывали по политическим статьям, и многие верили, что в стране возникали заговоры против правительства...

В камере, куда меня после допросов притаскивали, хозяйничали блатные. Подозреваю, что к ним нас с капитаном Рыбниковым посадили нарочно: следователь как-то пообещал показать нам «небо в алмазах»... У меня они украли сапоги, у Рыбникова диагональные брюки, гимнастерку, у остальных продукты, переданные с воли. Среди остальных политических не было интеллигентов, но имелось несколько бывших военных, им тоже шили кому шпионаж, кому антисоветскую агитацию. Блатные называли нас фашистами и всячески третировали.

Кроме грабежа, они занимались раздачей паек хлеба. Случалось, то одному, то другому «фашисту» хлеба не доставалось. Ворчать и жаловаться не полагалось, за это били.

Но однажды я не выдержал и взорвался. Было раннее утро, меня только что привели с очередного допроса, я был голоден и зол. В этот момент подбежал малолетка-«шестерка» пахана и сообщил, что мне сегодня пайки не полагается — ее проиграли в карты. Я дал малолетке шелбана и встал у «кормушки». Когда в ней показался лоток с хлебом, отстранил блатного и сказал, что отныне раздачей паек будут заниматься дежурные по камере и что вообще произволу урок пришел конец.

Блатняга выхватил нож, но я выбил его и оказался вооружен. Тотчас с нар посыпались урки — их было около двадцати. Завязалась драка. У многих блатных имелись заточки. Казалось, моя судьба была решена, но неожиданно за моей спиной встал капитан Рыбников.

— Только я не умею драться, — предупредил он.

— Тогда они зарежут нас обоих.

Он побледнел, но не ушел. Когда блатные навалились скопом, мы начали отбиваться ногами. И тут пришла помощь: мужики бросились на урок, оттеснили их в дальний угол и принялись избивать по всем правилам деревенской драки. Блатные уже не сопротивлялись, они бросились к двери, которая, странным образом, открылась перед ними.

— Да это же суки! — вдруг прозрел Рыбников. — Мужики, бейте их, вам за это ничего не будет!

Но бить было некого: блатные, давя друг друга, вывалились в коридор и там, судя по крикам, им досталось от надзирателей: скучающие милиционеры всегда не прочь развлечься...

Удивил меня следователь. На очередном допросе неожиданно спросил:

— Это ты организовал мордобой в камере? Или Рыбников? Ладно, не отвечай: все равно молодцы. Ненавижу шоблу!

Однако нас с капитаном все-таки наказали: пожаловались суки. Мне дали семь суток карцера. Рыбникову четыре.

Наверное, вычислили зачинщика. После карцера вернули в другую камеру, где не было блатных, но о драке с урками тюрьма уже знала. В ее стенах у меня появился серьезный авторитет; и в Сибирь я поехал с кликухой «Гусар».

Если вернусь живым из побега, то авторитет возрастет еще. Только вот вернуться мне, скорей всего, не суждено.

Часа через два я с трудом выбрался из-под ели. Пурга намела столько снега, что даже если бы погоня настигла меня, то собаки вряд ли бы учуяли человека под таким сугробом. Небо было тяжелым, набрякшим от снега и очень низким, метель мела по-прежнему, но стала не такой злой, как вначале. День клонился к вечеру. Я забрался обратно в берлогу и съел первый сухарь.

Главной заботой теперь стало определить направление на юг. Старуха-ель оказалась плохой помощницей, должно быть, от старости мох на ее стволе рос со всех сторон. Правда, я знал еще несколько способов, как определить стороны света, но делать это вдруг стало лень — я проспал до сумерек. Когда вылез окончательно, метель улеглась, из-за сопки показался край медного таза — всходила луна.

Вместо трех сухарей у меня остался один, и не было больше сала и луковиц. Как же нерасчетлив бывает оголодавший ээк!

Подниматься вверх по глубокому снегу тяжелее, чем спускаться. Добравшись до вершины сопки, я долго лежал, отдыхая, пока мороз не превратил пот в льдинки. Если еще немного полежать, не двигаясь, можно отправиться на небо раньше, чем настигнет пуля стрелка...

Трудная ходьба снова разогрела тело, но появилась слабость. Теперь я чаще садился, а иногда и ложился. Когда лежишь неподвижно, тишина давит на уши. В какой-то момент мне послышался собачий лай, я поднялся и пошел, но через пять минут снова сел. И снова услышал лай. Не охотясь с собакой, я не знал, кого она сейчас гонит, лося или меня, но еще через минуту знал точно: она идет по моему следу. Бежать бессмысленно — она все равно догонит, да и куда бежать?

Я снова сел и ощутил вдруг полное безразличие к происходящему, только бы скорей все кончалось...

Она вынырнула из-под деревьев в десяти метрах от меня. Луна взошла, и я разглядел зверя. Это была крупная сука с типичным для породы окрасом. Тявкнув раза два, она начала хватать пастью снег, потом легла и довольно спокойно устала на меня.

Странное поведение для служебной собаки. Хотя что тут странного? Умное животное понимало, что свою работу она

сделала: вот он, кусок дерьма, то ли сидит, то ли лежит на снегу и ест его, слизывая с ладони. Бежать ему некуда, впереди крутой склон оврага, где он утонет по пояс, а она, если побежит — по уши.

Овчарка положила морду на вытянутые лапы. Взгляд ее не был свирепым, скорее всего его можно было назвать дружеским. Так смотрела на меня моя любимица Лайма и вовсе не потому, что ждала подачки, просто мы с ней иногда разговаривали. Что, если...

«Ну что, добегался? — вполне могла говорить эта овчарка. — Шпана безродная!»

«Я не шпана!»

«Не думай обмануть, все вы воры, убийцы, грабители, иначе бы вас не посадили за колючую проволоку».

«И не вор, и не убийца, и не грабитель — тебя обманули».

«Так ты еще и врешь?» — она поднялась, оглянулась и вильнула хвостом. Из-за деревьев, озаренный полной луной, вышел высокий человек с автоматом на груди. Это был старшина Гребнев, но не в белом полушубке, а в ватной телогрейке и неизменных кирзовых сапогах. Вот сейчас он скажет: «Ну что, познакомились?» Но он произнес совсем другое:

— Фас!

Овчарка послушно сделала рывок и залаяла.

— Фас! — повторил он сердито, и она оказалась в опасной близости от моего живота — вот-вот вцепится клыками!

— Фас! — Зловеще прокричал Гребнев и подошел совсем близко.

— Фас, сука!

Что-то не срабатывало в налаженной системе: овчарка делала выпады и громко лаяла, но меня не трогала. А ему надо было, чтобы рвала, кусала... Когда она после очередного броска на секунду отступила, он с размаха пнул ее сапогом в живот. Она с визгом отлетела в сторону — похоже, это произошло между ними впервые — и оскалила зубы. Гребнев сорвал с шеи автомат, но я, не соображая что делаю, изо всей силы толкнул его в спину. Он упал, и в ту же секунду мимо моего уха пролетели пули. Гребнев стрелял из положения лежа и поэтому промахнулся. Однако он тут же вскочил и направил ствол мне в живот.

— Молись, сука! Или вы, фашисты, в Бога не верите?

— А ты веришь?! — злоба душила меня. И, странное дело, не за себя, а за его Клару — я вспомнил ее имя — она лежала в метре от нас и по-человечьи стонала: удар сапога пришелся в самое больное место. — И еще: я не фашист. Засрали тебе мозги... Да стреляй же, не мучай зря!

— Торопишься? Ладно, без молитвы можно...

Я понял, что он сейчас выстрелит, но безразличие, начавшееся недавно, снова овладело мной. И еще злость. В конце концов, за что мне это все? За что арестовали, метелили на допросах, ломали ребра? За что судили, а сейчас убивают?

— Зачем ты ее ударил? Она же со щенками! И вообще... Она тебя любит! — кажется, я не совсем понимал, что говорю, но стоять и ждать смерти молча не мог. — Дурак! Меня бей, если нужно, а ее-то зачем? Она же умница. У нее душа есть.

Гребнев странно качнулся — похоже, он был пьян — и отвел автомат в сторону.

— Ты чего орешь? Дурак ты: она же сука. Тварь. Какая душа? Смехота.

А я видел, что ему не смешно: рядом умирала, выхаркивая сгустки крови, его Клара — единственный верный друг. Сколько лет они служили вместе? Конечно, он воспитал ее со щенков и вот теперь терял.

— Скидывай шинель, — сказал глухо старшина. Так глухо, что я не сразу расслышал.

— Скидывай! — повторил он. — Что мне ее с тебя, дохлого, самому стаскивать?

Что за нелепица? Зачем ему моя шинель? Под ней у меня телогрейка, от которой остались одни лохмотья и гимнастерка — в лагере я донашивал армейское. Сняв шинель и не зная, что с ней делать, протянул старшине.

— Расстилай, придурок! — заорал он. Теперь понятно: он завернет Клару, закидает снегом, и мы пойдем в лагерь. Хотя, нет, пойдет он один, старшина ведь не приводит беглецов...

— Чего стоишь? — крикнул он снова. — Берись за задние.

Автомат мешал ему, он закинул его за спину. Мы положили Клару на шинель, и Гребнев стал связывать полы шинели, для этого у него нашлись ремешки.

— Поднимай!

Я послушно поднял, но тело собаки провисло до земли, тогда Гребнев снял брючной ремень, прицепил его к поясну и перевязал тело собаки посередине. Так когда-то мы несли раненого солдата, но тот был, кажется, легче...

Метров сто прошли в молчании, потом старшина сказал:

— А зря я тебя сразу не шлепнул. Таких, как ты, убивать надо. Душа есть! Ах ты, фашист чертов!

Прошли еще сто метров, ноги мои дрожали, ноша становилась все тяжелее. У меня не хватало дыхания, я спотыкался и раза два чуть не упал, старшина же шел, не оглядываясь, и только время от времени поправлял мешавший ему авто-

---

мат. Правду болтали: бегают, как лось. Да что ему не бегать? Небось, каждый день мясо жрет и хлеб от пуза...

Без позволения я сел на снег. Старшина постоял надо мной и тоже сел.

— А говорили, лось! — сказал я, не заметив, что говорю вслух.

— Где лось? — встрепенулся Гребнев и дал очередь по кустам. Грохот выстрелов заставил тело Клары шевельнуться — она была жива. — Нет тут никаких лосей, всех выбили.

Ему явно хотелось поговорить, но собеседника не было: собака, с которой он обычно вел беседы, умирала у его ног, а с зэками разговаривать запрещал Устав.

...Мы снова пошли. Тяжелое тело собаки провисало, шинель волочилась по снегу, мы садились, и Гребнев снова ругал меня за что-то. Садясь, он закуривал, а я ловил ноздрями дым его сигарет. Спустя час показались огоньки поселка и яркий прямоугольник огней на зоне, от этого тьма вокруг нас сделалась еще гуще. Клара казалась невыносимо тяжелой, я задыхался. Старшина тоже устал, но упорно шел вперед, таща волоком Клару и меня, вцепившегося в шинель.

Во время последней остановки он пощупал рукой тело собаки и сказал:

— Все. Кончилась. Зря тащили.

Возле вахты, на светлом пяточке, он опустил ношу, вытер потный лоб и крикнул кому-то:

— Васьков, скотина, хватит спать, выходи!

Загремела задвижка, дверь отворилась, и заспанная физиономия вертухая показалась в светлом проеме.

— Кто здесь? Вы, товарищ старшина? Не разгляжу чегой-то... — он смотрел на сверток в крови.

— Принимай, — сказал собаковод, качнув головой в мою сторону.

— Мясо для охраны, что ли? Так это не к нам, а дале.

— Его принимай, идиот! — заорал Гребнев и сел на ступеньку. — Разбуди Зурабова, пускай поможет мне.

— Беглый? — с сомнением произнес Васьков. — Откуда-ва? Наши всех переловили, эвон лежат, — свет из окна вахты падал на шесть бесформенных тел у ворот зоны.

Вышел младший сержант Зурабов, хмуро взглянул на окровавленную кладь, но также не сразу понял.

— В столовую надо, я пошлю Толкачева.

— Не надо в столовую, помоги лучше мне.

Они ушли, унося мертвую Клару, а меня Васьков сначала ударил кулаком в переносицу, потом два раза по шее и толк-

---

нул в чулан при дежурке. Я повалился на метлы и мгновенно уснул. Утром меня отвели в БУР.

Судить хотели сразу, но вмешалась медицина: заключенных в таком состоянии на суд не отправляют, их сначала держат в больничке, чтобы они могли самостоятельно дойти до суда.

Я уже поправлялся, когда меня навестил Трухлявый. Трифон Степаныч принес хлеб, полседетки, головку лука и курево. Его, как бывшего сослуживца, пропустили в больничку, и мы немного посидели рядышком на скамейке. О том, что судить меня будут скоро, я знал сам, а вот о товарищах своих узнал от него.

Вавилова подстрелили на гребне сопки — уж очень был заметен.

— Может, и не стреляли бы, да винтовку мою у него заметили, ну один первогодок и вдарил... По Уставу, — он полез в карман за кисетом, долго, трясущимися пальцами свертывал сигарку. — Валеру жалко...

— И его?! — к этому я не был готов. — У него же и оружия не было!

— Знамо, не было. Он сдаться хотел. Обрато шел, а тут черт Клебанова нанес. Верхом подскакал и из нагана... Да, наверное, пьяный был, пьяные, оне любят людей пострелять. Клебан-то ране, до войны, в расстрельной команде служил. Вот уж кто гад ползучий, сто чертей ему в глотку!

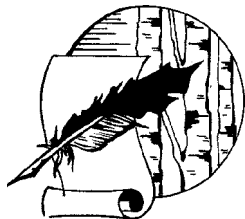
Мы долго молчали, потом старик сказал:

— А Прокопия вашего, Полищука, в снегу нашли. Мертвого. Замерз, видать. Ну, я пошел. Завтра опять приду. Ежели пустят.

Он приходил еще два раза, приносил махорку и хлеб, а накануне суда сообщил, что старшина Гребнев уволился из вохры и уехал неизвестно куда.

— Собака у него померла. Восемь лет он с ней службу мотал. Ох, умна была! Что человек. Вдвоем с ей и жил. Жениться-то не мог, ранение с войны имел нехорошее, вот и жил без бабы. А меня ведь за винтовку судить хотели. Да. А за что? Чего бы я с вами изделал, с четверыми? С охраны выгнали... И ведь ни одна падла из наших не сказала, что винтовка-то у меня — не стреляла! Эх, люди! Своего гробят и — хоть бы что. Ладно, пойду. Выпил с горя, ты прости, что тебе не поднес — не положено.

Утром за мной пришли.

Минул год, как ушел из жизни замечательный поэт, добрый друг и постоянный автор нашего журнала Владимир Топоров. С нами остаются его стихи, его светлые чувства, искренние слова.

Владимир ТОПОРОВ

ДОЖДЬ ПРОШЕЛ

РАЙОННЫЙ ГОРОДОК

Опять ты памятью сердце вызнобил,
Районный маленький городок,
Где даже загс у крылечка выставил
Ведро с водой для мытья сапог.

Где в час обеда от входа в чайную
Машина местного лихача,
Взревев,
Куда-то рванет отчаянно,
Порожним кузовом грохоча.

Где вдоль заборов кудахчут курицы,
Меж ними шествуют петухи,
Где в двух шагах от центральной улицы
Брусника спеет, обрызгав мхи.

И где бессмертны сверчки запечные
В щелях укромных любой избы,
Где выше кажутся люди встречные,
Чем возле новых домов Москвы.

Тебя покинул я в юном возрасте
И толком, может быть, не постиг.
Пускай ты мал по масштабам области,
В масштабах жизни моей
Велик.

---

* * *

Густеет ночь.
Не скоро в птичьем свисте
Очнется небо,
Силу наберет.
«Живи как все», — неспешно шепчут листья.
«Живи как бог», — мерцает небосвод.

И не могу я думать, как бывало:
Наступит счастье,
Горе б миновало.
А знаю,
Есть надежда и в беде,
Как тайный свет в полуночной воде.

И пусть душа торопится наружу,
Где звезды стынут, небо леденя,
Ни словом я беседу не нарушу
Луны над стогом
С вербой у плетня.

* * *

Над сухою рощей,
Пропыленной
Молнии, как трещины, пошли,
Словно небо,
Тучей окрыленное,
Улететь пыталось
От Земли.

Может быть, над полем и над городом
В этот миг сошло оно с ума
Оттого, что в спину дышит холодом
И глядит
Вселенная сама!

Выгибалось небо в напряжении
И опять хотело,
И опять,
Одолев земное притяжение,
Сладкий миг свободы испытать —
Смертный миг.
Но, жаждой воспаленное

Брожу в полях один, без друга,
Я на закате. И округа
Уже безжизненна. Мертва.

Ручей блестит полоской тусклой.
Как много бесприютной, русской
Во всем печали и тоски!
Подмерзшие под вечер лужи
Мне говорят о зимней стуже,
О днях морозных, что близки.

Пейзаж осенний — бедный, жалкий —
Порою оживится галкой
В пустынных, серых небесах.
Устав бродить стернёю колкой,
Присяду я под темной елкой
И в даль гляжу с тоской в глазах,

С тоской в душе... Как с ней ужиться?
На поле, ельник мгла ложится;
Вот в небе вспыхнула звезда.
Потом еще одна. И ветер
Свистит во мгле, что все на свете
Пройдет, проходит навсегда.

* * *

Башня подъемного крана
Серой громадой парит.
Всюду, куда я ни гляну, —
Хаос вселенский царит.

С ревом проносятся «КрАЗы»,
Грейдеры грозно ползут.
Два экскаватора сразу
Стены карьера грызут.

Тучи цемента и пыли
Встали до самых небес
И от очей заслонили
Дальнее поле и лес.

Сроду таких потрясений
Не было с этой землей.

Добрый ли правит тут гений,
Демон ли властвует злой?!

Стройка возносится гордо,
Пышет в лицо горячо.
Лошади добрая морда
Тычется мягко в плечо.

Лошадь следит с интересом,
Грустно взирая вокруг,
За неуклонным прогрессом —
Всё изменяющим вдруг.

* * *

Сквозной осинник жидкий
Меж двух глухих дорог.
Он весь промок до нитки
И до костей продрог.

И лишь на ветке бедной
Лист одинокий медный
Еще висит — дрожа,
Как чуткая душа.

* * *

Во мглистых зарослях оврага,
Где бьет без устали родник,
В каком-то рубище бродяга
Передо мною вдруг возник.

Глаза его сверкнули, дики,
Злой огонек в глуби тая.
И лица видел я, и лики,
Но не видал доселе я

Еще нигде лица такого,
Как полночь, темного, глухого:
Бродяга был исчадьем тьмы.
В упор, не пророня ни слова,
Смотрели друг на друга мы.

И только души растревожа,
Мы разошлись с ним в тот же миг.

И долго думалось мне:
Боже,
Не посылай нам встреч таких!

* * *

Еду дорогой извилистой,
Катит мой велосипед.
Красный над речкою тинистой
Уж разгорелся рассвет.

Птахи запели рассветные,
Стройно звучат голоса.
Звезды потухли несметные,
Шире зари полоса.

Тихо, медлительно еду я,
С нивой, с цветами беседуя
Детской душой... На рассвет
Катит мой велосипед.

* * *

Во мгле затеплилась над рощей,
Горя, восхода полоса.
И засветился кустик тощий,
На лопухах зажглась роса.

Вода реки так заблестала,
И стала даль полей светла...
В лучах зари затрепетала
Листовою алою ветла.

Оделось всё чудесным, ясным.
Ты только посмотри окрест:
Каким и ярким и прекрасным
Стал мир неярких наших мест!

* * *

Дорога так длинна!
Присел бы у обочины.
Светло взошла луна —
И озарила ночь она.

За порог шагну — до краю
Только Божья благодать!..
А за что — не понимаю.
И не надо понимать.

* * *

Зорька по полю плывет
в сонной лодочке.
Вжик! — косарь траву кладет
на пригорочке.

Виснет ключьями туман,
пьяный соками,
стелит бороду в дурман
над осокою.

Заплетаются лучи
в косу длинную.
Полыхают кумачи
над долиною.

Над рекой скрипит паром —
Богу молится.
Между худом и добром
Русь покоится.

ЕНИСЕЙ. КОНЕЦ НАВИГАЦИИ

На Елисейских — дождь осенний.
Скучает в Риме Колизей.
А сухогруз «Сергей Есенин»
Утюжит килем Енисей.

Четвертый день ни сна, ни края.
Согласно шквалу непогод,
Сибирской удалью играя,
Волна волну швыряет в борт.

«Все думал, напишу стихи я,
Иль очерк там, в печатный лист,
А тут такая, брат, стихия!» —
Мнет шевелюру журналист.

Скрипит под грузом в трюмах днище,
И вторит вахтенный старпом:
«Река—рекой, а тут — речища,
К тому же явно с огоньком».

Распределив досуг на нары,
Поклонники суровых стран,
Сидят на бакенах гагары.
(Должно быть, скоро океан).

А значит, порт, причалы, доки,
Гудки полуночных судов,
Где с каждым днем протяжней вздохи
Спешащих с севера снегов.

* * *

В мой дом вчера ввалился гость
Без приглашенья.
Вошел, как входит в глотку кость
Для удушенья.

Уселся, ровно супротив
Моей фигуры,
На стол ручищи водрузив, —
Две арматуры.

И сверла карих его глаз
Ежесекундно
Меня дробили, как алмаз,
В труху, до грунта.

Он не просил ни есть, ни пить,
Ни утешенья.
Ему хотелось просто быть
Без приглашенья.

С тех пор, как встал он на постой —
Мне нет покоя.
Кричу: «Да кто же ты такой,
Иль что такое?!

Я есть хочу, я жить хочу!» —
Все понапрасну..

«Зажги в своей душе свечу,
И я погасну».

Я сделал так, как он просил:
Перекрестился,
Свечу затеплил и без сил
Во сне забылся.

Проснулся — в доме я один,
Как вошь на блюде...
И Бог един, и хлеб един.
Входите, люди!

Наклонилась сирень в печали,
А цветной полушалок — с плеч.
И с огнем воевали щепки,
Не хотел догорать сундук.
Мы искали себе прощенья,
Топора провожая стук.
И не стали мы жить богаче,
Только память открыла суд,
А березы обиду прячут
И меня на свидание ждут.
Во дворе и темно, и пусто.
Одинокий фонарь притих
И следит за дорогой грустно
В ожиданье шагов моих.
Сколотить бы сундук дубовый
Да насыпать туда монет.
Мне купить бы свой домик снова
Да найти там забытый след.

г. Рязск Рязанской обл.

Евгений СИНАДСКИЙ

* * *

Плывут, плывут куда-то облака.
И не пылит усталая дорога.
Земная жизнь горька и коротка.
Последней песней лебедь рвется к Богу.

Последней песней сердце прогрустит.
Уронят стопы свой последний пепел.
Последний миг живет теплом молитв,
Что в этом мире мы остались в детях.

И пусть у них не задрожит рука.
И наша боль продлит их путь к порогу.
И пусть плывут над ними облака,
И легкой каплей освежат дорогу...

г. Москва

Виктор ПЕТРОВ

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ

Мертвой зыбью колеблется море.
Твои плечи обнять? Отпустить?
Забывай о нечаянной ссоре
И не рви телефонную нить.

Что случилось? Тоска накатила —
Любишь ты, а любить не вольна,
И фривольная блажь никотина
Обнимает бутылку вина.

Я в невольниках тоже, но волен
Быть с тобою не тем, кто я есть:
Рассказать, дорогая, изволь мне
Про карниза дождливую жесь...

Что касаться безумного глянца,
Если манит невнятная даль,
Лучше в целое зеркало глянься,
А разбитое выбрось — не жаль!

Зря не плачь и не думай о страшном,
Поцелуями снова осыпь.
Кто бы знал, что, смертельно уставший,
Усмирю твою мертвую зыбь.

г. Ростов-на-Дону

ВИЗА В ПУЧИНУ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

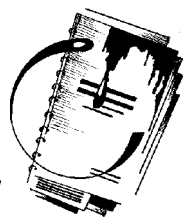
Он поднялся на самую высокую точку судна, откуда расширялся широкий обзор на панораму терминала. Серое полотнище дня наплывало из-за морского окоема, окрашивая в мрачные тона причалы и приземистые портовые сооружения. Временами над мачтой и радарам проносился холодный северный ветер, готовый смести с палубы все живое. Кутаясь в теплую куртку, Ватрас поглядывал в сторону транспортных ворот, терпеливо ожидая появления загадочных автофургонов.

Ровно в двенадцать они медленно подползли к парому, с высоты напоминая навозных жуков. Это сравнение мелькнуло в его голове не случайно — машинами заинтересовался сам Кристапович, который и в советские времена, и на посту заместителя главы таможни независимой Эстонии, слыл ярким борцом с контрабандистами. И если он обратился с просьбой понаблюдать за подозрительными визитерами — напал на след злоумышленников. Калев, не раздумывая, согласился помочь, ибо был должником этого человека. Именно Кристапович, по просьбе общих друзей, помог ему устроиться на паром «Эстония», куда попасть было не так-то легко. Парень давно собирался хоть как-то отблагодарить за протекцию, и сегодня представился случай — благодетель обратился к нему с просьбой.

Продолжение. Начало в №1-2 за 2009 г.

ДОСЬЕ "МГ"

Машины притормозили у носовых ворот. Навстречу вышел вахтенный матрос и, просмотрев документы, стал с кем-то связываться по телефону. Вскоре внизу замаячила фигура старшего офицера Юхана Херма. Поговорив с водителем, он вяло махнул рукой, дескать, въезжайте.

Утром, когда доставили на борт минеральную воду, Калев не стал развозить ее по магазинам, ресторанам и барам парома, специально оставив на автомобильной палубе. Сейчас, прихватив тележку, он вызвал лифт и спустился вниз. Едва открылась дверь, в полумраке увидел вытянутый темный силуэт микроавтобуса, из салона которого чужаки спешно выкидывали мешки. Рядом стоял офицер.

— Добрый день! — поздоровался с ним Ватрас.

— Привет, привет, — натянуто улыбнуться Херм.

— Помочь разгрузить?

— Нет. Сами управятся.

Внешне офицер казался спокойным, но в уголках губ остывала некая озадаченность.

Ватрас подошел к поддону, снял несколько упаковок с минеральной водой и уложил их на тележку. Незнакомцы тем временем забросали мешки в лифт и вместе с офицером вошли в кабину. Краем глаза Ватрас определил, что груз, судя по вспыхнувшей кнопке, поднимался на восьмую палубу. Это уже было подозрительно, ибо обычно свежее белье доставлялось двумя этажами ниже, где располагались обслуживающий персонал и администрация парома.

— Наконец-то, прибыла водичка! — облегченно вздохнула продавщица Тина Мююр, когда он завез груз в магазин. — Звонили из конференц-зала. Там проходит какое-то важное мероприятие. Понаехало господ — уйма. Я лично видела самого Аарне Валгму.

— А кто он такой? — поинтересовался Ватрас.

— Удивительно, — зашебетала продавщица, — ты работаешь на пароме и не знаешь руководителя республиканской инспекции безопасности мореплавания? Ты не дальновиден!

— Понятно, — улыбнулся Ватрас. — Тина, а ты всех знаешь?

— Ну, не всех, — замаялась она, — но многих знаю. На семинар, например, приехали управляющие портами Пярну Уку Тик, Хуго Инк из Сааремы и Андрес Пири Кива — глава порта в Хаапсале.

— Бог с ними, — отмахнулся Ватрас. — Я — рядовой грузчик и вряд ли буду контактировать с этими персонами.

— Каждый рядовой, — она закатила глаза, — мечтает быть капитаном!

— Скажи лучше, — прервал ее Калев, — куда еще воду доставить?

— Вот тебе разнарядка. Отвези воду в конференц-зал. И в кафетерий — там сейчас наш сменный капитан Аво Пихт обедает с какими-то важными персонами из Швеции, — она достала визитную карточку и прочитала. — Их величают Карл-Густав Сундиус и Дан Мирберг. Они там сидят вместе с женами.

— Что делают на нашем судне шведы?

— Они будут принимать экзамен у капитана Пихта.

— Какой экзамен, — удивился Ватрас. — у капитана есть диплом.

— Завтра Пихт будет сдавать экзамен на лоцманскую лицензию по проводке нашего парома в гавань Стокгольма через канал Сёдерарм. — Поймав удивленный взгляд собеседника, она пояснила: — Это северный вход в гавань Стокгольма!

— Откуда у тебя такая информация? — усмехнулся Ватрас.

— Я работаю в магазине беспощинной торговли, куда захаживают все. И, пожалуйста, одну упаковку отнеси на ходовую рубку.

— Ладно, — бросил Ватрас, отметив про себя, что у него появился повод оказаться на нужной палубе.

Наверху он столкнулся с судовым врачом Виктором Богдановым. Тот с озадаченным видом крутился у спасательного средства, затянутого брезентом, которое располагалось в носовой части по левому борту парома.

— Ты случайно не заметил, кто подходил к этой шлюпки? — обратился к нему доктор.

— Нет, — повел плечом Ватрас. — А в чем дело?

— Медицинский комплект, предназначенный для операции, вскрыт.

— Неужели на этой шлюпке проводят операции? — удивился Ватрас.

— А как же? — вскинул кустистые брови врач. — Когда судно тонет, из моря вылавливают пассажиров с разными травмами. Приходится оперировать. Для этого целый комплект медицинской аппаратуры в обязательном порядке устанавливается на спасательном средстве. Сейчас смотрю — какие-то свертки объемистые, коробки. И что в них спрятано? Ты будешь свидетелем, а я загляну..

— Не советую, — с тревогой в голосе заметил Ватрас. — А если там взрывчатка? Ведь предупреждали нас о посторонних предметах на борту судна.

— Ты прав, матрос, — кивнул врач. — Надо об этом сообщить начальству. Пусть принимает меры.

— Я как раз минералку везу на ходовую рубку. Если застаю вахтенного офицера — скажу. А вам советую пока отойти

от шлюпки — всякое бывает, — заметил матрос и покатил тележку вдоль борта.

У входа в рубку он толкнул дверь и... увидел странную картину: под капитанским мостиком был откинут толстый резиновый коврик и поднят люк, о существовании которого он не догадывался. Брюнет среднего роста, мускулистый, с перебитым, как у боксера, носом, просовывал в этот люк мешок. Офицер стоял спиной к входу и разговаривал по телефону.

— Господин Херм, — доложил Ватрас. — Примите заказ.

— Какой еще заказ? — растерялся тот.

— Минеральную воду, — Калев протянул накладную. —

Чиркните тут, что товар получен.

Офицер пристально вглядывался в глаза неожиданного визитера, пытаясь заранее прочесть в них реакцию, а когда прочел, сразу же облегченно произнес.

— Да, конечно, — он взял протянутую бумагу и размашисто расписался. — И это все?

— Все.

В эту секунду мешок выскользнул из рук незнакомца и с грохотом приземлился где-то под палубой.

— Осторожнее, — сморщился офицер. — Вы мне судно искалечите.

— Извините, — пролепетал водитель автофургона.

Ватрас кивнул офицеру и торопливо пошел к выходу. У дверей обернулся и проговорил:

— Забыл вам сообщить. Судовой врач Богданов просил подойти к спасательной шлюпке номер один.

— Что там стряслось?

— Врач обнаружил подозрительные предметы.

— Какие еще предметы? — напряженно спросил офицер.

— Свертки, коробки.

— Передай Богданову, чтобы ничего не трогал. Я вызову саперов.

Оказавшись на открытой палубе, Калев ощутил тревогу. Жаркой волной прокатилась внутри разноголосица догадок. И это понятно. Он стал случайным свидетелем тайника, в котором провозится контрабандный товар, не без ведома корабельного начальства. И в объемных количествах!

Врача у шлюпки он не застал. Брезент был аккуратно затянута. Ватрас опять спустился на автомобильную палубу, подошел к поддону, поднял упаковку, но положил ее обратно. Вспомнил, что следует позвонить Кристаповичу. Оставив тележку, он медленно зашагал к выходу. У аппарели увидел съезжившуюся фигуру судового врача. Тот курил, уставясь на соседний пирс.

— Я сообщил старшему офицеру Хермсу, — проходя мимо, бросил Ватрас. — Он приказал ничего не трогать до прихода сапера.

— Понятно, — выдохнул судовой врач и добавил: — Думаю, что мы сгущаем краски. Это обычный контрабандный товар.

— Береженного Бог бережет, — молвил Калев и направился в сторону пассажирского вокзала.

В баре главного терминала он заказал кофе и пил медленными глотками, анализируя ситуацию. Потом встал и решительно направился к телефонной будке, чтобы позвонить Кристоповичу.

— Молодой красивый, — услышал он хриплый голос и почувствовал на своем запястье хватку цепкой ладони. — Давай, на счастье погадаю.

— Отстань, — бросил он и ускорил шаг.

— Не торопись, красавец, от судьбы не уйдешь,

— Отстань, говорю, — процедил он и вдруг замедлил шаг, внимательно всматриваясь в блеклые с желтизной глаза. Что-то в них было таинственное и притягательное. — Так и быть, предскажи судьбу.

— Если не понравится мой сказ, то денег не возьму.

— Ладно, — смиренно произнес он. — Приступай к работе, чародейка. — Расскажи, что ждет меня в море?

Цыганка взяла в свои шершавые ладони его руку, долго всматривалась, и ее лицо, похожее на печеное яблоко, вдруг осунулось. И как-то съёжилась ее хрупкая фигура, губы слиплись в бледную нить, а взгляд помертвел. Она бережно опустила его руку.

— Ну что, цыганочка, ты увидела? — улыбнулся он.

Женщина вонзила в него пронизывающий взгляд, хотела что-то сказать, но повернулась и торопливо отошла.

— Я заплачу, чародейка, — успел крикнуть матрос, — расскажи...

Она уходила не оборачиваясь, и матрос осязал что-то неладное, и это чувство ледящей волной заполняло душу...

— Ну и черт с тобой, — в сердцах молвил он, метнулся к телефону, набрал номер Кристаповича и рассказал о тайном грузе.

— А теперь, Калев, послушай меня внимательно, — прозвучал настороженный голос Кристаповича. — О том, что узнал, — никому ни слова! Я уже жалею, что попросил тебя оказать услугу. И, повторяю, никакой самодеятельности. Забудь то, что видел.

— Я и сам понимаю, что влип в историю, — пробубнил Ватрас.

— Надеюсь, что все обойдется, — ободрил таможенник.

День выдался суматошным. Инцидент в ходовой рубке на время стерся с памяти, пока Ватрас носился по палубам, обеспечивая продуктами и товарами злачные места и магазины. И странную выходку цыганки он тоже не вспоминал. После обеда он взял тайм-аут и прилег отдохнуть. Дверь каюты неожиданно распахнулась, и в ее проеме, словно в портретной рамке, выявился судовой врач. В руках он держал бутылку коньяка.

— Можно войти, коллега? — странно улыбался он.

— Да, проходите, — торопливо поднялся Ватрас.

Некоторое время гость в упор, с нескрываемым любопытством и змеящейся в уголках бледноватых губ усмешкой, рассматривал парня. Потом показал глазами на бутылку.

— Выпьем по рюмочке?

Калев молча достал из шкафчика рюмки, разложил на столике гроздь винограда и пару бананов.

— Ты, наверное, думаешь, с какой целью я пожаловал? — тихо проговорил доктор.

— Ваш визит, признаться, для меня неожиданный, — по-мальчишески застенчиво пробубнил Ватрас.

Тот откупорил бутылку, плеснул в рюмки коньяк и, кивнув матросу, выпил. Хозяин каюты последовал его примеру.

— Дело в том... — начал Богданов, но не договорил, опять наполнил рюмку и, опустошив ее, неуверенным голосом продолжил. — Как бы тебе сказать... Словом, после нашей встречи у спасательной шлюпки я спустился к причалу покурить.

Ватрас кивнул головой

— Когда вернулся в каюту, мне позвонил старший офицер Херм и попросил подняться в ходовую рубку. Там я увидел военного с собакой. Отвел его к шлюпке, откинул брезент и...

— И что же?

— Посторонние предметы исчезли, — упавшим голосом заявил доктор.

— Как исчезли? — удивился матрос.

— Кто-то их вытащил. Ты случайно никого не видел у шлюпки? — испытующе всматриваясь в парня, произнес Богданов.

— Нет, док — уверенно произнес Ватрас и задумчиво добавил. — Значит, за нами все время внимательно следил хозяин товара. Он засек, что мы обнаружили контрабанду.

— Получилось, что я всех ввел в заблуждение. Но ведь я видел эти предметы собственными глазами, — снова и снова заводил доктор, будто бредил или раздумывал вслух. От напряжения у него даже испарина выступила на лбу.

— Я могу подтвердить, — уверенно проговорил Ватрас. — Там были объемистые свертки и несколько коробок из-под сигарет.

— Вот именно! — оживился врач.

— Значит, — резюмировал Ватрас, — хозяин контрабанды учуял неладное и перепрятал товар.

— Вот-вот, — качнул головой доктор. — Но я попал в нелепую ситуацию перед нашим начальством и пришел к тебе за помощью. Подтверди, голубчик...

Он говорил спокойно, но лицо у него было напряженное и какое-то недоверчивое, как у человека, который лишь теперь отдавал себе отчет в том, что инцидент свершился и что исправить ничего уже нельзя.

— Конечно, подтверждаю. Я ведь сам доложил старшему офицеру о посторонних предметах, — горячо заверил матрос.

— Вот и прекрасно, — улыбнулся доктор. Но улыбка тут же сползла с его лица, и он сипло произнес. — Хорошо, если просто контрабандный товар. А если взрывчатка?.. Мы с тобой, голубчик, можем быть на прицеле у опасных людей...

Доктор вдруг натужно, будто с грузом на плечах, поднялся, шагнул к иллюминатору и уставился на соседний пирс, заложив руки за спину.

— А что греха таить, — прервал затянувшуюся паузу Ватрас. — Многие члены экипажа зарабатывают себе на жизнь контрабандой!

— Время сейчас смутное — на одну зарплату прожить нельзя, — согласился доктор. — Каждый промышляет, как может. От простого матроса до командиров.

— Идет молва, — заметил Ватерс, — что наши капитаны за каждое выданное ими разрешение въезда на паром чужой машины получают кучу денег зелеными?

— Дыма без огня не бывает... Превратили судно в проходной двор, — взорвался врач, но тут же остыл и тихо добавил: — Но я их не виню.

— Почему? — удивился Ватрас.

— У капитанов нет выхода! В порту — царство мафиозных кланов, которые диктуют свои условия всем, включая капитана парома. К великому сожалению, эти условия надо соблюдать, в противном случае...

— И что же в противном случае? — повторил матрос.

— Мы живем в стране, — доктор говорил медленно, как бы подбирая нужные слова, — где сегодня не действуют никакие законы и предписания, и нет никого, кто бы мог контролировать их соблюдение. Кто бы мог защитить честных капитанов от бандитов...

Он затравленно посмотрел в иллюминатор и неожиданно заспешил:

— Ладно. Я пойду. — Переступив порог каюты, он резко обернулся. — Так что, голубчик, нам с тобой надо предельную бдительность проявить и не позволить себя выбросить за борт...

У Ватраса выработалась привычка — отход парома сопровождал на открытой палубе. Его восторгала эта минута, когда гигантское корабельное тело вздрагивало и нехотя отползало от причала, оставляя кружевную пену. Натужено взревев двигателем, рокоча и кряхтя, оно медленно разворачивалось и, наконец, нацелившись носом на заморские берега, судно увеличивало скорость, наматывая на свои винты морские мили.

Старт гигантского ковчега весом в четырнадцать тысяч тонн и с полутора тысячами человеческих душ на борту вызывал у него бурю эмоций. Но сегодня он обозревал горизонт без особого восторга, ощущая необычную грусть. Он взглянул на небо. Холодный северный ветер кружил над морем взбухшие облака, которые подплывали к берегу и изрыгались дождем. Ему вдруг захотелось позвонить своей жене, очень захотелось. Он достал мобильный телефон и набрал номер.

— Я отчалил, дорогая — посиневшими губами, ронял он слова. — До встречи, Рут.

— Мне твой голос не нравится. Случилось что-нибудь?

— Все нормально. Просто я стою на холодном ветру.

— Я тут вздремнула немножко, и мне снилась большая вода, много-много воды, сквозь которую плыл ты. Не плыл, а вроде бы скользил, струился... К чему бы это?

— Не верь снам, — спазмы в горле перебивали ему дыхание. — Я люблю тебя, Рут.

— Я тоже тебя очень люблю и с нетерпением жду твоего возвращения.

— Пока, — прошептал он и выключил телефон.

И чем дольше он оставался наедине с собой, здесь, на открытой палубе, тем острее и неотступнее преследовала его память о жене. Неосознанное ощущение сквозящей вокруг тревоги прошивало его душу невидимыми нитями. Такого чувства он ранее не испытывал, отправляясь в море.

Он поднял глаза к небу и беззвучно молил Бога, чтобы рейс прошел благополучно, а над ним чередовались разорванные куски грифельных облаков, неся сырость и дождь.

— Цыганке вела себя странно, — шептал он. — Она мне настроение испортила...

И когда тяжелая рука легла ему на плечо, Ватрас вздрогнул и резко обернулся — перед ним вырос судовой врач..

— Ты шепотом грехи замаливаешь, — улыбаясь, проговорил он. — Застыл, как статуя.

— Застынешь, как статуя, — горько усмехнулся матрос. — Когда на душе кошки скребут...

— Советую тебе выпить чашечку горячего кофе и что-нибудь покрепче.

— В моей каюте ваша недопитая бутылка...

— Мне нельзя, — вздохнул Богданов. — Я на медицинской вахте.

Он заторопился на рабочее место. Ватрас последовал совету старшего товарища и спустился на пятую палубу, где в кормовой части располагался караоке-бар.

Здесь царило веселье. Публику развлекал своими шутками популярный шведский певец и шоумен Пьер Изаксон. Пассажиры смеялись, аплодировали, слушали музыку — им было уютно и хорошо. Только Ватрасу было не до смеха. Он снова и снова прокручивал в голове неприглядные события текущего дня. А потом всплыло лицо Кристаповича, с которым он столкнулся за полчаса до отхода парома. Возможно, эта встреча вызвала в нем непонятное чувство. А, скорее всего, терзал душу загадочный инцидент с цыганкой. Казалось, она присутствовала здесь, ее песочного цвета глаза будто плавали в сигарном дыме...

Повсеместное веселье его угнетало. Он решил вернуться в каюту и отдохнуть. Проходя мимо бара, он поймал на себе чей-то напряженный взгляд. Обернувшись, пенная кружка пива застыла у губ водителя фургона. Того самого типа с перебитым носом, что корпел под капитанским мостиком. Их глаза встретились.

Ватрас торопливо зашагал к выходу. Закрывая за собой дверь, он всей спиной, лопатками, самой кожей чувствовал клубившуюся следом за ним липкую неприязнь.

Факт и комментарий

В роскошном особняке на берегу финского озера я встретился с бывшим авторитетом тогдашних мафиозных структур, которые действовали в таллинском порту. Кстати, сегодня этот бывший авторитет — благополучный бизнесмен.

— Капитаны паромов и других судов получали от вас вознаграждения? — поинтересовался я.

— Получали. Но мне хочется расшифровать понятие «от нас». Мы — это сплетение самых высоких персон в руковод-

---

стве Эстонии и бандитов. Мы не могли приказывать капитанам без санкции этих персон. Такое тогда было время. Вместе обогащались, поддерживая друг друга. Вместе участвовали в наркотрафиках, вместе усмиряли строптивых капитанов, вместе выдавали визы на контрабанду. Мы жили и творили дружной семьей, где не было разницы между уголовником и министром.

— Какие товары контрабандой переправлялись за границу?

— Детали и узлы советской космической техники, секретное военное оборудование, редкоземельные металлы, расщепляющиеся материалы, жаропрочные стальные изделия, дефицитные сплавы, оружие, алкоголь, минеральные ресурсы, драгоценные металлы — все это широким потоком паромами уходило в Швецию или в Финляндию.

— Сколько вы платили капитанам судов за перевозку контрабандного товара?

— Все зависело от важности товара и количества. Любой капитан за каждый рейс получал, как минимум, тысяч десять зелеными.

— Были случаи, когда кто-то из капитанов отказывался?

— Нет. Они прекрасно знали, что защиты в тогдашней независимой Эстонии у них не было. Они догадывались о нашем совместном бизнесе.

— А как же полиция?

— Мы не боялись преследования со стороны закона. Мы диктовали свои законы. Эстонская полиция в то время была плохо организована и слабо технически вооружена. Она не имела контактов с западными коллегами и не знала, как бороться с мафией. Поэтому Таллин стал главным контрабандным перевалочным пунктом в Прибалтике.

— Кто скрывался под кличкой «Лесник»? Именно он считался одним из «крестных отцов» портовской мафии?

— Один из руководителей правительства Эстонии.

— Мои коллеги утверждают, что это был тогдашний премьер-министр Март Лаар?

— Пресса всегда осведомлена лучше других.

— А кого в мафиозных структурах нарекли «Сашей»?

— Главнокомандующего эстонской армией, бывшего офицера Пентагона

— Генерала Эйнсельна?

— Вы не хуже меня информированы.

ТАЛЛИН. 27 СЕНТЯБРЯ 1994 г. СЕРГЕЙ ПЕТРОВ

До отправления парома «Эстония» оставалось чуть более часа, а таинственный грузовик так и не появился. Сергей не

мог прозевать эту фуру, ибо долгое время дежурил у главных ворот терминала компании «Эстлайн».

Сырое небо вязко расползалось над Таллином, набухая, словно паруса гигантской шхуны, и без устали поливая асфальт. Сергей был без зонта и промок, бегая вдоль длинной колонны грузовиков, выстроившихся перед постом пограничного контроля. Он нервничал и решил позвонить боссу.

— «Скания» с таким номером не появилась, — доложил он.

— Жди! — коротко услышал в ответ.

Сергей Петров старательно исполнял секретную миссию, о которой не догадывались даже самые близкие люди. Она, эта тайная служба, началась с памятного промозглого вечера, когда он пытался угнать «Мерседес», но был пойман на месте преступления. И судьба связала его с чином из всемогущего КГБ. Вот и сейчас Сергей выполнял очередное задание своего босса. Тот ему выдал билет на паром «Эстония», командировочные и гонорар в размере пятисот долларов.

Он беспокойно озирался, еще и еще раз прощупывая взглядом колонну грузовиков с красочными объемистыми прицепами из разных стран и континентов. Тайственная фура словно в воду канула.

Дождь лил нещадно. Подул порывистый северный ветер, и он решил погреться в зале вокзала. Автомат выдал горячий кофе. Он сделал глоток и услышал знакомый голос:

— Серж, ты на паром?

К нему направлялась Валентина, красивая скрипачка, в которую он был влюблен. Какое-то время они встречались, но потом девушка неожиданно вышла замуж за богатого шведа и укатила на чужбину. Сейчас Валентина смотрела на него неповторимыми оливковыми глазами и улыбалась.

— В Стокгольм или в Хельсинки?

— В Стокгольм, — выронил он оторопело.

— Я тоже туда. Едем вместе?

Она так грациозно покачивалась на высоких каблуках, очертания ее бедер и бюста были так соблазнительны, что он забыл о своем секретном поручении и радостно воскликнул:

— С великим удовольствием!.. Впрочем, — замялся он.

— И что же? Ты не один?

Ее глаза смотрели на него с такой многообещающей игривостью, что Сергей тут же выпалил:

— Один!

— Тогда увидимся у пограничного контроля. Мне еще билет надо взять.

— Лучше встретимся уже на судне, в зале казино. Я пограничный контроль пройду у транспортных ворот терминала, а потом загоню свою машину на паром.

— Ты на машине? Отлично! В Стокгольме довезешь меня до дома.

Она изящно помахала ему пальчиками и направилась к билетной кассе. Какое-то время он растерянно топтался, не отрывая взгляд от ее привлекательной фигурки и проклиная себя за бесконтрольность. Но вскоре сомнения его рассеялись. С Валентиной, решил Сергей, будет приятно коротать время на пароме, да и изображать влюбленную парочку. Маскировка — лучше не придумашь!

За этими размышлениями его застал звонок босса:

— Объект сейчас на заправочной станции, что напротив терминала. Попытайся в трюме припарковаться рядом.

— Попробую, — заверил Сергей и выскочил на привокзальную площадь посмотреть в сторону заправки. Оттуда выкатывалась серебристая фура. Она медленно продвигалась вдоль колонны грузовиков. Сергей разглядел номер и облегченно вздохнул — это и была та таинственная «Скания» с важной начинкой. Какой именно? Ему не сообщалось. Но ради этой иномарки он отправляется в морское путешествие из Таллина в Стокгольм. И будет сопровождать грузовик по дорогам Швеции, выясняя конечную точку пути. За столь, как ему казалось, несложную и приятную работу шеф неплохо заплатил.

Сергей, не торопясь, прошел мимо фуры. В кабине сидел шофер без сопровождающего. Опустил боковое стекло и, видимо, кого-то ждал. Сергей отошел на приличное расстояние и с нарастающим напряжением наблюдал. Что-то мелькало, текло, шумело рядом, но он не слышал, не видел ничего, кроме профиля водителя фуры.

Неожиданно у кабины появился человек с кейсом в руках и протянул водителю какие-то бумаги. Они о чем-то переговаривались. Сергей успел поймать лицо незнакомца в объективе фотоаппарата. Тот махнул рукой водителю и быстрыми шагами направился к вокзалу. Грузовик стал медленно разворачиваться. Сергей на миг растерялся. То ли двигать за мужчиной с кейсом, то ли бежать к своему автомобилю и ехать за фурой? Ладно, грузовик никуда не денется, а тип с кейсом может вывести на соучастников. Сергей помчался на вокзал.

Найти человека в плотной толпе пассажиров, которые заполнили терминал, — совершенно безнадежное дело. И, тем не менее, Сергею повезло. Человек с кейсом стоял в окружении двух незнакомцев. Накануне посадки у эскалатора, ведущего вверх к пограничному контролю, люди буквально липли друг к другу. Сергей воспользовался сутолокой и

протиснулся к трем собеседникам, пытаясь подслушать разговор. Те говорили шепотом, удалось уловить лишь фразу человека с кейсом: «Я — в 62-ой каюте». В эту секунду объявили посадку, заработал эскалатор, и пестрая толпа поплыла наверх. Сергей взглянул на часы и помчался к своей машине.

Благополучно миновав таможенный контроль, он подкатил к парому. «Скания» застряла в очереди, и Сергей отъехал в сторону, пропуская другие автомобили. В результате все получилось очень удачно — в трюме ему удалось вклиниться рядом со «Сканией». Ее водитель запер кабину и занял очередь у лифта, доставляющего пассажиров на различные этажи парома. Сергей пристроился за ним.

Водитель вышел на пятом этаже и скрылся в своей каюте. Сергей запомнил номер и поднялся в казино. В просторном зале немногочисленные посетители беседовали или читали прессу, дегустируя местные напитки. Сюда поднялись лишь те, кто разместил машину в транспортном отсеке корабля. Остальная масса людей ожидала посадки в зале терминала.

Сергей посмотрел на часы — минут через пятнадцать объявят посадку, и тогда многотысячная толпа разольется по парому, заполняя каюты, коридоры, залы, магазины и все закутки судна. На душе потеплело от мысли, что в этом людском водовороте — женщина, которую он страстно любил. Сергей прошел через зал и устроился в углу возле эстрады — здесь никто не обратит на него внимания, зато сам сможет больше видеть. Тускло светили лампы, выхватывая из темноты блеск музыкальных инструментов.

Оборотистый кельнер мигом принес чашку кофе, и, наслаждаясь живительным напитком, Сергей с нетерпением ожидал Валентину. Выпив кофе, он заказал бутылку французского вина, фрукты и попросил принести два бокала. Зазвучала музыка, и приятный тенорок запел легендарную мексиканскую песенку «Bessa Me Mucho», навевая грустные воспоминания. Когда-то он сам исполнял этот шлягер, а рядом звучала скрипка Валентины.

Перед его глазами всплыло ее лицо. Высокие дуги бровей, оливковые глаза, выступающие скулы, довольно крупный рот — и все это в обрамлении роскошных темно-каштановых волос. С такой внешностью можно при желании пробиться на большой экран или, на худой конец, позировать на рекламных съемках. Только она не из тех, кто довольствуется убогим доходом от рекламных клипов. Вот уж максималистка во всем. И замуж вышла не по любви, как утверждали коллеги, а выбрала богатого иностранца, чтобы укатить за кордон и жить в приличном капиталистическом мире. Даже

там, в Праге, он оказался в незавидном положении только потому, что женщина, которая подседа к его столику, была похожа на Валентину. Вспомнив поездку в Чехию, он поморщился и тут же тепло подумал о шефе, который тогда ловко увел его из-под носа бандитов. Да и неоднократно выручал в тяжелую минуту.

— А, черт, — встрепенулся он, — меня опять понесло не туда. Снова юбка на первый план вылезла. Концентрируйся на задании, Ромео!

Он тряхнул головой и стал прощупывать взглядом зал — водителя «Скании» тут не было. Человек с кейсом и его сообщники придут на судно вместе с толпой пассажиров.

— Открыть бутылку? — вырос рядом кельнер.

— Попозже. Я дам вам знать.

— Возможно, кофе? — назойливо предложил он.

— Чашечка кофе не помешает.

Вход в казино вдруг ожил — пестрый разноголосый людской поток ринулся в зал. Пассажиры торопливо занимали столики, выстроились в очередь у бара...

В кармане у Сергея завибрировал мобильный телефон.

— Фамилия водителя Гобиньш, — оповестил босс, — Гунарс Гобиньш. Судя по фамилии, он латыш. Если окажется у бара или за столиком ресторана — подсядь к нему. Закажи бутылочку коньяка и выпей за знакомство. Попытайся поговорить с ним как пассажир, который изнывает от тоски и нуждается в слушателе. Возможно, что-нибудь и вытянешь....

— Попробую, — заверил Сергей.

Звонок испортил настроение. А что, если тут, подумал он, маячит другой агент Кристаповича и присматривает за мной!? От этой мысли холодок пробежал по коже. Он до смерти боялся своего хозяина. Мрачные мысли тут же улетучились, когда увидел Валентину. Она стояла у входа и растерянно оглядывалась по сторонам. Рядом топтался рослый мужчина с бритой башкой. Он что-то говорил Валентине, та улыбалась и мотала головой. Сергей торопливо направился к ней.

— Меня приглашают к столу, — пожаловалась она. — Еле отвязалась.

— Откуда этот тип? — он бросил взгляд на крепыша.

— Спортсмен какой-то из Швеции.

— Я тоже приглашаю тебя на бокал французского вина, — Сергей галантно взял ее под руку. — Надеюсь, мне ты по старой дружбе не откажешь?

— Как можно отказать агенту спецслужб, — невозмутимо возразила она. Ее оливковые очи пытливо ожидали его реакцию на сказанное...

— Ты о чем это? — он пытался унять дрожь в голосе. — Какие спецслужбы?

— Серж, — в ее глазах промелькнула насмешка. — Твой шеф, кагебэшник Кристапович, расспрашивал о тебе на заре моей молодости, когда я имела неосторожность связаться с тобой.

Какое-то время он молчал, подавленный её словами. Потом тихо произнес:

— Ты с ним знакома?

Она загадочно усмехнулась и готова была сказать еще что-то, но в этот момент возник кельнер. Пока тот наполнял бокалы вином, Сергей мучительно оценивал ситуацию. И вдруг его осенило — Валентина тоже работает на КГБ. А, может быть, по заданию этой организации и укатила в чужую страну?! И даже участвует в этой операции? Вдруг ее попросили понаблюдать за ним?

— За что будем пить? — лучезарно улыбнулась она.

— За встречу, — выдавливает Сергей и растерянно смотрит в ее глаза.

Оркестр заиграл танго. Чтобы отвлечься от смутных мыслей, он пригласил ее танцевать. Он двигался в такт музыки, прижимая ее хрупкое тело, бездумно ронял какие-то случайные, ненужные фразы и мучительно искал ответ на вопрос — какая роль отведена в этой операции человеку, которого он любил?

Провожая Валентину к столику, Сергей взглянул в окно — на палубе мелькали одинокие тени курильщиков. В просвете облаков вынырнула луна, и на призрачном фоне мелькнуло знакомое лицо. Может, почудилось? Все же, скорее всего, это был человек с кейсом.

— Извини, — торопливо проговорил он, пододвигая ей кресло, — я выйду на минутку...

— Давай. Возможно, я тебя дождусь.

Пробираясь сквозь густую толпу, он размышлял над ее фразой. Сейчас ему все казалось подозрительным. И это понятно — игру ведет КГБ, значит — готовься ко всему и ничему не удивляйся.

Он вышел на палубу. Паром «Эстония» с глухим скрежетом бортов и ревом мощных дизелей таранил взбеленившиеся волны. Несколько человек, кутаясь в шарфы, курили под неистовый шум моря. Среди редких любителей острых ощущений человека с кейсом не было.

Сергей прошел вдоль длинного борта, подставляя лицо шквальному ветру, и вскоре окончательно продрог. Таинственный пассажир как сквозь палубу провалился. Навер-

---

ное, померещилось, решил он и направился в салон. В коридорах, соединяющих магазины и рестораны, теснились пассажиры, но человека с кейсом и там не было.

В казино лилась музыка, и взвихренные зеркальные круги света выхватывали из темноты силуэты, лица, сочные этикетки вин и коньяков, всевозможные коктейли и пивные кружки. Обилие спиртного — неперменный атрибут скандинавских рейсов, поэтому застолье раскручивалось со спринтерской быстротой, выбрасывая на танцевальный круг разгоревшихся спиртным пассажиров. Они, прилипнув друг к другу, ритмично перебирали ногами, громко смеялись и шумно общались. В середине танцевального круга он увидел Валентину и бритоголового спортсмена из Швеции. Их тесно прижатые тела покачивались в такт музыки. Он что-то шептал ей на ухо, она улыбалась.

Сергей вернулся к столу. Здесь, помимо вина, стояла дорогая бутылка французского коньяка, наполовину опустошенная. Валентина без меня не скучала, мрачно подумал он. Музыка умолкла. Швед подвел партнершу к столику, галантно помог ей сесть и тяжело опустился на соседний стул.

— Ты где пропадал? — мягко упрекнула она.

— Но и ваша светлость не скучала, — невозмутимо парировал он.

— Ты имеешь в виду нашего гостя? Он сам подошел к столу и показал на свободное место, — Валентина улыбнулась. — Не могла же я ему сказать, что сижу сразу на двух стульях.

Швед наполнил бокалы коньяком и что-то сказал на своем языке.

— Он предлагает выпить за мирное сосуществование, — перевела Валентина.

— Карл, — прохрипел новоиспеченный сосед и протянул широкую, как лопата, ладонь.

— Сергей, — морщась от крепкого рукопожатия, пробурчал он и почему-то добавил: — Петров.

— У меня голова пошла кругом, — хихикала Валентина. — Похоже, оттого, что я вино разбавила коньяком.

Трудно было уловить, понимает швед по-русски или нет. Но он быстро заговорил на своем языке, порой растягивая рот в пьяной улыбке.

Сергей молча дегустировал коньяк и поглядывал вокруг. Из той троицы, которая совещалась в терминале, тут никого не было. Валентина то и дело обращалась к нему на русском, но он лишь кивал головой. Вдруг бокал замер у него в руке — в проеме двери, ведущей на палубу, вроде бы мелькнуло лицо человека с кейсом. Сергей поставил бокал и, извинившись,

---

заторопился к выходу. Теперь он точно видел, что тот вышел на палубу. Сергей шагнул в промозглую темноту. Лампочки тускло освещали металлический пол, а волны забрасывали сюда хлопья пены. Он огляделся, но никого не заметил. Из просвета туч потянулся лунный свет. В конце палубы промелькнула и растворилась в темноте знакомая куртка. Сергей мягко заскользил в ту сторону, прячась за стальные выступы и спасательные лодки, затянутые брезентом. Со стороны носа корабля поплыла щуплая, почти невесомая фигура человека. Прижимаясь спиной к металлу, Сергей двинулся за незнакомцем. Страх овладел им, вызывая нервную дрожь. Шутка ли сказать, мелькнуло в голове, под грохот волн и рев дизелей выбросить за борт подозрительное лицо проще простого. Интуиция подсказывала, что человек с кейсом не случайно вышел на палубу в этакую круговерть. Ясно, тут кто-то его ожидал. Надо любой ценой подслушать их разговор. В случае чего, успокоил он себя, сыграю роль пьяного, тем более что разогретых спиртным на судне предостаточно. Скандинавские рейсы славились грандиозными пьянками.

Прячась за выступы, местами двигаясь на четвереньках, он подкрался к шлюпке и растянулся почти у самых ног, изображая уснувшего выпивоху. Порывы ветра заглушали разговор, но кое-что он слышал. Обрывки фраз насторожили его.

— Нам удалось заложить подарочки в укромных местах.

— Где?

— На автомобильной палубе. В дизельном отсеке.

— А если кто-нибудь наткнется?

— Всякое может быть, — усомнился голос, но тут же с уверенностью добавил: — Думаю, что надежно.

— Кто-то из команды мог засечь вас?

— Вряд ли. Впрочем...

— Пойдем, я тебе покажу катер. В случае чего — спускаем его на воду и уходим.

— А если помешает кто-то из обслуживающего персонала корабля?

— Убрать любого, кто станет на нашем пути.

— Ясно, — прошелестел голос.

Сквозь плотные облака вновь прорвался лунный свет. Сергей увидел, как две тени заскользили вдоль борта и остановились у висящей над палубой лодки.

Когда тени исчезли, он оторвал продрогшее тело от холодного металла и с трудом поднялся на ноги. В эту секунду волна со злобным шипением шлепнулась о борт, окатив его с ног до головы ледяной пеной. Он выругался, дрожащими пальцами достал телефон и стал набирать знакомый номер.

— Шеф, — прохрипел он, — тут готовится какая-то операция под руководством того самого человека, который обитает в каюте номер шестьдесят два.

— В этой каюте, — сообщил Кристапович, — зарегистрирован Александр Ворон. Я знаю человека, проживающего в Таллине под такой фамилией, он занимается торговлей оружием. Судя по твоему описанию, это и есть тот самый Ворон.

Сергей изложил суть услышанного разговора.

— Взрывчатка на пароме? — переспросил удивленным голосом шеф. — Это уже интересно. Не спускай глаз с Ворона. Будь осторожен — это очень опасный человек.

— Я хочу заметить, — с дрожью в голосе проговорил Сергей, — что паром заминирован. А это уже не шутки. Тут смертью пахнет.

— Не паникуй, приятель, — попытался успокоить своего агента хозяин. — До взрыва дело не дойдет. Глупо отправлять на дно дорогостоящий груз... Да и пассажиров около тысячи. На это никто не пойдет. Поверь мне, взрывчатку установили для отвода глаз...

— Дай бог, чтобы ваши слова оправдались, — выдохнул Сергей.

— Успокойся и выполняй задание. До связи.

Сергей то неотрывно смотрел в сторону загадочной лодки, то на дверь, где скрылся человек с кейсом. Лунный свет зашторили грифельные облака. Он смотрел на этот гнетущий пейзаж в каком-то оцепенении. Телефон пикал в его руке, а он, будто стянутый невидимой нитью, ни на что не реагировал, лишь краем глаз зацепившись за лодку. Интуитивно он понимал, что лодка предназначена для чего-то важного. Возможно, там что-то спрятано.

— Пропади все пропадом, — прошептал он. — Такова моя планида. Надо осмотреть ее.

Оглядываясь по сторонам, он медленно двинулся в сторону лодки. Запустил руку за брезент и... мощный удар отправил его в темноту.

ТАЛЛИН. 27 СЕНТЯБРЯ. ИГОРЬ КРИСТАПОВИЧ

До отправления парома «Эстония» оставалось четверть часа. Он вошел в пассажирский зал терминала и поднялся наверх. В обрамлении темной воды, пасмурного неба и портовой вязи металла, стекла и бетона, расплостерлось перед ним гигантское судно. Оно вздыхало и чавкало, изрыгая из цистерн воздух, выплевывало из бортовых отверстий струйки воды, взрывалось ревом двигателей тяжелых фур у носо-

---

вых ворот, жалобно скрипело трапом, по которому из зоны контроля терминала на палубу устремился многочисленный людской поток.

Игорь завороженно смотрел на исполинский ковчег, облитый ярким свечением прожекторов и ламп, с колдовским переплетением кают, лифтов, лестниц, магазинов, казино, ресторанов, караоке-баров, конференц-залов, бассейнов и саун — все это обещало пассажирам уют, покой и веселье.

— Добрый вечер, — услышал он голос и обернулся. Перед ним топтался Калев Ватрас.

— Почему не на судне? — удивился Игорь.

— Рейс задерживается, — пояснил тот.

— А в чем дело?

— Какие-то проблемы! — нервно отрезал моряк.

— Отчего такой хмурый?

Тот некоторое время таращился на него тусклыми глазами, грузно переминаясь с ноги на ногу и, наконец, выдал из себя с заметным усилием.

— Хрен его знает. Весь экипаж сегодня какой-то раздраженный. Может, из-за тех таинственных мешков? — Он пытливо посмотрел на собеседника, хотел еще что-то сказать, но лишь махнул рукой и двинулся к пограничной зоне. В медленно удаляющихся шагах его чувствовалась грузная тяжесть. Игорь смотрел парню вслед, и в душе его пока еще едва ощутимо вызревало зябкое предчувствие неотвратимости беды. Вдруг вспомнился кошмарный сон — утопленники, всплывающие из морской пучины, душераздирающий крик чаек, окровавленные глазницы... Прерывистыми кадрами вспыхивали в его памяти фантомы и видения, сливаясь, в одно целое, в котором полностью замыкался магический шлейф вокруг парома. Чертов сон, прошептал он, все чаще и чаще преследует меня. Неспроста это, неспроста!

Мрачные мысли внезапно улетучились, когда в желтом свете палубы мелькнул в стремительной спешке знакомый женский силуэт. Всматриваясь в текущие очертания стройной фигуры, он мог бы поклясться, что это была Валентина.

Игорь беспокойно посматривал на часы — выход парома задерживался. Он опять подумал о Валентине. Будто к нему пробился отдаленный звук ее скрипки. Он никак не мог отделаться от вязкого недоумения: откуда он — этот звук в кишасщем людью судне?!. Тонкий, протяжный звук заполнял его нутро, вызывая в памяти зыбкое чередование картин и видений минувшего. Словно огромную мозаику — из фак-

---

тов и догадок, снов и химер — складывал он мысленный образ, тут, перед судном, которое вот-вот уйдет и растворится в мрачном горизонте.

И как бы в подтверждении этой мысли, снаружи раздался резкий гудок — многоярусная громадина, пульсирующая теплым биением животворящей плоти, встрепенулась и двинулась навстречу белесой пене моря.

Игорь посмотрел на часы — стрелки показывали 19.27. Перевел взгляд на горизонт — что-то грозное и трагическое ощущалось в этих озлобленных волнах, грифельных тучах и порывах холодного северного ветра.

Паром «Эстония» устремился в ночь навстречу неизбежности.

У центрального входа вокзала он столкнулся с таможенником Хуго Кохвом. Увидев бывшего шефа, тот, с растянутой улыбкой, пробасил:

— Какие люди! — и торопливо добавил. — Я все помню. Долг верну на следующей неделе.

— Надеюсь, — бросил Игорь. — Ты с дежурства?

— Меня сегодня срочно подменили, поэтому могу позволить себе расслабиться. Подобные подмены происходят тогда, когда начальство претворяет в жизнь свои задумки. А за каждую задумку кто-то платит. Вот сегодня опять же странные вещи произошли...

Игорь напрягся, видимо, тем самым выдал свое любопытство. Этот таможенник, хотя и любил залить за воротник, но был проницательным человеком. Кристопович знал, что тот, учуяв любопытство собеседника, без вознаграждения никакой информации не выдаст.

— Сколько слухов вертится сегодня вокруг «Эстонии», — многозначительно продолжал Кохв, — ты даже себе представить не можешь. Там творится нечто загадочное...

— А что там загадочного? — небрежно спросил Игорь.

— Не знаю... Не знаю, — неопределенно проговорил таможенник. — Может, двинем куда-нибудь и встряхнемся? Тут по соседству есть уютный ресторанчик... Я кое-что любопытное расскажу. Ты знаешь, кто сегодня вертелся у этой посуды? Никогда не догадаешься! Я рюмочку коньячка тяпну и ошарашу тебя новостью!

— Ладно, — как бы нехотя молвил Игорь.

Для него было очень важно услышать, что имел в виду таможенник под фразой «ошарашу тебя новостью». Возможно, по пьяне он расшифрует слухи, которые витают вокруг парома «Эстония».

— Может, дунем прямо в отель «Виру»? — воодушевился Кохв. — Там ночная программа самая классная в Таллине.

— И тебе там хочется светиться? — Игорь внимательно посмотрел на коллегу.

— Ты прав. Не стоит завистникам глаза мозолить. Веди в другой вертеп.

Во внутреннем кармане пиджака Игоря завибрировал телефон. Он отошел в сторону и включил аппарат.

— Я просмотрел все номера кают по палубам с цифрой «шестьдесят два» в конце, — сообщил работник терминала, — там разместились следующие пассажиры...

— Подожди, — попросил Игорь, — я запишу фамилии.

Закончив разговор, он тут же с кем-то созвонился и попросил информацию о перечисленных пассажирах. Потом вернулся к таможеннику:

— А теперь пойдем в вертеп.

До недавнего времени это заведение представляло собой обыкновенную столовую в системе советского «общепита», где подавались супы, макароны по-флотски и кофе из-под тента. Здесь были самые дешевые обеды, и публика в основном состояла из студентов и рабочих. С возникновением новой формации в Эстонии эту точку вообще закрыли. Но вот сексуальная революция докатилась и до бывшей рабочей столовки. Сейчас это злачное место превратилось в ночное казино, где богема с удовольствием созерцала разгул эротических страстей. Оснащение здесь было беднее, чем в знаменитом «Виру», и вместо дорогостоящего оркестра дребезжал магнитофон, с помощью усилителей наполняя зал почти невыносимой поп-истерией. Децибелов тут было предостаточно, а освещения явно не хватало.

Они довольно долго блуждали в красном полумраке, пока нашли свободный столик.

— В приличном заведении, — ворчал таможенник, — к месту ведет метрдотель. Здесь — самообслуживание. Теперь час прождем, пока нас заметит официант.

Тот появился быстро и любезно разложил перед гостями талмуды в кожаном переплете:

— Я за рулем, — заметил Игорь, — поэтому от спиртного отказываюсь.

— Слава Богу, что у меня нет машины, — улыбнулся Кохв. — Я, пожалуй, закажу коньяк.

Он достал сигарету и сунул в рот.

— Ты же бросил курить! — удивился Игорь.

— А я и не курю. Я просто держу во рту и, если надо, жую, но не курю.

Официант, увидев в губах клиента незажженную сигарету, любезно преподнес зажигалку, но гость внезапно шарахнулся в сторону, словно пламя обожгло лицо, и хрипло бросил:

— Не надо! Я не курю!

— Извините, — стушевался официант, — но, вероятно, прежде курили?

— Курил. Но лечащий меня эскулап выдвинул вердикт: будешь столько курить — уйдешь к праотцам! В груди моей, видите ли, не все в порядке. Пришлось воспринять его диагноз всерьез.

Назойливый телефонный зуммер заставил Игоря подняться и отойти в сторону.

— Из всех пассажиров, разместившихся в каютах с конечными цифрами «62», — послышалось в аппарате, — стоит обратить внимание на фамилию Воронин, Сергей Воронин, — сообщил голос. — Он поселился в каюте 6362...

— Не тот ли Воронин, — задумчиво проговорил Игорь, — который в списках спецслужб числится торговцем оружием?

— Скорее всего, это он, — подтвердил голос. — Соберу информацию о нем и пришлю тебе.

— Спасибо, — поблагодарил Игорь.

Значит, размышлял он, генералы работают через Воронина. Последний лично контролирует груз.

Когда Игорь вернулся к столу, таможенник многозначительно взглянул на него и проговорил:

— Знаешь, почему задержалась «Эстония»? Я находился на противоположном пирсе гавани. Оттуда хорошо было видно, как в последнюю минуту к парому примчалась фура. Это было в семь часов десять минут. Получается, что из-за нее задержался паром. Он обычно никогда не опаздывал с выходом в море. И самое главное — запоздавшую фуру сопровождал военный эскорт!

Игорь удивленно посмотрел на коллегу. Он знал, что какая-то важная персона торопилась на паром в сопровождении охраны, из-за которого перекрыли все проезды к терминалу компании «Эстлайн».

— Коллеги думали, — продолжал Кохв, — что в порт едет президент какой-нибудь страны. Оказалось, что это всего лишь грузовик в сопровождении армейского эскорта. Представляешь, чем был загружен этот транспорт, если военные его сопровождали?

— Догадываюсь, — протянул Игорь.

— Вот и я говорю, — оживился таможенник, — наверняка, он дорогостоящим товаром напичкан. Я полюбопытствовал у коллеги — заглянул ли он в сопроводительные документы

грузовика? Тот по секрету сообщил мне, что в карго-листе о грузе ничего не сообщалось. В общем, эту машину пропустили по особому распоряжению правительственных персон. И еще, сообщу тебе о том, что у главных ворот терминала видели служебный автомобиль самого министра обороны, как его, забыв фамилию...

— Александра Эйнсельна?

— Точно. Этот министр, как шепнул один мой знакомый, не спускал глаз с этой фуры.

Таможенник вдруг замолк и оживленно кивнул на эстраду, где появилась пышнотелая женщина. Зазвучала восточная мелодия, и она стала исполнять танец живота.

— Это, конечно, не «Казино де Пари», — оценивал Кохв, — но смотреть можно.

— Ты бывал в парижском казино? — удивился Игорь.

— Да. Я как-то услужил одному бизнесмену, а он, в знак благодарности, прокатил меня по Франции. А его местный партнер решил выпендриться передо мной и пригласил в «Казино де Пари». Там такие красотки порхали!..

— И тут девочка ничего, — Игорь кивнул на освещенный квадрат.

— Это не девочка, а потрепанная дама. И привезли ее не из Египта или Персии, а Узбекистана. Чересчур жирная...

Было около девяти вечера, когда вновь зазудел телефон. Игорь посмотрел на номер, поднялся и направился к выходу. Сергей Петров сообщал о том, что паром, скорее всего, заминирован. Игорь застыл как вкопанный. Он ожидал чего угодно, только не этой информации. Кое-как успокоив запаниковавшего агента, он в мрачном настроении вернулся к столу.

— Смотри, как грациозно она стаскивает с себя свои эфирные покровы и выставляет напоказ все, чем одарила ее природа. Блеск! — восхищался сосед. — Как лихо эта дамочка вертит бедрами, а груди трясутся, словно желе.

Игорю не терпелось задать ему кое-какие вопросы, но тот азартно вдыхал эротическую насыщенность номера, и спрашивать в этот момент что-то было бессмысленным.

Игорю было не до развлечений. Он мысленно пережевывал информацию агента, взвешивая каждое слово и пытаясь найти ответ: кто решил взорвать судно? Скорее всего, это сделали генералы на случай провала операции.

— Что ты там шепчешь? — Кохв на миг оторвал взгляд от эстрады. — Отбрось все проблемы! Наслаждайся женским телом! Смотри, что творит эта фея?

— Вижу, Хуго, вижу, — тяжело вздохнул Игорь и добавил: — Ты говорил, что вокруг «Эстонии» таинства происходят?

— Да. Из министерства обороны поступают странные команды. Словно это ведомство ведет свою игру и пытается это скрыть от общественности. И все связано с паромом. Словом, сегодня еще один грузовик прошел без таможенного осмотра. За ним следовал легковой автомобиль, в котором сидели крепкие парни в спортивной форме, какая бывает в американской армии. И общались они на английском...

— Твоя служба заглянула в эту фуру?

— Нет. Опять-таки был приказ из военного ведомства — пропустить без досмотра.

Сколько же грузовиков с контрабандным грузом, озадаченно размышлял Игорь, сегодня въехало в этот паром?

Его размышления прервал собеседник, азартно воскликнув:

— Что еще стащит с себя эта женщина?!

Игорь повел плечами, не замечая сексуального бума на искрящемся пятачке. Показав публике все, что можно было, и не оставив на себе ничего, кроме пары туфель, толстуха исчезла за занавесом, повиляв на прощанье увесистым задом. Под торжественный грохот ударных инструментов на эстраде появляется ее антипод — длиннущая и ослепительно белая представительница северной расы, одетая в шелка и меха...

— Этой, — таможенник кивнул на эстраду, — потребуется уйму времени, пока она окончательно все скинет с себя... Кстати, ходят слухи, что еще днем паром посетили посторонние люди. Что они там делали? Одному Богу известно.

— Вахтенный проморгал посторонних лиц?

— Это исключено. Думаю, что поступила команда капитана — пропустить!.. Мне сообщил кое-кто из экипажа, — бубнил таможенник, не отрывая взгляд от белотелой самки, которая уже была на подступах к кружевному белью, — что видели чужаков в машинном отделении. Что они там делали?.. Вопросы, дорогой, вопросы, на которые пока ответов нет.

Он вдруг отвел взгляд от сцены, хотя именно в этот момент северная красавица, усевшись на стул в бесстыдной позе, начала стаскивать чулки и делала это с такой медлительностью, как будто рассказывает бесконечно длинный и скучный анекдот и, одним глотком опустошив бокал, хрипло произнес:

— Все это подозрительно, дорогой Игорь! Кто-то хочет перевезти секретный груз на гражданском пароме, и правительство дает ему «добро»? А если это ракеты или наркотики перевозят из Таллинна в Стокгольм под благословением нашего парламента!?

— Согласен, — глухо произносит Игорь и погружается в свои мысли.

А тем временем женщина на эстраде царственным жестом отбрасывает в сторону бюстгальтер и приближается к апогею своего номера — ей осталось освободиться от трусов. И, поскольку таможенник даже в этот кульминационный момент не поднимает взгляд на эстраду, Игорь понимает, насколько озадачен бывший коллега.

— Думаешь, приличная партия наркотиков?

— Нет, — качает тот головой таможенник. — Наркотики — дело для нашего терминала привычное. Ты сам работал в конторе и не меньше меня знаешь, что паромы — отличный вид перевозок контрабандного товара. Думается мне, что на пароме сегодня переправляют на Запад важный военный груз, и правительство об этом не только знает, но и крышует!

— Есть в твоих словах доля истины, — медленно произнес Игорь.

— То-то и оно! — криво улыбнулся Кохв и решительно потянулся к бутылке.

Уже исчезла со сцены высокая блондинка, чтобы предоставить место мулатке с умопомрачительными формами в легком ситцевом платье. Она со спринтерской скоростью стащила с себя почти все, что на ней было, но, как оказалось, это лишь скромное вступление, а главная часть ее действия — какой-то бесконечный танец под бешеный визг магнитофона.

Бывший коллега окончательно размяк, и, прищурив глаза, покачивался на стуле. Вот-вот он мог оказаться на полу. Игорь подозвал официанта.

— Пригляните за моим другом, — попросил он. — Я подгоню машину.

— Будет сделано, — закивал официант. — Я не спущу с него глаз.

Когда Игорь с помощью официанта дотащил своего коллегу до автомобиля, раздался звонок мобильного телефона.

Факт и комментарий

Где-то там, за стеной башенных кранов и корабельных радаров лондонского порта, перекачивались гудки приближающихся судов. Мой собеседник, водолаз английской фирмы Rockwater, прислушивался к звуковым переключкам, а на мои вопросы отвечал нехотя, как бы стараясь не вспоминать трагические страницы, связанные с гибелью парома «Эстония».

— Вам не кажется странным, — заметил я, — что именно ваша фирма выиграла тендер, хотя у конкурентов — и цена была ниже, и техника круче?

— Думаю, здесь сыграли роль две причины, — задумчиво говорит он. — Во-первых, у нас работали только английские и американские специалисты, которые гарантировали секретность результатов исследования. Во-вторых, мы знали о том, что наша фирма имеет прямое отношение к американскому концерну Halliburton, который частично принадлежит самому вице-президенту США Дику Чейни. Тут переплетаются деловые и военные интересы, что и предопределило выбор.

— Я внимательно изучил подводные записи ваших видеокамер. Вы, уже будучи на затопленном пароме, неожиданно получили команду вскрыть каюты на четвертой палубе, и во что бы то ни стало найти таинственный чемодан?

— Была такая команда. Действительно, поиск этого чемодана в план водолазной операции не входил. Нам пришлось вскрыть двери нескольких кают, прежде чем мы обнаружили находку.

— Вы не помните каюту, в которой находился этот багаж?

— Помню. В каюте номер 6130.

— Просматривая записи, я услышал раздраженный голос кого-то из ваших коллег, который возмущенно проговорил, дескать, стоило ли из-за какого-то чемодана тратить столько энергии и времени?

— Я и мои коллеги были удивлены подобным экспромтам наших руководителей.

— Кстати, — продолжал я, — из отчетов операции, проделанных вами, исчезло упоминание о таинственном чемодане и его содержимом.

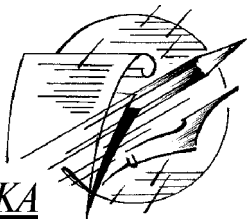
— Этого я не знал.

— А фамилию пассажира этой каюты вы знали?

— Нет.

КТО СТОИТ ЗА ОБАМОЙ

Вскоре после избрания Барака Обамы президентом США министр внутренних дел Германии Шойбле заявил в интервью журналу «Штерн», что он вполне может представить канцлером Германии турка, родившегося в третьем поколении в Германии, «это всего лишь вопрос времени». Что стоит за таким высказыванием? Желание ХДС набрать на предстоящих выборах побольше голосов среди мигрантов? Но тут их явно опередила партия «Зеленых». Еще в 1994 году от этой партии в бундестаг был избран первый депутат-турок. Им стал Джем Оздемир. С 2004 года он представляет «Зеленых» в Европарламенте и курирует там Среднюю Азию и Кавказ, лоббируя при этом почему-то интересы не Германии или на худой конец Европы, а Турции. И вот в середине ноября 2008 года Джем Оздемир стал председателем партии «Союз 90. Зеленые». Итак, впервые в истории Германии председателем политической партии стал турок. Столь стремительная карьера Оздемира объясняется, однако, не особыми талантами, а мощной поддержкой влиятельных международных организаций. Так, например, по сообщению информационного агентства «Telepolis», в 2003 году Оздемир стал стипендиатом содержащего-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ся на деньги немецких налогоплательщиков «Немецкого фонда Маршала», направившего его в Вашингтон, где он получил «последний лоск профессионального политика и представителя американских интересов в Европе». Он принадлежит к созданной в Германии в 1952 году Эриком Варбургом, отпрыском еврейской банкирской династии, влиятельной организации «Атлантический мост», а также является одним из учредителей Европейского отделения «Совета по внешнеполитическим связям», организации, которая с 1921 года является кузницей кадров американского правительства. Джем Оздемир входит также и в правление берлинского отделения Американского еврейского конгресса. Не все аналитики считают такие тонкости заслуживающими внимания и упоминания. Леволиберальная печать готова рукоплескать любому доказательству удачной интеграции мигрантов и появлению все новых политиков-иностранцев.

Однако хотелось бы вернуться к Шойбле и его интервью. В своих подбострастных высказываниях о новом американском президенте Обаме он договаривается до того, что упрекает Медведева за массивную атаку на США непосредственно после выборов. Реакция России «просто неумна, даже иранский президент отреагировал умнее». Избрание Обамы — это «шанс», оно «в наших интересах» — заявляет Шойбле. Обама поможет «вновь обрести доверие к США». А речь Обамы о расовых проблемах его даже «глубоко взволновала». Впрочем, за Шойбле числятся выступления и поскандальней. Именно он держал хвалебную речь в ноябре прошлого года в честь Мустафы Черича, муфтия Боснии и Герцеговины, на присуждении ему в Мюнхене премии Бизера. Чествование Черича, который возомнил себя великим муфтием всей Европы и является пламенным сторонником шариата в Европе, — характерная деталь в деятельности немецких политиков. На этом фоне освежающе действуют отдельные здравомыслящие публикации в немецкой прессе. Одну из таких статей я и хотела бы предложить читателям ниже.

«Один из нас»

Когда американских солдат перебрасывают с одного театра военных действий на другой, они употребляют крылатое выражение: «Same shit, different smell» — «то же г..., только по-другому пахнет». Итак, Барак Обама — 44-й президент США. Ален де Бенуа по праву утверждает, что за нового пре-

---

зидента в Белом доме, вероятно, отдали бы свои голоса 80% имеющих право голоса, если бы на выборах 2 ноября голосовали не только американцы, но и граждане всего мира. Хотелось бы понять, почему?

Для наблюдаемой и у нас в стране Обама-мании есть много причин, и некоторые из них чрезвычайно веские: желание более спокойного политического курса, «коллегиального» стиля управления «третьими странами». Как раз все это воплощает в себе Обама — предполагаемая «демократическая» альтернатива сторонникам жесткой линии Маккейну и Бушу.

Мечты и мыльные пузыри

Рефлекс сидит глубоко, особенно в размягченной левым либерализмом Федеративной Республике: после «злого» Буша Обама поможет вновь упрочить положение в мире «доброй» Америки, этому постоянно обожествляемому образцу. Америки, которая подарила миру Элвиса Пресли, рок-музыку и Вудсток (фестиваль музыки и искусства в Вудстоке. — А.К.), Кеннеди и Мартина Лютера Kinga — короче, той Америки, о которой немецкое массовое сознание всегда охотно галлюцинировало. Той Америки, которой в действительности никогда не было, а если и была, то в качестве легко усваиваемой показухи для безмозглых вассалов и трансатлантических жертв перевоспитания. Если в Америке когда-либо действительно заявляло о себе «добро», оно тут же уничтожалось, как Линкольн, который желал примирения с Югом, и как Джон Кеннеди. Настоящая Америка не является доброй, готовой к диалогу, миролюбивой, она не либеральна.

Большинство не хочет учиться на своих ошибках. С каким ликованием после Джорджа Буша-старшего СМИ приветствовали демократа — предполагаемого «либерала» Клинтона. Тот тут же устроил в Афганистане и Судане ковровые бомбардировки «учебных лагерей» исламских террористов, попав при этом в фармацевтическую фабрику и палаточный лагерь. А спустя год, в 1999-м, его администрация, нарушив всякое международное право, напала на Югославию. При Клинтоне НАТО мутировало из оборонительного союза в нападающий. Около 500 000 детей умерло в Ираке вследствие американского эмбарго. На вопрос журналиста, не велика ли цена, клинтоновский министр иностранных дел Олбрайт дала незабываемый ответ: «Это было очень тяжелым решением, но цена, мы считаем, стоила того».

Правда, абсолютно забываемым Клинтон стал благодаря афере с практиканткой Моникой Левински. По всей видимости, она была подослана израильской разведкой Моссад, чтобы заманить Клинтона в «сладкие сети» и подвергнуть шантажу. Как бы то ни было, Израиль избавился от обременительных мирных инициатив Клинтона по Ближнему Востоку, и израильские газеты с ликованием называли Моника Левински «новой Эстер», откровенно сопоставляя ее с той, которая некогда благодаря своим отношениям с персидским царем избавила евреев от многих неприятностей. Ее прием в качестве практикантки в Белый дом инициировал в 1995 г. один из многочисленных «агентов влияния» в администрации США, небезызвестный Рам Эмануэль.

Какое отношение к Бараку Обаме имеет это пикантное отступление, которое привело Клинтона в 1998 г. к процедуре импичмента? Самое простое: через день после выборов Обамы в президенты новым шефом администрации Белого дома стал тот самый Рам Эмануэль, которого инсайдеры считают одним из самых злейших «ястребов» в американском политическом истеблишменте. Это было первым кадровым назначением будущего президента. И это как раз та деталь, которая все спекуляции о смене курса будущего правительства США с первой минуты делает несостоятельными.

Тайн больше нет

Эмануэль, сын члена сионистской террористической организации «Иргун», отправился в Израиль в 1991 году, чтобы оттуда участвовать в первой войне США против Ирака. Через два года он стал главным советником Клинтона, и, следовательно, главным закулисным руководителем как длившегося восемь лет эмбарго против Ирака, так и нападения на Югославию. Президенты приходят и уходят, их советники остаются. Более банального объяснения одиозной последовательности американской политики не найти.

Соответствующие кукловоды даже не пытаются более скрывать это. Если раньше их приходилось вычислять путем глубокого анализа, то теперь они буквально сами выпячиваются. То есть я хочу сказать: лобби больше нечего опасаться. Оно уверенно сидит в седле, ничем и никем более не уязвимое. Весь мир может знать, кто заказывает музыку.

«Spigel online» спокойно сообщало о Дэвиде Аксельроде, который «сделал» Обаму, и об «американском альянсе евреев и чернокожих».

Другие еще разговорчивей. Интернет-версия израильской ежедневной газеты «Ha'aretz» перечислила в статье от 19.10.08 тех «36 евреев, которые определяли выборы в США в 2008 году» — за две недели до объявления результатов. Список читается как «who is who» в американских СМИ и политике, он охватывает от «National Jewish Democratic Council» (Совета демократических политиков еврейского происхождения. — А.К.), включая ведущих медиа-магнатов и спонсоров, до отдельных известных личностей, таких, как Эд Кох, Барбара Стрейзанд и бывшего клинтоновского министра финансов Роберта Рубина. Для поддержки чернокожего кандидата была даже специально создана организация раввинов «Раввины за Обаму».

Если верить легенде, местная еврейская община открыла Обаму в Чикаго еще в 90-х годах. И Обама, как сообщается, был достаточно умен, чтобы найти с ней общий язык, посещал синагогу и демонстративно перебежал на другую сторону улицы, чтобы пожать раввину руку. Один из его прежних друзей, раввин Арнольд Якоб Вольф сообщил на днях, что «он всегда принадлежал еврейскому миру». И далее восторженно добавил: «Обама в некотором смысле один из нас. Его сверхсовершенство — еврейское, его интеллектуализм — еврейский, даже его обаяние — еврейское. Возможно я ощущаю это острее, чем другие, но я чувствую: он один из нас».

«Революционная коалиция»

Следовательно, не следует удивляться первым — и важнейшим — кадровым назначениям в Белом доме. Вслед за Рамом Эмануэлем (решительным сторонником войны в Ираке), Тимоти Гейтнером (министром финансов), Лоуренсом Саммерсом (главным экономическим советником президента) и Хиллари Клинтон (министром иностранных дел) последовали другие «стратегические» назначения. Супруга бывшего президента, урожденная Родэм, еще во время избирательной кампании угрожала «стереть с лица земли» Иран. В этом она единодушна с Робертом Гейтсом, который сохранил свой пост министра обороны и в новом правительстве и который наряду с Гейтнером среди перечисленных единственный не может предьявить еврейские корни. Этот дефицит Гейтс возмещает грубой и взрывоопасной стратегией. Он является усердным защитником планируемого

американского ракетного щита в Восточной Европе и требует размещения атомных ракет на побережье Балтийского моря в Померании.

Утверждение о том, что израильское лобби в лице президента Обамы тверже, чем когда-либо, и держит в руках Белый дом, опровергнуть нелегко. «Обама — первый еврейский президент», — цитирует «Chicago Jewish News» судья штата и бывшего члена конгресса от Чикаго Абнера Микву. На этом фоне новый президент, у которого отец кениец, выглядит как особенно удачный ход, потому что демонстрирует, что старая американская сказка о посудомойке еще существует. Истина заключается в том, что те, кто «сделал Обаму», смогли бы внедрить в Белый дом и любого другого потенциального кандидата, независимо от цвета его кожи и происхождения. Но все-таки им стал Обама, человек, у которого отец кениец и белая мать. Он воплощает ту «мечту», которую однажды мировой общественности с энтузиазмом озвучил чернокожий правозащитник Мартин Лютер Кинг — мечту о *смеющемся третьем* (выигрывающем от спора двух других. —А.К.). В журнале «Spiegel» о «главном стратеге» Обамы Аксельроде читаем: «Это было время, когда чернокожие и евреи создали революционную коалицию против истеблишмента. Ровно половина представителей движения правозащитников была еврейской. И если на Юге в числе демонстрантов, которые протестовали против расовой дискриминации, были замешены белые, то каждый второй из них был из еврейской семьи».

Все должны действовать сообща

Те, кто «сделал» Обаму, преподнесут его остальному миру, как мультикультурного мессию, к которому устремятся сердца разложившегося, легко манипулируемого западного общества — хотя бы уже потому, что заказчики музыки повсюду одни и те же. Насколько распространено их влияние, настолько следует рассчитывать на еще более жесткое подчинение «международного сообщества» на благо Израиля. Распространившиеся по всему миру антидиффамационные комитеты и союзы за «толерантность», против «расизма и межнациональной розни» обернутся настоящими верховными комиссариатами, терроризирующими общественное мнение. Они с еще большим напором поведут борьбу против любой оппозиции внутри стран, потому что все должны стать такими же, как Америка: пестрыми, этнически перемешанными синтетическими обществами без идентичности и без воли к сопротивлению, кем угодно управляемыми и манипулируе-

---

мыми. Сегодня Обама — завтра бундесканцлер турецкого происхождения, которого с легкостью смог себе представить сразу после выборов в США министр внутренних дел Германии Шойбле.

Новый президент достаточно скоро потребует от союзников, чтобы они напрягли свои усилия в борьбе против «террора» и других препятствий на пути к мировому порядку. «Главная задача — интеграция», — говорит Ричард Хаас, нынешний председатель «Совета по внешнеполитическим связям», одной из влиятельнейших закулисных организаций. «Мы должны привлечь другие великие державы к совместному управлению миром». Совет, который Обама без сомнения примет к сердцу.

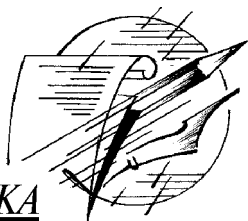
К счастью, старозаветное предание повествует не только бесконечные истории об избранном народе, но и поучительную легенду о строительстве Вавилонской башни. Люди, которые до этого говорили на одном языке, собрались вместе, чтобы построить башню до неба и «прославить свое имя». Надменный проект не понравился Богу, и он остановил его. С тех пор существуют языки, народы, национальные идентичности. Эта легенда и сегодня может служить убедительным предостережением и внушать надежду независимо от того, что нам следует ожидать от Обамы и его инспираторов.

*Карл Рихтер, журнал «Nation & Europa» (январь 2009).
Перевод с немецкого Анны Кляйн*

ОБЛОМ В ГАЗЕ

Уже очевидно, что налет Израиля на Газу закончился для него обломом, как и предыдущая ливанская кампания. Несмотря на страшные жертвы, бойцы «Хамаса» не только не сдались, но даже не попросили перемирия. Более того, они с презрением отклонили египетские предложения о немедленном прекращении огня. Они не спешили согласиться и с резолюцией Совбеза, принятой без согласования с ними. Ничто не помогло ядерной державе с огромной армией и абсолютно безжалостными политиками — ни ковровые бомбежки, ни вычурно-красивое название, данное налету: «Жребий литого свинца» («Барбаросса» нервно курит в сторонке), ни массовые убийства женщин и детей, ни ввод самой оснащенной новейшими средствами пехоты. Поставить Газу на колени не удалось, а значит, Израиль уже проиграл Новогоднюю войну.

Партизаны «Хамаса» впервые смогли столкнуться с врагом лицом к лицу — не с летчиками, трусливо убивающими гражданское население с недостижимой высоты из комфорта новейших самолетов, а с пехотой в городских джунглях. В таких условиях личные качества бойца важнее, чем техника, а мотивация, готовность к бою и смерти еще важнее. И тут сражающиеся

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ся за свои дома и жен защитники Газы сильнее откормленных и изнеженных детей Тель-Авива. К стенке их не припрешь: в городском муравейнике, изрытом туннелями, партизаны уходят из обложенных домов, чтобы ударить в спину регулярной армии. Израильской армии не удалось навязать бой, в котором палестинцы были бы обречены. Грузы-200 поползли на север.

Победой Газы можно гордиться, но радоваться нечему. Мирное население Газы страдало безмерно. Новогодняя война началась с подлого, под стать Беслану, удара по церемонии выпуска школы молодых полицейских. Вчерашние рекруты, едва овладевшие искусством регулировки движения, были сожжены внезапной бомбардировкой в субботу 27 декабря, когда мир праздновал Рождество и Новый Год. Триста человек были убиты одним махом — среди них, кроме полицейских, были и члены их семей, пришедшие с цветами поздравить своих родных. В официальном коммюнике армии погибшие были названы «террористами Хамаса» — хотя у них не было даже оружия.

Вслед за этим военным преступлением пошли следующие — евреи бомбили мечети и школы, больницы и кареты «скорой помощи», городские густо населенные кварталы и деревенские дома. Они разбомбили университет — незачем палестинцам столько учиться, все равно работы для них нет. Они отбомбились по школе ООН, в которой укрывались беженцы из разбомбленных домов и где учились палестинские дети. Из-под обломков школы вытащили сорок трупов.

Мечети стали их излюбленной мишенью — причем они бомбили мечети в час молитвы. В 1994 году еврей-экстремист Барух Гольдштейн расстрелял верующих в мечети Халилия во время молитвы. Сейчас таким коллективным Гольдштейном стали израильские ВВС. Евреи любят взывать к совести мировой общественности, когда молодые хулиганы пачкают стены синагог — и тысячи хороших, совестливых «антифашистов» выходят на защиту синагог. Но когда горят мечети — «антифашисты» лишь повторяют текстовки израильской армии, что там-де скрывались террористы.

Израильтяне пренебрегли нормами международного права и даже занялись пиратством в открытом море. Израильское судно протаранило маленькую яхту, везшую в Газу груз медикаментов, хотя на борту была Синтия Маккинни, бывший кандидат в президенты США. Чудом яхте удалось уйти в ливанский порт Сидон.

С трудом проникшие в Газу работники Красного Креста обнаружили в разбомбленном городе страшные вещи. В од-

---

ном из домов в занятом израильскими войсками секторе они нашли разлагающиеся трупы родителей, и рядом с ними — обессиленных, изнеможенных детей. Их удалось вывезти и спасти — и вслед за этим Красному Кресту преградили въезд в Газу. Сотни мужчин, женщин и детей были убиты израильскими только за то, что они — не евреи. Силы сторон были слишком неравны: за три недели конфликта погибли более 1200 палестинцев и 13 израильтян, то есть один к ста. Значит, это не война, а резня.

Война сопровождалась мощной пропагандистской волной в самом Израиле. С агрессивной навязчивостью газеты и телевидение повторяли: нужно спасти гражданское население пограничных городков от ракетных обстрелов. Но почему стреляли из Газы? На этот вопрос никто не предлагал ответа. И сейчас большинство простых израильтян — тем паче русских израильтян — не знает, что хотели сказать своими самодельными болванками жители Газы. А они требовали одного — **снятия блокады**. Ведь уже несколько лет Газа заперта в кольцо жестокой блокады, под стать ленинградской. Не душите нас блокадой, и мы не будем стрелять, — говорили представители «Хамаса». Перестаньте нас убивать, и перемирие может продолжаться. Для того, чтобы спасти Сдерот от ракет, не было нужды в военной кампании — было достаточно исполнить предыдущее соглашение о перемирии и снять блокаду.

Блокада была введена, чтобы свергнуть законное правительство сектора Газы. Евреев не устраивал «Хамас» — а значит, «палестинцев нужно посадить на диету», как выразился Дов Вайсглас, советник премьер-министра, «пока они не передумают». Диета не помогла — голодные и замерзшие зимой, жаждущие и изнемогающие от жары летом жители Газы держались. Поэтому Израиль стал готовиться к нападению. В отличие от России, которая после короткой стычки с Грузией не стала добиваться изменения режима, целью израильского нападения было установление подвластного колониального режима.

Израиль стремился к войне. Как алкоголик, спешащий опрокинуть стопку водки до закрытия бара, евреи спешили выпить свой стакан крови до прихода к власти нового американского президента Обамы 20 января. Хотя Обама и окружен еврейскими советниками и помощниками, но не было уверенности в том, что он будет их покорным джинном-исполнителем желаний подобно Бушу и Райс. С ужасом повторяли еврейские американские газеты весть о том, что Обама отказался выслушать брифинг израильской армии.

Была нужна война израильским генералам, позорно прошедшим ливанскую кампанию и ощущавшим острую необходимость оправдаться.

Война была нужна израильским политикам. Министр обороны Эхуд Барак, однажды уже позорно провалившийся на посту премьер-министра, вызвавший Вторую Интифаду и вернувшийся в политику, был чудовищно непопулярен. Его партии прочили страшный провал на выборах. Барак любил переодеваться в женское платье и красить губы — в этом костюме он однажды убил известного палестинского поэта в изгнании. Пиар-мастера пытались вылепить из него вождя — их лозунг был: «Барак не душка, а вождь». Но стареющий драг-квин, живущий в многомиллионном сверхэлитном доме-башне на севере Тель-Авива и выдающий себя за вождя, посланца израильского трудового народа и лидера социалистов, вызывал лишь смех и презрение. Бомбежки Газы принесли ему немедленные политические дивиденды.

Была нужна война и Циппи Ливни, мужеподобной амазонке из «Моссада» и министру иностранных дел. Она хотела показать, что воинственностью не уступит сионистам-мужчинам. Эти два гендерно-дезорientированных министра требовали войны — и навязали ее.

Была нужна война и израильским элитам — война заставляет простых людей забыть о своих подлинных интересах и поддержать власть. Война с «гоем» необходима для того, чтобы выходцы из России и Марокко ощущали себя евреями заодно с Ротшильдами. Поэтому войну поддержали и израильские «элитные левые» из партии «Мерец». Без их согласия войны бы не было.

Более радикальные левые силы, и в первую очередь коммунисты, возглавили антивоенную кампанию. Вместе с ними под их красными знаменами я прошел по бульвару Ибн-Гебиры в рядах крупной антивоенной демонстрации. К слову, на последних муниципальных выборах в Тель-Авиве коммунистический кандидат чуть было не одержал победу.

И наши русские в Израиле на этот раз подняли свой голос против войны. В петиции они «призвали правительство Израиля немедленно заключить перемирие и открыть пропускные пункты на границе с сектором Газа». В петиции говорится: «Мы разочарованы тем, что, заключив с «Хамасом» соглашение о прекращении огня, Израиль неоднократно нарушал его... Мы не хотим испытывать стыд за свою страну, сотнями убивающую мирных людей, в том числе детей, в превращенном ею в огромную тюрьму секторе Газы... Мы не хотим испытывать стыд за нашу армию, превратившуюся из

за бессилия или безответственности политиков в карательные отряды. Мы не хотим испытывать стыд за нашу демократию, при которой миллионы людей живут под нашим военным контролем, в условиях оккупации, лишенные элементарных человеческих и гражданских прав». Это выступление русских израильтян против войны особенно важно потому, что израильские элиты любят сваливать ответственность за свои преступления на «оголтелых правых русских».

Атака на Газу вписывалась и в более широкие планы обустройства мира по американо-израильскому лекалу. Человек может быть свободным в тюрьме и узником на воле. Так и Газа, этот большой концлагерь (как справедливо назвал Газу министр юстиции Ватикана кардинал Ренато Мартино) — остров свободы в море американо-израильского контроля, в то время как многие якобы свободные страны полностью подвластны Америке. Профессор Колумбийского университета, ведущий радикальный интеллеktуал и преемник Эдуарда Саида, Джозеф Массад писал о «союзе между Израилем, палестинскими коллаборационистами Аббаса и диктаторскими арабскими режимами и союзе, направленном на подрыв правительства Хамаса — единственного демократически избранного правительства во всем арабском мире. Кровавая баня последних двух недель — это очередное усилие Израиля добиться того, чтобы всеми арабами и всеми палестинцами правили диктаторы, а не демократически избранные лидеры».

В этом причина страшных разрушений Газы. Ноам Чомски так объяснял американскую стратегию выжженной земли во Вьетнаме и других странах: Соединенные Штаты добиваются тотального контроля в мире, и они не согласны мириться с непокорными странами — такими, как Куба, Венесуэла, Вьетнам, даже Газа. Если они не могут добиться изменения непокорного режима, то стараются разрушить экономику страны, выжечь землю и уничтожить народ, то есть все для того, чтобы никому не захотелось добиваться свободы. То, что американцы делали с Вьетнамом и Кореей, израильтяне сделали с Газой. Они низвергли Газу даже не в каменный век, а в мезозой.

В городах Западного Берега и в Египте растет народный гнев, обращенный не только на Израиль, но и на собственных квислингов. В Рамалле и Наблусе местная охранка Махмуда Аббаса сотрудничает с оккупантом и передает хамасовских бойцов с рук на руки израильским спецслужбам. Аббас дал «зеленый свет» израильской атаке на Газу, пишут израильские газеты. Но девятого января истек срок полномочий

Аббаса — его легитимность близка нулю. Его власть зиждется на израильских штыках, а на них плохо сидится.

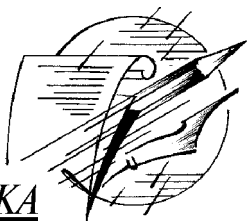
В Египте народ видит, что Хосни Мубарак поддерживает израильскую блокаду Газы. Они помнят, что король Фарук лишился трона потому, что сдал Палестину. По той же причине был убит президент Садат. Диктатура Мубарака может завершиться подобным образом, и все спецслужбы его не спасут.

Соблазн свободы еще может распространиться на весь Ближний Восток. Ведь Газа — это не очередная война местных самостийников, это не просто война между еврейскими и арабскими националистами; это — передний край всемирной битвы с иудео-американской империей, битвы, которая идет одновременно по всему свету.

ЧТО ТАКОЕ ХАМАС?

Итак, закончилась очередная война на Ближнем Востоке. И, в отличие от войн XX века, Израиль не может считаться победителем. А ведь противостояли грозной военной машине Израиля, одной из самых мощных в мире, всего лишь полурегулярные формирования партии Хамас, правящей сектором Газа. Этот сектор, имеющий площадь 360 квадратных километров, представляющий собой полосу земли вдоль Средиземного моря, длиной в 25 км и шириной в 8 км, вряд ли может быть препятствием для современной армии более чем на один час. Но если военные действия продолжались так долго, свыше трех недель, то это означает одно: израильтяне боялись сражаться с защитниками Газы. Разумеется, официальные военные потери Израиля — 13 убитых, еще более сомнительные, чем пресловутые «шесть миллионов жертв холокоста». Так что же это за Хамас, почему она правит в секторе Газа, и почему хамасовцы оказались более боеспособными, чем регулярные армии соседних арабских государств?

Ближневосточный конфликт, который тянется уже более шести десятилетий, не может быть решен без решения палестинской проблемы. Понятно, что палестинское движение не может не быть

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

одним из главнейших игроков этого конфликта. То, что в последние годы на роль ведущей палестинской организации выдвинулась Хамас, объясняется многими причинами.

Когда евреи создавали Израиль, то в отношении палестинцев у них были простые решения: основную часть изгнать в соседние арабские страны, чтобы там они быстро ассимилировались, а оставшихся превратить в рабсилу для еврейских колонистов. И в 1948—1949 годах евреями была устроена масштабная этническая чистка в Палестине, и из 750 тысяч тогдашних палестинцев 600 тысяч бежали со своей земли. Уверенности евреев в скором растворении палестинцев в арабских странах, как ни парадоксально, способствовали весьма распространенные в тогдашнем арабском мире панарабские настроения. 40—60-е гг. XX века действительно были эпохой панарабизма, когда слияние арабских стран в одно государство казалось близким и неизбежным. Совершенно официально в документах Лиги арабских государств все арабские страны считаются «временными политическими образованиями» с условными временными границами, которые вскоре исчезнут после объединения «арабской нации» в одно государство.

Вдохновляло сионистов и еще то обстоятельство, что сами палестинцы были расколоты по религиозному принципу. Около 20% палестинцев были православными христианами. Уровень образования христиан был значительно выше среднего, и не случайно, что среди палестинской интеллигенции и бизнеса христиане представлены очень значительно. В Палестине, как и в соседних Ливане и Сирии, проживает также конфессиональная община друзов. В 1948 году, в силу многих обстоятельств, друзы оказались на стороне Израиля. И поныне друзы в основном лояльны Израилю. Они служат в израильской армии (друз Юсуф Мишлеф был начальником тыла израильских вооруженных сил, Амиад Парс командовал элитной частью израильского спецназа). Среди друзов есть депутаты кнессета, журналисты и бизнесмены. Увы, друзы сделали выбор и разделяют судьбу Израиля, хотя сами являются арабами, отличающимися от остальных своей религией. Среди палестинцев есть небольшое количество мусульман-шиитов. Но большинство палестинцев являются мусульманами-суннитами, расколотыми на различные направления. Кроме того, среди палестинцев, как и всех арабов, существует множество клановых и земляческих групп, весьма враждебных друг другу. Таким образом, евреи надеялись, что палестинцы не смогут объединиться и растворятся на чужбине.

Однако, за что можно восхищаться палестинцами, они не забыли о своей родине в Палестине и не захотели сливаться во что-то «общеарабское». Палестинцы создали в изгнании самое настоящее государство со всеми его структурами, кроме одной: управляемой территорией. В этом была огромная заслуга покойного палестинского лидера Ясира Арафата.

Первые полтора десятилетия после создания Израиля палестинские лидеры не вели самостоятельной политики, надеясь на возвращение домой в обзоре армий арабских государств, которые вот-вот разгромят сионистское государство. Первый руководитель Организации освобождения Палестины Ахмед Шукейри прославился в основном безответственными заявлениями и высказываниями типа «сбросить евреев в море». Полный военный крах арабов в Шестидневной войне 1967 года способствовал активизации палестинского движения, которому теперь приходилось надеяться только на себя. С конца 60-х гг. палестинские организации приобретают все большее значение в мире.

Та поддержка, которую неизменно оказывают Израилу США и остальные страны Запада, а также участь палестинцев, как тех, что остались под гнетом сионистов на собственной земле, так и тех, которые оказались презируемыми беженцами в соседних странах, не могли не сдвинуть палестинское движение влево. Между 1967 и 1985 гг. очень значительную роль в движении играли «красные» организации марксистско-ленинского толка типа Народного фронта освобождения Палестины (НФОП) во главе с доктором Хабашем, от которого откололся еще ряд левых организаций. «Красные» палестинцы поддерживали тесные связи с леваками из Западной Европы. Так, в частности, итальянские «Красные бригады» и немецкая РАФ использовали базы НФОП, палестинцы, в свою очередь, участвовали в ряде терактов вместе с «товарищами по оружию» из Европы. Идеологизация палестинских левых привела их к активному вмешательству во внутреннюю жизнь государств, в которых они оказались. Так, в сентябре 1970 года палестинцы пытались свергнуть иорданского короля Хуссейна, в 1975—1976 гг. стали одной из действующих лиц в гражданской войне в Ливане, сражаясь на стороне ливанских левых.

Интересно, что большинство лидеров «красных» происходили из семей православных христиан. Израильские спецслужбы постарались максимально использовать это обстоятельство.

Ведущей организацией палестинцев стала ФАТХ во главе с Арафатом. Несомненно, Арафат был одним из самых вы-

---

дающихся политиков прошлого века. Его авторитет стал непререкаемым для палестинцев в изгнании.

Между тем, на оккупированных территориях подрастало новое поколение палестинцев. Вообще главным оружием палестинского сопротивления были не теракты, не демонстрации, а «бэби-фада», то есть высочайший даже по меркам Ближнего Востока естественный прирост. Для сравнения: если в 1948 году всех палестинцев было примерно 750 тысяч, то в 2008 году их насчитывается свыше 7 миллионов! Из них 3,8 миллиона проживает на Западном берегу Иордана, в пределах Палестинской автономии, а 2,7 миллиона — в Иордании (где палестинцы превзошли в численности коренных иорданцев) и 1,3 миллиона собственно в Израиле (без учета 111 тысяч друзов). Самый высокий в мире естественный прирост населения отмечен в секторе Газа. В 1948 году в секторе Газа проживало 73 тысячи человек, шесть десятилетий спустя — 1,4 миллиона! Правда, 60% жителей Газы — беженцы и потомки беженцев. Кстати, вся эта статистика свидетельствует о том, что при всех поражениях и неудачах палестинцы рано или поздно вытеснят евреев со своей земли.

В 80-х годах XX века, когда Арафат стал общепризнанным вождем палестинцев, а игнорировать палестинское движение стало уже невозможно, в Израиле задумали расколоть палестинцев диаспоры и собственно Палестины, а также противопоставить светскому движению ФАТХ исламистов. Для Израиля это стало особенно актуально, поскольку в конце 1987 года началась первая интифада на оккупированных территориях. Угроза соединения эмигрантских боевых структур с внутренним сопротивлением стало реальной. И 14 декабря 1987 года, с согласия израильских властей была создана организация Исламское движение сопротивления, или сокращенно Хамас. Само слово «Хамас» означает усердие. Однако в считанные месяцы Хамас превратился в боевую антиизраильскую силу, получив особенно большую популярность в секторе Газа. Правда, Хамас резко отрицательно относилась к ФАТХ, обвиняя арафатовцев в соглашательстве. На это были основания, ведь в 1988 году Арафат публично признал право Израиля на существование.

Во главе Хамаса стоял шейх Ахмед Ясин. Этот с детства полупарализованный и полуслепой человек отличался невероятным мужеством и несгибаемостью характера. Поняв, какого джина они сами выпустили из бутылки, израильтяне в 1989 году арестовали шейха, но вынуждены были обменять его восемь лет спустя на своих агентов, попавших в плен к палестинцам. Впрочем, выпущенного на свободу Ясина ев-

---

реи не оставляли в покое, организовав на него несколько покушений. Наконец, 22 марта 2004 года Ясин был убит.

Однако дело его не пропало, поскольку Хамас стал уже мощной организацией, способной действовать уже и без ярко выраженного лидера.

Тем временем в палестинском движении проходили важные изменения. После распада СССР и крушения коммунистической идеологии палестинское движение потеряло советского союзника, а «красные» организации потеряли влияние. Но, с другой стороны, на Западе уже устали выплачивать бесконечную дань евреям, слушая завывания о «холокосте». Да и мировому еврейству Израиль стал уже не важен, поскольку теперь не существовало ни советской сверхдержавы, ни левых арабских режимов. И никакая еврейская солидарность была тут ни при чем. Только бизнес, и ничего личного!

В результате в 1993 году в Осло были подписаны мирные соглашения, в итоге которых создавалась Палестинская автономия. Арафат в следующем году вернулся в Палестину.

Разумеется, автономия, создающая арабский бантустан, лишенный всякой промышленности и даже воды (для палестинцев знаменитая фраза «Если в кране нет воды...» звучит совсем не смешно). В довершении всего среди палестинских лидеров начались конфликты между теми, кто вернулся с Арафатом через десятилетия жизни за границей, и теми, кто выдвинулся в борьбе на оккупированных территориях. Вероятно, и сам Арафат рассматривал создание автономии как временную меру, как подготовку плацдарма для освобождения всей Палестины. Но реальная жизнь в автономии не могла не привести к падению его авторитета и к усилению радикалов из Хамаса.

В 2000 году грянула вторая интифада, которую спровоцировал израильский политик Шарон, посетивший Храмовую гору. Хамасовцы активно участвовали в борьбе, чего нельзя сказать об арафатовцах. 11 ноября 2004 года Арафат умер. Его авторитет признавали, пусть даже с ворчанием, все палестинцы. Теперь же правящая ФАТХ, лишенная вождя, превратилась в коррумпированную неэффективную бюрократию. Преемник Арафата, 73-летний Махмуд Аббас, как это часто бывает с деятелями, всю жизнь бывшими на вторых ролях, став первым, не проявил качеств лидера. И вот теперь хамасовцы выдвинулись в передовой отряд палестинского движения.

На состоявшихся в 2006 году выборах в парламент автономии хамасовцы получили абсолютное большинство, а их

лидер 44-летний Исмаил Хания стал премьер-министром. Вскоре, к великому удовольствию Израиля, конфликт между ФАТХ и Хамасом превратился в настоящую гражданскую войну между палестинцами. Хамасовцы установили контроль над сектором Газа и перестали подчиняться Аббасу. Разумеется, «мировое общественное мнение» отказалось признавать единственное в регионе демократически избранное правительство И. Хании.

Расколов палестинцев, Израиль обрушился на Газу, прекрасно понимая, что Хамасу не помогут ни арабские страны, ни палестинское руководство ФАТХ. Израиль рассчитывал покончить с Хамасом за несколько дней. Неслучайно война началась 27 декабря 2008 года, когда на Западе отмечают Рождество. При этом администрация уходящего американского президента Буша вроде ни при чем, а новый президент Обама еще не вступил в должность. Предлог для нападения был прост: обстрелы территории Израиля самодельными ракетами «Кассам», от которых с 2001 года погибло 4 израильтянина. (С учетом подобных «Кассамов», посланных другими группировками, всего за это время погибло 17 израильтян.)

Но стойкость защитников Газы сломала все эти расчеты. Израиль, прекративший эту войну к инаугурации Обамы и не сумевший предотвратить новые обстрелы «Кассами», выглядит проигравшей стороной. Хамас же может считаться лидером палестинцев. И значит, история Хамаса еще далека от завершения.

Александр ЩИПКОВ,
кандидат философских наук

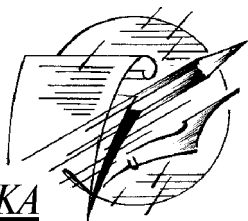
НРАВСТВЕННЫЙ КРИЗИС ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Россия страна не просто большая. Россия страна огромная. Держа в руках политическую карту страны, наполняешься гордостью. А есть еще карта полезных ископаемых, карта климатическая, экономическая. Начали появляться конфессиональные карты. Нет только самой важной — карты нравственного состояния России.

По этой карте народы, окружающие нас, могли бы судить о наших привычках, традициях, нравственных и духовных принципах, системе воспитания и образования, культурных ценностях и идеологических приоритетах.

Как составить эту карту? — спросите вы. Она уже составлена — отвечу я. Эта карта, этот путеводитель — наши российские средства массовой информации и в первую очередь — российское телевидение.

Хозяйственные последствия ультралиберальных реформ, которые в 90-х годах ураганом прошли по стране, мы видим сегодня. Они накрыли народ холодной волной, опустошив карманы. Последствия культурных и информационных реформ идут с некоторым опозданием и именно сейчас накрывают нас второй волной, опустошая душу тех, кто родился после 91-го года.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В современной России сложилась опасная ситуация, противоречащая идее общественного прогресса. В целом по стране культурно-нравственный уровень родителей превышает потенциально возможный культурно-нравственный уровень их детей. И телевидение здесь — первый обвиняемый.

Сегодня российское телевидение занимает позиции, враждебные нравственным ценностям народов, населяющих Россию. Это — не фигура речи, это правда, которую нужно осознать для принятия мер по защите отечества от телемагнатов, растлевающих детей и взрослых.

Есть такая многократно склоняемая передача «Дом-2». Стартовал этот проект в мае 2004 года, то есть идет он уже более четырех лет. Передача транслируется в эфир практически каждый день. Ее, к сожалению, смотрят. Смотрит молодежь. Какое мировоззрение должно сформироваться под воздействием этой передачи у молодого человека, рожденного в год гибели СССР? Начинал он смотреть передачу в 13 лет, сейчас ему 17. Новое поколение воспитывается на «Чрезвычайном происшествии» и «Дорожном патруле». А ведь общедоступное ТВ, и в этом его опасность, входит в дом бесцеремонно, буквально выплескивая на ребенка неконтролируемые потоки крови, насилия, грязи, мата. Родители, занятые попыткой выжить в условиях «конкурентной экономики», зачастую не в состоянии защитить от него своих детей.

В этом смысле никаких надежд на естественное выравнивание нравственной ситуации на информационном поле нет. По крайней мере в обозримой перспективе. Новое поколение, лишенное базовой культурности, будет, наоборот, естественным образом требовать еще более пошлых и кровавых передач. И ТВ в погоне за рейтингом, рекламой, доходом пойдет у него на поводу. Спираль будет постоянно закручиваться — мы уже наблюдаем этот процесс. Россия одновременно с развитием информационных технологий вступает в эпоху информационного варварства.

Итак, что собой представляет современное российское ТВ? На каких основаниях базируется?

Двадцать лет назад телевидение высмеяло преподавателя Ленинградского Технологического института (Н.Андреева) за то, что она отказалась поступаться принципами. Над ней публично потешались и издевались десять лет, вдалбливая россиянам новую мораль, согласно которой поступаться принципами не только можно, но и нужно. Вот первое основание, на котором стоит наше телевидение — идеологический цинизм: убеждений не существует, принципов не существует.

Наше телевидение — грубое и бесстыдное, в нем нет места стыдливости и целомудрию. Вообще слово «целомудрие» уничтожено, выведено из речи. Реакция на него — нездоровый хохоток, будто вслух произнесено нечто крайне неприличное. Все мы не раз обращали внимание на то, как в телешоу при очередной скабрезной шутке камера скользит по лицам в зале. Губы выдавливают усиленные смешки, а глаза разбегаются в смущении, потому что зрителям неловко! Где же источник этой неловкости? А источник — в природном целомудрии, остатки которого пытается вытравить из народа российское ТВ.

Ради рейтинга, то есть ради денег рекламодателя телевизионщики готовы не только глумиться над наготой отца (вспомним библейскую историю с отцом Хама), но раздеть мать и научить детей смеяться над наготой матери.

«Будьте бесстыдными!» — призывает нас российское телевидение. И если идеологический цинизм — первое его основание, то жажда бесстыдства — основание второе.

Телевидение — это не абстрактный монстр, а конкретные дяди и тети, которые зарабатывают деньги на пропаганде порока. Загляните в телестудию «Останкино» — в воздухе висит сплошной мат и табачный дым. Я два года служил в самых неблагополучных частях Туркестанского военного округа, 15 лет проработал рабочим на ленинградских заводах, но такого изошренного мата, как в «Останкино», не слышал. Телевизионные девочки с бриллиантками на нежных пальцах матерятся грубее прапорщика из Термеза. Этот мат — не просто стиль современного телевидения, это его суть, его душа. И если говорить абсолютно откровенно и прямо, то эти прокуренные дяди и матерящиеся тети хотят внушить нашим детям, что между добром и злом нет разницы, что добра и зла не существует. Отказ от добра и зла есть третье основание российского телевидения.

Понятия добра и зла являются фундаментальными в регулировании отношений между народами, государствами, классами, между народом и властью, между детьми и родителями. Группа лиц, которая сегодня манипулирует общественной моралью с помощью телеэкрана, считает, что всё регулируется деньгами, то есть, если использовать евангельскую терминологию — мамоной и золотым тельцом. Все мы не раз слышали омерзительную фразу: «Ничего личного, старик, — бизнес!». Эта фраза утверждает превосходство денег над совестью. В этой фразе заключена вся идеология циничной шпаны, которая захватила башню инженера Шухова.

Итак — отсутствие принципов, жажда бесстыдства и отказ от понимания добра и зла. Согласитесь, что при таком подходе говорить о совместимости российского информационного пространства и христианства не приходится.

В течение последних двадцати лет мы наблюдаем деградацию нравственной составляющей информационного поля. Возможность ее роста не наблюдается даже в перспективе, а вот пределы падения каждый год открываются все новые. Раньше было принято пренебрежительно говорить о недалекости юмористов из «Аншлага». Потом на ТНТ появились сначала «Окна», а следом «Дом-2» и «Comedy Club», совсем, казалось, запредельное зрелище. Но вот горизонты снова расширены. На НТВ нынче по выходным, вечером идет передача «Ты не поверишь!», в центре внимания которой находятся «шокирующие межличностные отношения и судьбы» и «самые захватывающие новости из мира шоу-бизнеса». А еще есть «Прожекторпэрисхилтон», «Русские сенсации», «Дас Ист Фантастиш», «Слухи. Скандалы. Сенсации. Расследования», «Наша Раша» и так далее.

Но есть люди, которые общедоступное ТВ не смотрят. Они смотрят зарубежные спутниковые каналы, в том числе образовательные. Часто на языке оригинала. Читают иностранные газеты и журналы. Они называют себя элитой, «субъектом истории». На большую же часть страны, на «объект истории» общедоступное ТВ обрушивается всей своей мощью. Конечно, условный «обычный человек» может оторваться от «ящика» и пойти, скажем, в театр или музей. Таким образом он расширит свой культурный горизонт, а значит, и перспективы социализации. Но это будут единицы. Остальных ТВ и «желтая пресса» отзомбируют. Если ежедневно внушать человеку не ценности просвещения, а скотские отношения, то он начнет их принимать. Перспективы социализации такого человека минимальны. Зато он послушен, лоялен и смотрит телевизор. Правда, лишь до времени. Порой народ становится субъектом истории, и самозваная элита бежит в Париж от русского бунта.

Теперь давайте задумаемся над тем, как одним словом охарактеризовать то, что нам показывает российское телевидение, что нам показывают люди без убеждений, без стыда, без базовых понятий о добре и зле, люди с поврежденным сознанием и поврежденной совестью. Что они хотят показывать на экране? Только и исключительно патологию. Наше телевидение — это бесконечный рассказ об отклонении от нормы, о всевозможных разновидностях патологии. ТВ рекламируют патологию во всем — в деловых отношениях, в семейных отношениях, в дружбе, в сексе, в искусстве, в религии,

---

Недоученные студенты, участники КВНов заменили юмор примитивным хамством, вместо врачей программы о здоровье ведут шарлатаны, вместо священников на экране появляются колдуны, а гомосексуалисты учат любви. Триумф патологии!

Нас пытаются убедить в том, что нормы нет. Что есть только патология. Что сама Россия — это патология. Что ТВ — это зеркало страны. Полюбуйтесь на себя, говорят нам с экрана, вы — уроды!

Честно говоря, любоваться надоело.

Поэтому законопроект Сергея Миронова о создании Общественного совета на телевидении поддержали лидеры всех самых многочисленных религиозных конфессий. Поддержали, потому что Совет нужен как воздух.

Обратим внимание на следующий факт. Подавляющая часть продуктов информационного поля не имеет ценностного отпечатка. Теле- и радиопередачи, многие журналы и газеты не имеют, по большей части, никакого набора ценностей. Вообще никакого. Ни правого, ни левого, ни религиозного, ни атеистического. А ценностные установки крайне необходимы. Только опираясь на них, мы сохраняем человеческий облик и учимся думать.

Преодолеть наблюдаемый нравственный кризис информационного пространства «естественным» коммерческим образом в условиях тотального падения культурного уровня невозможно. Более того, это чревато усугублением кризиса. Этот кризис может породить опасные социальные последствия: расслоение общества и последующие затем конфликты. Выход состоит в форсированном учреждении общественных институтов в сфере СМИ. Прежде всего на ТВ.

Судьба законопроекта об Общественном совете на телевидении будет зависеть от воли депутатов Государственной думы. Поддержат они его или нет — однозначно ответить невозможно, потому что даже абсолютно, казалось бы, ясные с нравственной точки зрения вещи много раз не находили понимания в депутатской среде.

Общедоступное телевидение — это общественный институт. А общественный институт, как известно, функционирует нормально при одном условии: если существует социальный контроль. Российскому обществу пора, наконец, сформулировать свои претензии к телевидению и заставить его служить народу.

ТРИ НАХОДКИ ИЗ ИСТОРИИ ИВАНА ГРОЗНОГО

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ С «СОКРЫТИЕМ ТРУПА»

Исследователей, старающихся очистить фигуру Ивана Грозного от наслоений клеветы, почему-то оказывается модно обвинять в подтасовке фактов. Однако берусь утверждать, что столпы либеральной исторической науки, закладывавшие ее основы в XIX в., совершили весьма откровенную и немало-важную подтасовку. Причем она явная, лежащая на поверхности — но ее не замечают уже 200 лет. Примерно так же, как не замечают предмет, находящийся у всех на виду и примелькавшийся. Речь идет о трагических событиях 1569 — 1570 гг.

Из многих работ мы можем узнать, что в конце лета 1569 г. новгородский дворянин Петр Волынский доложил царю — верхушка бояр и толстосумов Новгорода во главе с архиепископом Пименом заключила договор с польским королем Сигизмундом II. Заговорщики собирались осуществить переворот, возвести на престол двоюродного брата царя, Владимира Старицкого, а полякам за содействие обещали Новгород и Псков. Волынский сообщил, что экземпляр договора хранится в тайнике в храме Св. Софии, и Иван Грозный послал с ним доверенное лицо — проверить и снять копию с улики.

А в сентябре царь вдруг вызвал к себе Владимира Старицкого. Историки сообщают нам: Иван Васильевич обвинил его, «якобы был подкуплен царский повар», которому

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Владимир «*будто бы* дал деньги и яд», чтобы отравить государя и его семью. И разные авторы соревнуются, приводя ужасающие подробности. Как Старицкий доверчиво ехал к брату со всей семьей, как налетел Грозный с целым полком опричников, как князя, его жену и детей заставили выпить яд, а многочисленную женскую прислугу княгини расстреляли из луков, зачем-то при этом раздев донага (интересно, зачем? чтобы удобнее было целиться? или чтобы у читателей слюнки потекли?) Мать князя Ефросинью Старицкую, шесть лет жившую в монастыре, тоже повезли к царю, а по пути то ли утопили, то ли удушили дымом. А с ней — «12 стариц». И историки рассуждают, что это, конечно же, были замечательные мастерицы-рукодельницы, оставившие великолепные вышивки Старицкой.

Ну а в декабре Иван Грозный наконец-то вспоминает про сообщение об измене Новгорода (трехмесячной давности), организует поход. По пути зачем-то громит все города от Клина до Вышнего Волочка, истребляет пленных, содержащихся в них. А потом устраивает бойню в Новгороде, людей тысячами топят в Волхове, а опричники ездят на лодках и добивают желающих выплыть (на лодках ездят в январе, вероятно — по льду).

Что ж, для начала имеет смысл наложить все эти известия на конкретный исторический фон — каково было положение России и вокруг нее. С 1558 г. шла Ливонская война. В нее вмешались Литва, Швеция, Дания, Крымское ханство. Добавились измены знати. Перебежал Курбский, выдав русские планы и обеспечив врагу победы под Невелем и Улой. Один за другим следовали заговоры. Тем не менее, наша страна успешно справлялась с трудностями. Сумела расколоть и перессорить западные державы. Разгромила Литву, отражала татар, а для искоренения внутренней оппозиции был введен чрезвычайный режим — опричина.

Но как раз в то время, которого мы коснулись, положение стало меняться. Против шведского короля Эрика XIV, заключившего союз с Россией и, подобно Грозному, установившему самодержавную власть, в 1568 г. возник заговор аристократов. Помогли иезуиты и польская агентура. Эрик был отравлен, долго лежал больным, а оппозиция выпустила из тюрьмы своего лидера, королевского брата Юхана, женатого на католичке — сестре польского Сигизмунда. Эрика его советники убеждали не воевать с братом, искать пути примирения и вести переговоры. Но как только войска мятежника подошло к Стокгольму, те же советники открыли ворота. Короля объявили сумасшедшим и заточили в темницу,

---

где он вскоре умер, а Юхан, взойдя на престол, расторг союз с русскими и принял сторону Литвы.

В Польше и Литве иезуиты и эмиссары Рима тоже хорошо поработали. Эти государства имели одного монарха, но оставались самостоятельными, у них были отдельные органы управления, разные законы. Ватикан давно желал их слияния, чтобы поставить население Литвы, в основном православное, под контроль католиков-поляков, но этому противились литовские магнаты. Удары русских облегчили задачу. С одной стороны, была раздута кампания, что без объединения Литва погибнет. С другой, демократия всегда зависела от денег, а литовские финансы были истощены войной, разорением страны. И в 1569 г. на сейме в Люблине удалось провести решение, выгодное Риму и Польше. Два государства стали одним — Речью Посполитой. Прежде Россия вела борьбу только с Литвой, поляки помогали союзнице весьма скромно. Теперь противницей стала единая могучая держава.

Наконец, на русских сумели натравить Османскую империю. Правда, план турецкого наступления был нереальным — подняться по Дону, прорыть канал, провести флот в Волгу и захватить Астрахань и Казань. Султан Сулейман Великолепный, далеко не друг Москвы, но умный человек, данный проект отверг, да и вообще воздерживался от столкновения с Русью. Но в 1566 г. он умер, на трон взошел его сын Селим II — который не добавил к своему имени эпитетов Великолепного, Победителя и т.п. Он заслужил прозвище Селим-Пьяница. Ясное дело, что споили его не поборники ислама и не патриоты Турции. И вот он-то двинул в 1569 г. армию Касима-паши на Дон. Кто подтолкнул его, известно. Султанский гонец приехал к Касиму вместе с польским послом, убеждавшим пашу не снимать осаду и обещавшим наступление королевских войск. Уж кого-кого, а ляхов ничуть не волновало, что для турок план гиблый. Главное, что для России он был очень опасным, одно лишь появление османов на Волге должно было вызвать восстания в Астрахани и Казани. Ну а теперь сложите все это вместе и посмотрите на карту. Русь охватывалась кольцом...

Царь угрозу осознавал. Когда дошли вести о турецком вторжении, велел собирать армию в Нижнем Новгороде, а командовать ею назначил Владимира Старицкого. Хотя отношения Грозного с двоюродным братом были сложными. В заговорах он был уличен уже трижды — в 1553, 1563, 1567 гг. Точнее, инициировал крамолу не он. В послании к Курбскому Иван Васильевич не зря назвал Владимира «дураком». Он был удобным кандидатом на престол, которого двигали оп-

---

позиционные бояре, им всю руководила мать, ярая интриганка Ефросинья Старицкая. Она даже на вышитых покрывах, подаренных в Троице-Сергиев монастырь, подчеркнула претензии сына на трон, назвав его «благоверным государем».

Иван Грозный не был склонен мстить родственникам. После мятежа 1553 г. простил, и мало того, в завещании на случай своей смерти назначил Владимира опекуном малолетнего царевича и вторым наследником. Но в 1563 г. открылось, что Старицкие, нарушив присягу, вновь замыслиют переворот. Государь опять воздержался от жестокости, только отправил в монастырь главную смутьянку, Ефросинью. Причем обошлись без скандала, она постриглась как бы «по собственному желанию», ей выделили щедрое содержание, княгиню сопровождали слуги и 12 ближних боярынь, получивших поместья около монастыря. Нет, не помогло. В 1567 г. пришлось даже прервать военный поход — от агентуры и пленных узнали, что Сигизмунд II ожидает переворота в России. Государь допросил брата, и тот сам выдал соучастников во главе с боярином Челядниным, купив прощение их головами.

Тем не менее, в 1569 г. Грозный доверил Старицкому пост главнокомандующего. Военными талантами князь не обладал, но было важно имя царского брата. Это позволяло избежать местничества среди воевод, должно было подействовать на племена Казанского края — чтобы удержались от восстания. Но была еще одна причина. Как выяснилось позже, в заговоре участвовали ближайшие советники царя, Басмановы и Вяземский. Видимо, они немало поспособствовали, чтобы Владимир получил в свое распоряжение войско. И этим же летом, как упоминалось выше, последовало донесение Волынского о договоре с поляками новгородской верхушки (а Старицкие были издавна связаны с Новгородом).

Из общей обстановки нетрудно видеть, в случае реализации их планов России пришлось бы очень туго. Она теряла западные области, весь Север (принадлежавший Новгороду), отпали бы Астрахань и Казань, страна оставалась зажатой в границах «Московии» XIV в. Но все персональные участники оказывались в выигрыше. Владимир получал корону, бояре — «демократические свободы», как в Польше, Пимен — пост митрополита, к которому он рвался с 1563 г. (однако царь уже имел в его отношении какие-то подозрения и четырежды отводил его кандидатуру на выборах). Ливония тоже оставалась Польше, но новгородские олигархи, перейдя под власть Сигизмунда, получали свободный выход на балтийскую торговлю.

Отметим и такой факт. Турецкое наступление шло с огромными трудностями. Тяжелые корабли долго тащили по донским мелям. Лишь в августе войско и флот сосредоточились на Переволоке. Пробовали рыть канал, перетягивать суда на Волгу волоком. 2 сентября, убедившись, что это невозможно, Касим-паша отослал флот обратно и направил войско к Астрахани налегке. А Старицкий был назначен главнокомандующим еще весной. Но, имея в запасе целое лето, бездействовал и Астрахани ничем не помог. Город спас не он, а воевода Карпов, организовавший оборону, и казаки — они начали войну на коммуникациях, разгромили и разогнали изменивших астраханцев, осуществлявших снабжение турецкой армии, и ей пришлось отступить. Владимир Андреевич все это время устраивал торжества, пиры, завоевывая популярность в войсках. Держал полки при себе, под рукой. Ждал. Чего?

И вот здесь-то мы подошли к подтасовке, о которой говорилось в начале статьи. *9 сентября умерла царица, Мария Темрюковна*. Ничем не болела и внезапно скончалась — как отмечалось на Освященном Соборе, «в муках, в терзаниях». После убийства первой жены Ивана Грозного, Анастасии, потребовалось разбирательство. Но в данном случае признаки отравления были настолько явными, что причину смерти установили сразу и однозначно. Вот вам и «будто бы», «якобы» подкупленный повар. Вот вам и «вымышленное» покушение. Мы не знаем, по какой причине не пострадал сам царь. Может, решил в тот день попоститься, а может, дела задержали, не сел за стол вместе с женой. Но ведь яд на самом деле был применен!

А подтасовка заключается в том, что смерть Марии Темрюковны намеренно отрывают от дела Владимира Андреевича, упоминают ее в других разделах, других главах книг, на других страницах. Хотя достаточно сопоставить даты: 9 сентября убийство, а в конце сентября царь вызывает Старицкого. Как все просто, правда? Видимо, как раз из-за этой простоты подтасовку так долго не замечают историки, и она перетекает от автора к автору, из работы в работу. Юридическим языком, почтенные либеральные ученые совершили «сокрытие трупа». Как говорят криминалисты, «нет тела — нет и дела». Но ведь труп был! Труп молодой, красивой и здоровой женщины, не только любящей и любимой супруги, но и деятельной помощницы царя. Бойкая и умная кабардинка была незаурядной личностью. Она была одним из авторов идеи опричнины, организовывала охрану мужа, активно участвовала в дипломатии, вела переписку с кав-

---

казскими князьями, с любимой женой Крымского хана — своей двоюродной сестрой.

И оказывается достаточноым восстановить выпавшее (то есть, выброшенное) звено, убийство, как все дальнейшее становится очевидным. Следствие выявляет повара, на допросах он называет заказчика. Еще раз обратим внимание на даты. Удар был нанесен 9 сентября, в самый напряженный момент военной кампании. Турки в этот день только шли от Переволоки к Астрахани. А сняли осаду 26 сентября. То есть, Владимир Старицкий был вызван к царю не из своих владений, а из армии. Значит, ехал без жены и детей. Соответственно, и без служанок своей супруги. Факт, что он прибыл к государю один, подтверждает в своих записках Горсей.

А мать князя Ефросинья не была ни утоплена, ни удушена. Ее останки сохранились, и химический анализ показал причину смерти — содержание мышьяка в 150 раз выше максимально допустимого уровня. Это дает ответ на многие вопросы. Властолюбивая княгиня и в монастыре не унялась, плела интриги. По-видимому, Владимир Старицкий точно так же, как он сделал в 1567 г., заложил и мать, и других сообщников в надежде заслужить прощение. Но прощали уже много раз, и мягкость приводила ко все более тяжким последствиям. Да и заговор был направлен не только против царя, а против России. Поэтому Владимиру и Ефросинье предложили скушать то же самое, что они предназначали для царской семьи и передали повару.

В «синодике опальных» рядом с Ефросиньей упоминаются «12 стариц». Правда, это документ сомнительный. Иван Грозный и впрямь считал своим долгом молиться о душах казненных, по психологии XVI в. это было отнюдь не мелочью и не формальностью. Но «синодик» был «реконструирован» Р.Г. Скрынниковым из обрывков, собиравшихся по разным монастырям. А царь заказывал поминовение как казненных, так и умерших в заключении, ссылке. И конечно, он поминал не одних лишь опальных, а тех людей, которых любил и почитал. В «реконструкции» все они смешались. Но все же в данном случае «синодику» можно верить, только «12 стариц» — вовсе не мастерицы-рукодельницы, а те самые 12 ближних боярынь, ушедшие с княгиней в монастырь. Ее доверенные помощницы, через них обеспечивалась связь с сыном, боярами, согласовывались планы. Они были полноправными участниками преступления и понесли соответствующее наказание.

Но дети Владимира Андреевича, вопреки клевете, остались живы. Его сыну Василию царь вскоре вернул владения отца,

---

старшую дочь Евфимию просватал за датского принца Магнуса, а когда она умерла, выдал за принца младшую дочь Марию. Судьба жены Старицкого Евдокии неизвестна. Русские источники сообщают о смерти одного лишь Владимира, и похоронен он один. А казнь Евдокии ставит под сомнение красноречивый факт: через три года ее родного брата Никиту Одоевского Иван Грозный назначил командовать армией. Как вы считаете, можно ли доверять целую армию брату казненной? Скорее всего, Евдокия Старицкая была пострижена в монахини или сама ушла в монастырь после смерти мужа.

От Владимира Андреевича, повара, «стариц» потянулись другие нити, в октябре-ноябре продолжилось следствие. Оно подтвердило информацию об измене в Новгороде. Кроме того, в средневековой Европе политическая оппозиция почти всегда была связана с религиозной. Это давало «идейную» связку, моральное оправдание, позволяло нарушать присягу (ведь присяга являлась священным актом). Так было и на Руси. Еще в 1553 г. обнаружилось, что многие крамольники входили в секту «жидовствующих». К ней принадлежали братья Ефросиньи Старицкой Борисовы-Бороздины, близкий Старицким поп Сильвестр дружил с проповедником ереси Артемием Пустынником. Артемия глубоко почитал и Курбский. В тот раз подобные связи удалось замять, теперь они вскрылись. Иван Грозный позже писал Курбскому: «Я хотел подчинить вас своей воле, и вы за то святыню Господню осквернили и поругали! Осердясь на человека, на Бога восстали».

И зимой царь провел «спецоперацию» в Новгороде. Разумеется, он не громил попутных городов. В ближайшие годы по той же дороге много раз ездили иностранные посольства, в том числе недружественные к России. Но ни одно из них никаких следов «погромов» не заметило и ни о чем подобном не сообщило. Наконец, основой операции была секретность. Требовалось нагрянуть внезапно, захватить преступников с поличным. Но посудите сами, какая могла быть тайна, если собирать армию, да еще и разорять Клин, Городню, Тверь, Медное, Торжок, Вышний Волочёк? Известия разносились быстро, все заговорщики (и не только заговорщики) успели бы разбежаться. Единственное, чему можно поверить — уничтожению пленных, содержащихся в некоторых городах. Потому что в Торжке, как сообщается, они оказали *вооруженное* сопротивление, ранили Малюту Скуратова, в опасности был сам царь. Вам не кажется, мягко говоря, странным — вооруженные пленные? Если это сообщение верно, оно может означать, что заговорщики сформировали из пленных отряды для участия в перевороте.

Рейд был сугубо полицейским, в нем участвовали небольшие силы. Опричников было всего-то 6 тыс., а многие из них остались в Москве, Александровской Слободе, выполняли другие задачи. 2 января 1570 г. отряд Малюты из 1000 человек прибыл в Новгород, перекрыл заставами все ворота и произвел аресты по заранее намеченным спискам. 8 января приехал царь со свитой в 500 человек. Кстати, собирать значительное войско и не требовалось. Новгород являлся важной прифронтовой базой, в нем располагался крупный гарнизон. Ни один источник не упоминает о столкновениях опричников с военными или их репрессиях: судя по всему, гарнизон был привлечен к проведению операции.

Есть еще один факт, подтверждающий, что поход царя был быстрым и четко рассчитанным по времени. Выезжая из Александровской Слободы, Иван Грозный одновременно распорядился созвать в Москве Освященный Собор. Прибыв в Новгород, он не принял благословения у архиепископа Пимена, но дозволил ему отправлять службы. Однако в тот же день привезли решение Собора о низложении Пимена и лишении священства, и только тогда царь арестовал его (сам государь был не вправе низложить иерарха и не превысил своих полномочий). Главных виновных отправили в Москву, рядовых изменников покарали на месте. Всего было казнено от 1490 до 1505 человек. На этой цифре сходятся все современные исследователи, как уважительно относящиеся к Грозному, так и его противники.

Из храмов, оскверненных еретиками, были изъяты иконы и святыни. У монастырей, где они устроили свои гнезда, конфисковали казну. Ряд других монастырей и священников, знавших о ереси, но не боровшихся с ней, предпочитавших помалкивать, были наказаны крупными штрафами. Но, вдобавок к измене, в Новгороде накопилось много обычных злоупотреблений. Структуры земской выборной власти захватили богатые купцы, притесняли бедноту, нарушали правила торговли и т.д. Царский суд, рассмотрев жалобы, приказывал «грабить» виновных, т.е. конфисковывать имущество, налагал штрафы.

Жестоко? Но такие наказания следовали строго по закону — за измену, злоупотребления служебным положением, коррупцию, торговые обманы, контрабанду, подпольную продажу спиртного и др. И сами же рядовые новгородцы вовсе не сочли их чрезмерными. В 1581 г. Баторий пытался поднять их на восстание, разослал грамоты, расписав все обиды, которые царь нанес Новгороду. Однако на призывы короля не откликнулся никто. То есть, население признавало, что лица, нака-

---

занные государем, поплатились справедливо. И жители соседнего Пскова тоже были в курсе, что казни в Новгороде идут не без причины. Иначе разве стали бы они дожидаться царя? У них литовская граница была рядом, их никто не стерег. Но они прекрасно знали, за что карают новгородскую верхушку, а за собой такой вины не чувствовали.

К изложенному остается добавить, что по показаниям арестованных в Новгороде следствие длилось еще полгода. К смерти было приговорено около 300 человек. Казнь была назначена 25 июля 1570 г. на Поганкином болоте (ныне Чистые пруды). Царь лично обратился к собравшимся, рассказал о вине осужденных и испросил подтверждения у народа: «Ответствуй, прав ли мой суд?» Тысячи людей единодушно поддержали его решение. Тем не менее, 184 приговоренных, почти две трети, Иван Грозный помиловал. Часть освободил, другим заменил смерть заключением или ссылкой. Главные обвиняемые были казнены, что и поставило в деле последнюю точку.

А начало расследованию положило убийство Марии Темрюковны. Поэтому, казалось бы, «маленькая» подтасовочка оказалась ох какой важной! Изъятие одного факта разорвало всю дальнейшую логическую цепочку. Получилось, что она повисает «в воздухе», на пустом месте. Кстати, ведь существовало и подлинное следственное дело о новгородской измене. Оно пережило Смуту, все пожары и, как свидетельствует опись московского архива, хранилось до XIX в. А потом... исчезло. Исчезло примерно в то же время, когда либеральные историки, исковеркавшие наше прошлое, «прятали труп» царицы. Как это прикажете оценивать? Как досадную случайность? Или как еще один факт сокрытия истины?

РУССКИЙ ЦАРЬ И «АНГЛИЙСКИЙ БАНТИК».

Иногда решение сложных исторических проблем (как, впрочем, и технических, математических, философских и т.д.) зависит всего лишь от правильного подхода. Если пытаться разбирать их «не с той стороны», как ни бейся, а ничего путного не выйдет. Одной из таких проблем оказывается «английский узел», завязавшийся вокруг Ивана Грозного в последние годы его жизни. Узел, на первый взгляд, настолько странный и нелогичный, что представляет собой настоящую головоломку. Посудите сами: в начале 1582 г. Россия с немалым трудом смогла выйти из войны с Польшей. Выиграла несколько сражений против шведов, но и с ними царь начал переговоры о мире. Для страны требовалась передыш-

---

ка, а вдобавок вспыхнуло крупное восстание в Поволжье, спровоцированное крымской и турецкой агентурой. И вдруг одновременно с этим начинается обсуждение союза с англичанами — против поляков и шведов.

Мало того, Иван Грозный был вполне счастлив с молодой супругой Марией Нагой, ждал рождения ребенка — но неожиданно разворачиваются переговоры о его возможном браке с англичанкой Мэри Гастингс, которую он ни разу не видел, не знал и даже не представлял, что такая существует. Ну и наконец, в это же самое время, когда возникают предложения о союзе и браке, царь... отбирает у англичан привилегию на беспощинную торговлю! Устанавливает, что отныне они должны платить подати в русскую казну. Интересно, зачем, как вы думаете? Чтобы расположить британцев к любви и дружбе? В целом-то полная чепуха получается.

Однако эту чепуху следует дополнить еще рядом фактов. Союз с Елизаветой Английской царь уже пробовал заключить в 1569 г. Но в полной мере успел убедиться, как он сам писал королеве, что Елизавета государством не «сама владеет», что все ключевые вопросы решают «мужики торговые» из парламента, которые только «ищут своих торговых прибытков». И к войне они абсолютно не расположены, а тем более к войне за русские интересы. Да и союзницей Англия была сомнительной. В 1573 г. под давлением парламента, урезавшего субсидии, Елизавета была вынуждена вообще распустить армию, а королевский флот свести до минимума в 40—50 кораблей. Но, несмотря на это, Грозный почему-то повторяет попытку создать коалицию. И повторяет не в тот момент, когда России приходилось труднее всего, когда и впрямь приходилось хвататься за любой шанс, а уже после войны. Причем попытка была заведомо бесперспективной! В период войны английские «торговые мужики» помогали не только русским, но и полякам, шведам, в частности, субсидировали Батория, получив за это право торговли польским хлебом. А, как показывают записи переговоров, в Москве о таких связях хорошо знали...

Историки упрямо продолжают лобовые атаки «английского узла», но ни малейшей ясности до сих пор не внесли. Наоборот, еще больше запутывают его, накручивая собственные домыслы, версии, гипотезы. А может, надо просто поискать другой подход? Для начала давайте оторвемся от данного «узла» и взглянем пошире вокруг него — что творилось в Европе, в Англии? Елизавета действительно правила страной не одна. И власть ей приходилось делить не только с парламентом, но и с группировкой могущественных вельмож,

---

которые в свое время возвели ее на престол. Это были так называемые «новые люди», аристократы, политики, но одновременно крупные дельцы, извлекавшие из своего положения огромные выгоды. Деятели это были энергичные, талантливые. Состав команды «новых людей» и их дела я анализировал в своей книге «Царь Грозной Руси, отец казачества». Здесь же нам стоит обратить внимание на одного из них — министра иностранных дел Френсиса Уолсингема.

Сфера его компетенции отнюдь не ограничивалась дипломатией. Он создал лучшую в тогдашнем мире систему разведки, которая успешно противостояла даже иезуитам. Ведь Рим и Испания очень активно вели против Англии тайные операции, надеясь осуществить переворот и вернуть страну в лоно католической церкви. Филипп II Испанский имел права на английский престол — как муж прежней королевы Марии Кровавой. Оказывалась поддержка другой претендентке на трон, католичке Марии Стюарт. Один за другим в Лондоне организовывались заговоры Ридольфи, Трокмортонна, Бабингтона. Но Уолсингем имел своих агентов при различных европейских дворах, в церковных, деловых кругах, и обо всех заговорах узнавал, когда они только начинали формироваться. Брал их «под колпак», позволял вобрать в себя оппозицию, а потом арестовывал. Уолсингем заблаговременно узнавал и о военных, политических планах других держав.

В описываемое время Иван Грозный обратился к Елизавете с просьбой прислать ему хорошего врача. Она откликнулась немедленно, летом 1581 г. в Россию прибыл лейб-медик Роберт Якоби с превосходными характеристиками — королева писала, что только ради «кровного брата» Ивана Васильевича уступила замечательного доктора, буквально от сердца оторвала. Подумайте-ка над вопросом: а могли Якоби *не быть* агентом Елизаветы и Уолсингема? Ни в коем случае! Он обязательно был их агентом. Представился уникальный шанс устроить своего человека прямо к царю! Только полные дураки упустили бы такую возможность. А кем-кем, но дураками англичане не были. И именно *агент* Якоби, *целенаправленно* посланный к государю, сразу же, в первый год пребывания в Москве, рассказывает Ивану Грозному про очаровательную племянницу королевы Мэри Гастингс (кстати, если рассказывал, значит, заранее готовился, русский язык изучил)...

Вот теперь все встает на свои места. Это не царь хотел жениться на англичанке, это англичане задумали его женить! И как раз для них-то не стояло проблемы, женат ли Иван Васильевич, какая по счету у него супруга. Ведь сама Елизавета

была дочкой Генриха VIII, запросто менявшего надоевших жен или отправлявшего их на плаху. Подумаешь, какая мелочь, что женат? Очевидно, распутать «английский узел» до нынешнего времени мешали два фактора: слепая инерция «устоявшихся» взглядов и традиционно узкая специализация исследователей. Те, кто занимается историей России, почти не уделяют внимания другим странам, и наоборот, специалисты по зарубежью не занимаются Россией. Но как только мы взглянем на «узел» с другой, британской стороны, он превращается в изящный «бантик». Видны кончики, и стоит потянуть за них, он сам развязывается. Все оказывается очень даже простым, понятным и логичным...

Во-первых, план окрутить царя был актуальным именно из-за того, что он взялся урезать привилегии англичан (война кончилась, потребность в импорте свинца, олова, меди снизилась, почему бы не урезать?) Во-вторых, русские потеряли Нарву, и голландские, немецкие, французские купцы, возившие туда свои товары, потянулись в Белое море. Англичан это возмутило, прежде через Холмогоры торговали они одни, считали себя первооткрывателями северного пути и желали сохранить монополию. Ну а в-третьих, коснемся военного союза. Возьмем реальную обстановку 1582—1584 гг. и оценим: кому он был нужнее?

Россия-то заключила мир со своими врагами, для нее кризисная ситуация миновала... Зато над Англией сгустились oh какие тучи! Она достала европейские державы пиратством на морях, допекла «экспортом революций», поддерживая нидерландских повстанцев, французских гугенотов. Союзниками Испании были Рим, германский император, Венеция, Генуя, французские католики. Еще в 1577 г. сводный брат Филиппа II полководец Хуан Австрийский разработал операцию по вторжению в Англию. А в 1580—81 гг. Испания легко проглотила Португалию — один бросок армии Альбы на Лиссабон, и все было кончено. При этом испанский флот увеличился вдвое за счет португальского. Войны с британцами еще не было, но она начнется очень скоро — в 1585 г. Союз в данное время требовался вовсе не России, а Англии! Предложение поступило от нее! И браком скрепить, чтоб попрочнее, чтобы жена влияла на царя.

Ивану Грозному подобный альянс был совершенно не нужен. Но и ссориться с англичанами он не хотел, торговля с ними была важна для России, в будущем могло понадобиться и военное сотрудничество. Поэтому царь «подыграл». А блефовать в дипломатии он был большим мастером. Незадолго до этого он блестяще обвел вокруг пальца папу римс-

---

кого Григория XIII — изобразил, будто заинтересовался Флорентийской унией, и «святой отец» клюнул. Прекратил поддержку Батория, послал миссию Поссевино мирить Польшу с Россией, а потом привести к унии царя. Но как только мир был заключен, Иван Грозный сделал удивленное лицо: он вовсе не обещал папе менять веру. И ни слова не писал ему о соединении церквей. Он всего лишь упомянул о Флорентийском соборе: что когда-то таковой был.

Похожую игру царь начал с англичанами. Летом 1582 г. в Лондон было направлено посольство Федора Писемского. Не для того, чтобы сватать и заключать союз, а только «посмотреть» предложенную невесту и поговорить союзе. Кстати, сам этот факт свидетельствует, что Якоби приехал в Россию, имея *официальные* полномочия от королевы. И предложения от нее лейб-медик передал *официально*. Потому что снаряжать посольство на основании каких-то случайных высказываний было нелепо, это противоречило требованиям дипломатического этикета. Ну представьте, приедут послы и скажут — «мы от вашего врача узнали...» Какими глазами на них посмотрят? Мало ли что сболтнул доктор. В промежутке между прибытием Якоби к царю и отправкой посольства переслаться с королевой письмами было невозможно, корабли из Холмогор в Англию ходили раз в год, в короткую северную навигацию. Значит, только лейб-медик мог провести предварительные переговоры, был уполномочен на них.

Но когда Писемский и его товарищи добрались до Лондона, случилась накладка. В Англии разразилась эпидемия оспы. На Западе это было обычным делом, европейцы жили в антисанитарных условиях, в тесноте городов эпидемии случались часто. Оспа навевывалась через каждые 5—10 лет. Но среди заболевших оказалась Мэри Гастингс. Между прочим, она была не такой уж сногосшибательной красавицей и не столь уж завидной невестой. Об этом говорит ее возраст — 30 лет. А в XVI в. женщины считались совершеннолетними и выдавались замуж с 12 лет. Очевидно, Мэри имела некие важные изъяны, из-за которых засиделась в девках. А тут еще и оспа. Гастингс выжила, но лицо ее было основательно подпорчено.

Ну а еще одним сюрпризом стала позиция русских. Она выглядит однозначной. Царь искал предлог отказать англичанам, но отказать хитро, чтобы вина лежала на них самих. И для этого поставил вопрос ребром. Союз? Прекрасно. Вот и назовите конкретно, какую вы помощь готовы предоставить против Польши, Швеции? Если не войсками, то деньгами? Тут-то англичане опешили. Как — против Польши и

Швеции? Вы же, мол, с ними помирились. Разумеется, они не случайно сделали свои предложения уже после того, как помирились. Им требовался такой союз, чтобы их самих ни к чему не обязывал, а только Россию. Но наши дипломаты твердо держались данных им инструкций. Мало ли, что помирились? Вчера помирились, а завтра, глядишь, снова придется воевать.

Кстати, когда мы определяем, что инициатива союза и сватовства исходила не от русских, и перечитываем под этим углом документы, оказывается, что все записи переговоров, поведение сторон, четко ложится в данную струю. Ни одного противоречия! Елизавета долго увивалась от показа «невесты», тянула время, пока у племянницы заживут оспины и можно будет их припудрить. Показали ее лишь в мае 1583 г. Специально выбрали наилучшие условия, освещение — Писемский должен был разглядывать Мэри урывками, гуляя в саду навстречу друг другу. Даже Карамзин, изложивший историю «сватовства» крайне искаженно, должен был признать, что Елизавета «желала этого брака, желала и невеста». О том же красноречиво говорят вопросы англичан — смогут ли дети Мэри наследовать престол? А что дети будут, лондонские воротилы как-то не сомневались (понадобится — сделаем). Чтобы повысить рейтинг Мэри, ее отцу, графу Гонтингдону, даже приписали титул «владельческого князя», хотя в Англии такого титула отродясь не существовало.

Но королева закидывала и другие удочки. Иван Грозный, предлагая союз в тяжелом 1569 г., когда на Россию наступали поляки, шведы, турки, а царю еще и грозил широкий заговор знати, предусматривал в договоре пункт о взаимном предоставлении убежища монархам двух стран. Теперь Елизавета выражала удовольствие, что царь собирался «посетить Англию», и говорила, что она тоже когда-нибудь желала бы увидеть Ивана Васильевича *«собственными глазами»*. Выспрашивала, спокойно ли нынче в России... Уже не царь, а королева считала нужным готовить себе убежище! Это была одна из главных целей всей затеи!

Ведь Елизавете и ее советникам даже бежать было некуда. И оборона была проблематичной. По закону 1573 г. упраздненную армию должны были заменить отряды местного ополчения, но на поддержку собственного народа королеве рассчитывать не приходилось. Если бы испанцы высадились, население с большой долей вероятности могло признать законным монархом Филиппа II. При нем и его жене, Марии Кровавой, простые люди жили не в пример лучше, чем при Елизавете. Мария заслужила свое прозвище, казнив 2 тыс.

оппозиционеров, но она держала в ежовых рукавицах знать и богачей, не позволяла им хищничать, пресекла огораживания, в ее правление не разорялось крестьянство, не вешали нищих и бродяг, не загоняли насильно бедноту в жуткие рабочие дома при мануфактурах. Все эти прелести принесли «новые люди», окружавшие Елизавету. В случае поражения их ждал народный бунт и эшафот.

Переговоры с Писемским по всем пунктам зашли в полный тупик, но заинтересованность англичан была настолько велика, что они предприняли новую попытку добиться своего. В Россию отправилось посольство Джеронима Боуса. Оно приехало в Москву в октябре 1583 г. Здесь переговоры возглавили Никита Романович Захарьин, Богдан Бельский, Андрей Щелкалов. И первым делом они охладили англичан вопросом, а хочет ли их «невеста» перекреститься в Православие? В ответ на требования монопольной торговли на Севере вывалили кучу претензий: как англичане взвинчивали цены, сбывали гнилые сукна, жульничали, как некоторые из них писали за рубежом гадости о России, как британские купцы помогали шведам и Баторию. Указали, что они в нашей стране гости, а не хозяева, вот и нечего диктовать свои условия — дескать, мы вам на себя «кабалы не давали». Словом, еще раз четко обозначилось, что русских альянс абсолютно не интересовал.

Боус злился, кипятился, несколько раз прерывал диалог с боярами и требовал личных встреч с царем. Что ж, Иван Грозный его принимал. От души разыгрывал перед ним «жениха», только и мечтающего об англичанке. Очевидно, хорошо потешался при этом. Но и он не выдерживал, то и дело выходил из выбранной роли. Боус пробовал юлить насчет союза — мол, королева вовсе не имела в виду войну против Польши и Швеции, она со всеми в дружбе, и готова только мирить царя с его противниками. Иван Васильевич тут же поймал его: «Если главные мои враги — друзья королеве, то как я могу быть ее союзником?» Коли хочет мирить, ну ладно, пусть помирит. Но таким образом, чтобы Баторий отдал Ливонию и Полоцк, а шведы — Нарву. Или пусть англичане вместе с русскими наступают на поляков. Вывод царя был: Елизавета «хочет с нами быти в dokonчании (союзе) словом, а не делом», и Боус приехал «с пустословием».

А тут еще и Писемский доложил о «невесте» вовсе не в тех вежливых тонах, которые он употреблял в Англии. Боусу пришлось признать, что Мэри «слабого здоровья и не хороша лицом». Но союз Лондону так требовался, так хотелось охмурить царя! И Боус принялся оправдываться плохим зна-

---

нием русских обычаев, умолял не завершать на этом переговоры, продолжить их позже. Сообщил, что у Елизаветы имеются еще родственницы, причем не одна и не две, а аж «до десяти девок». Заверял, что следующее посольство привезет их портреты — выбирайте на любой вкус. Обещал, что Англия вступит даже и в союз против поляков, если ей дадут торговую монополию и освободят от пошлин...

Царь не отказывался. Хотите — давайте продолжим. Присылайте портреты своих девок. Поллюбуемся. Готовьте проект союзного договора. Обсудим. Разумеется, дело кончилось ничем. Заключить договор против Речи Посполитой и Швеции королеве ни за что не бы позволили «торговые мужики» из парламента, которые в это время вовсю торговали польским хлебом. И Иван Грозный знал, что не позволят. А поползновения соблазнить царя прелестями англичанок оборвала его смерть.

Подтверждением особой миссии, которую выполнял во всей этой истории врач Якоби, служит его дальнейшее поведение. Он даже не пытался остаться в Москве, хотя иностранным докторам в России очень высоко платили. Как только царя не стало, он вместе с посольством Боуса выехал на родину. Его работа закончилась. Но прошло три года, Борис Годунов снова пошел на сближение с англичанами, вернул им право беспошлинной торговли, отнятое Грозным. И тут же в Москве появился Якоби! Но теперь он имел уже совсем иные рекомендации, величайшего специалиста по *женским* болезням — и был приставлен к царице Ирине Годуновой, через которую Борис осуществлял влияние на Федора Иоанновича. То есть, врач опять оказался в ключевой точке информации и принятия решений.

Елизавете и ее приближенным не пришлось бежать и искать убежища в других странах. Испанская «Непобедимая армада» еще не начинала подготовку к вторжению, а разведка Уолсингема уже сообщила о планах, портах сосредоточения, маршрутах. Недостаток армии и флота компенсировали пираты. Принялись долбить испанские корабли прямо в портах, продолжили в пути следования, не допустили к гаваням Фландрии, где армада должна была взять на борт десантные войска, а буря довершила разгром.

Ну а о «союзе», который желали навязать Ивану Грозному, мы с вами можем судить по «союзному» договору, заключенному в 1580 г. между Англией и Турцией. Он был именно таким, какой хотелось бы заключить и с Россией. Британцы не взяли на себя никаких конкретных обязательств, но за чисто декларативную «дружбу» получили огромные привилегии.

Они урвали монополию на левантийскую торговлю, устроились в Стамбуле, как дома, окрутили султанский двор, а в итоге откровенно сели туркам «на шею», и выжить их не удалось вплоть до XX в.

КТО И КАК УБИЛ ИВАНА ГРОЗНОГО?

Заговоры против первого русского царя возникали не один и не два раза — в 1553, 1563, 1564, 1567, 1569, 1574 гг. Ничего удивительного в этом нет. XVI в. в Европе вообще был веком заговоров, политических убийств, ядов, интриг. А при Иване Грозном Русь вдвое увеличила свою территорию, стала одной из могущественных мировых держав, пыталась пробить путь на запад для равноправного участия в европейской торговле. Соответственно, для врагов России, желающих ее ослабления, требовалось в первую очередь устранить ее монарха. Государь был и главным защитником Православной Церкви, ее опорой. А XVI в. был веком Реформации и Контрреформации. Иван Грозный мешал как еретикам-сектантам, так и Риму, который как раз в данное время развернул широкую экспансию католицизма, создал для этого весьма эффективную и разветвленную спецслужбу — орден иезуитов. Наконец, успехи нашей страны достигались утверждением самодержавия, царь укреплял централизованную власть, пресекал своеволие знати, ее хищничества и злоупотребления. А это порождало оппозицию аристократов, желавших иметь такие же «права» и «свободы», как в соседней Польше. Внутренние враги находили общий язык с внешними, зарубежные силы искали связи с российскими изменниками.

Последний заговор против Ивана Васильевича был очень узким. Его организаторы учли ошибки прошлого. Среди слуг, вовлекаемых соучастников, их знакомых, найдется хоть один человек, верный государю — и все, пожалуйста на плаху. На этот раз в окружении Грозного действовали всего двое, но это были люди, самые близкие к нему — Богдан Бельский и Борис Годунов. Они не пытались стать «серыми кардиналами», подобно Адашеву и Сильвестру. Не подыгрывали оппозиции, как Басмановы и Вяземский. Нет, они демонстрировали безусловную преданность царю, тем самым укрепляя его доверие к себе.

Судя по всему, инициаторами заговора были не бояре, а зарубежная агентура. Ее в России хватало, 1 октября 1583 г. данному вопросу было даже посвящено специальное заседание Боярской Думы. На нем отмечалось, что «многие литовские люди» приезжают в Москву и живут «будто для торгов-

---

ли», а на самом деле являются шпионами. Было принято решение не допускать в столицу приезжих из Польши, назначить им торговать в Смоленске. Но к этому времени связи заговорщиков с Западом были уже установлены.

Бельскому и Годунову играть в пользу аристократов было в общем-то незачем. Оба являлись выдвигенцами «снизу», обязанными своим положением только царю. Бельский — из мелких детей боярских, возвысился он как племянник Малюты Скуратова, а потом и личными деловыми качествами, стал думным дворянином, оружничим. Годунов был более знатным, из старого московского боярства, но его карьеру обеспечили протекция дяди, приближенного Ивана Грозного, и женитба на дочери Малюты. Он получил чины кравчего, боярина.

Ключевой фигурой в «дуэте» являлся, без сомнения, Бельский. Он фактически возглавлял внешнеполитической ведомство, вел переговоры с иностранцами, в том числе конфиденциальные, был главным советником царя. Но при всем могуществе он не мог по «худородству» претендовать на боярство, на первые места в Думе, важнейшие военные и административные посты. По сути он, еще молодой человек, после стремительного взлета достиг своего «потолка». Больше ему ничего не светило, только быть «при» государе и удерживать обретенные позиции. А голова, видать, кружилась. Хотелось большего. И при польских порядках это было возможно — титулы, города, замки. Веселая и широкая жизнь вместо того, чтобы отстаивать с царем на долгих церковных службах, отдавать себя делам и изображать, будто ты мечтаешь только об этом.

Изменники начали действовать в 1579—1580 гг. Во-первых, им удалось добиться, чтобы младший царевич Федор женился на сестре Годунова Ирине. Это еще больше упрочило позиции заговорщиков, Годунов стал членом царской семьи. А во-вторых, с помощью клеветы и подброшенных улик был уничтожен личный врач царя немец Елисей Бомелий. Его обвинили в связях с поляками и казнили. Впоследствии либеральные историки так густо полили Бомелия грязью, что он, скорее всего, был честным человеком. А устранили его, чтобы заменить другим лицом. И при дворе появляется новый врач, некто Иоганн Эйлоф.

Личность, мягко говоря, загадочная. Новейшие исследования о нем выявили весьма любопытные факты. В то время дипломированных медиков готовили лишь несколько европейских университетов — Лейден, Йена, Кембридж и Оксфорд. Но, по данным М.В. Унковской, среди выпускников этих учебных заведений Эйлоф не значился. По вероисповеданию он представлялся «анабаптистом», но являлся «скры-

---

тым католиком». И в разных местах, где появлялся доктор, зафиксировано его «сотрудничество с иезуитами» (см. монографию Т.А. Опариной «Иноземцы в России XVI — XVII вв.», Российская Академия Наук, Институт Всеобщей истории, М., Прогресс-традиция, 2007).

По национальности Иоганн Эйлоф был, вроде бы, фландрцем. А в русском документе 1650 г., касающемся правнука доктора, указывается, что «прадед его Иван Илфов выехал ис Шпанские земли», то есть, из Испании. Правда, Фландрия тоже принадлежала Испании, но в Нидерландах шла жестокая война. Незадолго до описываемых событий, в 1576 г., испанцы взяли штурмом центр Фландрии, Антверпен, вырезали и разграбили. А в 1579 г. Южные Нидерланды вернулись под власть Испании. Однако эти провинции стали полностью католическими, анабаптиста там ждал бы костер. А Эйлоф прибыл в Россию отнюдь не нищим беженцем. Он сразу же развернул масштабный бизнес, имел собственный корабль, его сын и зять бойко торговали, возили на запад ценные грузы.

В 1582 г. корабль Эйлофа был захвачен датскими пиратами, и пропало товаров на 25 тыс. рублей. Это была фантастическая сумма (для сравнения, английская Московская компания, торговавшая по всей России, платила в казну налог 500 руб.) Но доктор после такой потери вовсе не был разорен! Он остался очень богатым человеком, а его сын — крупным купцом. Если применить к нынешним масштабам, то Эйлоф оказался бы мультимиллионером! И «мультимиллионер» зачем-то устраивается царским врачом... Какие капиталы стояли за ним, не выяснено до сих пор. Неизвестно и то, чьи рекомендации он имел. Но протекцию при дворе ему мог обеспечить лишь Бельский. Именно он отвечал за охрану царского здоровья. Сохранившиеся документы показывают, что лекарства для Грозного приготавливались «по приказу оруженничего Богдана Яковлевича Бельского». И принимал их царь только из рук Бельского.

В 1581 г., как раз после приезда в Москву Эйлофа, заговорщики предприняли следующие шаги. Шла война, и к противникам перебежали два брата Бельского. Давид к полякам, Афанасий — к шведам. Установили связи, получили возможность договориться о взаимодействии, обсудить условия. Но хотя историки израсходовали моря чернил, утверждая «болезненную подозрительность» Ивана Грозного, почему-то ничего подобного не наблюдалось. На положении Богдана Бельского измены не сказались. Царь по-прежнему видел в нем племянника верного Малюты и переносил на него

полное доверие, которое питал к Малюте. А что братья предали, так он за них не ответчик. Впрочем, может быть и так, что государя убедили, будто Бельские посланы специально, для дезинформации врага. В пользу подобной версии говорит тот факт, что советы Давида Бельского Баторию в разных источниках диаметрально расходятся. В одних он призывает короля идти на Псков, сообщает, что там «людей нет и наряд вывезен и сдадут тебе Псков тотчас», в других — рекомендует вместо Пскова, где поляков ожидают, ударить на Смоленск.

Царь, как известно, и сам вел тайные игры. Россия устала от долгой войны, требовалась передышка. А за Баторием стояли силы всей католической Европы, он получал финансовую помощь от папы, императора, западных банкиров, что позволяло вербовать наемников в разных странах. И Иван Васильевич сделал хитрый ход. Направил своего посланца Шевригина в Рим. Обратился к папе Григорию XIII, что мечтает быть с ним в дружбе, поманил надеждой заключить союз против турок — дескать, только война с поляками этому мешает. Вот и пусть папа вмешается, поможет примириться. Попутно царь поинтересовался деяниями Флорентийского собора, принявшего церковную унию. В одном из писем отметил — дескать, на этом соборе папа Евгений IV и византийский император Иоанн VIII «уложили», что «одна вера греческая и латинская», и там присутствовал «из Руси Исидор митрополит».

Ватикан клюнул. Счел, что Иван Грозный готов признать унию. В Россию срочно отправилась миссия высокопоставленного иезуита Антонио Поссевино. О, это было не случайное лицо. Это был как раз один из тех деятелей, кто организовывал массированный «крестовый поход» на нашу страну. В 1578 г. он побывал в Швеции, склонил короля Юхана III к переходу в католичество, а заодно помог ему заключить союз с Польшей. Две державы стали согласовывать операции и наносить совместные удары. В нынешней миссии Поссевино тоже действовал далеко не искренне по отношению к русским. Проезжая через Вильно, «мироворец» провел переговоры с Баторием, благословил его на войну, а уж потом продолжил путь.

В Польше Поссевино никак не мог не повидаться с Давидом Бельским. Он не был бы иезуитом, да и просто дипломатом, если бы упустил возможность поговорить со вчерашним царским придворным. Стало быть, получил и выходы на его брата. А когда миссия прибыла в Старицу, где находился Иван Грозный, один из четверых иезуитов, входивших в состав посольства, объявил себя заболевшим. Царь послал к нему своего врача Эйлофа. И, как сообщал Поссевино, с ним были

установлены очень хорошие контакты (см. Иван Грозный и иезуиты. Миссия Антонио Поссевино в Москве, М., 2005).

Ну а Иван Васильевич сделал вид, будто он в восторге от папских посланий, однако от разговора об объединении церквей уклонился. Заявил, что сперва надо прекратить кровопролитие, а уж потом, мол, решим все дела. Отправил делегатов обратно к Баторию. Конечно, Поссевино отнюдь не помог русским. Наоборот, он всю подыгрывал полякам, подталкивал царских дипломатов к уступкам. Неприятеля склонила к миру героическая оборона Пскова. Поражения и огромные потери отрезвили панов. Но и дипломатический ход Ивана Грозного сыграл свою роль. Батория перестала поддерживать католическая церковь. Победы кончились, значит, надо было быстрее заключать мир и приводить царя к унии — пока он под влиянием своих успехов не передумал. Сейм отказал королю в субсидиях, финансирование из Рима тоже пресеклось. В результате было подписано Ям-Запольское перемирие.

Однако пока шли бои под Псковом и переговоры, разыгралась другая драма. Для достижения целей заговора решающее значение имело не только убийство царя. Важен был и вопрос, кто заменит его на престоле? Все ранние заговоры ориентировались на двоюродного брата государя, Владимира Старицкого. Иван Грозный много раз прощал крамольного родственника, но в 1569 г., после покушения на царскую семью, когда была отравлена царица Мария Темрюковна, все же казнил его. Теперь столь удобной кандидатуры не было. И изменники сделали ставку на царевича Федора. Который об этом, конечно, не подозревал. Но он был слабым, болезненным, а по своему душевному складу не годился на роль самостоятельного правителя. То есть, его можно было захватить под влияние.

Однако в этом варианте обязан был погибнуть старший царевич, Иван. Причем его требовалось убить раньше, чем отца. Во-первых, Грозный еще нужен был живым — ведь Рим надеялся через него привести Россию к унии. А во-вторых, если бы первым умер царь, престол доставался Ивану Ивановичу. Но он мог сменить свое окружение, выдвинуть каких-то друзей, родственников. Нет, последовательность должна была стать только такой — сперва старший сын, и после его смерти Федор уже станет законным наследником.

Так оно и случилось. Версию, будто Иван Грозный убил сына, внедрили либеральные историки XIX в., не критично (и преднамеренно) использовавшие зарубежные клеветнические источники. Ее детальное опровержение приводится в тру-

---

дах митрополита Иоанна (Снычева) (Самодержавние духа, СПб., Царское дело, 1995), В.Г. Манягина (Правда Грозного Царя, М., Алгоритм, 2006). Данные аргументы я подробно разобрал в своей книге «Царь Грозной Руси, отец казачества», и здесь приведу лишь некоторые из них. О сыноубийстве не сообщает ни одна из русских летописей (в том числе неофициальных, далеко не дружественных к Ивану Грозному). Французский капитан Маржерет, долгое время служивший при русском дворе, писал, что смерть царевича от побоев — ложный слух, «умер он не от этого... в путешествии на богомолье».

А в XX в. были вскрыты гробницы и исследовались останки. Волосы царевича очень хорошо сохранились, но ни химический, ни спектральный анализ следов крови на них не обнаружил. Хотя, когда обмывали покойного, полностью удалить их было нельзя, какие-то частицы должны были остаться. Зато выявлено, что содержание мышьяка в останках втрое выше максимально допустимого уровня, а ртути — в 30 раз. Царевич был отравлен. Кстати, накануне этого он и его отец вообще находились в разных городах. Царь всю осень провел в Старице, где расположил свою военную ставку, а его сын был в Москве, где оставались правительственные учреждения, приказы. Вероятно, занимался формированием пополнений и другими вопросами. Очевидно, там он и заболел. Потом, согласно сообщению Маржерета, почувствовал себя лучше, поехал на богомолье, но по дороге, в Александровской Слободе, слег окончательно. И лишь тогда, в ноябре, царь примчался из Старицы в Слободу. А «лечили» царевича доктор Эйлоф и Богдан Бельский. Документы, подтверждающие это, уцелели и дошли до нас (см. упомянутую работу Т.А. Опариной).

Но мы знаем и другое: кто был первым автором версии о сыноубийстве. Не кто иной как Поссевино. Тут уж поневоле напрашивается сравнение — кто первым начинает кричать «держи вора»? Заодно иезуит таким способом отомстил Ивану Грозному, который ловко обставил Ватикан. Потому что миссия Поссевино провалилась. Когда он после подписания перемирия приехал в Москву, выразив готовность начать разговор о главном, о соединении церквей, царь удивленно развел руками — дескать, ни о чем подобном он папе не писал. И впрямь не писал, он лишь констатировал факт Флорентийского собора и обратился о «дружбе» и посредничестве. Рим сам купился, увлекшись собственными иллюзиями.

Поссевино все-таки настоял, чтобы был организован диспут о вере. Ему же требовалось отчитаться, что он хотя бы предпринял попытку. Диспут состоялся 21 февраля 1582 г. В

нем участвовал и Эйлоф, единственный иностранец с российской стороны. Возможно, его привлекли как переводчика и консультанта по западному богословию. Но накануне, как сообщает Поссевино, врач увиделся с иезуитами и «тайно сообщил нам, чтобы мы не подумали о нем дурно, если из-за страха во время диспута скажет что-нибудь против католической религии» (Поссевино А., Исторические сочинения о России XVI в., М., 1983). Как видим, секретные контакты продолжались, и Эйлоф счел нужным извиниться, что вынужден будет изображать себя их противником.

Ясное дело, диспут окончился ничем. А Поссевино, покинув Россию, в августе 1582 г. выступил перед правительством Венецианской республики и заявил, что «московскому государю жить не долго». Откуда такая уверенность? Иезуит не был частным лицом. Он являлся дипломатом, в том числе представлял интересы Венеции (договаривался в Москве о венецианской торговле). Его выступление было официальным отчетом. Откуда он мог *знать*, что случится через полтора года? Царю исполнилось всего 52, он был здоров и сил у него еще хватало, чему имеется однозначное доказательство — 19 октября 1582 г. царица Мария Нагая родила совершенно здорового сына Дмитрия. Предвидеть гибель Грозного Поссевино мог лишь в одном случае — зная о планах заговорщиков. Вполне вероятно, что он же и утвердил эти планы, находясь в Москве.

Кстати, очень может быть, что смерть царя отсрочил... упомянутый захват датскими пиратами корабля Эйлофа. В плен попали его сын и зять, в июле 1582 г. Иван Грозный направил по этому поводу гневную ноту датскому королю Фредерику II. Указывал в ней на высокий ранг пострадавшего купца: «А отец его, Иван Илф, дохтор при дверех нашего царского величества, предстоит перед нашим лицом...» Лишь после переговоров пленные были возвращены в Россию (или выкуплены). В данный период, конечно, царь был нужен, чтобы спасти родственников.

Иван Васильевич прекрасно себя чувствовал вплоть до первых месяцев 1584 г. Никаких болезней не зафиксировано. В феврале он вел переговоры с английским посольством Боуса, в начале марта беседовал на духовные темы с диаконом Исайей, ученым книжником из Каменец-Подольска. Исайя, записал, что встреча происходила «перед царским синклитом», и государь с ним «из уст в уста говорил крепче и сильнее», то есть, был здоров. Лишь 10 марта навстречу польскому послу Сапеге был послан гонец с предписанием задержать его в Можайске, поскольку «государь учинился болен».

Существует два развернутых описания смерти Ивана Грозного — и оба недостоверные. Одно составил ярый русофоб пастор Одерборн, никогда не бывавший в России, но выливший на нее столько злости и лжи, что даже тенденциозные авторы к его описам предпочитают не обращаться. Другое описание — англичанина Горсея. Он писал мемуары в расчете на сенсацию, всюю фантазировал, изображал себя чуть ли не другом и советником царя, блестяще выполнявшим его тайные поручения. На самом деле Горсей приблизился к московским высшим кругам позже, при Годунове. А в данное время он был всего лишь приказчиком-практикантом, писал по слухам, и реальные факты перемешал с домыслами и нелепостями.

Например, историю о том, будто Бельский по приказу Грозного собрал волхвов из Лапландии, чтобы предсказали день смерти, Горсей слово в слово передрал из «Жизни двенадцати цезарей» Светония. Благо Светоний давно умер, не мог предъявить обвинение в плагиате. В нашем распоряжении есть документы, с лапландскими шаманами совсем не стыкующиеся. Последнее личное письмо царь послал вовсе не к шаманам, а в свой любимый Кирилло-Белозерский монастырь, просил «молиться соборне и по кельям», чтобы Господь «ваших ради святых молитв моему окаянству отпущение грехов даровал и от настоящих смертных болезни освободил».

Что это была за болезнь — сейчас установлено. Содержание мышьяка в останках в 2 раза выше максимально допустимого уровня, ртути в 32 раза. Травили по той же методике, как сына. Ртуть накапливается в организме, действует медленно, мышьяк — быстро. Подобная схема позволяла вызвать картину тяжелой болезни, а потом добить другим ядом. И подозрений нет: умер от болезни. Согласуются с диагнозом и известия, что у государя распухло тело и дурно пахло «из-за разложения крови» — это признаки отравления ртутью, которая вызывает дисфункцию почек, и прекращаются выделения из организма. А «лечили» царя те же люди, что «лечили» его сына, Бельский и Эйлоф.

Несмотря на маскировку, правда просочилась наружу. Дьяк Тимофеев и некоторые другие летописцы сообщают, что «Борис Годунов и Богдан Бельский... преждевременно прекратили жизнь царя», что «царю дали отраву ближние люди», что его «смерти предаша». В 1621 г., при патриархе Филарете Романове, Иван Грозный был внесен в святцы с чином великомученика (с таким чином он упоминается в сохранившихся святцах Коряжемского монастыря). Следовательно, факт его убийства признала Церковь. О том, что его убили Годунов и Бельский, рассказал и Горсей, хотя он, по собственным

догадкам, писал, будто Ивана IV «удушили» (удушить царя было трудно, он никогда не бывал один, при нем постоянно находились слуги — спальники, постельничие). Голландец Исаак Масса, живший в Москве несколько позже, но имевший какие-то очень хорошие источники информации при дворе, записал, что «один из вельмож, Богдан Бельский, бывший у него в милости, подал ему прописанное доктором Иоганном Эйлофом питье, бросив в него яд». А француз де Лавиль, находившийся в России в начале XVII в., допустил ошибку только в фамилии, он прямо сообщал об участии в заговоре против царя «придворного медика Жана Нилоса».

17 марта Иван Грозный принял горячую ванну, и ему полегчало (ванны способствуют частичному освобождению организма от вредных веществ через поры кожи). В Можайск послали разрешение Сапеге продолжить путь в Москву. В последний день жизни, 18 марта, царь снова принял ванну. Но он, конечно же, не устраивал для приказчика Горсея персональную экскурсию в свою сокровищницу. И в шахматы не играл. Чем занимался царь в этот день, хорошо известно. Он собрал бояр, дьяков и в их присутствии составлял завещание. Объявил наследником Федора. Помогать ему должен был совет из пяти человек: Ивана Шуйского, Ивана Мстиславского, Никиты Романовича Юрьева, Годунова и Бельского. Царице и царевичу Дмитрию выделялся в удел Углич, опекуном ребенка назначался Бельский.

Завещание было очень важно для заговорщиков. Оно утверждало их собственное положение. Вероятно, ради этого государю и помогли немножко поправить здоровье. А как только завещание было подписано, дали еще «лекарства». Наступило резкое ухудшение. Духовник царя Феодосий Вятка только успел исповедовать и причастить государя и, исполняя его последнюю волю, вместе с митрополитом Дионисием совершил пострижение в схиму. Как писал св. патриарх Иов, «благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич... восприят Великий ангельский образ и наречен бысть во иноцех Иона, и по сем вскоре остави земное царство, ко Господу отъиде».

Роль доктора Эйлофа в этом преступлении подтверждают его дальнейшие действия. Через четыре месяца после смерти царя, в июле, он встречался в Москве с польским послом Сапегой, передал ему ценные сведения. А в августе он сам оказывается в Польше, и не где-нибудь, а в окружении виленского кардинала Е. Радзивилла, представляет ему исчерпывающий доклад о положении в России. Т. Опарина отмечает: «Таким образом, Иоганн Эйлоф продолжил сотрудничество с иезуитами и информировал орден о политических

разногласиях в российских верхах». Врач вовсе не бежал из нашей страны, он выехал легально. В России остался его сын Даниэль, он даже «натурализовался», перекрестившись в Православие, стал солидным ярославским купцом и солепромышленником.

А появление в Польше его отца вызвало переписку в очень высоких католических кругах. Папский нунций кардинал Болоньетти, находившийся в Люблине, 24 августа счел нужным послать об этом донесение в Ватикан, причем называл Эйлофа «очень богатым человеком» и сообщал, что он отправился в Ливонию. Но дальнейшие его следы теряются. «Очень богатого» доктора не обнаруживается ни среди известных врачей, ни среди крупных предпринимателей и купцов. Возможно, он и впрямь превратился в «Нилоса» или кого-то еще...

Какой сценарий действий предполагался после убийства Грозного? Мы можем судить об этом по событиям 1585 г. Баторий начал приготовления к новой войне с Россией, деньги на нее выделил папа — 25 тыс. золотых скуди в месяц. Но одновременно Польша вдруг предложила русским избежать сражений и заключить вечный мир на условиях... объединения двух держав. Если первым умрет Баторий, пусть общим королем будет Федор, а если первым уйдет из жизни Федор — пусть царствует Баторий. Неплохо, правда? Если даже допустить, что Федору после подписания такого договора позволили бы пережить короля, Россия в любом случае погибала. В нее хлынули бы католики, еретики, евреи, банкиры, «свободы»... А соавтором плана являлся все тот же Поссевино, именно он осуществлял в это время связи между Римом и Польшей.

Но зарубежные режиссеры допустили серьезный просчет. Несмотря на то, что заговорщики составляли узкую группу, они не были единомышленниками. Бельскому Годунов требовался позарез — чтобы через его сестру контролировать царя. Однако Годунову Бельский был абсолютно не нужен. Борис не был «идейным» изменником, он был просто беспринципным карьеристом с безграничными амбициями. Его влекла только власть. Союзником Бельского он выступал лишь до определенного момента. Уже в апреле 1584 г. он спровоцировал бунт москвичей и избавился от компаньона, отправил его в ссылку. И иезуиты, поляки, папа, уния Годунову были не нужны. Наоборот, он принялся задабривать и поддерживать Православную Церковь — чтобы, в свою очередь, обрести ее поддержку. Что ж, тогда понадобился Лжедмитрий...

Юрий БОНДАРЕВ,
Владимир ЮДИН

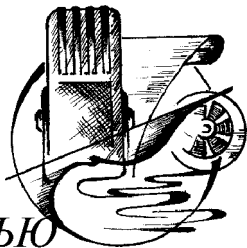
АМЕРИКА ОСТАНЕТСЯ НЕ ОПЛАКАННОЙ

В конце 90-х годов прошлого века состоялась наша беседа с писателем Ю.В. Бондаревым. Тогда ее опубликовать не удалось. Между тем, высказанные мысли русского писателя-фронтовика нынче обрели еще более жгучую актуальность на фоне мировых военных конфликтов, развязанных США, глобального финансово-экономического кризиса и прочих опасных катаклизмов, грозящих существованию всех народов планеты.

Владимир ЮДИН

— Юрий Васильевич, Вы хорошо знаете быт и нравы Западного мира, в том числе США, бывали там, писали много о нем в своих книгах. Чаще всего говорят о кардинальной несовместимости американского и русского образа мысли и понимания смысла жизни.

Как-то в печати мне встретилось откровение некогда популярного советского актера Савелия Крамарова, польстившегося на «золотой рай» американского образа жизни, но вскоре очень горько в нем разочаровавшегося: в Америке всюду деньги, деньги, деньги, всюду деньги-господа. А без денег жизнь плохая, не годится никуда...

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

— Кое-что мы знаем о характере и душе русского человека, но знаем ли мы особенности американского мышления, которое не первый год внедряется в сознание людей, уже подчинив себе половину мира? Американский образ жизни? Не есть ли это при обеспеченности и сытости напряженная склонность к постоянным раздумьям о неустойчивости личного бытия — об ускользающем из рук долларе, о сроках кредитов, о каждодневных бытовых счетах, о налогах и неумолимых процентах, кои надобно платить в этой установленной законами жизни взаимности, ибо так живет все общество «благоденствия»?..

В роли приглашенных гостей несколько лет назад госдепартамент любезно предоставил трем советским писателям возможность познакомиться с американской действительностью вблизи, не ограничивая познания наши ничем, кроме южных штатов. В этом электрическом, сияющем и днем, и ночью Эдеме, среди стеклянных небоскребов Нью-Йорка и шестидесятиэтажных ошеломляющих башен Чикаго, в теплом по-южному Лос-Анджелесе, в романтическом Сан-Франциско на берегу океана, в скучновато-сером Вашингтоне и стандартной Филадельфии происходили встречи с писателями (Стейнбек, Апдайк, Стоун, Чивер, Колдуэлл, Беллоу, Миллер, Олби), актерами кино и театров, режиссерами, студентами и профессорами главных университетов, верховными судьями, бизнесменами, миллионерами, денежной аристократией, могучими владыками несметного капитала и умопомрачительных состояний, встречи с негритянской интеллигенцией, фермерами, рабочими на фордовских конвейерах Нью-Джерси.

И неустанно я пытался «докопаться», понять, проникнуть в смысл, загадку и суть этой заокеанской таинственной «страны Свободы», которая со школьных лет притягивала, влекла меня романами Джека Лондона, Митчелл, Бичер Стоу, Кэрвуда, Сетон-Томпсона, фильмами несравненного Чаплина, талантливейшей диснеевской мультипликацией, а позднее — романами Драйзера и Вулфа, прекрасными полотнами жившего в Париже Уистлера и Сарджента.

И чем больше проходило встреч, тем в большую печаль познания впадал я, ибо одновременно с пышным зрелищным богатством разукрашенной государственной витрины, роскошью респектабельных магазинов, отполированных в граните и мраморе подъездов банкирского Уолл-стрита, лазурными бассейнами в виллах — на меня постепено наплывала другая Америка, та, которая вызывала терпкую и унылую тревогу, разочарование и какую-то бесприютность сре-

---

ди через край показного изобилия, самопоклонения богатству и вульгарного самодовольства. И признаюсь: не возникло ни малейшего желания облететь вокруг статуи Свободы, в порывах забвения умиляясь прелестями невиданной демократии и правами человека.

Первое, что я понял в заокеанской стране: американская и русская цивилизации несовместимы, немыслимо далеки друг от друга, неизмеримо противоположны. Русская цивилизация со всей ее культурой, вариантами, вариациями, тонкостями и оттенками по сути своей вся сплошь духовная, то есть поднебесно-божественная, устремленная ввысь, напоминающая синюю музыку Вивальди. Американская цивилизация — сугубо приземленная (несмотря на небоскребы), грубо материальная, прочного серого цвета, алчно-потребительская, так как все в ней направлено на беспощадную гонку потребления, на культ богатства. Денежной силы. Накопления любой ценой, стяжательства, чтобы выжить в гонке. И в этом бездушном миропорядке человек есть машина для добывания денег, живая машина, неуклонно деградирующее и примитивно думающее существо: деньги, деньги, деньги. Культ богатства так же, как и культ насилия, всегда был чужд русскому человеку, самой природой наделенному совестью в избытке.

— *Американцами правят кумиры, созданные, как выражался выдающийся русский философ-эмигрант Иван Ильин, «мировой закулисой» и всеми средствами массовой информации. Журналисты западного мира, не смущаясь, бахвалятся: знаменитость-кумир делается ими в течение 48 часов. И примечательно то, что 80 процентов американцев не имеют своей точки зрения и повторяют мысли, продуманно-упредительно заготовленные «закулисой»...*

— Абсолютное большинство американских обывателей не читает книг, за исключением, пожалуй, детективных серий, что отнюдь не считается зазорным. До первой моей сокрушительной печали познания я, неисправимый скептик, подозрительно проверял и взвешивал все, что слышал, знал и читал об Америке, и сначала, чистосердечно признаюсь, подвергал сомнению жесткое неприятие этой неординарной страны Эмерсоном, Торо, Кнутом Гамсуном, Голсуорси, Киплингом, Горьким, Ивлином Во, Фолкнером. И, уже опираясь на собственный опыт, я мало-помалу стал соглашаться с почтенными мыслителями и проницательными художниками, увидевшими в «средневековом могуществе денег» (К. Гамсун) все пороки, все изъяны буржуазной демократии с ее жестокой амбициозностью, где правит никак уж не народ, ибо

свобода и равенство всех в обществе денежной диктатуры — смехотворны, лживы, иллюзорны, следовательно, благостное согласие между людьми невозможно, оно невероятно далеко от реальности, в которой вместе с владыкой-долларом царят скользкое лицемерие, усмехающееся ханжество, ограниченность, беззастенчивый цинизм, сытое довольство, примитивность силы. Аргумент разрывной пули, расистская напряженность (белые—негры—мексиканцы—пуэрториканцы), прикрытая бахвальством фальшивой нерушимости Соединенных Штатов под звездно-полосатым флагом. Под этим дорогим покрывалом мне бросились в глаза еще две черты Америки: здесь притворяются, что не «янки» пролили море крови, уничтожая индейцев, и здесь жестоко не любят, презирают, даже преследуют бедных, неудачливых людей — ничего не добился, не сумел сделать деньги, стало быть, виновен во всем. Когда я думал о захвате богатейших индейских земель и об этом гонении за бедность, приходили на память разительные суждения мудрецов о том, что в истоках каждого богатства лежит то или иное преступление. Преступление американцев перед коренным населением страны неискупимо!..

— *Ваши пронизательные наблюдения и умозаключения подтверждают ранее высказанными словами мудрого американского прозаика Фолкнера: «...мы отказались от смысла, который наши отцы вкладывали в слова «свобода и независимость», смысла, превращенного нами в наше время в пустой звук». Или: «...может быть совершенно любое действие, лишь бы оно освящалось выхолощенным словом «свобода». Или, наконец: «Если мы в Америке дошли в развитии нашей безнадежной культуры до того, что вынуждены убивать детей, каковы бы на то ни были причины, или какой бы ни был цвет их кожи, мы заслуживаем гибели и, очевидно, погибнем».*

— Всецело разделяю апокалиптический прогноз Фолкнера. В те мои американские дни я пришел к убеждению, что внешне прочная заокеанская опора Золотого Тельца — это Вавилонская башня, уже испытывающая толчки перед надвигающимся на континент землетрясением. Американская военизированная империя древнеримского подобия времен упадка, жадно заглатывающая в себя более половины чужеземного сырья. Задавившая мир своими купюрами, обеспеченными, к стати, лишь пятью процентами от номинальной стоимости, не выдержит, рухнет, рассыплется, как песчаная пирамида, при обрушившемся планетарном экономическом и национальном катаклизме под тяжестью необеспеченных бумажных банкнот и под изжигающей ненавистью поставленных на колени голодных народов. После Второй мировой

войны Америка принесла всему миру столько военных и экономических бед (Филиппины, Корея, Лаос, Панама, Вьетнам, Камбоджа, Ливан, Гренада, Ливия, опять Панама, Ирак, Сомали, Югославия, опять Ирак, Сербия) — можно ли говорить о «сат্যাграхе», о ненасильственном сопротивлении «демократических» США, что внушают ограбленным и оккупированным странам американские миссионеры, виртуозно выученные в специальных школах. Америка уже давно превратилась в гигантского клеща на теле человечества, и чем больше бедствуют и нищают зависимые от нее народы, тем богаче и жирнее становится империя, и тем жаднее высасывает она последние соки.

— *Но военное и экономическое порабощение неизбежно рождает рано или поздно национальное самосознание и ответное насилие против насилия. И тогда уже невозможно будет построить ложный мост мало-мальского согласия ни под эгидой бессильной ООН, ни под коварной силой НАТО. Измученные долгой пыткой народы, вырвавшиеся из смертельно острых когтей Америки, ни единой слезинкой не пожалеют о ее крахе и падении. Что же ждет Америку — Страшный суд или новый Нюрнбергский процесс, на котором вспомнят о Хиросиме и Нагасаки, о массовом уничтожении мирного населения?*

— Америка останется неоправданной и не оплаканной. Так не оплаканной осталась Древнеримская империя, столетия питавшаяся человеческой плотью, сосавшая кровь завоеванных провинций. Но Древнеримская империя щедро оставила после себя знаменитое римское право, культуру слова, философию, ораторское искусство, мастерство архитектуры и ваения, став преемницей греческой культуры.

Какое наследство оставит людям империя Америки? Технологию производства, которое породило индустриальное убийство жизни (40 процентов всех загрязнений на земле), отравленный воздух, вода, загазованные города, радиоактивные отходы и, как следствие, неизлечимые болезни. Подоблачные небоскребы, которые вряд ли сделали жизнь нью-йоркцев счастливее, вряд ли в их души вселили духовное начало и сделали цивилизацию духовной средой, а прагматично-одномерный характер американца интереснее и глубже. Что еще? Вереницу президентов, напоминающих восковых кукол с одинаковыми застывшими улыбками, позами и жестами. Наконец — «демократию» и «равенство» возможности». Нужно ли об этом всерьез говорить, коли политика имеет долларовую цену, вся без колебаний продается — и разум, и способности: души людей цинично отданы этой купленной политике, желтому дьяволу. Но, быть может, засияет в веках

бесценным алмазом культура Нового Света? Неоспоримо — оставят о себе память несколько хороших писателей, ученых, кинорежиссеров, актеров, несколько незаурядных архитекторов европейского происхождения, а рядом, вперемежку с изделиями пошлейшей «масс-культуры» будет стоять позорными знаками самая грязная порнография, распространенная по всему свету подобно СПИДу с маркой «Made in USA».

Что даст человечеству такое наследство? Америка — это эволюция от республики к империи зла со своей больной идеей американской исключительности, которая гибельна для цивилизаций Западной Европы, России и Азии.

— *Надо заметить, прогрессивная мировая общественность наконец-то осознала гибельную опасность всеразрушающего воздействия американских «цивилизаторов». Некогда бывшая центром европейской культуры, художественного вкуса и моды Франция первой начала сопротивляться оккупации американизма в эпоху здравомыслящего де Голля. Это было сопротивление засилью американской музыки, кинематографа, комиксов, детских игрушек — сопротивление шло не всегда успешно, но оно продолжается по сей день. Германия кое-как удерживает всё слабеющие с каждым днем традиционные немецкие позиции. Англия, известная консервативной национальной щепетильностью, изысканным альбионством, почти снобизмом, в последние годы утратила былую любовь к собственной старине, викторианскому духу, историческим традициям и заговорила «по-американски».*

— Американская доктрина примитивизации сознания имеет глобальную цель — подвести мировую культуру к общему знаменателю. То есть создать всемирную империю дебилов, покорных рабов, которым голова нужна как необходимость для ношения шляп и модных причесок, а цивилизация выражается в умении употреблять туалетную бумагу!

— *А что же мы, Россия?..*

— К огорчительному сожалению, мы существуем в дурном анекдоте, выражаясь мягко. Накануне своей отставки премьер-министр Черномырдин, человек свержкрасноречивый, говорящий, по его же утверждению, не на русском, а на «русском языке», стало быть, лингвист, сделавший открытие этого нового языка, поразил нас прямо-таки обвальным патриотизмом. Необузданной любовью к России. Во время пребывания в Америке Черномырдин в разговоре с вице-президентом США Гором зашелся от сладостного восторга, дрожащим голосом вознося хвалебные молитвы американскому образу жизни, американской культуре и, конеч-

---

но, давно канувшей в Лету американской точности. Вместе с тем, намеренно сверкая глазами и впадая в гнев, он обратил свое неудовольствие против России, против им же, Черномырдиным, разрушенного и замороженного производства (25 миллионов безработных!), против обманутого и обнищавшего народа, не умеющего, мол, работать, «вкалывать», а создающего только беспорядок и хаос. Этот народ не понимает, что строится «народный капитализм», а всё «буровит, буровит» всякие «измы», в то время как «80 лет изгоняли призрак»: «Работать надо, а не буровить». Как всегда, Черномырдин убедительно живописен, поэтому, как говорится, всё кричало, и всё торчало в его подобострастной и гневной самобичующей речи; ясно было видно и оглушительно слышно, как он хотел понравиться Америке, как он лакейски ползал на коленях, заискивал перед Гором, этот неуклюжий даже в лести человек. Страстность его речи, разумеется, должна простить ему внезапные провалы памяти. Он невзначай замямливал, что всё огромное богатство России — заводы, гигантские комбинаты, жилые дома, дворцы культуры, университеты, школы, нефтяные и газовые промыслы, шахты, рудники, военная промышленность, космическая наука, несравненное искусство и литература — всё это было делом гения, таланта, умения, изобретательского разума и рук этих якобы не умеющих работать русских. Прискорбно несостоятельные «демократы» за годы своего бесславного правления не создали ничего, кроме пустого шума и ложных поз. Они жили и живут нескончаемым грабежом российских богатств, накопленных и созданных не умом «реформаторов», а Советской властью и социализмом (вот они, «измы», господин-патриот Черномырдин).

— Однако, Юрий Васильевич, с большой горечью не имею права не сказать, что несколько лет назад у русских стало очень заметно снижение чувства принадлежности к своей нации, чувства самосознания и воли, что прежде так ослепительно вспыхивало среди нашего народа в годы несчастий и бед. Не преобладает ли ныне давнее «двоеверие народа и наивность и славянская бестолковая доброта, голубиное сердце и доверчивость, и всеотсутствие змеиной печени — отчего вечно погибает русский народ?» Так со своей искренностью размышлял в письме к Тургеневу В. Стасов — истинный патриот России, поборник русского реализма, независимо мыслящий критик, прославленный идеолог «Могучей кучки» и Товарищества передвижников, даровитейших живописцев, будущей славы России.

— Читая Стасова и соглашаясь с ним, я думаю о судьбе, о звездных годах нашего народа, которому ненавистна сто-

---

ическая любовь к року, о чем говорит вся история наша, ненавистное и бесстрастное отношение к трагическим периодам жизни. И я опять возвращаюсь к наивысшему человеческому терпению и мужеству — к незабвенному Сталинграду, всемирного значения подвигу, который ждет Россию и униженный мир. В истории нет места для положительного «если бы». Но все-таки — если бы пал Сталинград, и пала Россия, то через короткое время пала бы и высокомерная самообожьяемая Америка. Нетвердая солдатским духом, мало испытанная выдержкой и огнем, она не вынесла бы наступательного натиска мощной немецкой армии. Поэтому подвиг воображаемого на земле Америки Сталинграда представить при самом тщательном усилии фантазии невозможно. Стоит лишь вспомнить вялые бои с японцами на островах в Тихом океане и постыдное бегство в Арденнах на исходе войны, при полном перевесе союзнических сил.

— *И все-таки я спрашиваю: остались ли в России натуры сильные, цельные, подлинно народные? Быть может, вместо них правят бал самозванные политики мелкого калибра? Бросается в глаза, что они приспособляются к любому строю, но ничего не строят, они вроде бы нацелены решать все конфликты, но не решают ни одного. Таким образом, страна поставлена в сверхкризисное положение — «быть или не быть».*

— Тем не менее, надо прекратить апокалиптические вопли и ныть! Плач оскорбляет трезвое мышление и ослабляет волю. Много в жизни изломано, исковеркано, сознание иных одурманено и опустошено. Но, Бог миловал, еще не повреждена полностью душа нации, душа лучших ее людей — и в этом надежда на сопротивление насилию геноцида. И я верю, страстно верю, что надежды не останутся облегчающими снами бодрствующих. Ничем не поколеблена вечная истина: всему на белом свете бывает конец, всему время и место. То, что сегодня властвовало на земле, в самодовольстве и самопоклонении торжествовало, кроваво судило, подчиняло вооруженной силой, подкупом и лестью, управляло судьбами миллионов людей, подобно империи Древнего Рима, завтра — в развалинах, ржавчине и пепле, заносимое безразличными к истории песками, уже безжизненно, мертво, и вокруг нет оплакивающих. Этот призрак исхода маячит и на берегах Тихого океана. Пока еще сильная Америка вступила в свой последний древнеримский фазис, после которого — пустыня, ничто, возмездие вставшего с колен мира.

— *Глобальное сокращение Америке пророчат и всевозможные оракулы-прорицатели. Однако их прогнозы, идеалистические, конечно, в своей основе, зачастую и не сбываются...*

— Исходя из многочисленных экономических, политических и главным образом нравственных посылок, я глубоко верю предсказаниям ясновидцев, что Америка, сотни лет продуманно ослаблявшая и разрушавшая весь мир и Россию, сама падёт, исчезнет как империя с политической карты планеты, разорвется в ближайшем десятилетии на север и юг, по штатам, искусственно и насильственно соединенным, на «Латинский Техас и протестантский рассудительный Восток» или станет «негро-латинской Америкой». В каждом нечестивом господстве над миром и человеком заложено сокрушительное поражение — история повторяется, как дурной сон...

— *Наверное, грешно так говорить и даже думать, но, право, как хотелось бы увидеть искаженные ужасом лица американцев, оглушенных взрывами ракет мщения на земле истощенного глупостью Клинтона. Неужто не будет справедливого отмщения этой стране? И за Югославию, и за Сербию, и еще за многое, многое, многое...*

— Рано торжествовать победу и пожимать друг другу руки с гауляйтерскими улыбками завоевателей мира. В каждом нечестивом успехе, где льется человеческая кровь и слышен плач детей, заложено сокрушительное поражение. Не мной открыто.

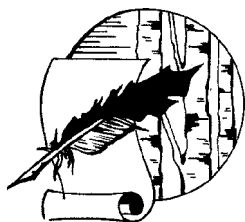
МГНОВЕНИЯ

ОЖИДАНИЕ

Лежал при синеватом свете ночника, никак не мог заснуть, вагон несло, качало среди северной тьмы зимних лесов, мерзло визжали колеса под полом, будто потягивало, тянуло постель то вправо, то влево, и было мне тоскливо и одиноко в холодноватом двухместном купе, и я торопил бешеный бег поезда: скорей, скорей домой!

И вдруг поразился: о, как часто я ожидал тот или иной день, как неблагоприятно отсчитывал время, подгоняя его, уничтожая его одержимым нетерпением! Чего я ожидал? Куда я спешил? И показалось до дикости странным, что почти никогда в прожитой молодости я не жалел, не осознавал утекающего срока, словно бы впереди была счастливая беспредельность, а та каждодневная земная жизнь — замедленная, ненастоящая — имела только отдельные вехи радости, все же остальное представлялось несостоящими промежутками, бесполезными расстояниями, прогонами от станции к станции.

Я неистово торопил время в детстве, ожидая день покупки перочинного ножа, обещанного отцом к Новому году, я с нетерпением торопил дни и часы в надежде увидеть ее, с портфельчиком, в легоньком платьице, в белых носочках, аккуратно ступающую по плитам тротуара мимо ворот нашего

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

дома. Я ждал того момента, когда она пройдет возле меня, и, омертвев, с презрительной улыбкой влюбленного мальчика наслаждался высокомерным видом ее вздернутого носа, веснушчатого лица, и затем с той же тайной влюбленностью долго провожал глазами две косички, раскачивающиеся на прямой напряженной спине. Тогда ничего не существовало в мире, кроме кратких минут этой встречи, как не существовало и в юности реального бытия до того блаженного часа одурманивающих прикосновений, стояния в подъезде около паровой батареи, когда я ощущал сокровенное тепло ее тела, влагу ее зубов, ее податливые губы, вспухшие в болезненной неутоленности поцелуев. И мы оба, молодые, ненасытные, сильные, сумасшедшие, изнемогали от не разрешенной до конца нежности, как в сладкой попытке: ее колени прижаты к моим коленям, и, отрешенные от всего человечества, одни на лестничной площадке, под тусклой лампочкой, мы были на последней грани близости, но не переступали эту грань — нас сдерживала стыдливость неопытной чистоты.

Ночь светлела за окном, исчезали обыденные закономерности, движение земли, созвездий, переставал падать снег над безмолвными рассветными переулками Замоскворечья, хотя он падал и падал, будто в белой пустоте Вселенной, заваливая мостовые; переставала существовать сама жизнь, и не было смерти, потому что мы не думали ни о жизни, ни о смерти, ибо уже не были подвластны ни времени, ни пространству, — а мы создавали, творили что-то особенно таинственное, главное, сущее, в котором рождалась совсем иная жизнь и совсем иная смерть, неизмеримые сроком XX столетия. Мы возвращались куда-то назад, в счастливую бездну изначальных на земле мгновений, когда не было рационалистических расчетов, в мгновения первозданной любви, толкнувшие мужчину к женщине, раскрывшие перед ними веру в бессмертие.

Гораздо позднее я понял, что любовь мужчины к женщине есть великий акт творчества, где оба чувствуют себя святейшими богами, и присутствие в мире власти любви делает человека не покровителем, а безоружным властелином, подчиненным всеобъемлющей доброте природы.

Нет, я не думал об этом тогда, но, если бы спросили, согласен ли, готов ли ради встреч с ней в том подъезде, возле паровой батареи, под тусклой лампочкой, ради ее губ, ее дыхания отдать несколько лет своей жизни, я ответил бы с восторгом: да, готов!..

Иногда думаю, что и война была как бы длительным ожиданием, бесконечным, мучительным сроком прерванного свидания с радостью, то есть все, что мы делали, было за

дальними границами любви. А впереди, за пожарами задымленного, порезанного пулеметными трассами горизонта, манила нас надежда на облегчение, вожделенная мысль о тепле в тихом домике среди леса или на берегу реки, где должна произойти встреча с незавершенным прошлым и недостижимым будущим. Терпеливое ожидание длило наши дни на простреленных полях и вместе очищало наши души от смрада висящей над окопами смерти.

Я помню первый успех в жизни и предваряющий его звонок по телефону, в котором было обещание этого успеха, долгожданного мною. Я бросил трубку телефона после разговора (никого не было дома) и сдавленным шепотом воскликнул в приливе счастья: «Черт возьми, наконец-то!» И полубезумно подпрыгнул молодым козлом возле телефона и начал ходить по комнате, разговаривая сам с собой, потирая руками грудь. Если бы кто-нибудь увидел меня в эту минуту со стороны, то подумал бы, вероятно, что перед ним сумасшедший мальчишка. Однако я не сошел с ума, я просто был на пороге того, что представляло важнейшей вехой моей судьбы.

До радостной точки успеха, до знаменательного дня, когда должен был я полностью удовлетвориться, ощутить собственное «я» счастливого человека, нужно было еще ждать не один месяц. И если бы опять спросили меня, отдал бы я часть своей жизни за то, чтобы сразу приблизить желанную цель, я ответил бы без заминки: да, я готов сократить земной срок...

Разве когда-нибудь раньше я замечал молниеносную быструю уходящего времени?

И только сейчас, прожив свои лучшие годы, переступив срединную грань века, порог зрелости, я не испытываю былой остроты радости завершения. И уже не отдал бы ни часа живого дыхания за нетерпеливое удовлетворение того или иного желания, за краткий миг результата.

Почему? Я постарел? Устал? Пресытился?

Нет, только теперь я понимаю, что путь воистину счастливого человека от рождения до последнего растворения в вечности и есть тормозящая неизбежную мглу небытия радость ежедневного существования в окружающем мире, и я поздно осознаю: какая же бессмысленность торопить и вычеркивать ожиданием цели дни, то есть неповторимость мгновений жизни, данной нам единый раз как драгоценный подарок.

И все-таки: чего я жду?..

КРИК

Была осень, теплый, ясный день, везде в воздухе разлита мягкая розоватая дымка, осыпались с тополей листья, лете-

---

ли, скользили по асфальту мостовой, мелькали мимо пригретых бабьим летом стен домов. В этом тихом уголке московской улицы до ступиц утопали в шуршащих ворохах осеннего золота колеса машин, как бы покинутых, грустно стоявших в долгом одиночестве вдоль обочин, и сухие листья лежали на крыльях, на радиаторах, собирались кучками на ветровых стеклах, а я шел, слушал хруст под ногами и думал:

«До чего хорошо ощущение этого тихого дня и как хороша поздняя солнечная осень — ее ветерок, ее винный запах, ее листья на тротуарах и машинах, ее тепло и ее горная свежесть... Никогда вот так не замечал, как добра природа в своем обновлении и утратах. Да, да, все естественно и потому прекрасно!..»

И тут мне почудилось, что где-то в доме, над этими безлюдными тротуарами, одинокими машинами, засыпанными листьями, кричала женщина.

Я вздрогнул, остановился, я поднял голову, глядя на освещенные окна, пронзенный неожиданным страшным криком боли, страдания, как будто там, на верхних этажах обычного московского дома, пытали человека, заставляя его корчиться, извиваться в муке под каленым железом. Они были все одинаковы, эти окна, были уже по-предзимнему закрыты наглухо, а крик женщины то затихал наверху, то нарастал нечеловеческим воплем, визгом и рыданиями последнего отчаяния, какое бывает перед холодом небытия и бездной...

Что там было? Кто мучил ее? Зачем? Почему она рыдала так страшно?

И все погасло во мне — и благословенный московский листопад, и свет осеннего дня, и умиление естественной прекрасной порой бабьего лета, и почудилось, что это кричало от непереносимой боли само человечество, потерявшее ощущение великого и единственного блага всего сущего — радости неповторимого своего существования.

ОТЕЦ

Летний среднеазиатский вечер пахнет пылью; сухо шелестят велосипедные шины по тропке вдоль арыка, заросшего карагачами, верхушки которых купаются в сладостно-покойном после солнечного ада закате.

Я сижу на жесткой раме, вцепившись в руль, мне позволено хозяйничать сигнальным звоночком с круглой никелированной головкой и тугим язычком, отталкивающим палец при нажатии. Велосипед катится, звоночек тренькает, делая меня взрослым, мужественным, особенно потому, что за спи-

---

ной отец вращает педали, поскрипывает кожаным седлом, а я чувствую его тепло, движение его коленей — они то и дело задевают мои ноги в сандалиях.

Куда мы едем? А едем мы в ближнюю чайхану, что находится на углу Конвойной и Самаркандской, под старыми тутовниками на берегах арыка, который по-вечернему розовеет, прохладно бормочет между глинобитными дувалами. Потом мы сидим за столиком, липким, покрытым клеенкой, пахнувшей дыней, отец заказывает пиво, разговаривает с веселым чайханщиком, усатым, приветливо-крикливым, грубо загорелым до черноты. Тот протирает бутылку тряпкой, ставит два стакана перед нами (хотя я не люблю пиво), при этом подмигивает мне, как взрослому, и наконец подает в блюдечках жареный миндаль, осыпанный солью... Помню вкус этих хрустящих на зубах зерен, прозрачный лимонный воздух за чайханой, силуэты минаретов среди заката, плоские крыши в окружении пирамидальных тополей...

Отец, молодой, сильный, в белой рубашке, улыбается, смотрит на меня, и мы, будто во всем равные мужчины, наслаждаемся здесь после рабочего дня тишиной, вечерней свежестью арыка, зажигающимися огоньками в городе, холодным пивом и пахучим миндалем.

И очень четок в памяти моей еще один вечер.

В маленькой комнате он сидит спиной к окну, а во дворе сумерки, безмолвие; чуть-чуть колышется тюлевая занавеска; и непривычной кажется мне защитного цвета тужурка на нем, и странно темнеет полоска пластыря повыше его брови. Я не могу сейчас вспомнить, почему отец в позе долго не бывшего дома мужчины сидит у окна, почему такая пустынная тишина в мире, но мне представляется, что вроде бы он вернулся с войны, ранен, разговаривает о чем-то с матерью (говорят они оба почти беззвучными голосами), — и ощущение разлуки, смутной и сладкой опасности, неизмеримого пространства, лежащего за тихим двором, недавнего отцовского мужества, которое было проявлено где-то, заставляет меня испытывать и умиленную близость к нему, и почти восторг при мысли о домашнем уюте собранной опять вместе нашей семьи в этой маленькой комнате, похожей на спальню с белыми покрывалами на кроватях.

О чем говорил он с матерью — не знаю. Знаю лишь, что тогда и в помине не было войны, однако летние сумерки в безмолвном дворе, пластырь на виске отца, его военного покроя тужурка, задумчивое лицо матери — все так подействовало на мое детское воображение, что и сейчас я готов поверить: да, в тот вечер отец, счастливый и грустный, вернулся,

---

раненный, с фронта. Впрочем, более всего поражает другое: много лет спустя, в некий час победного возвращения (в сорок пятом году), я, подобно отцу, сидел у окна в той же родительской спальне и, как в детстве, снова пережил всю остроту ощущения встречи, как если бы прошлое повторилось. Может быть, давние чувства были предвестьем моей солдатской судьбы и я прошел по пути, предназначенному отцу, то есть сделал, исполнил недоделанное, недоисполненное им? В раннюю пору своей жизни мы тщеславно преувеличивает возможности собственных отцов, воображая их всемогущими рыцарями Вселенной, в то время как они всего лишь обыкновенные смертные с заурядными заботами.

До сих пор помню день, когда я увидел отца так, как никогда раньше не видел его (мне было тогда лет двенадцать), — и это ощущение живет во мне пронзительной виной.

Была весна, долгие солнечные дни, я толкался со школьными друзьями около ворот (играли в «жестку» на сухом, уже майском тротуаре) и, весь потный, радостный, неожиданно заметил знакомую невысокую фигуру неподалеку от дома. Переулок был по-весеннему яростно залит солнцем, нежно, сквозисто зеленели тополя за теплыми заборами, и бросилось в глаза: он оказался маленького даже роста, короткий пиджак некрасив, брюки, очень узкие, нелепо поднятые над шиколотками, подчеркивали величину довольно стоптанных старомодных ботинок, а новый галстук с булавкой выглядел словно бы ненужным украшением бедняка. Неужели это мой отец? Ведь лицо его всегда выражало доброту, уверенную силу, мужественность, а не усталое равнодушие, оно раньше никогда не было таким морщинистым, немолодым, таким негероически-безрадостным.

И это четко и обнаженно обозначалось весенним солнцем — и все вдруг представилось в отце серым, обыденным, жалким, унижающим и его и меня перед школьными моими приятелями, которые молча, нагло, едва сдерживая смех, смотрели на эти по-клоунски большие поношенные башмаки, особенно выделенные дудочкообразными брюками. Они, мои школьные друзья, готовы были смеяться над ним, над его нелепой походкой, слегка кривоватыми ногами, а я, покраснев, чуть не плача от стыда и обиды, готов был с защитным криком, оправдывающим неприятно комичный вид отца, броситься в жестокую драку, восстановить святое уважение кулаками.

Но что же произошло со мной? Почему я не бросился в драку со своими приятелями — боялся потерять их дружбу? Или не рискнул сам показаться смешным в той защите?

Тогда я не думал, что настанет срок, когда в некий весенний чужой мне день я тоже окажусь чьим-то жалким, смешным, нелепым отцом и меня тоже постесняются защитить.

МАТЬ

Усталый, лег отдохнуть в сумерки, а проснулся в середине ночи от такой непереносимой тоски, что сразу не понял, почему чернели не занавешенные окна, почему забыто горела настольная лампа, отсвечивая в стекле книжных полок, под которыми я лежал на диване, и почему звучала в моем сознании давняя, когда-то слышанная мелодия, исполненная горькой пронзительности: «Кого-то нет, кого-то жаль, к кому-то сердце мчится вдаль...»

Я сел на диване, потер лоб, подобрал упавшую на пол книгу, а когда стал вспоминать слова, показалось, что в этот миг кто-то думал обо мне с такой бесконечной любовью, с такой радостной и беспомощной силой, что я вскочил, начал ходить по комнате, не зная, что происходит со мной, готовый плакать, просить прощения. Будто теплый ток доходил до меня через пространство ночи, преодолевая весь зимний город, и вдруг я понял, что это она, моя старая мать, лежавшая сейчас там, в неприятной больнице, одна в своем одиночестве, слабая, беззащитная перед болью, в забытии думала обо мне с любовью безмерной, которая может быть на земле только у матерей. Но когда и где я слышал эту простенькую грустную мелодию и почему слова ее были связаны с матерью?

И она стала представляться мне молодой. Красивой, русоволосой, среди утреннего горячего света в комнате с окном, распахнутым в облитую солнцем сочную зелень карагача, росшего над арыком, от которого в знойные дни веяло пресной свежестью; мать босиком стройно ходила по глиняному полу, тонкая, в белой кофточке, напевала тихонько прелестным молодым голосом: «Кого-то нет, кого-то жаль, к кому-то сердце мчится вдаль», останавливалась возле окна, улыбалась, поднимала лицо к уже очень жаркому среднеазиатскому солнцу, сквозившему через ветви карагача. Я видел ее прозрачные от обильного света глаза, ее губы, которые будто влюбленно произносили молитву, говорили о своей молодой тайной грусти этому знойному утру, солнцу, прохладно плещущему арыку: «Я вам скажу один секрет: кого люблю, того здесь нет...» А я, до слез восторга влюбленный в мать, не мог понять, кого не было с ней рядом, кого ей было жаль, к кому стремилось ее сердце, ведь тогда отец редко бывал в отъезде. Тоже молодой, сильный, он боготворил мать, был предан

дому, отличался веселым, ласковым нравом. Порой он носил ее, как ребенка, на руках, целуя ее светлые волосы, а она почему-то обреченно, скорбно прижималась щекой к его груди.

Однажды услышал я, что она плакала за ширмой, свернувшись калачиком на диване, и, испуганный, бросился к ней, закричал: «Мама, не надо!» Со страхом увидел ее слипшиеся, влажные ресницы, но мать попыталась улыбнуться мне сквозь слезы, потом, обняв, начала гладить мою голову легкими, нежными пальцами и говорила шепотом, что отчего-то взгрустнулось, а теперь все прошло, миновало...

Но почему иногда тосковала она? В какие счастливые дали, к кому тянуло ее? О ком вспоминала в молодости? Всю жизнь она верно прожила с отцом, и я не узнал ее тайну...

А теперь, в беспомощности, на больничной койке, она витала над краем пропасти в никуда, над обрывом в черному, где ничего нет, и, видимо, в момент краткого просветления вспомнила обо мне с той великой любовью, которая ознобом пронзила меня, разрывая непереносимой виной душу. И я ходил по кабинету, морщился, стонал от бессилия, кусал себе руку, чтобы одной болью заглушить другую, не зная, чем помочь ей, облегчить ее страдания, и бормотал как в безумии незатейливые эти слова:

— Кого-то нет, кого-то жаль...

Наверное, не только у меня бывали минуты, когда не приходило спасение от самого себя.

ИНСТИНКТ

Как я ненавижу лица злые, жадные, завистливые, для которых совершенно безразлична жизнь ближних своих и которые совершенно равнодушны ко всему, кроме хватательного и жевательного инстинкта. Иногда они кажутся мне двуногими аппаратами, перерабатывающими пищу, и невольно вспоминаются дождевые черви, пропускающие через себя землю.

Часами смотрю на красавцев лебедей в пруду городского парка, медлительных, ленивых, откормленных, вижу, как они поминутно едят, по-змеиному пригибая шеи к воде, размачивают в клювах брошенный им хлеб, шелкают, выпрашивающе помахивают хвостами, готовые есть день и ночь, смотрю и думаю странное:

«Так неужели их жизнь, жизнь самой красоты и грации, состоит в том, чтобы насытить изящную по форме плоть?»

И тут красота их меркнет, грация кажется уже бесполезной, ложной, и все царство птиц, зверей начинает представ-

---

ляться только грызущим, охотящимся, выслеживающим, преследующим, поджидающим в засаде жертву для того, чтобы убить ее и произвести обмен веществ.

И с мучительной надеждой я успокаиваю, успокаиваю себя мыслью о несовершенстве мира, в котором высочайшая красота живет нераздельно с низменностью инстинктов и отвратительных убийств ради продолжения жизни.

В этом зерно безумных вопросов, на которые есть множество мудрых ответов и нет одного — главного.

ВЛАСТЬ

На многолюдной московской площади я видел, как молодая женщина молча со злобным лицом была твердо и крепко по голове своего маленького сына лет шести, а он, сотрясаясь, плакал беззвучно и бежал на шатких ножках по тротуару, догоняя в надежде защиты отца, который равнодушно катил впереди коляску.

Женщина была угловатой, с плоскими чертами, некрасив был и плачущий мальчик, рот его, наполненный непрожеванным печеньем, судорожно был искривлен безмолвным криком — он боялся громко плакать. И с жалостью, с болью подумалось, почему все же почасту я видел, и не только у нас, красивенько наряженных, будто куклы, детей в красивеньких колясках и почему так озлоблены бывали лица молодых матерей, когда они наказывали их, почему так гневно дергали за уши, за руки, за волосы, едва их дети случайно останавливались, заглядевшись на прохожих, на витрины, на встречные коляски. Они, владельцы живых кукол, как бы имели полное право собственников делать все, что угодно, со своей непослушной вещью.

Но в этом взрыве злобы большой оскал жалкой власти сильного человека над слабым.

«ДЕДЫ» И «ШНЭКСЫ»

ПОВЕСТЬ

Старшина ввел в кубрик новенького.

— Вот, хлопцы, — сказал прапорщик, положив Сергею руку на плечо. — Це наш новый солдат. Буде служиты у нас. Приймайтэ, — и ушел.

Сергей опустил на пол вещмешок. Осмотрелся. В кубрике шла утренняя уборка. Два солдата возили третьего на «машке». Тот сидел, держась руками за длинную металлическую ручку. Под сапогами у него была сваренная из металлических листов платформа со вставленными в нее широкими щетками.

К новенькому подошел рыжий солдат с красным лицом, усыпанным веснушками. Коренастый, широкий в плечах, несколько сутулый, он стоял, не вытаскивая рук из карманов.

— Ты кто по призыву?

— «Фазан», — ответил Дробышев спокойно.

— Откуда прибыл?

— Из Нижнеподольска.

— Я тоже там служил. А сам откуда?

— В смысле призывался? Из Львова.

— Жаль, — кривовато улыбнулся рыжий. — Опять из Одессы никого нет. Ладно. Присоединяйся, утренний марафет наводить надо.

ПРОЗА

-
- Я не буду.
— Не понял?
— Я не буду делать уборку! — ответил Дробышев твердо.
— Ты что, «гусь», обурел? Марафет делай! Шо неясно?
— Не буду я.

Тогда одессит, как бык, угнув голову, пошел на Дробышева, пытаясь ухватить за шею, а Сергей, внутренне давно уже готовый и собранный, поднырнув под руку, крепким прямым врезал по зубам.

К ним кинулись солдаты, растащили в стороны.

Рыжий рвался из рук, брызгая слюной, орал:

— Ты что, «гусь», я урою тебя седня ночью! Сука!

— Давай-давай, — ответил Дробышев спокойно и присел на табуретку.

Трое, искоса поглядывая на него, продолжали наводить уборку. Остальные занимались кто чем. Кто-то подшивался, кто-то, возвращаясь из умывальника, гладковыбритый, с полотенцем на шее, брал зеркало и долго смотрелся в него. Рыжий вытер кровь, сел играть в шашки. Мрачный, с тяжело выдвинутой нижней челюстью, кривоватым разрезом рта, он старался не смотреть в сторону «борзого гуся».

Вскоре к Дробышеву подошел высокий солдат (один из уборщиков), предложил выйти в коридор покурить.

— Меня зовут Иван Вдовцов, — представился он, подавая широкую, как лопата, ладонь. — Я с тобой одного призыва, стало быть, «гусь». Ты молодец, конечно, что так поставил себя. Но у нас так не принято. Мы, «гуси», не имеем права поднимать руку на «дедов». Они нас могут нагибать, а мы можем только защищаться... В ответку бить нельзя. Насчет уборки — это ты зря. Все «гуси» делают уборку. Это не в западло.

— А я подумал, что вы «духи». В Нижнеподольск уже новый призыв поступил. Мне один дембель-стройбатовец объяснил, что у них в части уборку делают только «чмыри». Мол, если сделаешь хоть раз, то опустишься.

— Да, я слышал такое, — согласился Вдовцов, — в стройбате это есть. Во всех частях — свои законы. Нет, у нас в части уборку делать не западло. Впало стирать «дедам» афганку, носки, портянки, трусы, чистить сапоги. Если тебе кто скажет, иди в отказ.

Вдовцов — крупный, широкий в плечах солдат, с высоким лбом, светло-серыми глазами, говорил неторопливо, обстоятельно, спокойно.

— Еще у нас в части не говорят «духи», — продолжал он. — Солдаты первого периода службы называются «шнэксы». Второго периода, как мы с тобой, — «гуси». У вас в Нижнеподольске их называют «фазанами». «Гусь» и «фазан» — одно

и то же. Кто прослужил год, тот «череп» или «черпак». В столовой, если «деды» потребуют порцию хавки, можешь принести. Это не западляк. А так, если еще какие вопросы возникнут, подгребай, не стесняйся. У «дедов» ничего не спрашивай. Если попросят найти сигарету, должен найти... Для «деда» слова «нет» и «не нашел» не существует. И еще... утром, как только дневальный объявит «Подъем!», сразу встает и делаем уборку. «Дедам» и дембелям заправляем кровати. Вечером, соответственно, расправляем... Остальное, по обстоятельствам...

В столовой Сергею сразу бросилось в глаза, что здесь все явно отличалось от учебки. В Нижнеподольске дежурным нарядом накрывались столы для всех рот. В центре стола стоял казан с кашей, чайник, тарелка с шестью кусками сахара и масла. Также стояли пустые тарелки и стаканы на шесть человек.

Здесь же, в говерловской дивизии, солдаты, выстраиваясь в длинную очередь, получали пищу у раздачи, как в городских столовых общепита, сами несли на подносах к столам и садились по три, по четыре человека за стол. Сергей заметил, что солдаты, в основном, садились по призывам — «старички» со «стариками», «черепа» с «черепами».

После утреннего развода солдаты разошлись по рабочим объектам. Вскоре пришел ротный и забрал Дробышева в каптерку, где записал анкетные данные, принял денежный и вещевой аттестаты.

— Меня зовут капитан Иголка Степан Иванович, — представился он. — Сейчас придет старшина и поставит тебя на довольствие. А пока меня интересует твоя армейская специальность? Права на машину есть?

— Нет. В свое время не успел отучиться.

— Плохо дело. Мне люди в автопарк нужны. А в твоём личном деле указано, что ты электромонтер.

— Какой из меня монтер! — махнул рукой Сергей. — Я и на занятиях раз пять всего был. Все остальное время в военном оркестре проиграл...

— На трубе?

— Да если бы... на тарелках.

Ротный записывал данные в тетрадь.

Вечером, перед ужином, киевлянин сержант Ржавин, командир отделения ГСМ, с глазу на глаз поинтересовался у Куриленко, с кем подрался Сергей:

— Ну, как там наш новый «гусь»?

— Да ничего. Нормальный пацан.

— Выходит, вы с ним помирились?

— Выходит, что так, — усмехнулся Рыжий.

— Я так понял, ты ему предьяву за утренние рамсы вводить не будешь?

— Пока нет. Надо приглядеться: кто он, чем дышит?

— Смотри, — равнодушно сказал Ржавин.

— А ты что думаешь?

— Я что? Он против тебя борзанул. Лично мне по барабану. Думай сам.

Короче, Дробь объяснил, что пошел в отказ, опасаясь, что замырится. Ему там какой-то стройбатовец напел, что уборку делать запаadlo, мол, посылай всех... Ну я ему растасовал, что к чему. Дробь сказал, что все понял, бунтовать больше не будет.

— Куда ж он денется с подводной лодки?!

— Ну, это понятно, — кривовато усмехнулся Куриленко.

— Но для профилактики дыню отбить ему надо. Это лично мое мнение. Уж больно гордо себя ведет. Не люблю гордецов. Сегодня трогать не буду, а завтра на ГСМ зацеплю по мелочам. Вечером помну фанеру.

Так Дробышева приняли в роту.

— Товарищ сержант, разрешите отойти покурить? — спросил Дробышев, обратившись к Ржавину послу ужина, так как они обычно обращались к сержантам в учебной части.

— Дробь, когда ко мне обращаешься, называй меня по имени. Это во-первых, — сказал Ржавин. — Меня зовут Серега. А во-вторых, у нас здесь не принято, чтоб к сержанту обращались на «вы». У нас — не учебка. Здесь все попроще.

На ужине «гуси» сели за отдельный стол. Арбузов, светловосый солдат, с широкой нижней губой и заостренными кончиками ушей, выполняя инструкции «дедов», хмуро сказал:

— Слышь, Дробь! Базар к тебе есть. Короче, поставил ты себя на первый взгляд неплохо. Только у нас в части такие варианты не проканывают. Против «дедов» бунтовать нельзя. На революцию ты здесь никого не поднимешь. Если борзанешь, мы тебя сами, своим же призывом загасим. Понял?

Дробышев молча кивнул головой...

— «Дедовщина» неискоренима! — подытожил Арбузов, допил чай и, рисуясь, громко поставил кружку на поднос.

Сергей и сам все больше и больше убеждался в непоколебимости этого тезиса: «дедовщина» неискоренима! До армии, наслушавшись рассказов старших о «дедовщине», он рассуждал: «А почему бы всем молодым не объединиться и не восстать против?» Обработанный мощнейшей, крайне тенденциозной советской пропагандой, он наивно полагал, будто народ всегда может подняться на бунт и одержать победу в своей революции. Тому, как учила советская пропаганда, находилось масса примеров в истории: восстание под предводитель-

---

ством Пугачева, Разина, Болотникова... При этом, конечно, пропаганда деликатно умалчивала о том, что все восстания, шедшие из среды простонародья, жестоко подавлялись... Кронштадтский мятеж, Тамбовское восстание, Ярославское, Сибирское, Донское... Новочеркасская трагедия 1962...

Всего этого Дробышев, впрочем, не знал. Его познания в истории, как и большинства его сверстников, были крайне скудны и фрагментарны. И, тем не менее, до призыва он наивно верил, что вот он, Сергей Дробышев, попав в армию, непременно сумеет сплотить вокруг себя сильных и гордых ребят, не желающих терпеть ярмо «дедовщины», и они все вместе поднимут против «дедов» революцию. Но в учебке «дедовщины» не было. Точнее, она была везде, крепкой паутиной опутав все войсковые соединения всех военных округов бывшего Советского Союза. Только в каждой части, в каждом коллективе она проявлялась по-своему. И целый ряд причин и обстоятельств влиял на нее. Из каких людей состояло то или иное подразделение, с каким мировоззрением и воспитанием эти солдаты попали в армию. Также многое зависело от того, в каком именно месте дислоцировалась войсковая часть, какой был у нее командир и офицеры, каково было их личное отношение к «дедовщине». Особое значение играл национальный состав армейского подразделения.

В учебке Сергей на собственной шкуре проявления «дедовщины» ощущал несильно. В Нижнеподольске был Устав, сухой, неумолимый и безжалостный. Армейский Устав с первых же дней зажал всю роту в тиски, и Дробышев, как и тысячи других, стал мелким винтиком в громадной бездушной армейской машине. Впрочем, сам он «винтиком» себя не считал: ему, как и многим другим, казалось, что он личность.

Перед отбоем на вечерней поверке Дробышев стоял в строю, вытянувшись в струнку; это не осталось незамеченным. Старшина роты, держа в руках книгу вечерней поверки, кинув мимолетный взгляд на Дробышева, тонко улыбнулся. Стоявший рядом Вдовцов незаметно толкнул Сергея, тихо сказал:

— Расслабься. У нас не принято так тянуться, а то пацаны могут подумать про тебя, что ты выслуживаешься перед старшиной.

И Дробышев расслабился. Его очень удивило, что из тридцати двух солдат, числившихся в РМО по спискам книги вечерней поверки, в строю было не более половины. Как выяснилось позже, остальные жили на «точках», расположенных на аэродроме. Двое солдат были спортсменами. Их в роте никто ни разу в глаза не видел. В книге вечерней поверки им постоянно ставили букву «К», обозначающую — «командировка».

Вдовцов объяснил это так:

— У этих пацанов — мохнатая лапа. Родители их — богатые тузы. Одни придурки отмазываются от службы, отстегивая на лапу военному. Эти же поступили умнее. Они договорились с командиром части. По всем документам их сыновья служат в армии, так сказать «отдают долг Родине», а на самом деле сам видишь, что происходит. Хотя, я вполне допускаю мысль, что они действительно спортсмены. Играют там за какой-нибудь армейский дивизион.

Дробышева зачислили служить на ГСМ. Так назывался склад горюче-смазочных материалов, и в обязанности личного состава входила: заправка автотранспорта бензином и дизтопливом, раскачка приходящих по железной дороге цистерн, во время проведения полетов — подача реактивного топлива в заправочные агрегаты на взлетно-посадочную полосу. И еще куча мелких работ, связанных с авто- и авиационными маслами, антиобледенительными жидкостями и т.д.

Каждое утро на ГСМ прибывали машины. Солдаты, переодевшись в утепленную подменку черного цвета (штаны и бушлат), вытаскивали из кладовой тяжелый ручной насос, тащили его к закопанным в землю емкостям.

Территория складов ГСМ была огромной, в несколько гектар. Емкости с бензином находились в одном месте, с соляной — метрах в ста пятидесяти.

Когда Сергей впервые увидел насос, Вдовцов пояснил:

— Это наше основное орудие труда. БКФ — бескомпрессорный, клапанный, форсированный насос. Им мы перегоняем бензин из емкостей в бочки. Бочки закатываем на склад. Одно движение — или один качок — должен заливать поллитра. Но он чуть больше. Короче, расчет простой: сорок литров бензина — это 75 качков.

...После первого дня работы на ГСМ у Сергея ломило спину; он валился с ног. В кубрике перед ужином ему нестерпимо хотелось рухнуть на койку и уснуть. С завистью глядя на лениво лежавших «дедов», он утешал себя: «Ничего, и на нашей улице будет праздник. Вы уволитесь, и над нами никого не будет».

Дождавшись отбоя, Сергей разделся, забрался на второй ярус койки и, накрывшись солдатским байковым одеялом синего цвета с тремя поперечными черными полосами у ног, уснул.

А утром снова был подъем. И вновь «гуси» целый день вкалывали на ГСМ, заправляли машины, носились с БКФ от одной группы емкостей к другой, закачивали бочки, сгружали их с машины на складе. Вечером в казарме «шуршали» —

искали «дедам» сигареты, конверты для писем, наводили уборку. Так одуряюще скучно потянулись серые будни.

...Вдовцов и Дробышев, сгибаясь под тяжестью насоса, шли по скользкой грязи, по чавкающей глине, среди бурых луж. Моросил дождик. «Старики» в этот момент сидели в тесной комнатке конторы ГСМ, резались в шашки и пили чай.

В очередной раз поскользнувшись, Дробышев упал, уронив насос. Вдовцов едва успел отпрыгнуть в сторону и зло выругался.

— Раззява! Чуть не на ногу!

— От, блин! — поднявшись, Дробышев огорченно рассматривал измазанные на коленях глиной черные ватные штаны.

— Пошли-пошли! — заторопил Вдовцов. — С такой скоростью на очередную звездулину недолго нарваться.

Мученики побрели дальше.

— Проклятая железка! — опять не выдержал Дробышев. — Неужели электрический нельзя поставить? Будто в каменном веке живем. — Сергея тянуло на общение.

— Ты пойми, — загорячился Вдовцов, — с электронасосом, на хрен, спрашивается, мы тут будем нужны? Восемь рыл — целое отделение?.. Троих за глаза хватит. Государство у нас небогатое. А кто такие мы — солдаты срочной службы?.. Дешевая рабсила. А насос — мало что дорогой, он ведь еще и электроэнергию жрать будет.

— Ну и дебилизм! — не успокаивался Дробышев.

— Ладно, Серега, остынь. Солдатская мудрость гласит: «Чего не видел в цирке, увидишь в армии».

С южной стороны к насыпи с ревом подъехал «КамАЗ». Вдовцов, размотав рукав насоса, сунул его в бензобак «КамАЗа», другой рукав потянул Дробышев, пройдя по узкому металлическому мостику, опустился на колени. Ключом отвинтил гайки, открыл крышку, погрузил рукав насоса в узкое горло емкости.

Качали по очереди. Когда Сергей сменил напарника, водитель «КамАЗа», сухой, худощавый солдат, в выцветшей гимнастерке, с замасленными коленками, махнул рукой Вдовцову. Иван спустился по насыпи, залез в кабину. Сергей, продолжая качать, изредка косился в их сторону. Они о чем-то говорили. Делая каждое движение рычагом насоса, Дробышев про себя считал: «Восемнадцать, девятнадцать, двадцать...»

Ежедневная норма, отпускавшаяся на грузовые машины, — сорок литров. Сергей, отсчитав 75 качков, махнул Вдовцову рукой: все, мол, готово. Вдовцов, открыв дверцу кабины, спрыгнул на траву, подошел к БКФ.

— Щас, погоди, — сменив напарника, Иван стал закачивать дальше. Он сделал еще тридцать лишних качков.

Водитель «КамАЗа», поблагодарив его, пожал руку и уехал. Дробышев догадался, что Иван за лишнее дизтопливо наверняка получил деньги. Машин пока не было. Вдовцов присел на траву. Глянув по сторонам, нет ли «дедов» или прапорщиков, закурил.

— Ты говоришь здесь тяжело? — рассуждая, сказал Вдовцов. — Согласен, здесь нелегко. Но здесь золотая жила. Бензин, дизтопливо. Тут, брат, знаешь, какие деньжищи вертятся! Наше руководство в шоколаде живет. Главное, работать по-тихому. Особо не светиться.

Напротив, за забором колючей проволоки тянулась железная дорога. За ней метрах в сорока на стройке крутились солдаты в грязных робах; на носилках они таскали кирпичи.

— Это кто — стройбат или наши?

— Стройбат. У них за стройкой часть располагается. Кстати, на будущее. Со стройбатовцами ухо надо держать востро. Встретишься с ними в городе с глазу на глаз — сразу сваливай. Они — беспредельщики голимые. Летом был случай... Я с Рыжим и Ржавиным возвращались в казарму. А навстречу нам — четыре строяка. Пьяные в люлю. Они на нас: «Эй, голубые, сигареты не будет!» Короче, слово за слово... завязалась драка. Нас трое — их четверо. Потом к ним подмога подгребла. Нам бы совсем несладко пришлось. Но тут наши с автопарка возвращаются. Короче, накатили мы им тогда на славу.

Увидев вынырнувший из-за поворота «Зил-130», Вдовцов быстро затухнул окурком о подошву сапога, втоптал его в траву, лениво поднялся, расправил широкие плечи.

Отпустив водителю «ЗИЛа» положенные сорок литров, Вдовцов наотрез отказался закачать ему хотя бы пять.

— Ну, пожалуйста.

— Нет, — сухо отрезал Вдовцов.

— Слышь, я ж не просто так прощу. Я тебе деньги дам.

Но Иван был непреклонен.

Когда «Зил» уехал, Дробышев поинтересовался:

— Это особист?

— Нет. Но у меня есть подозрение, что он стукачок. Как-то раз видал его с «особистами». Он стоял с ними, базарил...

— Так этот факт, сам по себе, еще ни о чем не говорит...

— Согласен. Но, как говорится, береженого и Бог бережет. Лучше лишний раз не палиться, — рассуждал Вдовцов, думая о водителе «ЗиЛа». У Ивана, в его неполные девятнадцать, уже сформировалось твердое убеждение, что тем, кто даже просто общается с «особистами», доверять нельзя ни

грамма. — Пойми, — говорил он Дробышеву, — они работают через агентуру. А вдруг нас взяли в разработку. Вдруг этого типа неспроста сюда подослали? Кто знает? Лучше не рисковать.

...Вскоре подъехал «Урал» — дежурный тягач. Из него вылез высокий худой старослужащий по фамилии Лебедько.

Вдовцов проворно сунул рукав насоса в бензобак «Урала», занял место у покосившегося в раскисшей глине насоса, принялся качать.

Лебедько стоял, широко расставив ноги в коротких, гармошкой, сапогах, любовался процессом закачки. Руки в карманах, ремень чуть ниже пояса, шапка на затылке; из-под шапки выбивается русый чуб. В зубах — сигарета с фильтром.

— Тебе сколько? — спросил Вдовцов.

— Как обычно, — ответил Лебедько, затягиваясь и пуская тонкой струйкой дым.

Когда Вдовцов выдохся и устало опустился на жухлую, примятую сапогами траву, Дробышев его сменил и стал качать. В тяжелом бушлате, изнутри мокрым от пота, Сергей еле двигался. Ему здесь было еще непривычно. Закачав 60 литров, вынул измятый платок, высморкался. Лицо Сергея было красным, вспотевшим, в грязных разводах.

— «Гусь», ты шо такой хмурый? — лениво спросил Лебедько. — Как дела?

— Нормально.

— Что?

— Нормально, — сказал чуть громче Дробышев.

— Что-о-о? «Гусяра»! Я не понял?! Как дела?

Тут только «гусь» Дробышев сообразил, что за этим вопросом должен следовать какой-то особый ответ. Но какой? Он этого не знал.

— Вдова, как дела?

— Как в курятнике, — моментально выпрямившись, ответил здоровенный Вдовцов.

— А как в курятнике?

— Где поймают, там и дерут!

— А как дерут?

— Аж перья летят!

— А как перья летят?

— Как МиГ-29.

— А как МиГ-29?

— Разрешите взлет?

— Отставить! — оборвал Лебедько и повернулся к Дробышеву: — Понял? Как дела?

— Как в курятнике, — ответил Сергей.

— А как в курятнике?

— Где поймают, там и дерут!

— А как дерут?

— Как МиГ-29.

— Короче, так, «гусь»... сегодня вечером я наблюдаю тебя в моем кубрике. Ты мне рассказываешь все приколы... Вопросы?

— Никак нет!

— Вдова, ты зайдешь тоже. И скажи всем остальным своим «гусям», чтоб нарисовались у меня вечером в кубрике. За все, что Дробь не будет знать, по бороде получите все вместе.

Лебедь забрался в кабину, завел «Урал» и уехал...

— Во, блин, влипли, — выругался Вдовцов. — Ты что, не знал этой чуши?

— Не знал. Ты ж не объяснил мне.

Вдовцов рассказал Дробышеву часть «ловушек».

— Ладно, дуй сейчас в столовую... за обедом. Остальные я расскажу, когда вернешься.

Дробышев собрал бачки для пищи, взял пакет для хлеба и направился в часть...

...В столовой, как обычно, — шумно. Возле раздачи длинной гудящей змеей извивается очередь. Дробышев стоит вместе со всеми, и терпеливо дожидается того момента, когда появятся повара и начнут отпускать. Возмущенные солдатские голоса обращены в варочный цех.

— Э, блин... Ну, вы долго там?

— Але, гараж, жрать давай!

— Фомич, твою мать! Кончай скорей!

Последняя фраза предназначена бывшему начальнику столовой Николаю Фомичу, старшему прапорщику в отставке. Сейчас этот маленький безобидный старичок, со сморщенным коричневым лицом и бойкими глазками, работает в столовой старшим поваром. Он первый вор во всей столовой, страшное брехло, неисправимый фантазер и до сих пор, как и в молодости, отчаянный бабник.

— Фомич, ну ты скоро там? — надрываются солдаты. — Жрать хотим!

Кто-то, потеряв терпение, вооружившись алюминиевой ложкой, начинает колотить по раздаче. К нему тут же присоединяются еще несколько ложек, и секунд через десять столовая наполняется таким дружным грохотом и звоном, что, кажется, сейчас в окнах вот-вот повывлетают все стекла.

Какой-то весельчак зычным голосом, перекрывая грохот ложек, орет:

— Я на вас жалобу напишу... товарищу Шмарову... скажу, повара совсем заморили солдат голодом.

Глядя на огромное пузо весельчака, на котором едва сходятся штаны, на щеки, лоснящиеся жиром, бойцы надсаживаются богатырским хохотом.

— Мало того, что они мясо у нас воруют, — продолжает весельчак, — так они еще всех поварих перепортили...

В этот миг из варочного цеха вылетает Фомич. На бегу застегивая ширинку, он выхватывает из кипящего котла черпак на длинной осиновой ручке, разъяренным быком бросается в гущу толпы, сминает очередь. Солдаты — врассыпную. Несколько не успевших неудачников, получив по горбу черпаком, с воем разлетаются в стороны.

— Вы что, мрази, пять минут подождать не можете? — ругается Фомич, возвращаясь к раздаче. — Что это такое, в конце-то концов? Может быть у человека обеденный перерыв или нет? Я что... не имею права в туалет сходить или еще там что-нибудь? Совести у вас нет. Взять бы одного—другого и мордой в кастрюлю эту ткнуть пару раз!.. Сволочи!..

Появились две слоноподобные поварихи. Одна из них широколицая, с румяными, в прожилках, щеками, с распухшими венами на толстых синих икрах, напялив на пузо засаленный фартук, ловко принялась разливать по тарелкам суп. Фомич, постепенно отходя от гнева, ложкой накладывал горячее пюре, гуляш, поливал соусом. Однако солдатская очередь по-прежнему не двигалась. Не хватало еще одного лица — хлеборезки Любки. Молоденькой бойкой девушки.

Но вот, наконец, и она: легкая, шустрая, на бегу застегивающая свежий накрахмаленный халат. Изгибая стройный стан, Любка быстрым движением поставила на раздачу тяжелый металлический ящик с резаным хлебом. И замелькали ее тонкие, слегка тронутые загаром руки, раскладывая в тарелки по три куска черного хлеба.

Вдоль раздачи, один за одним, потянулись бойцы. Некоторые из них — в основном «гуси» — просили:

— Любаш, дай еще кусочек?

— И мне, если можно?..

И Любка никому не отказывала, а Фомич, если замечал, выхватывал из рук солдата кусок, орал:

— Не хрен. Обойдешься и тремя. Вон какую харю наел. Проваливай, давай! — и в руках его появлялся тяжелый черпак.

Дробышев, проходя мимо Любки, с волнением сказал:

— Здравствуй, Любочка! Прекрасно выглядишь.

— Спасибо, — красиво и просто улыбнулась она, задержавшись глазами на его фигуре. Любка почему-то положила ему на тарелку четыре куска, хотя он и не просил. От нее тек тонкий, еле уловимый запах духов, смешиваясь с обычными, свойственными всем столовым запахами.

Проходя мимо Фомича, толстый розовощекий весельчак спросил:

— Как дела, Николай Фомич?

— Нормально, — буркнул тот.

— Нормально — это как? ниже колен?

— От я тебя сейчас, — пригрозил Фомич, — черпаком по хребтине...

Сзади в дружном хохоте затряслись солдаты, задрожали порожние тарелки на раздаче.

— Фомич, ну что ты такой злой? — не унимался весельчак. — Ты будь попроще, и люди к тебе потянутся.

— Ах, ты, мразь! — Фомич схватил лежавший на лавке черпак, но, когда повернулся к раздаче, увидел лишь массу довольных улыбок на глумливых физиономиях. К его глубокому сожалению, наглой, румяной, лоснящейся жиром морды среди них не было. Вдруг откуда-то снизу послышался осторожный голос:

— Шас к людям надо помягше, а на вопросы смотреть пошире.

Вконец выведенный из себя Фомич заорал:

— В стороны! Ошпарю! — и плеснул за раздачу.

— А-а, — завывая, подскочил весельчак. Компот попал ему на затылок и спину. — Ты что, старый козел? Идиот! Дебил! Совсем одурел на старости лет..

— Что, больно? — с издевкой спросил Фомич, оголяя в улыбке черные гнилые зубы. — Зато бесплатно, — восторгу старика не было предела.

Рядом с Дробышевым за одним столом сел Виктор Арбузов, светловолосый угловатый парень с острыми, как у коршуна, плечами и треугольным лицом.

— Ну что, как там на ГСМ? — спросил Арбузов, ставя свой поднос с едой на стол.

— Слушай, Витек, тут такое дело, — ответил Сергей, хлебая из голубой пластмассовой тарелки суп, и рассказал про сегодняшний случай с Лебедько.

— Да... — сказал Арбузов. — Как говорит наш старшина, погано дило. Похоже, нам с тобой сегодня вместе по бороде получать. Всех подколок за полдня ты все равно не выучишь.

— Почему?

— Да потому что их просто нереально выучить.

— А если постараться?

— Даже, если постараться... Ладно. Все равно делать что-то надо. Листок и ручка есть?

— Найдется, — Дробышев полез за ручкой и блокнотом.

Дробышев теснился в фургоне «пищевозки» с десятком солдат. Кисло пахло пролитыми щами. На ухабах машину трясло, бачки с пищей задорно подпрыгивали. На одном из поворотов выплеснувшиеся из бачка щи ошпарили Сергею колено.

Солдаты курили и смеялись: Бардо, солдат из второй транспортной роты, рассказывал очередную комическую историю про своего старшину.

Дробышев был хмур. Ему сейчас не до смеха, он думал о предстоящем вечере. Бардо, заметив, спросил:

— Дробь, чего приуныл? С Лебедем залетел? А как ты думал? В сказку попал? Это тебе не в учебке шариться. Здесь пацаны только успевают от старых тумачков отгребать.

Бардо поддержал сидевший рядом с ним Стиф:

— Сука, ненавижу всех этих, нижнеподольских! Шарятся там, падлы, в учебке с сержантами, пока мы тут вешаемся! Потом приезжают сюда, видят «дедов» всего полтора месяца и еще чего-то ноют. Фиг ли такой кислый сидишь? — с презрением глядя на Дробышева, спросил Стиф. — Ты службы еще по-настоящему не видел. Небось, в учебке лафу гонял?

Дробышев смолчал.

После ужина Дробышев стоял в туалете вместе с другими солдатами, нервно курил. Вдовцов заметил, что у него творится на душе.

— Не вешай нос, братишка! Тумачков получишь по любому, но жив останешься.

Худошавый старослужащий с аэродромной роты, сидя на подоконнике, брэнчал на гитаре:

*Может, в Омске, а может, в Крыму
Встанут парни в солдатских шинелях,
Чтоб спокойней спалося тому-у,
Кто остался в гражданских постелях...*

Вошел Арбузов, обращаясь к Дробышеву, сказал:

— Пошли. Лебедь приехал.

«Гуси» РМО один за другим понуро вошли в кубрик первой транспортной роты. Их ждали... На койках, длинным рядом стоявших у окна, лежали «деды» и «дембеля». «Гуси» скромненько сидели на табуретках. На просмотр «спектакля» пришли «деды» из РМО — Куриленко, Ким и сержант Ржавин.

Дробышев подошел к Лебедько. Тот, развалившись на койке, раскинув ноги в сапогах, забрызганных грязью, курил.

— Ну что, готов?

-
- Вроде готов.
  - Тогда присаживайся.

Дробышев скромненько присел на краешек соседней койки. У Лебедько во взгляде мелькнуло легкое удивление, и тотчас же небольшие серые глаза его вновь сделались спокойными, холодно-сдержанными.

— Один, — ледящим тоном сказал он, загнув длинный палец. — «Гуси», объяснить!

С табуретки вскочил грязный, зачуханный солдат по фамилии Сидор. Бойко и безжизненно, словно робот, протараторил: — «Гусям» и «шнэксам» сидиты на лижках нэ положэно. Сидиты можно на табурэтках. На лижко можно сидаты тильки з дозволения «дедив».

Дробышев поспешно пересел на табурет. И начался «эк-замен»...

- Дважды два?
- Дембель давай! — крикнул Дробышев, как его учили.
- Сколько вольт в розетке?
- Дембель, давай!
- Какого цвета потолок?

— Желтый! (Дробышев ответил так потому, что сейчас была осень. По Приказу, который 27 сентября 1994 года был подписан новым министром обороны Украины Валерием Шмаровым, Лебедько попадал под увольнение этой осенью. Если бы сейчас была весна, в этом случае следовало бы отвечать: «Зеленый!»)

- Что ты видишь в окне?

Привстав немного с табурета, Дробышев внимательно поглядел в окно. Там ничего не было видно, кроме черноты осеннего вечера и стволов берез. Батальон находился на третьем этаже. Но Дробышев с самым серьезным и невозмутимым видом, на который был способен, ответил:

- Пионеров.
- Что они там делают?
- Собирают макулатуру и металлолом.
- Зачем?

— Макулатуру для приказа, металлолом — для дембельского поезда.

- Где сейчас Шмаров?
- В Африке!
- Что он там делает?

— Ловит страуса, чтоб выдернуть у него перо и подписать приказ, — отвечал Дробышев, как его научили.

- Хорошо, правильно, — улыбнулся Лебедько.
- Как жизнь у «старого»?
- Жизнь малина, служба мед!

— Как служба у «старого»?

Дробышев, моментально сдернув со своей головы шапку, швырнул ее на пол и, пару раз наступив на нее сапогами, выпалил:

— Задолбала служба «старого»!

— Как у тебя жизнь?

— Служу, и служить хочется! — кричал Дробышев, а про себя думал: «Да пропади оно все пропадом!»

— Сколько тебе служить осталось?

— Как медному котелку до ржавчины!

— Ладно. Расскажи сказку.

И Дробышев, к этому времени успевший потерять бдительность, бойко начал:

Слава Богу, не убили.

Завтра снова на работу.

— Стоп! — холодно оборвал его Лебедько. — Не так. Два! Дробышев молчал. Он не помнил, как надо правильно начать сказку.

— Сидор! — негромко окликнул Лебедько. — Расскажи, как надо.

Вскочивший, как пружина, Сидор, встал посреди кубрика и громко крикнул:

— Дэмбеля!

— Мы, — раздалось несколько ленивых голосов дембелей.

— «Деда»!

— Мы, — ответили Лебедько и остальные «деды».

— «Чэрэпа»! — продолжал выкрикивать Сидор.

— Мы.

— «Гуси»!

В ответ на это послышалось усиленное шипение.

— Достаточно, — сказал Лебедько и отпустил Сидора, а Дробышеву сказал: — И только после этого начинается сказка. Давай!

Дробышев начал делать все, как делал Сидор, но, скомадовав: «Гуси!», забыл зашипеть вместе с остальными «гусями». У него уже было два «залета». Он знал, что за это он будет сегодня наказан. Но какое именно наказание его ожидает, не знал. Из-за постоянной мысли о предстоящем наказании, он, переволновавшись, стал рассеянным.

— Стоять! Ты что, уже не «гусь»? — вновь оборвал его Лебедько и, загибая пальцы, подытожил: — Три!

Дробышев, спохватившись, зашипел и, не начав все заново, принялся было продолжать на том месте, где его оборвали:

— Слава Богу, не убили.

— Дробь, не тормози! С начала надо. Четыре!
Дробышев, красный, усталый, необычайно взволнованный, вытер рукавом кителя взмокший лоб, начав все с самого начала, перешел к основной части «Сказки»:

*Слава Богу, не убили!
Завтра снова на работу.
Масло съели — день прошел,
Старшина домой ушел.
Спи, «старик», спокойной ночи! —
Дембель стал на день короче.
Пусть приснится дом у речки,
Баба голая на печке,
Море пива, водки таз...
И от Шмарова приказ
Об увольнении в запас...
Пусть он дембель Ваш услышит
И Приказ скорей подпишет.
Разрешите доложить:
Сколько «старому» служить?*

— Ладно, правильно. Сказку ты знаешь. Как дела? — продолжил экзамен «дед».

Ответив правильно на все вопросы, Сергей спросил:

— Разрешите взлет?

— Разрешаю!

И Дробышев «полетел». Расставив руки в стороны, он, слегка нагнувшись, побежал по кубрику — «У-у-у-у», имитируя гул самолета. После команды: «Форсаж!», прибавив скорости, перешел на рев.

— Мертвая петля! — подал команду Ким.

Дробышев, бросившись на пол, кувыркнулся через голову, вскочил и «полетел» дальше.

— Штопор! — шелкнув пальцами, прикрикнул довольный Куриленко.

Продолжая движение, Дробышев одновременно стал кружиться вокруг своей оси.

— Эй, не пора ли тебе на подзаправку? — спросил Лебедько.

К нему тотчас же подлетел Дробышев.

— Сколько?

— Две тонны.

— Держи! — Лебедько дважды крепко «заправил» его кулаком в грудь. И Дробышев опять «полетел».

— Ладно, хорошо, — остановил его Лебедько. — Иди сюда. Садись.

Дробышев с вздохом облегчения сел на табурет.

— Чего ж такого еще у тебя спросить? — нахмурил лоб Лебедько.

— Дробь! — дважды шелкнув пальцами, потребовал к себе внимания Рыжий. — Ну-ка, сорок пять секунд отпуска!

— В натуре, сорок пять секунд отпуска! — живо поддержал его Ким.

Лебедько, тонко улыбаясь, молча кивнул головой. Да, мол, я тоже этого хочу.

Дробышев не понимал, что от него хотят. Он предупредительно поднялся и, вытянув руки по швам, стоял молча и покорно ждал своей участи.

— Не понял? Сорок пять секунд отпуска! — повторил команду Рыжий.

— Я не знаю этого, — был глухой ответ.

Лебедько, с удивлением вскинув тонкую бровь, повернулся и многообещающе посмотрел на Вдовцова. От испуга лицо Ивана покрылось пятнами. Он совершенно упустил из виду подколку «сорок пять секунд отпуска».

— Вдова, я не понял? — воскликнул Лебедько. — Я что, неясно тебе на складе сказал? Обучить всем подколкам. — И повернулся к Сидору: — Сидор, сорок пять секунд отпуска!

Сидор вышел на середину кубрика, стал скакать на одной ноге, левой рукой, как алкаш, щелкать себя по горлу, правой — не расстегивая ширинки — яростно задергал воображаемый мужской половой орган. Делая все это одновременно, Сидор запел припев известной в то время на дискотеках песни:

— Itrs may life! Itrs may life! Itrs may life!

Глядя на него, весь кубрик укатывался со смеху — настолько комичным было зрелище. Но были в кубрике и те, кто совершенно не находил эту сцену забавной, комичной и красивой. Не смеялись «гуси». Все это они видели изо дня в день, особенно когда «деды» пьянствовали, а потом их «застраивали». Не смеялся Арбузов. Нахмутив брови, он смотрел на Дробышева с ненавистью и думал о том, что сегодня ночью, когда заснут все «деды», он обязательно его поднимет...

Но вот Лебедько подал знак рукой, отпуская Сидора. И его место занял Дробышев. «Уезжая в отпуск», он выглядел не так смешно, по сравнению с Сидором, не так талантливо и вдохновенно. Все его действия были какими-то жалкими и скучными, вялыми и обреченными. Впрочем, над ним смеялись, и еще как смеялись... Но это было только потому, что пред публикой выступал новый «актер», а видеть нового свежего «гуся» в роли солдата, уезжающего «на сорок пять секунд в отпуск», всегда забавно, в новинку. Сидор, глядя на

Сергея в этот момент, смеялся и думал: «А у меня гораздо лучше!» Для Дробышева «ехать в отпуск» было унинительно и противно.

— Итак... Дробь, — холодно сверкнув глазами, подвел итоги Лебедько. — У тебя шесть «боков». Что будем делать? Молчишь. Правильно... у тебя нет выбора. За тебя уже подумала Родина, призвав тебя весной 94-го. Ты никогда не «летал в будущее»? Сейчас полетишь, — многозначительно пообещал он, и тонкие бледные губы его тронула сдержанная улыбка. Кубрик покатился со смеху.

Лебедько велел Дробышеву взять табурет и поставить его посреди кубрика вверх ножками.

— Залезай!

— Как?

— Раком!

Лебедько взял в руку другой табурет и, подождав, пока Дробышев встанет на четвереньки с высоко поднятым задом, широко размахнувшись, ударил его другим табуретом по ягодицам...

Удар был настолько резким и сильным, что Дробышева моментально сбросило на пол.

Лебедько велел Дробышеву подняться, вновь поставить табурет вверх ножками, залезть и — снова, широко размахнувшись, врзал ему по заду. И вновь Дробышев растянулся на полу. Страшная боль, куда сильнее, чем в первый раз, пронзила Дробышева! У Сергея невольно выступили слезы, больше от обиды и унижения, чем от боли. Проклиная все на свете, он поднялся. У него потемнело в глазах. Шатаясь, подошел к табурету, поднял его, поставил и вновь полез.

И снова удар! И Дробышев опять на полу. На этот раз он до боли закусывает себе губу и уже не пытается сдержать катящихся слез. Но сверху раздается беспощадный голос Лебедько:

— Дробь, еще три раза! Подъем!

Дробышев с трудом поднимается, ничего не видя перед собой, идет, спотыкается, падает. Вновь поднимается, ставит табурет и — вновь летит, сбитый жестким ударом. Лебедько неумолим.

— Что ты, как баба? Подъем! На табуретку!

И еще один удар! Дробышев лежит на полу. Ему не хочется больше жить.

И тут раздается великодушный голос Лебедько:

— Ладно, Дробь! Я тебя прощаю. Но знай, что меня, когда я был «гусем», били куда сильнее! Рыжий подтвердит. Он знает. И еще, Дробь, ты в этот момент, наверняка, думаешь, что я самый страшный, злой и жестокий человек на свете? Нет,

---

есть люди намного злее, страшнее и хуже... Скажи спасибо тому государству и обществу, которые сделали меня таким! И ты будешь таким же через год. Это я тебе гарантирую! — И Лебедько, повернувшись к Ивану, холодно сказал: — Вдова! На табуретку!

И Вдовцова тоже «отправили в будущее».

...После отбоя Куриленко, лежа на койке в кубрике РМО, говорил:

— Что, Дроть, булки болят? У меня тоже болели. Это ерунда. Честно говоря, «гуси», завидую я вашей службе. Нам гораздо хуже было... Вам по сравнению с нами вообще лафа! Мы призывались весной 93-го. Еще чурок застали. Ой, что это за черти были! Как вспомню сейчас, самому жутко становится! Как они нас дубасили! Эти суки кодлой держатся. Толпой. Не дай бог, кто-то тронет ихнего... они тут же сотней набегут...

В полночь Сергея растолкали.

— Пошли, выйдем в туалет. Потрещать надо, — Арбузов, повернувшись, пошел из кубрика.

В туалете, кроме Арбузова, был еще Бардо. Светловолосый, с ровным румяным загаром на крепкой мускулистой шее, он развалисто сидел на подоконнике, подобрав под себя толстую ляжку; левая рука его лежала на штык-ноже, висевшим в ножнах на поясе. Бардовский сегодня был дневальным.

— Прикинь, Витек, меня сегодня «расстегнули», — говорил Бардо приподнято.

— Вот это да! Поздравляю, — улыбнулся Арбузов, пожимая приятелю руку и по-дружески обнимая за шею. — Я тебе завидую. Теперь ты у нас «расстегнутый гусь». Типа, реальный пацан.

Сергей обратил внимание, что верхняя пуговица на кителе у Бардо была расстегнута. По неписаным армейским законам, «гусям» и «шнэксам» в зимнее время года так ходить по казарме категорически запрещалось. Но люди есть люди. Они терпеть не могут уравниловки. И даже в военной форме, которая делает их похожими друг на друга, солдаты стремятся подчеркнуть отличия между призывами.

— Эх, хорошо быть «расстегнутым», — самодовольно улыбаясь, сказал Бардо. — Сразу чувствуешь себя старше. А «старость» — это так приятно.

— Ладно, Бардо, сейчас не об этом, — убрав улыбку с лица, сказал Арбузов сурово и повернулся к Сергею.

— Дроть, помнишь, когда ты только прибыл в роту, я тебя в столовой предупреждал, чтоб ты не подставлял свой призыв?

— Ну?

— Чего ну? А сегодня что получилось? Почему Ваня из-за тебя должен получать?

Сергей смолчал.

— Дробь, давай, чтоб мы в следующий раз не получали из-за тебя по бороде, закрепим твои знания подколок на практике. Сколько вольт в розетке?

— Дембель, давай!

— Правильно. А какого цвета моча у «старого»?

— Желтая.

— Неверно, — усмехнулся Арбузов и легко ударил Дробышева в грудь. — Я же увольняюсь в мае, значит, у меня моча зеленая.

Дробышев, чувствуя свою вину перед Арбузовым, отвечал на вопросы, а Арбузов и Бардо, когда Сергей ошибался, по очереди «простреливали фанеру», поначалу слабо, но с каждым ударом постепенно наращивая силу. Наконец, Дробышев стоял, зажатый в углу, корчась от боли. Грудь его ныла от перенесенных ударов.

— Хорош, Бардо, с него хватит, — сказал Арбузов.

Бардо, по-русски обняв Дробышева за плечи, сказал:

— Дробь, не обижайся. Это жизнь, пойми, это жизнь! Ты сегодня подставил свой призыв, мы тебе слегка намяли бока. Если ты еще раз подставишь нас, мы намнем тебе сильнее. Запомни, если хочешь в армии жить хорошо, живи в шоколаде со своим призывом. Ладно, иди отдыхай.

Уже лежа в койке, Дробышев анализировал свое положение: «Сейчас я совершил ошибку. Надо было не позволять себя унижать. Надо было прямо там же, в туалете, разбить Арбузу или Бардо хавло, — с ненавистью думал Дробышев. — А я, дебил, сломался! Теперь подняться в их глазах будет гораздо сложнее. Если я хочу остаться собой, я должен завтра же вломить кому-нибудь из них... Ты должен, Серега, должен. За тебя этого никто не сделает».

...Но на другой день Дробышев не отомстил своим обидчикам. Он не нашел нужного повода, чтобы броситься на Бардо или Арбузова с кулаками.

Он целый день провел на ГСМ, пришел в роту измотанным. После ужина Ким заставил читать ему книгу. Ким лежал, развалившись на койке, в сапогах, а Дробышев сидел рядом и вслух читал ему Чейза.

Вечером, перед самым отбоем, Сергей встретил Бардо и Арбузова в туалете. Там было еще народу человек десять, — солдаты разных призывов. Дробышев считал, что будет слишком дерзко на глазах у всех подходить к Бардо (его он ненавидел почему-то сильнее) и ни с того ни с сего бить его по лицу. Но именно так ему и следовало сделать.

Сергей вдруг вспомнил, как в Нижнеподольске у него в течение месяца назревал конфликт с одним солдатом, игравшим в оркестре на малом барабане. Рядовой по фамилии Клюба, призванный из Говерловска, был нагловатым парнем. Несколько раз в столовой он подшутил над Сергеем. Видя, что Дробышев молчит и терпит, стал давить сильнее. В столовой кидался шариками, скатанными из хлебного мякиша, в другой раз — макаронами. Как-то раз за воротник насыпал распотрошенные плоды шиповника.

Сергей терпел месяц. Но в груди у него закипала такая злость, такая страшная ненависть, что его буквально трясло при виде веселого, покрытого мелкими веснушками, лица рядового Клубы. И вот однажды копившуюся ненависть, как прыщ, налитый гноем, прорвало.

Воскресным утром Сергей стоял в вестибюле и ждал. Клуба, ничего не подозревая, спускался по лестнице со второго этажа, беспечно насвистывая веселую мелодию. Внезапно в лицо ему обрушился страшной силы удар. Сергей с разворота, размашистым хуком всадил Клубе в скулу и, не давая опомниться, врезал сапогом в колено, другой ногой — в живот.

По лестнице сбегали испуганные солдаты. Они только и видели, как Клуба кубарем скатился с лестницы и очутился на полу, звезданувшись о ступеньки затылком, а Дробышев, прыгнув на него сверху, оседлал и принялся гвоздить. По груди, по ребрам, по лицу.. Клуба пытался защищаться. Но Сергей был в заведомо выгодной позиции. Он был сверху, и лютая злость распирала его. Держа Клубу за горло, другой рукой бил в лицо. Дробышева с трудом оттащили от лежавшего.

Клуба, утирая с губ кровь, для приличия попетушился, поразмахивал руками, пригрозил устроить вечером разборку. Но ни в этот вечер, ни в следующий разборки не было. Видимо, Клуба порядком струханул.

Через неделю все забылось, и Клуба вновь сидел в столовой с Дробышевым за одним столом, но теперь не позволял себе подшутить или оскорбить неосторожным словом.

Именно тогда Сергей для себя сделал вывод, что в мире существует определенная категория людей, которая убедительно нуждается в том, чтоб для того, чтобы просто уважать другого человека, надо, чтобы он непременно врезал тебе по зубам. И чем сильнее врежет, тем сильнее ты станешь его уважать.

Вспомнив сейчас этот полугодовой давности случай, Сергей с улыбкой подумал о том, что ему не следует искать лишнего повода для драки с Бардо. Нужно поступить так же как с Клубой. Подождать и внезапно, когда противник не ожидает нападения, нанести опережающий удар.

Сергей вспомнил, как в свое время на гражданке, во Льво-
ве, один парень со двора, по кличке Мангуст, учил его нюан-
сам уличной драки.

— Пойми, — говорил Мангуст, — чем отличается уличная
драка от любого другого вида единоборства. В любом виде
спорта существуют определенные правила. Есть запреты.
Например, нельзя бить в пах, в кадык, в позвоночник и так
далее... В уличной же драке, запомни, ты не связан никакими
правилами. Забудь про благородство, что лежачего не бьют.
Бей, глумись, уничтожай, души! Делай, что хочешь! Для тебя
должна существовать только одна цель — победа. Одолеть
противника. Любой ценой. Или ты его, или он тебя. Будь подл
и коварен. Жесток и циничен! И тогда ты выживешь.

Мангуст был высок, строен, силен. Он имел за плечами
две судимости, и срок — три года общего режима за хулиган-
ство. Мангуст был старше Сергея на семь лет.

— Нанес удар противнику в колено, тут же бей в лицо.
Опять в колено, затем в живот. Атакуй с разных уровней. Не
давай ему опомниться. Будь ошеломителен. Рви его зубами,
грызи ему жилы. Больше злости, больше жестокости. И ты —
победитель! И, запомни, побеждает лишь тот, у кого больше
воли к победе!

Про Мангуста на микрорайоне ходила слава, будто он на
одной из разборок в прыжке двумя ногами ударил в грудь
парня и сбил его с ног. Будто Мангуст в одиночку шел против
троих и рвал их, как газету.

Мангуст вернулся после зоны и во дворе устроил с мало-
летками возню. Он собрал вокруг себя ватагу мальчишек лет
двенадцати и предложил им бороться. Он один против пят-
надцати одновременно. Но условием было — не наносить
ударов. Только борьба. И Сергей участвовал вместе с осталь-
ными. Он кидался на Мангуста, пытался запрыгнуть на спи-
ну, а Мангуст, широко улыбаясь, как щенка, скидывал его и
других со спины, сбивал руки мальчишек, пытавшихся его
свалить. Ребяшня возилась у него в ногах, хватали за тулови-
ще, пытались запрыгнуть на шею, а Мангуст был ловок, из-
воротлив.

После той возни Сергей проникся к Мангусту огромным
уважением и однажды, придя к нему домой, попросил на-
учить его драться.

Мангусту это польстило, и он согласился. Около двух ме-
сяцев они бегали в лес, тренировались. Как раз стояли лет-
ние каникулы. А потом Мангуст бесследно исчез...

Дробышев сидел в одиночестве в курилке перед частью.
День снова был пасмурный. Хмурое небо позднего ноября

отражалось в грязных лужах. На деревьях кое-где оставались жухлые листья.

Дробышев жадно курил. Ему так хотелось избить Бардо! Зверски, безжалостно. Но обжигала страшная мысль о неотвратимости наказания и о длительном тюремном сроке.

Сергей никогда не считал себя человеком жестоким, но жизнь, окружавшая его, безжалостная, страшная жизнь ежедневно делала его суровее, жестче и злее. Стискивая кулаки, он угрюмо смотрел на мрачно-желтое здание казармы. Среди солдат ходили слухи, что здесь на территории, где сейчас располагалась их дивизия, раньше находилась тюрьма. Может быть, сам дух этих холодных каменных стен порождал в душе солдатской ненависть.

Воображение Дробышева рисовало жуткие картины. Глухой ночью он выломает из спинки кровати металлический прут, пойдет в кубрик, как тень приблизится к кровати, где спит Бардо. Постоит, глядя на его безмятежное, чему-то улыбающееся во сне лицо, а потом, высоко занеся прут над головой Бардовского, с силой вонзит ему в белое горло. В лицо Дробышеву брызнет теплая кровь. Отбросив в сторону ненужный прут, он устало опустится на табурет. Проснутся солдаты. Вспыхнет яркий свет. Его обступят. Прибежит перепуганный дежурный по части. Доставая из кобуры пистолет, велит солдатам вязать Дробышева. Его под конвоем отвезут в военную прокуратуру, кинут в темную, сырую камеру. Потянутся долгие допросы. Зачем убивал? Каковы причины, толкнувшие на этот шаг? Следователь прокуратуры в мрачном тесном кабинете будет постоянно курить, мелким, торпливым почерком писать бумаги. Потом будет суд, военный трибунал...

«Именем Закона Украины!

Суд, рассмотрев дело по обвинению Дробышева Сергея Викторовича, приговорил за убийство рядового Бардовского признать виновным в совершении преступления и назначить ему наказание в виде лишения свободы... на срок 10 лет...»

«И выйду я из колонии, когда мне будет почти 29 лет, — с ленивой грустью подумал Дробышев. Острая мысль ужаснула его: — 29 лет! Нет, ни в коем случае! Я не должен сидеть из-за какого-то гада. Но что мне делать? Я должен поставить себя в их глазах».

Дробышев закурил еще одну сигарету...

Внезапно память перенесла его в Усмань. Это был город, где родился Сергей! За год до армии он на выпускном вечере у своей сестры познакомился с Градиной Ольгой. Сергей сидел с родителями в актовом зале и разглядывал выпускников, стоявших у сцены. Его внимание сразу же привлекла

девушка в длинном розовом платье. Она стояла среди своих одноклассников; черные глаза ее были чуть прикрыты длинными ресницами. Черные, мелко вьющиеся волосы, поднятые высокой прической, красиво оттеняли ее смуглую кожу на тонкой шее.

Ольгу дважды приглашали на сцену для награждения почетными грамотами за первые места в районных олимпиадах по русской литературе, истории и за физику. Градина окончила школу с золотой медалью.

Сергей заметил на сцене небольшого роста, полную женщину с короткой стрижкой. Она стояла, строго нахмутив брови, кого-то отчитывала. Как выяснилось позже, это была учительница русского языка и литературы — Олина мать.

На дискотеке Сергей, набравшись смелости, пригласил Ольгу на танец и уже не отпускал ее от себя.

На другой день Сергей по справочнику узнал номер Олиного телефона и позвонил. Попал на ее строгую мать.

— А вы, собственно, кто?

— Друг, — помявшись, сказал Сергей.

— У Оли нет друзей. Молодой человек, вас как зовут?

— Зовут меня Сергей. Фамилия Дробышев. Понимаете, Наталья Алексеевна, мы познакомились с Ольгой на выпускном вечере... И мне ваша дочь очень понравилась. И я прошу вас пригласить ее к телефону. Мне это очень важно.

— Ольге сейчас некогда. Она готовится к поступлению в университет.

— Будьте добры, тогда передайте, что я ей звонил.

Наталья Алексеевна, женщина недоверчивая, через знакомых навела о Сергее справки (а Усмань — городишко маленький, все друг о друге всё знают) и, когда его отрекомендовали как парня из хорошей семьи, разрешила дочери встретиться с ним.

...Они гуляли по городу. И Сергей поначалу очень волновался, так как был робок с девушками и до нее ни с кем не встречался. Он не знал, о чем с ней говорить, чувствуя себя не совсем уверенно. На него давил своим существованием тяжелый факт, что Ольга — золотая медалистка. Сергею в этом смысле похвастать было нечем.

— Ольга, а ты веришь в Бога?

— Не знаю, — пожалала узкими плечами она. — Моя мама в последнее время очень ударилась в религию, а раньше была ярким коммунистом. Но материалистом, в полном смысле этого слова, назвать я себя не хочу.

— Оля, а по какой теме ты выиграла олимпиаду по истории?

— Великая Отечественная война.

Они встречались три дня. Говорили об истории, литературе, философии, искусстве... С Ольгой было интересно. Сергей узнал, что ее родители в разводе. Мать с отцом познакомилась в Мурманске. Наталья Алексеевна была старше Олиного отца на семь лет. Когда они развелись, Ольга ходила во второй класс. Она очень переживала за родителей.

Отец, по своему образованию, тоже был учителем. Он уехал в Липецк, получил там квартиру, а потом перебрался в Ленинград. Получил второе высшее образование, закончил аспирантуру, защитил кандидатскую по социальной психологии.

Ольга готовилась к поступлению на факультет психологии в Санкт-Петербургский государственный университет, где ее отец работал преподавателем.

— Батальон, подъем! — заорал дневальный в шесть утра.

Дробышев вместе с остальными «гусями» тут же соскочил со второго яруса койки, стал торопливо одеваться. За полгода, проведенных в армии, подъем вошел в привычку. Мозг к шести утра просыпался самостоятельно.

Старослужащие и «черепа» продолжали еще лежать в койках. Утренний сон так сладок!

Дробышев им завидовал. Ему как «гусю» поваляться лишних пятнадцать минут в койке было нельзя: не положено. Одевшись, он быстро заправил свою кровать, фанерками отбил кантики, не умываясь, схватил веник, бросился подметать в кубрике. Остальные «гуси» тоже вовсю «шуршали»: Арбузов протирал пыль с подоконников, Вдовцов катал Вербина на «машке», до блеска натирая пол.

В кубрик зашел прапорщик Конь.

— Ну-ка, пидийматэсь! Пидийматэсь!

«Черепа» с неохотой стали подниматься. «Деды» продолжали лежать.

Ответственный подошел к койке, где лежал Куриленко, дернул за край одеяла, сказал:

— Солдат, я що прыказав? Пидиймайся!

— Слышь, Конь, отвали! — повернув недовольное сонное лицо, сказал Куриленко. — Мне по сроку службы положено.

Конь, не возразив, ушел будить остальных.

Вскоре зашел ротный капитан Иголка.

— Цэ шо таке? — закричал он, увидев лежащих «дедов».

«Деды» повскакивали.

— Ну-ка, на зарядку! Швыдше, швыдше!

Ротный, посмотрев на месячный график, составленный старшиной по уборке в кубрике, недовольно рявкнул:

— Куриленко, я нэ зрозумив?

Рыжий виновато улыбнулся.

Ротный, отвесив ему звонкого подзатыльника, заставил делать уборку. Остальных построил в коридоре, провел утреннюю поверку и вывел роту на улицу. Было холодно и сыро. Ночь. Опять прошел дождь.

— Так, давайте три круга, и в казарму! — скомандовал ротный.

Строй тяжело побежал, грохоча сапогами по асфальту, а ротный остался курить у крыльца.

Капитан Иголка во многом был реалистом. Он понимал, что в последнее время «человеческий материал» испоганился. Особенно «человеческий материал», периодически пополняющий армию. Идеальных людей не бывает. Если общество больно, а армия — есть часть этого общества, то хорошим солдатам взяться просто неоткуда. Ротный понимал, что нарушители армейской дисциплины будут всегда, и поэтому он в меру своих сил и возможностей будет с ними сурово бороться. Главное, чтобы не было злостных нарушителей и преступников. Капитан Иголка знал, что в его роте не совсем все гладко. Прекрасно знал о том, что в их дивизии в целом, и его роте в частности, есть такое гадкое и позорное социальное явление, как «дедовщина», и что родилось оно не в один день, а вызревало годами, и теперь этот гнойник смердит. И надеяться на то, что он исчезнет за год, за два, могли только наивные гражданские люди, не знакомые с существующим положением вещей...

Капитан Иголка считал, что в армии все должны быть равны, что армия существует, прежде всего для того, чтобы обеспечивать суверенитет и независимость Государства. Несмотря на то, что ротный был офицером Украинской Армии, он считал Украину частью большого геополитического постсоветского пространства. Иголка был против развала великой державы — СССР, против отделения Украины от России. И хотя по крови он был малороссом, уроженцем Черновицкой области, но помимо Украины, он очень любил и Россию и Белоруссию.

Ротный знал, что в одиночку «дедовщины» ему не искоренить, что это должна быть систематически и коллективно осуществляемая работа всего общества, что во многом в «дедовщине» виновата не только армия, но и само гражданское общество, что Рыжие, Арбузовы, Кимы попадают в армию с гражданки, с улицы, и часть вины в том, такие, какие они есть, лежит и на школе, и на родителях, и на самом Государстве, Обществе и Эпохе, породивших их.

Отправив роту на зарядку, Иголка поднялся к себе в кубрик проверить, чем занимается Куриленко. Рыжий уже ус-

---

пел припахать «гуся» из соседней роты, и Сидор, под пристальным взглядом «деда», с метлой в руках бодро убирал кубрик.

Иголка, увидев это, выгнал Сидора, а Рыжего ладонью двинул в ухо:

— Два наряда внэ черги!

Рыжий мрачно молчал.

— Рядовой Куриленко, я нэ эрозумив?

— Есть два наряда вне очереди!

Утренний развод прошел как обычно. Командир части поставил перед личным составом текущие задачи на день и всех распустил.

К РМО подошел начальник склада ГСМ прапорщик Марчук, плотный, крепкого телосложения мужик, с темными широкими усами.

— Дэ там мои?

Отделение ГСМ, покинув роту, перестроилось в стороне в две колонны по четыре человека. Вербин, Вдовцов, Дробышев. Остальные были «деды» — Куриленко, Ким, сержант Ржавин, Лопатин и Рудый. Шли дворами, между трехэтажных, серых, унылых хрущевок. Район был старым и своим грязным унылым видом создавал гнетущее впечатление. Несмотря на то, что Говерловск был основан еще несколько веков назад, при владычестве Речи Посполитой, энергично строиться он стал только при советской власти. При Хрущеве во всех городах и весях Советского Союза бурно поднимались типовые панельные дома и двухэтажные бараки. Строились как временное жилище, на двадцать лет. Но свергли Хрущева. Пришел к власти Брежнев. «Хрущевки» продолжали стоять. Брежнев умер. После него было еще несколько временщиков. «Хрущевки по-прежнему стояли. В них не делался капитальный ремонт. В них гнили и ржавели трубы. Осыпалась штукатурка. Худились крыши. Прорывало воду в подвалах.

Но правителям не было до них никакого дела. Временщики были охвачены глобальными проектами — «построением открытого, демократического общества», «правового государства», «интеграции в мировую экономику» и т.д. А внешний вид домов и людей, их населявших, год от году становился все хуже и хуже...

...От части пешком до аэродрома — рукой подать. Двадцать пять минут ходу бодрым армейским шагом.

Утром на ГСМ всегда полно народу. Торопливо переодевшись, Дробышев, Вдовцов и Вербин пошли на склад. От-

---

крыли кладовую, где хранился ручной насос и стояли накануне приготовленные бочки с бензином. Стали заправлять водителей. Сначала «дедов», потом «черепов» и только потом остальных...

К одиннадцати часам дня основной наплыв заканчивался. Тогда удавалось передохнуть. «Гуси» спрятались за емкостями НЗ (неприкосновенный запас), в которых хранилась солярка. Закурили.

— Не слышно, когда зарплату нам будут давать? — поинтересовался Дробышев.

— А тебе не все равно? — спросил Вербин. — Один хрен, «деды» отберут все себе.

Дробышев этого не знал. В учебке зарплату никто ни у кого не отбирал. Были, конечно, неприятные факты, когда свои воровали у своих, но это было исключением из правила. Конечно, солдатская получка — это смех сквозь слезы, но вдвойне обиднее, когда у тебя отбирают последнее.

— Эх, сейчас бы водки... грамм сто, не больше. Кусок копченой колбасы, хлеба и пару соленых огурцов, и я бы считал себя вполне счастливым человеком, — мечтательно улыбнулся Вербин, ложась на высохшую за лето, старую траву.

— А я бы с большим удовольствием навернул тарелку мамкиных шей, — сказал Вдовцов. — Она, знаешь, как у меня классно щи варит. Крутые! Как бухнет сметаны домашней, густой... А в щах кусок говядины! Вот тогда к ней стакашок самогона — грех не выпить. А еще непременно... кусок сала на хлеб. Посыпать черным перцем.

— Вань, а ты чем после армии намерен заниматься? — спросил вдруг Дробышев, резко сменив тему разговора.

— С отцом в деревне свое хозяйство буду вести. У нас четыре коровы, два быка, овцы, куры, гуси, утки... Короче, хозяйство не маленькое. На жизнь хватает... Во всяком случае... мясо со стола у нас никогда не исчезает.

— А батек у тебя кем работает?

— На току, в колхозе.

— Стало быть, зерно и корма у вас халявные?

— А то что ж?.. Разве можно такое хозяйство держать, не имея халявного зерна?

— Не знаю. Я человек городской, с сельской жизнью незнакомый. Вот на моей родине, в Усмани, — это в России, — отцы моих друзей подались в фермеры. Купили колхозные трактора, грузовые машины... Кто пасеку держит...

— Каждый свое выбирает, — философски согласился Вдовцов. — Есть возможность, почему ж не воспользоваться? Батек мой тоже мечтает трактор купить. Я думаю, для начала можно и старый в колхозе по дешевке взять... Вложить в него денег, сил...

— А мясо вы куда сдаете?

— Когда как... Раньше в Александрию возили... А в последнее время в Киев стали... Это выгоднее. Там дороже. У нас там сейчас свой постоянный клиент появился. Он оптом берет.

— А ты, Бэбик, что делать после армии думаешь?

— Не знаю, — ответил Вербин хмуро. Он обижался, когда его называли «Бэбик». — До дембеля еще дожить надо.

...В половине двенадцатого Дробышев собрал бачки и ушел за обедом. Ему нравилось ходить за обедом. Эти два часа он находился без «дедов». На два часа сутки становились легче.

Сегодня он пошел не сразу в часть, а свернул на аэродром. Ему хотелось вблизи посмотреть на боевые самолеты. Сергей вышел на широкую, далеко раскинувшуюся взлетно-заправочную полосу. С обеих сторон вдоль нее возвышались ангары. У каждого из них стояли истребители. Дробышев подошел к одному из самолетов. Это была красивая остроносая машина — фронтовой истребитель МиГ-29, необычайно похожая на хищную птицу. Дробышев, поставив бачки на бетонку, подошел вплотную к истребителю, ласково и восхищенно потрогал стойку шасси, твердую, как камень, резину, гладкую поверхность мощного размашистого крыла. Обошел самолет кругом, потрогал турбины, залюбовался стройностью, изяществом линий.

До армии Сергей много раз видел самолеты гражданской авиации. Пока был жив Советский Союз, семья Дробышевых каждое лето то на Ту-134, то на Як-40, то на Ан-12, летала из Львова в Воронеж, иногда с посадкой в Киеве. Сергея удивлял человеческий гений, изобретший самолет. И сейчас он влюбленно гладил ладонью изящный борт МиГа.

Дробышев поднял бачки и взглянул на тянущуюся бетонку. Далеко-далеко, в полукилометре от него, в голубоватой дымке, широко раскинув тяжелые длинные крылья, возвышался могучий транспортный самолет Ил-76. Дробышев слышал от сержанта Ржавина, что Ил-76 способен поднять на борт до 18 тонн груза. Не только поднять, но и в течение нескольких часов перебросить на тысячи километров. За ангарами, далеко-далеко, в туманной дымке, виднелись голубовато-белые вершины Карпат.

Ольга приехала из Питера в начале августа и сама позвонила ему. Они прогуливались по тихим улочкам Усмани. Ходили к реке. Стояли на Хомутовском мосту, глядели в зеленую воду, в отражение деревьев и глубоко опрокинутого неба. Берега, окаймленные густыми зарослями камыша, крапивы, изломисто тянулись и уходили вдаль. За деревьями и крышами домов броско синел купол Свято-Успенской цер-

---

кви и новой, высокой, еще недостроенной, воздвигаемой на месте прежней колокольни.

Через неделю Сергей понял, что безумно влюблен. Его бросало в дрожь при виде Ольги. Он любовался ее взглядом, милой, обаятельной улыбкой с ямочками на щеках.

Ольга — невысокая, худенькая, в голубом тонком платье длиной чуть ниже колен, легко шла ему на встречу, выходя из калитки, а он чуть ли не через день дарил ей цветы.

Вечером сидели у нее в саду, окутанном темнотой, тишиной, сливовой прохладой. Повернувшись лицом к Сергею, Ольга с волнением, рвущимся голосом однажды решилась:

— Сережа, я давно хотела тебе сказать... сказать о том...

— Я люблю тебя, Оленька! — осмелев от ее слов, признался вдруг он. — Люблю давно. Еще с того вечера, как впервые увидел тебя... тогда, на школьном балу...

— Поцелуй меня...

И Сергей, бережно обняв ее, впервые поцеловал, перехватив губами ее мягкие, трепетные губы.

Ольга призналась, что еще никогда не целовалась. Она рассказывала о том, что мама долго держала ее в тисках, под бдительным надзором, именно поэтому Ольга в последние два года стала тяготиться ее обществом. Именно поэтому Ольга очень близко сошлась с отцом, зачастила к нему в Петербург, и теперь, наконец, поступила в университет.

Ольга рассказывала, что мать ни разу в жизни не пускала ее на дискотеку, и Сергей был первым парнем, с кем она танцевала, если не считая партнеров по бальным танцам, куда Ольга в свое время ходила.

Сергей возвращался домой окрыленным. Нежная, наивная душа его, охваченная романтикой, будоражила, горячила воображение. Он писал стихи, но, видя их несовершенство, не решался показать их Ольге.

...Когда все поели и ушли по своим делам, Дробышев зашел в соседнюю комнату — лабораторию ГСМ, поставил на электроплитку кастрюлю — греть воду для мытья посуды.

Сергей перемыл кружки и ложки. Взялся за тарелки, когда в класс службы, служивший для солдат столовой, влетел запыхавшийся Вербин:

— Бросай все. Цистерна пришла!

Дробышев еще не знал, что это такое. Но по лицу озабоченного Вербина он понял, что дело очень серьезное и не терпит отлагательств. Вслед за Вербиным побегал на территорию ГСМ. Там уже были все «деды».

Руководство ГСМ прекрасно знало о том, что у них в подразделении отношения между солдатами строятся не самым

справедливым образом, но предпочитало не вмешиваться в солдатские дела.

Марчук и остальные прапорщики ГСМ знали о том, что работают только «гуси», остальные солдаты только имитируют «какую-то деятельность». Но смотрели на все это сквозь пальцы.

Руководство требовало от подчиненных им солдат полной самоотдачи только в тех случаях, когда к заднему забору территории ГСМ по железной дороге маневровщик подгонял вагон-цистерну с керосином. За каждый лишний час простоя военная часть платила железной дороге сумасшедшие деньги. Потому необходимо было цистерну быстро опорожнить и отпустить.

На улице было пасмурно, сыро. Моросил холодный, необычайно мелкий дождь. Куриленко и Ким стояли у цистерны, наблюдая за работой Вдовцова. Иван, одетый в черный ватный бушлат, лежал спиной на рельсах и возился с корзиной. Сержант Ржавин, стоя это время наверху цистерны, производил замер керосина. Рудый помогал прапорщику Злободяну. Они включили электронасосную и следили за приборами. Ревел двигатель. Стрелки манометров показывали давление в трубопроводе. В электронасосной держался удушливый-сильный, головокружительный запах керосина.

От корзины, прикрепленной ко дну цистерны, тянулся тяжелый рукав широкого брезентово-резинового шланга, который при помощи хомута соединялся с трубопроводом, уходившим через территорию ГСМ к электрической насосной станции.

Вербин, кликнув Вдовцова и Дробышева, побежал к пяти двадцатисычникам, находившимся по левую руку от цистерны. По металлическому мостику, перекинутому с земляной насыпи на одну из емкостей, Вербин взбежал наверх, позвал к себе Дробышева. Показывая на открытую горловину емкости, объяснил, что ему следует делать.

— Короче, смотришь сюда. Замеряешь палкой. Как только до горлышка будет оставаться сантиметров десять-пятнадцать, говоришь мне.

— А ты тогда что делать будешь?

— Это не твоего ума дело, — огрызнулся Вербин.

Дробышев добросовестно следил за уровнем керосина. Емкость заметно наполнялась. Вдовцов с Вербиным стояли внизу, у вентилей и трубопровода, подходившего к емкостям, болтали «за жизнь», вспоминали «гражданку».

На насыпи показался старший прапорщик Злободян.

— Ну, як там? — оставаясь на месте, крикнул он Дробышеву.

— Нормально.

— Дывысь. Поуважний там, — Злободян скрылся.

Дробышев опустил замерочную палку в емкость.

— Хватит! — крикнул он ребятам.

Услыхав команду, Вербин моментально стал откручивать вентиль соседней емкости, а Вдовцов быстро закрутил вентиль наполненной емкости.

Вербин ушел на другой участок ГСМ, к свободной емкости, на которую указал ему Злободян. Эта емкость была небольшой, тонны на две. Она находилась в квадратной яме, выложенной красным кирпичом; пол ее был залит бетоном.

Когда последняя «венская» была наполнена, Дробышев, находившийся от Вербина метрах в семидесяти, подал ему знак.

Вербин открутил вентиль на своей емкости. Керосин потек сюда.

Дробышев сидел на емкости, задумавшись. Лениво и невнимательно слушая Вербина, он тоже вспомнил «гражданку». Он вспоминал сейчас Львов, дом, родителей, родную школу, друзей, знакомых...

Воспоминания оборвались внезапно...

Дробышев опомнился, увидев, как керосин стремительно льется из горла переполненной емкости.

— Вырубай! — испуганно крикнул он Вербину.

Вербин кинулся к вентилю, а Вдовцов побежал к Злободяну. Вербин, матерясь, закрутил вентиль.

— Ты куда смотрел? — заорал он на Дробышева. — Куда ты смотрел? Ты понимаешь, что теперь «деды» нас повесят.

Дробышев виновато молчал.

...Злободян стоял у электронасосной, беззаботно разговаривая с «дедами», когда вдруг заметил стремительно бегущего Вдовцова.

— Шьось трапылось, — на лице Злободяна возникло беспокойство.

— Товарищ прапорщик, — подбежав, с трудом переводя дух, выпалил Вдовцов, — вырубайте движок. Там этот... Дробышев за емкостью недоглядел... керосин вовсю льется.

Злободян кинулся к насосной, вырубил двигатель. Придерживая фуражку рукой, побежал к Вербину. За ним кинулся Рудый. Сержант Ржавин шел неторопливо. Случившееся ему было глубоко безразлично: через неделю на дембель, а проблемы ГСМ — это не его проблемы. Его заботили куда более глобальные проблемы: устройство личной жизни после армии, карьеры, учебы...

— Ну, як цэ ты так умудрився? — кричал Злободян, сердито глядя на Дробышева. — Ты мэни поясны, як цэ так можно? Напэвно, ты не о керосине думал, а о дивках?

Выплеснув эмоции, Злободян заставил растяпу вычерпывать из ямы керосин.

Дробышев смотался в кладовую за алюминиевым корцом, полез в каменную яму. Он вычерпывал из ямы керосин, выплескивал на прелую траву. Рыжий с Кимом стояли над душой, любуясь процессом работы. Именно это Дробышеву больше всего давило на нервы.

От тяжелого запаха невыносимо кружилась голова. Ломило в висках. Пол плавал под ногами. Но Дробышев исподлобья глянув на стоявших рядом «дедов», опять согнулся. Закрыв слезящиеся глаза, молча зачерпывал корцом керосин и выплескивал его наружу...

...Ночью сержант Ржавин поднял Дробышева и с ходу несколько раз ударил его. Сергей корчился от боли, согнувшись у тумбочки. «Гуси» лежали, затаив дыхание. Они боялись пошевелиться.

— Дробь, тебе самому не надоело тормозить? — спросил Ржавин, укладываясь в койку.

Сергей промолчал. Ему было больно. Но тут, скинув с себя одеяло, поднялся Рыжий, подошел, врезал Дробышеву ладонью по уху.

— Дробь, если ты и дальше будешь тормозить, я думаю, ты вернешься домой из армии калеккой.

Дробышеву разрешили лечь в койку. Его душили слезы, не столько от боли, сколько от перенесенного унижения и обиды. Закусив до крови губу, он лежал, уткнувшись носом в жесткую солдатскую подушку, с сознанием собственного бессилия. Ничего нельзя было изменить.

Под утро, часа в четыре, Дробышева разбудил Ким, которого ротный в наказание накануне вечером поставил дневальным. Ротный упустил из внимания, что Ким, как «дед», ночью все равно стоять не будет: не положено.

Ким растолкал крепко спавшего Дробышева.

— Дробь, вставай. Давай-вставай, дембель проспишь!

Дробышев, толком еще не проснувшись, тупо смотрел на него.

— Короче, сейчас оденешься, пойдешь на тумбочку, постоишь за меня дневальным. Меня разбудишь в полшестого утра. Смотри, не забудь. Без пятнадцати шесть придет ротный. Он завтра, точнее уже сегодня, ответственный. Если он тебя спалит, мне коздец! В этом случае тебе тоже!

— Я не буду! — ответил Дробышев спросонок. Эти слова были сказаны им не совсем осознанно.

— Что? — рявкнул Ким и ударил его в грудь. — Давай быстро!

На этот раз Дробышев проснулся окончательно. Он спрыгнул на пол, стал одеваться. Киму это понравилось. Он сразу помягчел.

— Давай, Дробь, шустрее. Я спать хочу, — Ким был в нижнем белье и тапках.

Он угостил Дробышева сигаретой, чем сильно его удивил.

— Давай, Дробь, не обижайся. Пойми, это — жизнь. Сегодня ты шуришь, завтра ты «дед», ты расслабляешься, а другие шуришат.

Дробышев вышел в безлюдный коридор. Здесь было тихо. Лишь слышалось мерное жужжание сигнализации оружейной комнаты.

Ольгиного отца Сергей видел всего раз. Он приехал в Усмань всего на день. Как назло, в этот день у Ольги на шее предательски краснел засос — след вчерашних страстных поцелуев Сергея.

Ольга надела длинное синее платье, с голубыми вставками. Шею повязала шелковым платком, в цвет платья.

Но все равно предательский засос не укрылся от внимательного взгляда отца. Он шел им навстречу. В сером костюме, черненький, курчавый, кареглазый.

Ольга представила Сергея отцу. Они обменялись сухим, ничего не значащим рукопожатием.

Вечером Ольга призналась:

— Ты почему-то не понравился моему отцу. Он мне не советовал с тобой встречаться.

— Надо полагать, причина — засос?

— Не знаю. Но это, безусловно, повлияло на мнение отца.

— А для тебя оно много значит?

— Не знаю. Знаю только, что он меня очень любит и не может желать мне зла. Будем надеяться, что со временем его мнение в отношении тебя изменится.

В половине шестого Дробышев разбудил Кима, а сам, раздевшись, лег в койку. Засыпать не было смысла. Скоро подъем.

Сергей лежал в койке, заложив руки за голову, думал.

Он недолюбливал «нэзалэжну Украину». Как и всякий русский он, сам того не осознавая, был носителем имперского сознания. Тоска о могучем, великом государстве сидела у него глубоко в генах.

Он горячо, всем сердцем любил Россию и потому всегда на все происходящие в мире события смотрел с точки зрения выгоды России и национальных интересов русского народа, поскольку именно Москва, а не Киев, была в его глазах геополитическим центром мира. Не знакомый с азами геополитики, он, рожденный среди равнин Центрального Черноземья и проживший большую часть своей жизни во Львове,

---

побывав в Москве только раз, именно ее считал геополитическим центром мира, и ему не приходило в голову, что почти точно так же считали другие народы, признавая центром мира столицу своего государства.

...Дробышев попал именно в Украинскую Армию, а не Российскую, потому, что этого хотел отец. Все в семье были уроженцами Усмани, плодородной степи Центрального Черноземья. Но развал Советского Союза, неожиданный, внезапный, застиг их во Львове, где в 1992 году в Прикарпатском военном округе в звании майора авиации закончил свою службу отец.

В начале 80-х годов XX века Львов был спокойный, тихий, цветущий город. На улицах его протекала мирная, размеренная жизнь. Город был наводнен русскими военными, а галицийские самостийники сидели, забившись глубоко по нормам, стиснув зубы, душились от злобы, но ничего не могли поделать. Они, изучая историческую деятельность Степана Бандеры и Андрея Мельника, теоретическое наследие Михаила Грушевского, создавшего оригинальную концепцию «украинской» истории, вынашивали свои сепаратистские планы по отделению малоросской «республики» от СССР. К концу 1990 года Львов забурлил, а еще через год, после того, как 24 августа 1991 года, Украина вслед за прибалтийскими республиками провозгласила свою независимость, он стал совершенно неузнаваемым, полностью сменив свою политическую элиту. Русских методично стали выдавливать со всех руководящих должностей.

В спешном порядке переименовывались улицы, наглухо «зачищались» от всего русского. Дело доходило до абсурдного: улицу Пушкина переименовали в вулицю генерала Чупрынки, улицу Мира в — вулицю Степана Бандеры.

В России тоже жизнь была не сахар.

Виктор Петрович, внимательно анализируя динамично развивавшуюся внутри российскую политическую ситуацию, к началу 1994 года пришел к однозначному выводу, что его сыну будет безопаснее «отдать долг Родине», отслужив в относительно спокойной армии Украины, чем попасть в мятежную, клочущую вахабитским гневом Чечню.

После возвращения с ГСМ вечера Ржавин обычно проводил в каптерке у земляка, младшего сержанта Сагалова. Они баловались чайком с печеньем.

— Ну что там слышно?... Не скоро тебя будут увольнять? — поинтересовался Сагалов.

— Ротный обещал на той неделе. Но ты ж его знаешь...

— Один черт, до Нового года уволят.

— Лично я Новый год собираюсь встретить дома, — сказал Ржавин. — Да и по-любому ротный уволит меня раньше остальных. Вот на Рыжего он зуб имеет, а на меня нет. Дело даже не в ротном, а в Лукьяне.

— Ну, а Лукьян что?

— Он мой непосредственный начальник. Как он решит, так и будет.

— Ну, так ты пошевели его. «Товарищ капитан, нельзя ли пораньше. Я вам магар соображу». Что ты, как маленький, первый день на службе?

— Да дело тут не в магаре вовсе. Лукьян хочет, чтобы я ему личную печать вырезал. У него, типа, библиотека дома хорошая. Он хочет все свои книги пропечатать и составить опись. Типа, букинист, на блатной козе не подъедешь.

— Ну, вырежи ее. В чем же дело?

— Да придется.

Сержант Ржавин откинулся на койке, не снимая сапог, забросил ноги на дужку. Мечтательно сказал:

— Ладно, Вован. Даже если не получится разом, в один день уволиться, я через неделю максимум в Киеве буду. Первым делом с пацанами увижусь. Забухаю. А потом по шалавам пойду. Есть у меня одна знакомая телуха. В районе Дарницы живет. Я с ней в отпуске в Гидропарке зависал.

— Серег, слушай, у меня к тебе дело есть. У твоего «гуся», как его? Ну, этого, который из учебки недавно приехал?..

— Дробышева что ли?

— Да. Короче, мне его афганка глянулась. Ты не против, если я его раздену?

— Земляк, какие вопросы!

— А он не застучит... «шакалам»? — спросил Сагалов.

— Да вроде не должен. Хотя, кто его знает? Он у меня в роте всего две недели. Я еще так и не понял, чем он дышит.

— Ладно. Я сейчас с ним перетру.

Сагалов открыл дверь каптерки, окликнул первого попавшегося «гуся», велел позвать Дробышева.

Стоя на пороге, Дробышев неуверенно спросил:

— Разрешите зайти?

— Заходи, — великодушно ответил Сагалов. — Дверь только закрой.

Дробышев подошел к столу.

— Дробь, короче, мне твоя афганка глянулась. Серега не против, чтоб мы с тобой махнулись. Ты что скажешь?

Дробышев молчал. Ему было обидно. Солдатам форма выдается на полгода. Через полгода старую заменяют на новую. Но не всегда находится нужный размер. В учебке он только обменял свою старую форму, выпросив у старшины

себе по размеру и поставив за это ему бутылку водки. А сейчас эту форму с него хотели снять. Было очень обидно.

— Давай, Дробь, не нарывайся, — сказал Ржавин. — Снимай!

Дробышев не хотел лишний раз получить. Он молча стал расстегивать пуговицы. Между тем Сагалов, порывшись в шкафах, достал ему старую афганку. Дробышев переоделся и вышел в коридор. На глаза ему навернулись слезы обиды. Опасаясь, что это заметят другие солдаты, вышел на лестницу. В горле держался ершистый комок. Дробышев постоял у окна, покурил. Пошел в бытовку, к своим.

Сослуживцы заметили, что он в другой форме. Стецко, узнав суть, велел позвать «дедов» РМО. Всех, кроме Ржавина.

Через минуту здесь были Куриленко, Якименко, Рудый и Лопатин. Стецко рассказал им, что Сагалов, договорившись с сержантом Ржавиным, раздел Дробышева.

— Он что гонит? — возмутился Ким. — Это беспредел! У него свои «гуси» есть. Пускай он их и раздевает!

— Це не дило! — согласился маленький полноватый Рудый.

— Беспредел! Голимый беспредел! — высказал свое мнение длинный худошавый Лопатин.

Рыжий промолчал. Ему не хотелось портить отношения с Ржавиным.

— Дробь, слышь, в принципе, мне это все по барабану, — сказал Стецко. — Но я могу впрячься за тебя при условии, что ты со мной обменяешься формами. Твое согласие, и я иду тянуть за тебя мазу.

Та форма, какая сейчас была одета на Стецко, выглядела лучше той, какая сейчас была на Дробышеве. Недолго думая, Сергей согласился.

Всей толпой ввалились в каптерку транспортной роты.

— Сагал, что за фигня? — сразу начал наезжать Стецко. — У тебя что, своих «гусей» в роте нет, что ты за наших взялся? Короче, мы тут всем коллективом посоветовались и решили, что тебе надо вернуть Дробышеву форму.

— А тебе какое дело до этого? — недовольно спросил Ржавин, оставаясь сидеть на койке.

— У меня здесь личный интерес. Мы с Дробью договорились. Свою форму он мне отдает.

Ржавин ничего не сказал. Это было законно. Дробышев был «гусем» РМО, а не транспортной роты. По неписаным армейским законам Сагалов имел право раздевать только «гусей» из своего подразделения. Видя, что все остальные «деды», кроме Куриленко, держат сторону Стецко, Ржавин злобно подумал: «Ладно, Дробь! Я с тебя за это завтра... на ГСМ спрошу. Ты у меня еще не раз пожалеешь».

Сагалов, кипя от злости, молча достал из шкафа форму Дробышева, швырнул на пол. Дробышев переоделся и отдал Сагалову его старую форму. Стецко не стал сейчас меняться с Дробышевым формами, так как опасался, что это сразу же заметит ротный. Они договорились, что поменяются в день увольнения Стецко.

В день зарплаты солдаты по очереди заходили в каптерку, расписывались в ведомости и старшина отсчитывал их кровные. Часть денег он оставлял у себя под предлогом покупки мыльных принадлежностей на роту. Хитрый прапорщик уже в уме высчитал, сколько требуется денег на закупку и сколько он намерен оставить себе от собранной суммы.

Когда Дробышев, получив у старшины деньги, зашел в кубрик, лежавшие на койках Ржавин и Куриленко нетерпеливо спросили:

— Ну?

Дробышев подошел к ним и молча отдал свою зарплату. Это же сделали и остальные «гуси».

«Старики» сложили все деньги и поделили на пятерых. Лопатину они ничего не дали. Лопатин считался «чмырем». В свое время, еще «по молодости», он прогнулся — постирал своим «дедам» афганку, и потому теперь он не имел своего слова в роте. Это был чмошный «дед». «Гусям» категорически запрещалось выполнять его просьбы. Требовать от них он ничего не мог. Ему не носили сигарет, за ним не заправляли койки, в наряде по столовой его всегда отправляли на посудомойку. Еще полгода назад он вместе с призывом Штырбы, Найды и Пуха делал уборку. Но с приходом Вдовцова, Арбузова и Вербина «деды», посоветовавшись между собой, решили под дембель немного облегчить Лопатину службу, освободив его от обязанностей наведения уборки в кубрике.

В столовой Лопатин сидел в одиночку. Его сторонились другие солдаты. И сейчас, глядя на то, как его однопризывники делят деньги «гусей», Лопатин сотый раз проклинал себя, когда он впервые сломался, не выдержав ударов старослужащего Лимона, взял его грязную афганку и поплелся стирать в умывальник. Заметив хмурое лицо Лопатина, Куриленко догадался, о чем тот сейчас думает, и перевел взгляд на Дробышева.

Сергей был расстроен. Куриленко это не понравилось. В этот момент в его сознании всплыла сцена того утра, когда Дробышев, впервые появился в РМО и между ними возник конфликт. Куриленко был злопамятен. Он решил сейчас проверить Сергея «на прочность».

— Дробь, иди сюда, — требовательно сказал он, снимая с себя китель. — На, постирай!

— Я не буду.

— Дробь, я не понял?

— Я не буду стирать!

— Что-о-о? — повысив голос, сказал Рыжий. — Вербин, ну-ка, быстро на фишку!

Вербин метнулся к дверям.

— Я не буду! — твердо повторил Дробышев. Лицо его было решительно, глаза горели гневно.

— А ну бери, сука! Живо! — наотмашь ударив ладонью по лицу, крикнул Куриленко. — Ты шо, обурел, «гусяра»?!

— Я не буду!

Бросив свой китель, Куриленко схватил Дробышева за грудки, двинул коленом в живот.

Сергей согнулся.

— Стирай, сука!

— Не буду!

— Я кому сказал, стирай! — кричал Рыжий, нанося удар за ударом, свалил Дробышева с ног.

Лежа на полу, Сергей корчился от боли, как мог, прикрывался руками. Куриленко, нагнувшись над ним, бил его кулаками по спине.

Арбузов со злорадством глядел на корчившегося от боли Дробышева. Он не испытывал к нему ни капли сострадания. Напротив, Арбузов хотел, чтобы Дробышев сейчас сломался. «Сломайся, мразь! Сломайся! — с ненавистью думал он, глядя на Дробышева. — Иди, постирай афганку старому. И тогда я всю оставшуюся службу буду тебя чмырить!» Вдовцову, напротив, было жалко сослуживца: «Сергея, держись, — с мольбой глядя на Дробышева, сжав кулаки, думал он. — Еще немного. Ты молодец! Потерпи еще. Сейчас все кончится. Только не сломайся!»

Всем остальным было глубоко наплевать. Их одолевало только любопытство: сломается или нет. Жалости?.. Жалости не было.

Но Сергей не сломался. Он лежал на полу, корчась от боли, но пощады не просил.

— Хватит! — резко встав с койки, потребовал Ржавин. — Все, Рыжий, остынь! — сказал он, подойдя, и очень крепко взял Куриленко за локоть.

Рыжий, весь красный и взмыленный, отошел в сторону, тяжело опустился на койку.

Он был зол: ему не удалось сломать Дробышева. А во второй раз проверку «на твердость» проводить не полагалось. И сейчас это больше всего его угнетало.

Через десять минут рота, как ни в чем не бывало, занималась своими делами.

Отдышавшись, Куриленко раздраженно позвал Вербина, швырнул свою афганку ему в ноги:

— Бэбик, постирать!

— Я не буду!

— Шо? Сука, шо ты сказал? — Куриленко ударом кулака сшиб Вербина с ног, пнул носком сапога под живот.

С искаженным от боли лицом, Вербин поднялся с пола, взял афганку Рыжего и ушел в умывальник. Там он положил афганку в раковину, открыл кран и стал в дверях. Он смотрел, не идет ли сюда Куриленко. Вербин раза два брезгливо теранул афганку одежной щеткой, слегка намылил, смыл пену под холодной водой, выжал и повесил в сушилку.

— Все! — сказал он, вернувшись в кубрик.

— Молодец! — похвалил его Куриленко. Он сидел с Кимом за доской шашек.

Дробышев стоял в коридоре на лестнице, как рыба, выброшенная волной на берег, с трудом хватая воздух. К нему подошел Вдовцов.

— Молоток, Серега! Ты выдержал. Больше он тебя трогать не будет. Дай пять!

Дробышев протянул руку. Вдовцов, обняв своей широкой лапой руку товарища, крепко пожал. Дружески потрепал за шею и оттолкнул.

— Молоток, братуха! Так держать!

Он от всего сердца был рад за сослуживца, что тот сегодня не сломался. Сергей прочитал это чувство в его серых сияющих глазах и был благодарен Вдовцову за это.

Когда Вдовцов ушел в батальон, Сергей спустился на улицу. Ему хотелось сейчас побыть наедине. Привести в порядок растрепанные мысли. Он с ненавистью думал сейчас о Рыжем. В воспаленном воображении рисовал сладостные картины расправы.

Вечером сержант Ржавин позвал Арбузова и Вдовцова, дал им денег и велел сгонять за водкой. «Гуси», взяв с собой Дробышева, надели шинели и шапки. На улице шел снег.

Прошли вдоль части, за вещевым складом, по разрушенной кирпичной стене перелезли через забор. Петляя дворами, направились к дому, где жила тетя Аня. Эту женщину знала вся округа. Муж тети Ани работал на спиртзаводе, а она разбавляла ворованный спирт и торговала им.

Ребята вошли в крайний подъезд старого двухэтажного дома, крытого шиферной крышей.

Открыла тетя Аня, женщина лет пятидесяти, с накрашенными губами, вся в кольцах и браслетах.

— Мальчики, что вам?

— Водки. Три пузыря! — развязно сказал Арбузов и протянул деньги.

Пересчитав деньги, тетя Аня достала из-за двери три бутылки.

После отбоя, когда ушел ротный, началась пьянка. Дневальный ушел на лестничную площадку наводить уборку. В том случае, если дежурный по части приблизится, он тут же забежит в кубрик и всех предупредит.

Ржавин достал спрятанную в подушку первую бутылку, стал разливать по кружкам. «Старики» по очереди подходили к нему, выпивали свою долю, брали кусок хлеба с ломтиком сала и долькой лука, отходили к койкам. Выпили по три раза. А потом, когда в последней бутылке оставалась половина, Ржавин нацедил в кружки.

— «Гуси», сюда! Все, кроме Вербина!..

Ржавин каждому дал выпить. Дробышев, осушив свою долю, сморщился — водка была противной. Поставил свою кружку на тумбочку, поблагодарил. Он собирался уже уходить, но его остановил Куриленко, лежавший рядом с Ржавиным, на соседней койке.

— Погоди, Дробь, иди сюда. Дай пять. Дробь, ты молодец! Ты — пацан! Я сегодня специально тебя проверял. Ты — не чмошник, ты пацан. Всегда будь таким, — Рыжий был пьян. Его тянуло на общение. — Ты на меня держишь зло — это твое дело. Это — жизнь, пойми, брат, это жизнь! Сегодня ты — «гусь», завтра — «дед»! Вот Лопатин и Вербин — «гуси» по жизни. Потому что они «чмыри». А ты — пацан! Давай, брат, не держи на меня зла.

Куриленко отпустил Дробышева.

Сергей забрался на второй ярус и лег в свою койку.

— «Деда», как вы думаете, — спросил Рыжий, — не пора ли нам «расстегнуть» наших «гусей»? В других ротах пацаны уже своих «расстегивают».

— А что... это правильно, — поддержал сержант Ржавин. — Наши «гуси» давно этого заслужили.

Остальные «деды» тоже были не против.

Дробышев лежал, чувствуя, как его сознание медленно плывет. Он чувствовал себя сейчас необыкновенно хорошо. Ему было хорошо на душе не столько оттого, что запьянел, сколько от осознания самого факта, что «деды» сегодня угостили его водкой. Значит, его уважали. «А Рыжий, в принципе, неплохой пацан, — весело думал он. — Я его вполне понимаю. Он «дед». Ему хочется власти, почета, уважения. Это вполне законное желание. Кто знает, каким буду я?»

Сергей вспоминал сейчас Ольгу. Ее поцелуи, черные глаза, мягкие ладони. Сегодня он впервые за две недели засыпал спокойно, без постоянного внутреннего напряжения.

Вечером другого дня ребят «растегивали». Процедура заключалась в том, что каждый «дед», кроме «чмошника» Лопатина, врезал каждому «гусю» в грудь кулаком. И теперь им, по неписаным армейским законам, разрешалось ходить с растегнутой верхней пуговицей. Сами «деды» ходили с двумя, а то и тремя растегнутыми пуговицами. Если смотреть на это со стороны, то выглядело неопрятно и некрасиво. Но солдатское представление о красоте искажено: чем разболтаннее, тем круче. Все солдаты носили шапку на затылке. Специально подбирали себе шапку на размер, а то и на два поменьше нормы. У «дедов» и «черепов» карманы на штанах и кителях афганок были вручную прошиты нитками. Сапоги — подвернуты или обрезаны. Чем короче сапог, тем круче. Ремень ослабляли до такой степени, что он болтался едва ли не на ширинке.

Строевой смотр части застал всех врасплох. Командир, подполковник Самовалов, вместе с начальником штаба лично ходили вдоль шеренг, проверяли содержимое солдатских карманов. Заставили на морозе всех разуться и снимать носки.

— На ногах у солдат должны быть портянки, — сурово оглядывая строй, говорил командир части. — Носки будете носить дома. Здесь армия, а не институт благородных девиц! А армия — это дисциплина и порядок!

Эти слова Самовалов повторял постоянно, почти как молитву. Когда он приказал солдатам распахнуть шинели и растегнуть кители, то выяснилось, что у половины личного состава части — «стариков» и «черепов» — под кителями были гражданские свитера.

— Это еще что за безобразие? Ну-ка, снять немедленно!

— Товарищ подполковник, так ведь холодно ж, — возразил Пух, когда Самовалов проходил мимо него.

Пух был личным водителем командира части. Если бы он это сказал не при всех, а наедине, в машине, то Самовалов, наверняка, закрыл бы глаза на то, что его водитель одет не по уставу. Но Пух имел неосторожность высказать это вслух, при всей части.

— Рядовой Медведев, два наряда вне очереди за разговоры в строю! — строго сказал Самовалов.

— Есть два наряда вне очереди! — весело рявкнул Пух, а когда командир отошел, тихо сказал стоявшему рядом Дробышеву: — Один черт, завтра я ему понадоблюсь. Кто его будет на машине возить?

«Деды» и «черепа» снимали с себя свитера, покидали в общую кучу. У «гусей» свитеров не было. По сроку службы — «не положено». Исключением среди них был только рядовой Бардовский — ему разрешили «деды».

Закончив утренний осмотр, начальник штаба части, приложив к головному убору красиво согнутую в локте руку, резко отдал команду:

— Ривнясь!.. Струнко! Кроком, Рух!

И боевая часть, выстроенная по подразделениям, печатая шаг, прошагала по тонкому снегу строевым мимо командира и начальника штаба.

Сержант Ржавин и рядовой Куриленко, отпустив отделение в казарму, вернулись к забору ГСМ. Там у них в траве были спрятаны четыре канистры бензина. Они отволокли их к знакомому гражданскому водителю, жившему недалеко от аэродрома, продали за полцены.

В прошлом увольнении на дискотеке они познакомились с двумя подругами. Пригласили их в подъезд на бутылку вина. После распития хотели разделить по парам, но девушки сказали впрямую:

— Так, мальчики, не будем морочить друг другу головы! Замуж мы не собираемся! Тем более за солдат! Встречаться с вами тоже нет смысла. Взять с вас нечего, видеться сможем редко, а бегать к вам вечерами на КПП нет никакого желания. Что вам от нас нужно, кроме секса? Ничего.

— Большой и чистой любви! — театрально прижав руки к сердцу, воскликнул Ржавин.

— Короче, мальчики. Если вам нужен секс, гоните капусту... Нет, тогда мы уходим.

— Сколько?

— Пятнадцать баксов в час!

— А не дорого?

— Не дороже денег.

— А что мы за это получим?

— Все!

— Прям-таки все?

— Все! А теперь... если у вас нет денег сейчас, мы вынуждены откланяться. Работать надо.

— Ладно, сегодня у нас нет, — торопливо воскликнул Ржавин, видя, что девушки уходят. — Но мы можем в другой раз. Как вас найти?

— Запишите телефон...

...Именно к ним сегодня, продав бензин, направились Ржавин и Рыжий...

Они вернулись в казарму счастливые и удовлетворенные. Делясь впечатлениями, собрали вокруг себя человек шесть.

— Дайте телефон, — попросил Пух, смущенно улыбаясь. — У меня сейчас с капустой все в порядке. Хочу устроить праздник...

— Мне тоже дайте, — протянув широко раскрытую ладонь, требовательно и весело сказал Ким.

— Ким, как тебе не стыдно? Ты женатый человек, — упрекнул сослуживца Ржавин.

— Серега, не выпендривайся. Ты мне подгони номерок, а дальше уж мое дело.

— Ну, телефон я тебе, допустим, дам. А как же заповедь? Не блуди. Не пожелай жены ближнего своего.

— Это не мое дело загоняться по поводу всяких заповедей.

— И никаких моральных угрызений совести ты не будешь испытывать?

— Ржавин, ты задолбал! — раздраженно ответил Ким.

— Просто я пытаюсь тебя понять. На хрена ты женился?

— Ты прекрасно об этом знаешь. У меня был особый случай.

— По-моему, ты зря это сделал. Из любой ситуации всегда есть выход.

— Да ты пойми: у меня не было выхода. Меня ее батек вызвал к себе на ковер. Сказал прямо: «Или женись, или я тебя закрою по 120-й...»

— Шо это за статья? — вмешался в разговор Рыжий.

— Развратные действия... до трех лет! — насмешливо пояснил Ржавин. — Короче, Ким, не нашел ничего лучше, как соблазнить школьницу. И если б ее родоки были простыми работягами, там ничего не было б. А тут оказалось, что она — дочь мента, начальника отдела... Ха-ха, ну ты, Ким, олень!

— Слышь, Ким, а если б ты в несознанку шел? — спросил Куриленко. — Не было, мол, ничего.

— Рыжий, тебе сколько лет? Девятнадцать. В этом возрасте нельзя быть таким наивным. Верно, Ким?

— Какая там несознанка? — надув губы, говорил Ким. — Примчались опера. Замели меня. Привезли в отдел, давай мудохать... Я шел в глухую несознанку. Кинули в камеру к уркагану какому-то... Тот меня разводил. Я ни в какую. Продержали полдня. Потом опять привели на допрос. Давай мудохать. Надевали противогаз, закрывали клапан... Я что, железный? Не выдержал, сломался, дал расклад. Все как было. «Да вы поймите, — говорил я им, — у нас по согласию все было. Она сама на меня залезла. А я что... монах какой? Я не устоял».

— И вот результат: хомут на шее, — подытожил Ржавин.

Ранним утром за час до подъема в дивизии была объявлена учебная тревога. Во всех казармах шло сильнейшее движе-

---

ние. Вскакивали солдаты, торопливо одеваясь, неслись к каптеркам, получали вещмешки. Посыльные разбежались по городу оповещать своих командиров. Ревели сигнализации. Хлопали двери. Дежурные по подразделениям вскрывали оружейные комнаты, отпирали шкафы, выдавали лично-му составу автоматы и боеприпасы.

Когда прапорщик Марчук оделся и вышел из квартиры, отделение ГСМ в количестве восьми человек, с вещмешками за спиной и штык-ножами на поясе, выстроившись в две колонны, ожидало его у подъезда.

Марчук повел солдат на аэродром. Их задача была несложной: прибыть в течение часа на ГСМ и приступить к выполнению своих прямых обязанностей. Несмотря на то, что отделение уложилось в срок, у дороги, напротив конторы ГСМ, стояли в ожидании уже несколько грузовых автомобилей. Стремительно переодевшись, солдаты стали их заправлять. На этот раз работали все.

Тревогу отменили в восемь утра, после того как командир дивизии на «уазике» проехал по ряду объектов, расположенных в различных частях аэродрома. После официального приказа об отмене тревоги темп движения во всей дивизии заметно снизился. Люди перешли в режим обычной работы.

«Деды» вернулись, завалились на койки. Ким достал из-под подушки колоду старых засаленных карт, перемешав, раздал на троих.

После завтрака Ржавин, передавая приказ Марчука, велел «гусям» и Лопатину заняться уборкой прилегающей к конторе территории.

Вербин с Дробышевым собрали у входа все окурки и бумажки, покидали их в урну. Лопатин с Вдовцовым граблями сгребали на плащ-палатку опавшую листву.

Ржавин вышел на крыльцо, сладко до хруста в позвоночнике потянулся, достал сигарету, закурив, залюбовался процессом работы.

— Лопатин, ты знаком с основными категориями эстетики?

— Нэ. А шо это такое?

— Ашо, а шо? — передразнил его Ржавин. — Деревня! Эстетика — это наука о прекрасном. Антон Павлович Чехов говорил, что у человека все должно быть прекрасным: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Понял, Лопатин? А у тебя — лицо типичного быка, спустившегося с гор за солью. Одежда? Я молчу про твою одежду. Чухан-чуханом. Душа? Низменная душа... пустая, мелкая. Мысли? Или полное их отсутствие, или полный примитив... как бы пожрать, где бы поспать, как бы «плану» курнуть!

— Это точно! — глупо улыбаясь, согласился Лопатин. — План — это сила! Давно я уже хорошей, доброй шмали не

курил. Может, с год. Помню, в учебке, в Нижнеподольске, у нас у свинарника выросла конопля-дичка. Но она реальная была. С косога трое отъезжали. Задули по парiku, а нас так накрыло. О-от мы гудели. Вся часть, короче, обкуренная неделю ходила. А через неделю, по приказу командира, всю ее спололи и сожгли. Я лично участвовал в прополке. Для меня каждый удар косой... словно удар ниже пояса. «Мужики, — думал я, — что ж вы делаете? Остановитесь!» Сердце кровью обливалось. До чего ж было жалко! Но добрый пакет шмали... я все же в части заховал. У меня была надежная нычка. Я и еще два пацана... Мы еще долго потом по плану отрывались.

— Не люблю нарикков, — сказал Ржавин. — От них все беды... Стрелять вас надо.

Лопатин с изумлением уставился на него.

— Шучу! — улыбнулся Ржавин и, повернувшись, скрылся за дверями конторы ГСМ. Он вернулся к своим, в комнатушку. Куриленко с Кимом, разложив на табуретке доску, катали нарды.

— Сыграешь? — спросил его Рыжий.

— А, надоело. Все надоело. Домой хочу!

— Хо, удивил. Я тоже хочу. Все хотят.

— Я больше твоего хочу. Меня там девки ждут. Братва.

— А то у нас братвы и своих девок нет, — возразил Ким.

— У всех братва, — согласился Куриленко.

— Слышь, Рыжий, вот ты сколько в авиации?

— Странный вопрос. Столько же, сколько и ты...

— То есть полтора года, — хитровато глядя на сослуживца, сказал Ржавин.

Куриленко, опасаясь подвоха, осторожно спросил:

— А с какой целью интересуешься?

— Ты можешь назвать тактико-технические характеристики МиГ-29?

— А на хрен они мне нужны? — пожал плечами Рыжий.

— Как на хрен? Ты ж в авиации служишь? Вот представь... на гражданке пацаны, допустим, спросят, где ты служил. Попросят тебя рассказать об авиации, о самолетах, а ты не в зуб ногой.

— Я ж не летчик. Я — гэсээмщик.

— Ты хочешь сказать, что в ГСМ неплохо разбираешься? Ну-ка, назови мне химическую формулу керосина?

— Слышь, Ржавин, ты что тут вымахиваешься? — спросил Куриленко с вызовом. Он начал заводится.

— Да скучно мне, понимаешь? Тоскливо!

— Это твои проблемы!

— А сам-то ты хоть знаешь характеристики МиГа? — насмешливо спросил Ким.

— Пожалуйста. Размах крыла — 11 метров. Длина самолета — 17. Высота — 4,7. Масса пустого самолета — около 11 тонн. Максимальная взлетная масса 18,5 тонн. Силовая установка: два турбореактивных двигателя.

— Шо, типа, умный? — насмешливо спросил Рыжий, когда Ржавин закончил.

— Да нет. Какой из меня ум?.. Три класса образования...

— Откуда такие познания? — спросил Ким, с интересом глядя на эрудированного сослуживца.

— Да так... интересовался в свое время, — уклончиво ответил Ржавин. — Я тут недавно читал статью. Самым основным истребителем США в XXI веке станет одноместный сверхзвуковой истребитель F-22 «Рэйпир», заверченный в марте 1992 года. В серийное производство запущен в апреле нынешнего года. По ходу американцы этим истребителем утерли нам нос...

— Американцы — они умные, — с уважением сказал Куриленко.

— Они не умные, они богатые и прагматичные, — поправил Ржавин. — А между умом и прагматизмом вкупе с богатством есть разница. Если б наши конструкторские бюро финансировались на должном уровне, если б на армию правительством выделялись необходимые суммы, мы бы стали великой державой...

...Ржавин мучился от скуки. Со дня на день он ждал своего увольнения в запас. Все его мысли были прикованы к будущей гражданской жизни. Мысленно он бродил по улицам родного, до шемящей боли, Киева, катался в метро, ходил по коридорам университета, веселился с друзьями и подругами. С одной стороны, он жалел о службе в армии как о потерянном времени, о полутора годах, выброшенных на ветер; с другой, планируя в перспективе заняться публичной политикой, Ржавин размышлял о том, что в глазах своих потенциальных избирателей он будет лучше выглядеть с отметкой в биографии о службе в армии. «У меня честная, бесхитростная биография: служил, как и все, отдал долг Родине, Нэньке Украине! — рассуждал он. — Идти в политику надо, в большую политику. Для начала выдвинуть в депутаты Киевской городской рады. А потом надо думать о том, как попасть в Верховну Раду. Верховна Рада Украины — вот конечный итог политической карьеры. На кого равняться? На начальника службы ГСМ? На командира части?»

Ржавин мысленно перебирал всех своих знакомых. Никто из них не представлял для него авторитета.

Отец его работал прорабом, имел возможность тащить стройматериалы, бетон, продавал их «налево»; мать в бухгал-

---

терии на одном из предприятий. Родители его, получив двухкомнатную квартиру в Святошинском районе Киева, считали, что они много достигли в жизни.

«Это все несерьезно, — думал Ржавин. — Здесь нечем гордиться. Нужно стремиться к большему, и желать большего. Я хочу иметь коттедж на Лазурном берегу Франции. Работать в Верховной Раде, и ни грамма меньше! Нужно максимально повысить свой социальный статус и тогда ты в глазах окружающих будешь глубоко в авторитете. Сейчас совсем другая жизнь. Всем плевать на то, что ты честный, законопослушный гражданин, исправно платящий налоги! Наш дебилый, трусливый и рабский народ уважает только силу и власть! Когда ты начальник, пускай ты весь погряз в разврате, пьянстве, жире, взятках, с тобой все считаются, тебе раболепно и преданно заглядывают в глаза, тебе стараются угодить, тебя уважают и любят! В противном случае ты — никто и звать тебя — никак! Вокруг меня — рабы. И моя задача вырваться из их среды, возвыситься над ними. Занять в их жизни место господина».

Ход мыслей Ржавина был прерван. Его позвал к себе прапорщик Марчук. Он сообщил, что на днях планируются полеты, организуемые для приезда командующего армии.

— А что, командующий точно приедет?

— Если не он сам, то начальник штаба точно. А потому сегодня вечером поедем за спиртом.

Это была приятная новость. Спирт использовался в авиации при полетах.

Ржавин вошел к своим в комнату необычайно веселым.

— Братва, — сказал он торжественно, — я явился к вам, чтоб сообщить вам пренеприятнейшее известие — к нам едет ревизор! Бобчинский и Добчинский, прошу готовить канистру.

— Что, сегодня получаем спирт? — взволнованно спросил Куриленко. Глаза его радостно заблестели.

Ким тоже оживился.

— Где взять канистру?

— Как в прошлый раз. В караулке, у Ростика, — ответил Ржавин.

— Опять с ним делиться? — с сожалением воскликнул Ким.

— Ким, не будь скучным. На всех хватит.

Ростиславом звали водителя караульной машины «КрАЗ», ежедневно приезжавшего к ним заправляться. Это был солдат-срочник, служил он в роте охраны. Ростислав постоянно жил при первом карауле. Ночью он развозил часовых по постам.

Ким смотался к нему и предупредил его, чтоб тот приготовил канистру для спирта.

Ближе к вечеру, урча мотором, к конторе ГСМ подъехал караульный, крытый брезентом автомобиль «КрАЗ». Прапорщик Марчук залез в кабину, а солдаты погрузились в кузов, и расселись на лавках.

Недавно прошел дождь, и в воздухе держался запах грибной сырости.

Дробышев сидел у борта. Ему нравилось смотреть на быстро убегающую из-под колес автомобиля мокрую бетонку.

...Дробышев пробыл на ГСМ до обеда. Сегодня он заступал в наряд — дневальным по батальону.

Ответственным заступал сегодня командир взвода транспортной роты старший лейтенант Снегур. За ним закрепилось прозвище — Снегурка. Добродушного, мягкотелого офицера, с женственными чертами нежно-розового лица, ни во что не ставили солдаты. Они постоянно над ним надсмехались. Игнорировали его команды. Этот офицер, к несчастью, совсем не годился для строевых должностей в армии.

Как и большинство жителей Галиции, Снегурка был унитаром и страстным поклонником римского папы. Несколько раз религиозный офицер собирал солдат и пытался донести до них Слово Божие, но солдаты слушали его, зевая, со скучающими лицами, пустыми глазами и рассеянным вниманием.

Открыв планшет, Снегурка построил заступающий наряд, проверил, все ли на месте, и велел солдатам идти на улицу и ждать его там, а сам спустился к дежурному по части вооружиться.

На инструктаж из штаба части вышел майор Рунич, офицер службы войск. Маленький пузатый офицер с вечно печальным выражением лица и вислыми, как у хомяка, щеками, Рунич подходил к солдатам и спрашивал обязанности.

В пять часов вечера Дробышев сменил старого дневального. Он стоял напротив входа в БАТО. Мимо него то и дело шныряли солдаты. Кто в туалет покурить, кто с улицы. Напротив дневального висели стенды, где были фамилии руководящего состава дивизии, армии, командующего Прикарпатского военного округа, командующего ВСС Украины, его первых заместителей и министра обороны.

Дробышев зазевался, разговорившись со знакомым «гусем», и не отдал честь проходившему мимо командиру транспортной роты.

Капитан Ноздреватых, красивый широкоплечий мужчина, подошел к дневальному и тыльной стороной ладони ударил его в живот.

Дробышев со стоном согнулся.

— Что, обурел? — строго спросил Ноздреватых. — Воин, почему офицеру честь не отдаешь?

— Не заметил, — ответил Дробышев с лицом, искаженным болью.

— Повнимательнее! Ты на службе! Расслабляться нечего! К тому же ты дневальный. На тебе особая ответственность. Ты охраняешь оружейную комнату. Смотри, чтоб подобного больше не повторялось!

— А ты, — сказал Ноздреватых, обращаясь к другому солдату, — не отвлекай дневального!

Дробышев глядел с ненавистью в широкую спину медленно и важно удаляющегося по коридору капитана Ноздреватых. «Сука! Я тебе устрою! — злобно думал он. — Буду уходить на дембель, хавло тебе в кровь расшибу! Скотина!»

Отстояв свои два часа, Дробышев сходил на ужин, поднимаясь по лестнице в казарму, остался недоволен ее видом. Лестница снова была заплевана, на ступеньках кое-где валялись окурки и бумажки. Поскольку основное руководство БАТО разошлось по домам и теперь ему никто не сделает замечание, Сергей решил, что наведет уборку после отбоя.

Дробышев зашел к себе в кубрик. Там почти никого не было, кроме Ржавина и Сагалова. Все остальные ушли смотреть кино.

Сергей, спросив разрешения у сержанта, сел за тумбочку и принялся дописывать письмо.

Ржавин из рассказов земляка знал, что Сагалов до армии два года встречался с девушкой, видел ее у него на присяге, был знаком с ее письмами, которые она писала в армию.

Сагалов сообщил, что, скорее всего, весной, на Красную горку, он женится на ней.

— Придешь на свадьбу? — спросил он земляка.

— Ты, брат, погоди... о свадьбе думать, — сказал Ржавин. — До этого дожить еще надо. Ты приди сначала домой, походи с ней, посмотри, чем она дышит. Узнай у братвы, чем она все эти полтора года занималась. А вдруг она с кем-нибудь романы крутила. Пойми меня правильно, я не желаю тебя оскорбить, но в жизни всякое бывает... Я, например, за год до армии имел связь с одной женщиной. Собственно по возрасту ей было 19 лет, ну а так... она была женщина. Она, короче, ждала из армии своего парня, а сама кувыркалась со мной. Давала мне читать его письма, сама писала ему, в том числе и под мою диктовку: «Мол, милый, верна тебе, люблю, целую, хочу тебя страстно и сильно и очень-очень-очень жду». Лирики для меня нагнать никогда проблемой не было. Одним словом, поначалу, прежде чем идти на брак, убедись, что ты не олень, что у тебя нет рогов. Это первое... Второе... Загляни

поглубже в свое сердце — любишь ли ты ее? Она ли та, единственная и неповторимая? В Киеве — три миллиона жителей вместе с приезжими... Из них половина женского пола. Точно ли из этого огромного моря выбора твоя нежная лилия единственная и самая желанная?

— Единственная и неповторимая, — горячо сказал Сагалов.

— У нее есть жилье?

— Есть. Трехкомнатная квартира, в районе Оболони.

— Хорошо. Есть братья-сестры?

— Есть младшая сестра...

— Вот... это уже минус. У сестры одна комната, — рассуждал Ржавин вслух. — Ты своего жилья не имеешь. Либо тебе идти к ней, либо снимать... Прежде всего думай головой... Для постели ты бабу всегда найдешь, а ты для жизни ищи... Где она учится?

— В пединституте. На историческом.

— Кем она будет по окончании вуза?

— Не знаю.

— А об этом я советовал бы тебе заранее подумать. Пойдет в школу.. учителем истории? Это неперспективно. Вы будете сидеть без денег. На мой взгляд, невесту следует искать на экономическом или юридическом факультете. Кто знает, может быть, она будет банковским работником или адвокатом?

— Может быть, ты и прав, но я ее люблю. Понимаешь, люблю,

— Люби... Только я призываю тебя подумать не сердцем, а рассудком. Спокойным, холодным мужским умом. Брак — это достаточно серьезный момент и надо к нему подходить очень ответственно. Поставить штампульку в паспорте... о регистрации брака в органах ЗАГС — дело нехитрое, но к последствиям это приводит вполне определенным. Согласно ныне действующего гражданского и семейного законодательства все имущество, совместно нажитое в браке, в случае развода делится пополам. Возможно, сейчас, дружище, ты об этом не задумываешься... какие на хрен разводы... А зря! Это никогда не следует исключать из внимания. В Европе уже давно практикуется такая форма как брачный контракт.

— Возможно, ты и прав. Даже наверняка прав. Но у меня хорошая девушка.

— Все они хорошие... до свадьбы. Я посмотрелся на брата, как он со своей женой... грызутся, как собаки. А ведь раньше, до свадьбы, тоже была любофф. Розы ей носил... Все бабы прагматичны до безобразия. Помню, разговаривал с одной. Она мне впрямую и ляпни: «А мне главное замуж удачно выйти. И пускай меня муж всем обеспечивает!» И потому я решил стать точно таким же... Жизнь цинична и жестока. Нео-

---

бычайно жестока. Поэтому, если хочешь выжить, если хочешь жить красиво, становись сам жесток. Будь циничен до безобразия. Будь нагл, а когда надо, вежлив... Все по обстоятельствам... Если есть выбор... между красивой девушкой с высшим образованием и красивой девушкой со средним... я свое предпочтение отдам той, что с высшим... Если одна курит, а другая нет, я отдам той, что некурящая. Если будет выбор между двумя красивыми девушками, у одной из которых есть родной брат или сестра, а у другой нет, то я женюсь на той, у которой нет братьев и сестер.

— Почему?

— В наследство вступать ей будет проще, дружище, — снисходительно потрепал Ржавин земляка по плечу. — А наследство, брат, великая штука. Я, брат, хочу в политику, в большую политику. И я целую тактику тут выстроил... Когда я приду из армии, — продолжал Ржавин, — я выясню через знакомых, через газеты, одним словом, не суть важно... Короче, я выясню, у кого из депутатов Верховной Рады есть дочки... Если есть выбор между красивой девушкой, родители которой школьные учителя, простые работяги с двухкомнатной тесной квартиркой на окраине Киева, и той, у которой отец — прокурор округа, председатель районного суда, работник министерства, депутат Верховной Рады, то ей, именно ей... следует отдавать свое предпочтение. За ней следует бегать, дарить ей цветы, писать любовные стихи, целовать ее прозрачное тонкое платье. И поверь мне, ни одна женщина не устоит. Так уж они устроены! Любят ушами... А дальше... дело техники. Главное, чтоб она от тебя забеременела. А потом, хоть ты не понравился ее родителям поначалу, поскольку из бедной семьи, поскольку нищ, но потом они, со временем, помягчают и смирятся со своим положением. Купят ей отдельную квартиру. Устроят тебя на золотую работу, помогут с поступлением в престижный вуз. А ты главное учись... Вот так-то, брат. Вот тут-то я и въеду в большую политику... на белом коне с золоченой уздой, усыпанной рубинами, по мягкому малиновому бархату, застилающему мраморную лестницу.

Сагалов слушал земляка с улыбкой и с восторгом думал: «А ведь такой и вправду сможет... Внешность у него красивая... Язык подвешен. Образование есть! А главное наглость... наглости хоть отбавляй. Такой сможет!»

Дробышев зашел в светлицу. Там сейчас расположилось полбатальона. Солдаты, рассевшись по столам и табуреткам, смотрели телевизор.

Светлица — так называется в Украинской армии бывшая «ленинская комната». От прежнего коммунистического об-

---

лика в ней ничего не сохранилось. Если раньше «ленинскую комнату» украшали портреты вождей «мирового пролетариата», то сейчас в светлице находились портреты гетманов Украины: Богдана Хмельницкого, Скоропадского, Сагайдачного и других. Здесь в углу, на почетном месте, стояло желто-голубое знамя Украины и герб. На стенде написан текст гимна. В центре висела огромная икона Богородицы с Младенцем.

В светлице находилось фортепиано. На нем сейчас стоял телевизор, принесенный солдатами из канцелярии. По телевизору крутили американский боевик «Универсальный солдат», с участием в главных ролях Жана Клода Ван Дама и Дольфа Лунгрена, и солдаты Украинской Армии, 19—20-летние мальчишки, были всецело поглощены динамичным действием. Они не заметили, что время близилось к отбою, и вернулись в окружающую их реальность только тогда, когда дежурный по батальону Снегурка, взглянув на часы, показавшие без пятнадцати десять, молча зашел в светлицу и выдернул шнур из розетки.

— Все. Строимось на вечерню повирку!

На него посыпался шквал возмущения:

— Включи телек!

— Снегурка, не гони!

Арбузов из задних рядов крикнул:

— Ты что, страх потерял, баран тупорылый?

— Кто це сказав? — вскипел Снегурка. — Кто це сказав?

Но офицера не слушали.

Куриленко молча оттолкнул дежурного по батальону и воткнул шнур в розетку. Экран вспыхнул. Все были разгорячены действием фильма, взвинчены, они не обращали внимания на возмущенные крики Снегурки. Его попросту вытолкнули из светлицы и закрыли дверь изнутри.

— «Гуси» — Вдова, Арбуз, Бардо! — дал команду Куриленко. — Держать дверь что есть мочи, никого не пускать, открывать только по моей команде!

Снегурка побежал к дежурному по части капитану Немоляеву, командиру первой роты батальона связи. Это был невысокий, кряжистый офицер лет тридцати пяти. Человек решительный и суровый. Поднявшись в БАТО, он быстрым шагом подошел к светлице, рванул ручку двери, потребовал немедленно открыть ему. Его не слушали. Солдаты были поглощены действием фильма. На экране был кульминационный момент, последняя решающая драка между главными героями.

Тогда Немоляев окликнул первого попавшегося солдата и велел ему выбивать дверь светлицы. Это был «гусь» из аэро-

---

дромной роты. Он несколько раз ударил в дверь ногой, но, увидев появившихся «дедов», моментально приглушил силу своих ударов.

— Давай, работай! — крикнул раздраженный Немоляев, врезав ему ладонью по шее. — А вы что стоите! Ну-ка, бегом!

Он толкнул «дедов» и заставил их выламывать дверь. Снегурка стоял рядом, и вид его был жалок.

Вдовцов, навалившись плечом на дверь, держал ее изнутри вместе с «гусями». Он узнал голос дежурного по части и опасно сказал Куриленко:

— Там, кажись, Немоляй ломится. Может, пустить?

— Скажи ему, пускай валит на...! — ответил Куриленко.

— У нас проблемы будут! — промямлил Ким.

Из-за дверей раздался гневный голос Немоляева:

— Скоты, если вы сейчас же... немедленно не откроете дверь, я вас из ствола постреляю!

«Гуси» испуганно шарахнулись в стороны. Дверь распахнулась. Ворвался капитан. Немоляев без лишних слов ударил кулаком по лицу рядового Куриленко, вальяжно сидевшего в глубоком кресле.

— Ну-ка, встать! — крикнул он. — Рядовой, ты что себе позволяешь?

— А я тут при чем, товарищ капитан? — возмущенно взвизгнул Куриленко, потирая горящую скулу. — Что вы из меня крайнего сделать хотите?

— Закрой хавло, мразь! С тобой разговаривает офицер! Ты, сука, у меня на дембель хер уйдешь!

— Не имеете права!

— Свои права мы знаем лучше вашего. Выйдешь из части без пяти двенадцать 31 декабря! Это я тебе обещаю. Завтра же лично попрошу Иголку, чтоб он отправил тебя под самый Новый год, и доложу Самовалову о случившемся!

Куриленко, понуро опустив плечи, покинул светлицу.

— Так, построились все в две шеренги! — сухо и четко сказал Немоляев, обращаясь к остальным. Желваки его скул сурово перекатывались.

Дежурный по части переписал всех, находившихся в светлице. Выйдя в коридор, велел всему батальону и РМО строиться по подразделениям. Он лично просмотрел по списку вечерней поверки каждую роту. Провинившимся он велел одеться и выйти на улицу. И приказал бежать вокруг части десять кругов.

Вернувшись в дежурку, потребовал рядового Куриленко написать объяснительную на имя командира части и, когда тот сделал это, заставил его вымыть туалет в батальоне связи.

Немоляев велел помощнику ложиться спать, а сам, послав дневального за Снегуркой, заварил себе кофе.

Когда пришел Снегурка, дежурный по части пригласил его к столу:

— Присаживайся. Кружечку кофе?

Снегурка робко согласился.

— Запомни, Богдан, солдат признает только силу! Только силу! Если он не желает выполнять твой приказ, бей его по зубам! И никаких раздумий! К черту все эти интеллигентские выдумки! На войне гораздо проще: там сразу ставят к стенке! Хотя не только на войне. В 46-м Жуков был назначен командующим Одесским военным округом. В Одессе в то время была жуткая преступность. Знаешь, как он ее победил? Георгий Константинович на улицу ежедневно выпускал вооруженные патрули из офицеров, переодетых в гражданку. Они ходили по вечерней Одессе по двое—по трое, с пистолетами в карманах, и когда заставляли преступника на месте преступления, сразу же на месте без суда и следствия расстреливали. Ты скажешь, антигуманно, согласен, но проблема безопасности и общественного порядка была решена. Граждане, простой народ был доволен. Есть цель — задушить и запугать преступность, и не важно, какими средствами она была достигнута и решена. Так должно быть везде. В том числе по восстановлению в подразделении армейской дисциплины и порядка.

— Я не могу бить человека! — вздохнул Снегурка.

— Это очень плохо! Человек — самая паскудная тварь на земле!

— Я так не считаю. Человек создан по образу и подобию Божьему!

— Богдан, не смей меня. Я в эти поповские сказки не верю. Человек — это мразь! Самая настоящая паскуда и мразь! Ты думаешь, кого они из нас с тобой больше уважают: тебя или меня?

Снегурка хмуро молчал.

— А я скажу — меня. И боятся! А мне большего от них и не надо. Мне с ними детей не крестить. И водку из одной чарки не пить. Это мрази, понимаешь, мрази! Кто такой Куриленко? Это — скотина! И те же самые Арбузов, Бардовский. И у меня в роте таких человек шесть. Был бы я народный судья, я бы их в колонию отправил. Годика этак на три. Пускай тапочки шьют. Кого шас в армию набрали! Уголовный сброд. Через одного или наркоман, или алкаш. Народишко испоганился. А знаешь почему? А я тебе отвечу: войны долго не было.

— Как понять?

— А так и понимай. Для того, чтобы нация была здоровая, необходимо, чтобы она регулярно воевала, это еще старик

Гегель утверждал. Вот возьми XIX век. С Наполеоном воевали. С Чечней воевали. С Персией-Ираном воевали. С турками воевали хрен знает сколько раз. Та же Крымская война. Оборона Севастополя. Далее... XX век. Русско-японская. Первая мировая, — для убедительности загибая пальцы, горячо говорил Немоляев. — Вторая мировая. Между ними всего двадцать мирных лет. Всего двадцать. Да они, собственно, и мирными не были. То коллективизации. То колхозы, то репрессии... Но зато после войны с 46-го по 53-й год как стремительно развивалась страна! Строительство атомных электростанций, промышленных заводов, создание водородной бомбы, научно-исследовательские институты, освоение космоса. Гагарин. И все это база, созданная великим Сталиным. А сейчас? Что сейчас? Все разваливается. Все воруют и пьют. Наркомания, проституция, «дедовщина». — Немоляев махнул рукой. — Говорить даже это тошно!

— А при чем здесь война?

— Да при том. Что я еще раз говорю: с 1945 года по наше время у нас не было крупномасштабных войн. Афган, Корея, Вьетнам — это не в счет. Только война, жестокая, кровавая оборонительная война способна объединить нацию в единое целое. А пока у нас нет народа, есть лишь население...

Дробышев, отстояв днем на «тумбочке» свои положенные два часа, собирался отдохнуть, но не тут-то было. Заступающий сегодня дневальным Стецко, подозвав его к себе, дал деньги и велел купить пачку сигарет «Winston».

— А где я куплю?

— Дробь, ты меня удивляешь! — с притворным сожалением посмотрел на него Стецко.

Дробышев, поняв свою ошибку, молча надел на себя шинель, спустился по лестнице и вышел на улицу.

Дробышев сходил поначалу в магазин, расположенный на Центральной проходной, надеясь там найти требуемые сигареты. Но там, кроме львовского «Полета» и «Ватры», ничего не было.

Тогда Дробышев дворами пошел в сторону аэродрома. У дома бабы Ани, торговавшей «паленой» водкой, он повстречал Сидора и еще одного «гуся». Сидор, с оттопыренной пазухой шинели, выходил из подъезда и был чрезвычайно важен.

Дробышев догадался, зачем они туда ходили, и с улыбкой кивнул им. «Гуси» кивнули ему в ответ, и пошли к части, а Дробышев продолжил свой путь.

У перекрестка он купил в ларьке пачку сигарет и собирался возвращаться назад, как его окликнули:

— Товарищ солдат!

Дробышев повернулся. К нему торопливо приближался патруль — молодой прапорщик и два солдата с черными погонами на шинели.

— Во, влип, мазуты еще здесь не хватало, — подумал вслух Дробышев. В этот момент ему надо было поворачиваться и делать ноги, но он стоял потерянный.

— Прапорщик Соловенко, — отрекомендовался старший патруля. — Ваши документы?

Дробышев покорно достал военный билет, протянул прапорщику.

— А увольнительная?

— Нету, — был растерянный ответ Дробышева.

— Тогда пройдет, — прапорщик положил военный билет Дробышева себе в шинель. Два солдата обступили нарушителя с обеих сторон.

Дробышева отвели в комендатуру. Патруль отдал его документы коменданту и пошел обратно в город ловить других нарушителей.

Помощник военного коменданта худой усатый прапорщик отругал Дробышева, прочел ему лекцию о недопустимости самовольного оставления части и, указав на курилку, велел дожидаться своей дальнейшей участи.

Через полчаса за Дробышевым пришел старшина, вызванный по телефону помощником коменданта. Прапорщик Коломиец расписался в журнале, забрал военный билет Дробышева и, окликнув своего подчиненного, повел в часть.

Комендатура от части находилась минутах в пятнадцати ходьбы.

Дорогой потребовал:

— Ну, расповидай, як дило було.

— Товарищ прапорщик, ну вы понимаете... Так получилось. Хотелось курить. А сигарет не было. Я — в магазин, а там их тоже нет. Тогда я пошел к ларькам, а тут на тебе... патруль!

— Ну-ка, покажи сигарки?

Дробышев достал из кармана купленную пачку. Другой у него не было.

— И давно ты став курыты «Winston»?

Дробышев молчал. Ему нечего было сказать в свое оправдание.

— Кому сигарки нэс?

— Не скажу, — насуплено сказал Дробышев.

— Куриленко послав?

— Нет, не он.

— А хто?

— Не скажу.

Старшина понял, что Дробышев не собирается ему сдавать «дедов», не стал настаивать. Остальную дорогу они шли молча.

...В дивизии они разошлись. Старшина, велел Дробышеву идти в казарму, сам пошел к жене, которая работала в строевой части заместителем у капитана Загородного. Вернувшись в казарму, Дробышев рассказал «дедам» о своих приключениях. Он думал, что его за это накажут, но Стецко спокойно сказал:

— Ладно, бывает. Завтра купишь другую. Главное, не вздумай стукнуть ротному.

После ужина ротный вызвал Дробышева в каптерку. На столе у него лежала знакомая нераспечатанная пачка «Winston».

— Товарищ капитан, рядовой Дробышев по вашему приказанию прибыл!

— Иди сюда. Присаживайся, — ротный, указав глазами на табуретку, вынул изо рта окурок и, вдавив, потушил его.

Дробышев сел напротив стола. Молча ждал.

— Ну.. рассказывай, кто именно из «дедов» отправил тебя за сигаретами? — капитан Иголка глядел на солдата пронзительно и сердито.

Дробышев, уперев взгляд в пол, насуплено молчал.

— Я тебе даю слово, о нашем с тобой разговоре никто не узнает. Эта информация мне нужна для себя.

Иголка для себя уже решил заранее, что старослужащего, пославшего сегодня Дробышева в самоволку, отправит на «дембель» в последнюю очередь, под самый Новый год.

— Извините, товарищ капитан, не скажу. Я — не стукач.

— Слушай, что вы все на фене общаетесь? «Стукачи», «шакалы», «куски»... Это ж язык уголовников!

Дробышев насуплено молчал.

Разговор продолжался еще минут пять, но ротный так ничего не добился.

— Ладно, иди.

Впрочем, в информаторах капитан Иголка недостатка не испытывал.

В конце того лета Сергей расстался с Ольгой. Они разъехались по своим городам.

Выходными Дробышев часто звонил Ольге в Петербург, а писал письма чуть ли не каждый день. Писал жарко, с большим сильным чувством. Со стороны Ольги письма были более сдержанными, слегка отстраненными. Встретились они на зимних каникулах, в Усманье. Ольга не сильно изменилась за полгода. Тот же глубокий взгляд, та же

тонкая улыбка, то же милое лицо, тот же веселый, заразительный смех.

И опять пошли разговоры, поцелуи, ласки до глубокой ночи...

Каждое воскресенье после завтрака личный состав батальона водили в клуб. Обычно по видеомагнитофону крутили какой-нибудь фильм, в основном американский боевик, или проводили мероприятие.

Здание клуба требовало капитального ремонта. На потолке желтели ржавые разводы, местами осыпалась штукатурка. На стенах в двух местах были тонкие трещины, кое-где отлупилась краска. Держался устойчивый запах сырости. Полы были дощатые, скрипучие.

Однажды капитан Черноситов, заместитель командира РМО по воспитательной работе, решил прочитать лекцию из гражданского права на тему: «Наследство по закону и наследство по завещанию».

Капитан Черноситов заметно выделялся среди офицерского состава части. Он был единственным из офицеров, кто решил получить второе высшее профессиональное образование. Окончив в свое время Львовское военно-политическое училище, Черноситов прослужил в армии более десяти лет. Он видел, что гражданское общество относилось к армии, мягко говоря, не совсем уважительно. Точнее, не само общество, а публичная гражданская власть. Прежде всего это выражалось в том, как власти проявляли заботу о социальной защищенности офицерского корпуса своей армии: жалование оставляло желать лучшего, квартирный вопрос после 1991 года решался крайне плохо, гражданские журналисты, в основном представители «желтой» прессы, военных постоянно поливали грязью, костерили на чем свет стоит, обвиняя во всех смертных грехах, мусолили и смаковали тему «дедовщины».

Когда в Говерловске в державном университете открылся юридический факультет, Черноситов, посоветовавшись с женой, решил поступать туда на платное отделение. Однако его идея о втором высшем образовании не нашла поддержки у руководства части. Командир части подполковник Симоненко спросил:

— Алексей Алексеевич, а зачем вам это нужно?

Тем не менее Черноситов добился-таки разрешения, согласовав этот вопрос непосредственно с командиром дивизии.

Черноситов был студентом второго курса, когда подполковника Симоненко перекинули в другую войсковую часть, а на его место назначили майора Самовалова.

Самовалов при знакомстве с Черноситовым сразу сказал:

— А я разделяю и одобряю ваш выбор. Учиться никогда не поздно. И никогда не лишне. Если б у нас в части все офицеры были такими сознательными, как вы!.. Так что, Алексей Алексеевич, учитесь на здоровье. Я никаких препятствий со своей стороны оказывать вам не буду и всецело на вашей стороне. Единственно хотел, чтоб вы иногда организовывали для солдат лекции на правовые темы.

Капитану Черноситову мысль командира о лекциях понравилась. Подготовив тему «Наследство», он выступил с ней перед солдатами. Закончив лекцию, спросил:

— У кого какие будут вопросы?

— У матросов нет вопросов, — буркнул с задних рядов Куриленко, и, склонив голову к уху соседа (это был Ким), тихо сказал: — Фигню тут нам какую-то втирал. Лучше б мы «Терминатор-2» посмотрели.

Закрыв папку, Черноситов поднялся, вышел из-за стола, одернул полы кителя.

— Быть может, вы недооцениваете роль права в жизни современного общества. Но чтобы вам было лучше понятно, я приведу простой пример. Из жизни, — добавил он. — Когда я был курсантом военного училища, летом в конце третьего курса с моими сослуживцами приключилась такая история...

...Дело было в июне. В один из выходных дней, на берегу реки... одна девушка, точнее в физиологическом плане не девушка, а женщина, хотя ей было только семнадцать лет, отдалась одному из курсантов моей роты.

Лопатин и Ким навестили уши. Вдовцов, толкнув локтем в бок задремавшего Сидора, шепнул:

— Слушай историю.

Начало рассказа Черноситова заинтриговало солдат. Капитан между тем продолжал:

— Обычная история, казалось бы... Она отдалась по согласию, а потом ему сказала: «Дорогой, мне мало. Я еще хочу!»

Лица солдат оживились. На губах у некоторых появились улыбки. На задних рядах раздались смешки.

Пух, радостно блестя глазами, сказал:

— Меня бы туда...

Черноситов со спокойным лицом продолжал:

— Одним словом, она попросила курсанта, чтоб он, если больше не в состоянии, привел с собой на помощь кого-нибудь из приятелей.

— Она что, групповухи захотела? — улыбаясь, с задних рядов басовито бухнул рядовой Буреломов.

— Встать! — спокойно приказал Черноситов.

Буреломов смущенно приподнялся.

— Так я что, товарищ капитан! Я ж по делу... — попытался оправдаться Буреломов.

— Постой вот так и послушай! — сказал Черноситов, строго посмотрев на него маленькими синими глазами. — И впредь не перебивай офицера. Так вот... продолжаю рассказ... Этот курсант привел с собой еще троих, желающих снять с себя сексуальное напряжение. Всех их девица по несколько раз приняла по кругу. В казарму они вернулись довольные и долго рассказывали нам во всех подробностях и прочее... Но... в это же время... эта девица... вернулась домой... вся в слезах... рассказала родителям, что ее изнасиловали четверо курсантов. Они обратились в милицию, написали заявление. Там... по факту изнасилования несовершеннолетней... группой неизвестных лиц... по предварительному сговору... было возбуждено уголовное дело.

— Вот сука! — злобно шепнул Куриленко на ухо Киму. — Я бы эту мразь замочил!

Солдаты, затаив дыхание, слушали Черноситова. Всем было интересно, чем завершится история.

— Согласно уголовному законодательству... за изнасилование предусматривается срок «от трех до семи лет»... Но согласно третьему пункту этой же статьи, за изнасилование несовершеннолетней, или изнасилование, совершенное группой лиц, назначено наказание в виде лишения свободы на срок «от пяти до пятнадцати лет»... Какого вам?

— Обалдеть! — поразился Вдовцов.

Арбузов был более сдержан. Он ничего не говорил, только сидел, облокотившись на деревянную спинку переднего стула, и внимательно смотрел на Черноситова.

— Для вашего сведения... Изнасилование — прокурорская статья. То есть расследованием этого преступления занимается прокуратура, а сотрудники милиции, и в частности, уголовного розыска, только собирают предварительные данные и доказательства. Потерпевшую в сопровождении родителей отвезли на судмедэкспертизу. Судмедэкспертиза зафиксировала вещественные доказательства, какие именно, я деликатно промолчу, а вы, я думаю, догадались сами... В понедельник утром... потерпевшая с родителями... пришли на прием к генералу, начальнику училища, и изложили обстоятельства вчерашнего дня...

Потом эту девицу в сопровождении сотрудников милиции, ее родителей... заместитель начальника училища по воспитательной работе водил по ротам. И наконец ее привели к нам... И она опознала четырех своих вчерашних «насильников», служивших со мной в одной роте... Итог, — сообщу вам сразу, — их не посадили...

Вдовцов вздохнул с облегчением.

— Но... из училища, несмотря на то, что эти курсанты хорошо учились, некоторые из них были отличниками боевой и физической подготовки, из училища они были... исключены, — Черноситов говорил четкими, рублеными фразами. — А для того, чтоб родители «потерпевшей» забрали заявление об «изнасиловании», родители курсантов были вынуждены заплатить кругленькую сумму. На эти деньги девица купила себе новенькую иномарку и преспокойненько разъезжала на ней по городу.

— Так ей что... это все сошло с рук? — поднимаясь, выкрикнул возмущенный Стецко.

— Можно сказать так, но не совсем...

Черноситов, выждав, когда в клубе замолкнет шум, спокойно сообщил:

— Через три года... неизвестными лицами эта девица была жестоко избита... а машина сожжена во дворе ее дома... Кто-то вылил на машину канистру бензина.

— Так ей и надо, сучке! — крикнул Арбузов.

Черноситов захлопал в ладоши, давая понять, что он требует внимания и тишины.

Разговоры быстро смолкли.

— Так вот... к чему я вам рассказывал эту историю? Прежде чем что-либо делать... тысячу раз подумайте... Подумайте... О последствиях подумайте... Отдавайте отчет своим словам, действиям и поступкам... Вопросы есть?

— А кто же ее избил? — подняв длинную руку, спросил Вдовцов.

— Об этом история умалчивает, — скупно улыбнулся Черноситов.

— Ясен пень, что они, эти пацаны, это и сделали, — поделился своим мнением Арбузов.

— Еще вопросы есть?

— А как фиксируются вещественные доказательства по изнасилованию? — спросил Комари.

— Если тебе это интересно, подойди ко мне, я расскажу тебе в индивидуальном порядке.

— Что, Комари, решил кого-то изнасиловать? — язвительно спросил Арбузов.

— Дурак ты, Арбуз! — огрызнулся Комари. — Я на всякий случай. В жизни всякое бывает.

— Еще вопросы есть?

Вопросов больше не было.

— Тогда, равняйся! Смирно! — скомандовал Черноситов, вытянувшись в струнку. — Вольно!

Солдаты выходили из клуба возбужденные. С грохотом сбегая по скрипучей деревянной лестнице, говорили:

— Так ей, суке, и надо! Деньжат захотела легких срубить.

— Да, нынче бабенки весьма прагматичные пошли, — неторопливо спускаясь, говорил Ржавин Сагалову. — У нас во дворе тоже подобный случай был... Только бабу ту никто не избивал и машину ей не жег. Но лохов она на бабло развела.

— Весь мир — дерьмо, все бабы — мрази, — разразился афоризмом Куриленко.

Ржавин, выразительно посмотрев на него, сказал:

— Ну, допустим, я свою мать мразью не считаю...

Куриленко, поняв, что он спорил чушь, поспешил оправдаться, но Ржавин, грубо перебив его, сурово заметил:

— Тебе, я вижу, лекция на пользу совершенно не пошла. Черноситов ясно объяснял, чтоб ты, прежде всего, чтоб что-либо сказать или сделать, отдавал отчет своим словам и действиям. Поэтому, кто говорит эту мерзкую поговорку, которую только что сказал ты, сам является дерьмом.

— Але, слышь, ты что, припух? — обиженно воскликнул Куриленко.

— Слышь, ты базар фильтруй! — схватив за воротник, сказал Ржавин.

Куриленко, хватая сослуживца за руки, попытался их вывернуть, но ему не дали.

Распетушившихся солдат растащили в стороны.

Сагалов, перехватив за талию сержанта Ржавина, кричал:

— Серега, успокойся! Все нормально. Успокойся. Не хватало нам еще между своим призывом грызться.

Ким и Стецко держали рвавшегося Куриленко.

За этим всем испуганно, но с любопытством наблюдали «гуси».

— Чего вылупились? — крикнул Куриленко, вырываясь из рук сослуживцев.

Освободившись, он подскочил в Вербину и с кулака засветил ему в ухо. Ударил в грудь Арбузова. Отвесил подзатыльника Дробышеву.

— А ну вперед, шагом марш!

И «гуси» торопливо побежали по лестнице.

Но уже на ужине Куриленко и Ржавин сидели, как ни в чем не бывало, за одним столом. Никто из них не думал извиняться, но каждый в душе понимал, что им друг с другом ссориться нет смысла.

В одно из воскресений по приглашению старшего лейтенанта Снигура войсковую часть посетил священник униатской церкви отец Анастасий.

Как обычно личный состав собрали в клубе. Священник, высокий пожилой мужчина, с круглым пузом, в черной рясе,

---

прочел солдатам проповедь, а потом, поглаживая куцую седоватую бороденку, предложил всем желающим исповедоваться. Желающих оказалось десятка три. Солдаты выстроились в очередь и потекли к отцу Анастасию.

Дробышев стоял в стороне и смотрел на все равнодушно. Он считал себя атеистом и был невежествен в вопросах веры. Он видел, как боязливо поглядывая на священника, стоял, дожидаясь своей очереди, рядовой Сидор, как, дождавшись, опустился на колени, склонив голову, о чем-то сокрушенно рассказывал и спрашивал совета, а священник, шепнув ему что-то на ухо, покрыл его голову выцветшей золотисто-желтой епитрахилью, прочитав разрешительную молитву, перекрестил голову. Сидор поднялся, подошел к столу, на котором лежали Евангелие и Крест, поцеловал их и отошел в сторону. Лицо его в эти мгновения было необычайно светло, а на губах играла тихая, счастливая улыбка.

Сергей заметил, как в очередь пристроились Вдовцов и Вербин. Червячок сомнения зашевелился в его сердце. «А не стать ли мне тоже? — подумал Дробышев, глядя на сослуживцев. — Но о чем я буду говорить? Я не знаю, в чем я грешен?»

Арбузов стоял в компании с Бардовским, Буреломовым и Стифом. Он, показывая пальцем на Вдовцова, насмешливо говорил:

— Глядите, Вдова с Вербой покаяться решили. Великие грешники! Наверное, до хрена бензина со склада натырили.

Заметив на себе осуждающий взгляд Дробышева, Арбузов насмешливо сказал:

— Дробь, чего смотришь, становись и кайся!

После этих слов желание стать на исповедь как рукой сняло.

Арбузов, видя счастливое лицо Сидора, негромко крикнул ему:

— Сидор, ну теперь ты святой. Тебя хоть прям сейчас в рай впускай! Того и гляди — из-за плеч крылья вырастут!

— Гляди-гляди, пацаны, он щас взлетит! — с улыбкой закричал Бардо, показывая на Сидора пальцем.

Сидор помрачнел. Лицо его озлобилось.

Он подошел к Арбузову, сказал:

— Що в тэбэ за звычка дурна? Взяты людям та весь настрий изгадиты?

Капитан Немоляев в очередной раз заступил дежурным по части.

В силу своего мировоззрения и обостренного чувства социальной ответственности он воспринимал жизнь как по-

---

стоянную борьбу. После участия в Афганской войне и полученного на ней ранения и легкой контузии и в особенности после развала Советского Союза он, капитан Немоляев, коммунист по убеждениям, считал себя лично повинным в крушении Советского государства. Он чувствовал за собой моральную вину в том, что не остался верен Присяге.

Немоляев помнил, как в августе 1991 года войсковая часть в составе Южной группы войск СССР, дислоцированная в Чехословакии, где он тогда служил, по приказу командира части, на несколько дней была переведена в режим боевой готовности. А потом, когда все закончилось, когда государство, которому он и сотни тысяч других присягали служить верой и правдой, кануло в Лету, и его войсковую часть вывели из Чехословакии и перекинули в Говерловск, командир дивизии потребовал от всего личного состава присягнуть на верность «незалежной» Украине. Внешний мир казался Немоляеву скрытой формой войны. Он видел, как кругом динамично изменялась жизнь, как шельмовалась армия, как наступило всевластие «светских пиджаков и модных галстуков». Как одна за другой сдавались врагу позиции, завоеванные великим советским народом.

Сейчас Немоляев читал статьи в оппозиционной прессе о том, как разрушали СССР, какие методы использовались внешним врагом, как вербовалась «пятая колонна» внутри высшего партийного руководства Советского государства. Читал и поражался. Сердце его наливалось гневом, и запутавшийся в противоречиях разум не давал покоя.

Около семи вечера прапорщику, заступившему помощником дежурного по части, стало плохо: заболел живот. Немоляев знал, что у всех офицеров и прапорщиков части, которые сейчас находились дома, были свои дела, свои проблемы. Ему не хотелось выдергивать кого-либо из дома, и он решил, что главное ему продержаться ночь, а завтра утром наступит понедельник, в части будет весь личный состав и майор Рунич, офицер службы войск, выделит ему помощника.

Немоляев позвал дневального батальона связи.

— Слышь, ну-ка, поднимись в РМО, позови мне сержанта Ржавина.

Два месяца назад Немоляев подъехал на аэродром, где возле железной дороги солдатами его роты, личным составом БАТО и РМО осуществлялась разгрузка вагона. Разгружали ящики с ракетами средней дальности. О том, что именно было в разгружаемых из вагона ящиках, солдатам было знать не положено. Их задача была проста: разгрузить вагон и занести длинные тяжелые ящики из сосновых досок, окрашенных в защитный цвет, на склад.

Но прапорщик, отвечавший за разгрузку вагона, сказал старослужащим «по секрету», что именно находилось в ящиках, и информация быстро распространилась среди солдатского состава, принимавшего непосредственное участие в разгрузке. Известие о том, что в ящиках находятся боевые ракеты, взбудрило солдат.

Немоляев, подходивший с другой стороны вагона, услышал обрывок разговора о ракетах сержанта, собравшего вокруг себя старослужащих.

— Фамилия? — грозно спросил Немоляев, шагнув из-за вагона.

Ржавин стушевался. Появление офицера было неожиданным.

— Ржавин, товарищ капитан.

— Подразделение?

— РМО.

Капитан Немоляев спросил фамилии остальных и записал их в блокнот.

— Откуда стало известно о том, что содержится в ящиках?

Ржавин замялся, кивнув на прапорщика, разговаривавшего в этот момент с военным техником.

— Прапор пошутил, чтобы у вас энтузиазм к работе вызвать, а вы повелитесь, как лохи. Чего встали? Немедленно продолжать работу.

Немоляев отозвал в сторону прапорщика, отвечавшего за разгрузку вагона, и устроил ему разнос. Потом позвал к себе Ржавина.

— Откуда знания вооружения «МиГа»?

— Да так... интересовался до армии.

— Где учился?

— В школе...

— Это понятно. А потом?

— Окончил юридический техникум. Поступал в университет... провалился на экзаменах, попал в армию... обычная история, товарищ капитан...

— Когда на дембель?

— Как Самовалов подпишет, так и поеду.

— Так ты уже «дед»?

— Дембель, «дедом» я был еще до приказа.

— Ну, я ваших тонкостей не знаю.

— Да ладно вам, товарищ капитан, небось, не первый год в армии...

— Чем после армии намерен заняться?

— Опять в универ поступать...

— На какой факультет?

— На юридический, разумеется...

— А в армии не хочешь остаться? На офицера?

— Не хочу. Служить бы рад, хотелось бы за деньги... Извините за цинизм, товарищ капитан, но социальная защищенность современного украинского офицера оставляет желать лучшего... Военные, организовавшие ГКЧП, доказали свою несостоятельность в политике и в жизни... Второй раз они доказали свою несостоятельность, когда в прошлом году в Москве пытались захватить власть у Белого дома и «Останкино»... Мне вообще непонятно, какую роль сыграли все эти ачаловы и макашовы?

Немоляев был очень удивлен, услышав эти мысли от простого сержанта.

— Ладно, иди. Думаю, мы с тобой еще пообщаемся.

«А может, не все потеряно, если у нас до сих пор сохранилась молодежь, подобная этому сержанту», — подумал он, глядя в спину удалявшемуся Ржавину.

И вот сегодня Немоляев решил пригласить Ржавина к себе в дежурку для откровенного разговора.

Когда тот пришел и доложил по форме, Немоляев сказал:

— У меня сегодня нет помощника. Будешь помогать. Скажем так, я назначаю тебя сегодня помощником дежурного по части...

— Как вам будет угодно, пан капитан.

— Слушай, не называй меня паном. Мне это неприятно. Я офицер старой коммунистической закалки. Мне эти нэзалежные новшества неприятны.

После отбоя Немоляев по телефону доложил в штаб дивизии о том, что у него все в порядке, и, достав из портфеля пакет с едой, сказал:

— Вот теперь можно и поужинать. Что сидишь, присоединяйся.

Ржавин отложил в сторону газету с кроссвордом. По телевизору транслировали хоккей.

За ужином у них завязался разговор. Начали о спорте, а закончили политикой.

Немоляев говорил, что во времена коммунизма все было совсем по другому, что спорт хорошо финансировался государством, что по хоккею сборная СССР почти всегда лидировала, а когда к власти пришли демократы, все изменилось.

— Кого вы имеете в виду, называя демократами, — Кучму, Ельцина, Кравчука? Ведь это ж вчерашние коммунисты... выходцы из ЦК КПСС, — поддел Ржавин, выжидая реакцию офицера.

— Это не коммунисты. Это предатели! Сволочи! Какую страну развалили!

— Советский Союз был изначально непрочным государственным образованием, — возразил Ржавин. — Прежде всего потому, что он был построен на основе федеративного договора. А любая федерация является промежуточным явлением. Или она трансформируется в конфедерацию, или же перерастает в унитарное государство. Изначальной ошибкой было то, что в Основном законе Советского государства было заложено право на сепарацию. Корни нынешней трагедии следует искать в Конституции 1922 года. Она оказалась миной замедленного действия.

— Но при Сталине все ж держалось. Все ж развивалось нормально!

— Конституция не должна писаться под конкретного человека.

— Все это ерунда! — махнул рукой Немоляев. — Главная причина в США.

Он заговорил о наболевшем. О ведущей, как ему казалось, роли США в развале Советского Союза, о плане Алена Даллеса, о действии западных спецслужб, о внешней политике всех президентов США, начиная от Гарри Трумэна и заканчивая Джорджем Бушем. Говорил о «пятой колонне» внутри СССР, о завербованных агентах ЦРУ Александре Яковлеве, Горбачеве, Шеварднадзе, о предательстве генерала Калугина...

Ржавин, выждав Немоляева, когда он выскажется, возразил:

— Видеть во всем только фактор внешнего влияния мне представляется не совсем разумным. Была масса внутренних причин. Это, прежде всего, роль республиканских политических элит. Именно они, опираясь на так называемое «общественное мнение», сыграли ведущую роль в распаде СССР. Это, прежде всего, политические элиты прибалтийских государств. Потом мы — Украина. Леонид Кравчук со своими людьми, Вячеслав Черновил со своим «Рухом», УНА-УНСО и масса других. Потом далеко не последнюю роль сыграла политическая элита России — Ельцин, Гайдар, Собчак, Бурбулис, Грачев.

— Какая элита? Это Ельцин, Кравчук — элита?

— Вы, видимо, не совсем поняли мою мысль, — спокойно парировал Ржавин. — Я говорю о том, что во все времена при любом политическом режиме, любой форме правления и государственном устройстве государством управляет не массы, которые ничего не умеют, как только жрать водку и отдавать свои голоса первому попавшему политическому проходимцу... Государством всегда управляет политическая элита. И беда того государства, которое не дает наверх приток свежей крови. Новые политики — это свежая сила. Новые мысли. Масса энергии. Беда Советского государства эпохи

Брежнева заключалась в том, что «старая гвардия» не давала возможности молодым продвигаться наверх. Старая гвардия, типа Сулова, держалась за прогнившую ленинскую идеологию и не видела, что страна уже не та... Что обществу нужны перемены, что мир изменился.

— Почему? Это видел Андропов. Он понимал, что стране нужны перемены. И другие это понимали. Но надо ж было делать не такой ценой, — сокрушался Немоляев.

— Так чего ж об этом говорить? Дело сделано, назад историю не повернешь. Нужно жить настоящим.

— Настоящее не вселяет уверенности. Настоящее мрачное. Ты посмотри, что происходит вокруг. Наркомания, проституция, коррупция! — Немоляев, перечисляя массовые социальные явления, стал для убедительности загибать пальцы. — Армию разваливают. На проведение полетов в ВВС деньги выделяются скудные. Молодые лейтенанты не имеют элементарной летной практики. Военный летчик I класса получает меньше, чем гражданский. И поэтому неудивительно, что многие асы уходят в гражданскую авиацию. А ведь раньше ВВС были элитным родом войск!

— Я согласен с вами. Это возмутительно, когда офицер с десятилетней выслугой получает двести долларов.

— И при этом, заметь, должен по полдня проводить в очереди у денежной кассы. Такого ж никогда не было.

— Товарищ капитан, простите за любопытство, у вас сколько выслуги? — поинтересовался Ржавин.

— Четырнадцать лет.

— А почему вы до сих пор не майор?

— Потому что моя должность «командир роты» — капитанская. Для того чтобы мне получить майора, необходимо стать на должность «командира батальона». В капитанах уже шестой год хожу. Наш комбат, несмотря на то, что ему уже 48, не уходит на пенсию. А не уходит потому, что его до сих пор не обеспечили жильем. А у него семья. Двое детей. Живут в общежитии. Разве это справедливо?

— Ваш пример... это, кстати, одна из причин, когда старики не дают молодым двигаться по карьерной лестнице.

— Но я не стал бы ради того, чтобы получить «майора», предавать Родину.

— А что считать Родиной? Советский Союз? Я, например, своей Родиной считаю Украину. И считаю большим плюсом, что мы отделились от России.

— Как? — опешил Немоляев. Этого он никак не ожидал.

— А что здесь такого? Украине от России только вред. Мы богатые. Мы без них в состоянии прожить сами. И кормить их не должны. Мы очень богаты сельскохозяйственной про-

---

дукцией, особенно пшеницей, маслом, свиной. Почему мы, спрашивается, должны быть донором каких-то российских малозаселенных и отсталых регионов? Какого-то там Ханты-Мансийского, Корякского автономного округа? И почему, спрашивается, я, уроженец Тернополя и всю жизнь проживший в Киеве, должен служить на Дальнем Востоке и не видеть родных два года, потому что у государства, видите ли, нет денег, чтобы солдату срочной службы оплатить проезд домой, в то время как курсантов военных училищ домой отпускают два раза в год? Это я рассказываю про своего старшего брата. Служил на Сахалине в 88—90-м. Ни разу за два года не был в отпуске. А был отличником боевой и служебной подготовке. Отсюда и пословица: «Служи, дурачок, получишь — значок!» Я считаю это глубоко несправедливым...хорошего солдата, не наркомана там какого-то, не алконавта, а солдата, у которого все в порядке с дисциплиной, не отпускать в отпуск, мотивируя это тем, что у государства, видите ли, нет денег на то, чтобы оплачивать отпуска солдатам срочной службы. А что такое два года без дома? Это невыносимо тяжело. Никто этого не поймет, кто не почувствует это на собственной шкуре. Казалось, я полгода назад только был в отпуске, но как соскучился по дому. И поэтому я считаю огромнейшим благом, что мы отделились от этой... — Ржавин хотел сказать «долбанной», но из уважения к капитану решил этого не делать, — России.

— Не знал, что ты так рассуждаешь. Ты мне поначалу показался патриотом.

— Я патриот своей страны — независимой Украины, но не Советского Союза.

— Ты считаешь Украину независимым государством?

— Это не только я считаю. Об этом говорят наши законы.

— Я понимаю твою иронию.

— Я не иронизирую. Я говорю то, что думаю.

— Но ведь Украина — это часть России. Малороссия. У нас же общая история. Древнерусские князья — Владимир, Олег, Святослав, Ярослав Мудрый...

— Не согласен. Я придерживаюсь исторической концепции Михаила Грушевского, считавшего, что у России была своя, а у нас — своя история. Наша общая история закончилась походом Батыея. После мы развивались совершенно независимо. Москвароссия — отдельно, мы, украинцы, — отдельно. Нас идейно взрастило Галицко-Волынское княжество. Кстати говоря, некоторые историки считали, что у нас изначально были две столицы. У русских — Новгород, у нас — Киев. К ним пришли варяги и навязали свой порядок, у нас был свой.

— Но ведь Украина... само название это говорит об окраине. Окраина Польского государства и окраина Русского государства. У края государства.

— Это измышления московских историков. В свое время Фаддей Чацкий, польский историк, в 1801 году издал работу «О названии «Украина» и зарождении казачества». Он выдвинул версию, что украинцы произошли от укров. Это было одно из древнейших славянских племен, которое пришло на современную нашу территорию из-за Волги в VII веке.

— Я знаком с этой теорией. Галицийский сепаратизм был щедро вскормлен на деньги австрийского правительства в конце XIX века, — с убеждением, горячо, отстаивал свою точку зрения Немоляев. — И деятельность Михайла Грушевского по созданию так называемой «украинской мовы» щедро финансировалась из того же кармана. Австро-Венгрия... Ее ведущий принцип: «разделяй и властвуй!» Она стремилась подорвать Российскую Империю изнутри, возвращала «пятую колонну».

«Теперь мне не удивительно, что с такими взглядами, — глядя на собеседника, подумал Ржавин, — ты засиделся в капитанах. Я удивляюсь другому, как тебя до сих пор держат в нашей армии. Гнать взащей таких надо. Москаль!»

Впрочем, Ржавин, думая так, старался не выдать своих мыслей. Он приветливо улыбался. Ему хотелось подыграть немного, выжать из этого офицера массу информации. С Немоляевым было приятно работать: информация из него лилась как вода из худого ведра.

— Товарищ капитан, а что вы думаете о нашем министре обороны?

— Для того чтобы думать о нем, с ним надо быть знакомым. Я с ним водки из одной чарки не пил. Скажу лишь одно, считаю глубоко несправедливым во главе военного ведомства ставить лейтенанта запаса, гражданского человека, абсолютно не смыслящего в проблемах армии.

— Я не думаю, что все так плохо. В цивилизованной Европе давно уже практикуется назначать министрами гражданских политиков от политических партий, победивших на выборах. В частности, это практикуется в Британии. Главное, чтоб заместители министра были профессионалами в своем ведомстве.

Немоляев все больше видел, что сержант Ржавин не разделяет большинства его идей, и поэтому дальнейший разговор с ним офицера стал тяготить.

Немоляев вышел из дежурки, проверил службу дневальных, покурил и вернулся назад.

Ржавин сидел опять за газетой, разгадывал кроссворд.

Немоляев не стал возобновлять беседу. Он достал из «дипломата» аккуратно завернутый в газету томик Александра Проханова «Последний солдат империи» и принялся его читать. Но чтение упорно не шло. Текст не усваивался. Сознание невольно обращалось к предыдущему разговору. «Служи, дурачок, получишь — значок», — вспоминал он слова сержанта и поражался, каким коренным образом изменился русский национальный характер современного человека. Немоляев считал, что малороссы — это одна из трех ветвей единого русского народа. Ветвь подарившего мировой литературе великого Гоголя. А «украинец» — не национальность, а болезнь особо политико-психологического свойства, — когда сознание некогда русского человека под воздействием мощнейшей идеологической обработки тотально трансформировалось.

Немоляев не знал только того, что Ржавин, потомок польского шляхтича, активный участник движения УНА-УНСО с 1989 года, еще до армии несколько раз бывал в Польше, еще тогда завербовался и дал согласие работать на польскую разведку.

Регулярно, раз в два месяца, сержант Ржавин в увольнениях встречался с резидентом и поставлял ему необходимые сведения.

Ржавин знал, что в благодарность за это в будущем ему гарантировано поступление на юридический факультет Киевского державного университета и устройство на престижную работу в Национальный банк Украины.

Первыми в запас уволили сержанта Ржавина и рядового Рудого. Наградив их почетными грамотами, их увольняли в один день с младшим сержантом Сагаловым, каптерщиком 2-й транспортной роты. В столовой они сели за отдельный стол. Поев, не уходили, дожидались всю роту. Куриленко с Кимом, покончив с обедом, отнесли свои подносы и поставили на стол «дембеля», оставив себе только ложки. Это же сделали все остальные. В том числе и «гуси».

Ржавин и Рудый, сложив на подносы грязную посуду, подняли и с трудом понесли.

В этот момент все остальные солдаты роты, сидя на своих местах, дружно колотили ложками по столам. Это была неписаная армейская традиция. Так солдаты провожали домой своих товарищей. Дробышев отчаянно молотил своей ложкой по краю стола и сейчас он был искренне рад за своих старших товарищей. Странно, сейчас в эти мгновения, он словно позабыл все то плохое, что сделал ему Ржавин.

Получив в финчасти отпускные — двадцать солдатских окладов, — дембеля «проставились» роте.

Ржавин взволнованно говорил:

— «Гуси» — Арбуз, Вдова, Бэбик, Дробь, не держите на меня злобу! Может быть, я не всегда был справедлив к вам. Может быть, кого-то обидел. Не вините меня. Жизнь — штука сложная. Сегодня мой праздник, а завтра будет ваш! Вы тоже через полгода станете «дедами», у вас будут свои «шнэкссы». Вы отыграетесь на них. Прошу вас только об одном... никогда не теряйте головы... Не теряйте чувство меры. Никогда не доводите человека до белого каления! «Дедовщина» неискоренима, но она должна быть в разумных пределах. Удачи вам! И скорого дембеля! Прощайте, братва!

...РМО сегодня опять гуляло. «Гуси» снова бегали к тете Ане за водкой. Куриленко с Кимом после отбоя разливали водку по кружкам. Когда вся водка закончилась, и делать было нечего, Куриленко предложил:

— «Деды», а давайте-ка наших «гусей» переведем в «черепа»? Стецко с Кимом его охотно поддержали.

Первым позвали Арбузова.

Он подошел к Рыжему и, зажав в зубах полотенце, нагнувшись, встал у его кровати. Куриленко, взяв ремень, стал несильно бить Арбузова по обеим ягодицам. Всего он нанес Арбузову двенадцать ударов. Последний — двенадцатый — врезал от души. Арбузов дернулся от боли, схватился за пылающую ягодицу, но стерпел и не закричал.

Эту же «процедуру» проделывали над ним Стецко и Ким.

Дальше была очередь Вдовцова, Дробышева и Вербина...

Сергей лежал в койке на животе. Задница пылала огнем. Но он был счастлив. Теперь он был «череп».

Он сейчас вспомнил Ольгу. От нее уже давно не было писем. И последнее письмо дышало холодком.

«Это и понятно, — рассуждал Сергей. — Я в армии, а она на гражданке. Тем более в каком городе! Петербурге! Миллионном городе. Там столько парней. А что я смогу ей дать даже когда приду из армии? Специальности у меня основной нет. Высшего образования — нет. Куда я пойду работать? На стройку? Ольга, что же ты молчишь? Не молчи, пожалуйста. Если у тебя появился парень, то не держи меня в неведении. Скажи об этом прямо. Я пойму. Мне будет больно, мне будет очень больно, но я пойму. Переживу. Только не молчи...»

Однажды вечером в кубрик РМО зашел ответственный по батальону и велел сержантам назначить на ночь одного солдата дежурным по котельной.

После увольнения Ржавина в РМО теперь было два младших сержанта — Штырба и Найда.

— Кто хоче? — спросил Штырба.

Дробышеву было любопытно, и он добровольно вызвался в этот наряд. К тому же он использовал любой повод, чтобы находиться подальше от Куриленко.

Здание котельной находилось в двадцати метрах от выхода из казармы.

Дробышев, в шинели и шапке, зашел туда. Здесь было очень жарко. По утрам солдаты забежали сюда покурить, когда их выгоняли на зарядку, и прятались тут от дежурного по части, если он выходил на улицу проконтролировать их.

Дробышев прошел вдоль трех огромных котлов, массы труб и приборов. Котельщиками были гражданские. Сегодня выпала смена дяди Славика. Это был высокий мужчина лет сорока, с широкоскулым лицом, длинным подбородком и с пышной, кудрявой шевелюрой.

Дядя Славик объяснил, в чем заключалась суть дежурства Дробышева.

Комнатушка соединялась с основным помещением котельной металлическим мостиком с высокими перилами, грубо сваренными из кусков арматуры. Тянувшаяся под мостиком водопроводная труба на стыках, в нескольких местах, дала течь. Из трубы, клубясь паром, сочилась горячая вода и лилась в глубокий квадратный колодец. Задача Дробышева заключалась в том, чтобы каждый час ведром, привязанным к перилам мостика длинной, метров в шесть, веревкой, вычерпывать из колодца воду и выливать ее в огромный бак.

Дробышев разделся до нательной рубахи. Вычерпав двадцать ведер воды, зашел передохнуть. По щекам его и по шее катился едкий соленый пот.

Дядя Славик, указав на стол, где лежал кусок жирного розовато-белого сала, буханка хлеба и две луковицы, гостеприимно предложил:

— Угощайся.

Дробышев, поблагодарив, с большим удовольствием уписал три куска сала. После чего, спросив разрешения у дяди Славика, сходил в душ.

В котельной был свой душ. Здесь мылись котельщики, сантехники, гражданские мужики и изредка «деды».

Помывшись в душе, Дробышев почувствовал себя свежее и бодрее. Только было очень неприятно наматывать на чистые ноги грязные портянки.

Сергей вернулся к котельщику.

Они разговорились.

Уже через пятнадцать минут солдат понял, что дядя Славик — большой чудак. Несмотря на свои сорок прожитых лет, он был очень наивен. Котельщик предлагал Сергею

купить акции финансовой пирамиды, в которую он недавно был втянут.

— Колы я набэру десять акционэриэ, а воны в свою чергу — кожен по дэсят, тоди я пиднимлюсь на другу ступэнь. А ты будэш на трэтьей, и ты будэш получаты гроши. Я так розумию, що цэ дуже выгідно. Дывись сам...

Дробышев равнодушно слушал доводы котельщика, который, загибая пальцы, азартно объяснял все преимущества легкого бизнеса. Дядя Славик был очень рад, что нашел «свободные уши».

О подобных финансовых пирамидах Дробышев услышал впервые год назад, на гражданке. Однако из разговоров со знакомыми, которые ввязались в эти авантюры, он знал, что никто из них так и не получил ни копейки денег. Все дивиденды с акций доставались только тем, кто находился на вершине пирамиды. А в определенный момент пирамиды рассыпались. Подобные бланки акций Сергей видел во Львове на Краковском рынке.

— Вы не возражаете, если я прилягу? — зевая, спросил Дробышев, укладываясь на топчан, заваленный засаленными телогрейками. — Что-то спать охота.

— Конечно-конечно, — охотно согласился дядя Славик.

Дробышев быстро уснул, а дядя Славик еще долго сидел при тусклом свете настольной лампы, изучая брошюру, в которой описывалась методика построения финансовых пирамид.

Ночью Дробышев дважды поднимался, вычерпывая воду, а утром он сходил с ротой в столовую на завтрак и, вернувшись в котельную, стал читать взятую в кубрике книгу «Двенадцать стульев».

В этот же день в часть прибыло человек семьдесят новобранцев. На них прибежали смотреть Штырба, Комари и Найда.

Новобранцы нерешительно стояли у здания казармы ОБАУ, дожидаясь сопровождавшего их офицера. Он ушел с документами в штаб дивизии, оставив новобранцев под присмотром сержанта. В глазах новобранцев читались неуверенность, зашуганность.

— «Шнэксы», вешайтесь! — с ненавистью крикнул им Найда, погрозив кулаком.

— Вешайтесь, падлы! — поддержал его Комари.

Новобранцы испуганно посмотрели на них, плотнее сбились в кучу, как цыплята вокруг наседки.

Молодым освободили казармы ОБАУ. В этой казарме будет располагаться «карантин». Через месяц после принятия присяги его расформируют, а солдат раскидают по ротам.

...Ночью в РМО пьянствовали. Сегодня Куриленко с Кином вынесли с ГСМ две канистры бензина, продали гражданским. «Гуси» сбежали за водкой к бабе Ане.

«Центрвал» Куриленко, разливая спиртное по кружкам.

В кубрик зашел дежурный по батальону лейтенант Завражных. Его ребята не боялись. Про таких обычно говорят: «свой в доску парень». Лейтенант Завражных только в этом году закончил Львовское военное училище, факультет журналистики. Ему хотелось попасть в Киев, в центральную газету Министерства обороны Украины «Народная Армия». Но по распределению он попал сюда. Ему сейчас было всего двадцать три года. По своей натуре он был разгильдяй, каких свет не видывал. Баловался «травой». Несколько раз вместе с Арбузовым и Бардо, закрывшись в каптерке, Завражных пропускал «косой» на троих.

— Борян, — обрадовано воскликнул Арбузов, — иди с нами, сто грамм пропусти.

— Пацаны, я бы с удовольствием. Но я сейчас при оружии, — Завражных похлопал себя по кобуре с пистолетом, висевшей на поясе. — А пьяный я дурак. Могу вас пострелять.

Арбузов рассмеялся.

— Борян, вот за что уважаю тебя, братан, так это за чувство юмора.

— Нам без юмора никак нельзя, — молодой офицер снял с себя фуражку и присел на койку рядом с Арбузовым.

— Борян, а правду про тебя народ говорит, будто ты Руничу хавло начистил?

— Было дело.

— А за что, если не секрет?

— А он, мудака, в декабре мне семь нарядов поставил. И три из них в ночь с субботы на воскресенье попадают. Это ж что ж... получается: воскресенье — единственный полноценный выходной на неделе, а у меня целых три воскресения похеренными оказываются?

— Типа, молодого нашел? — сочувственно вставил Куриленко.

— Ну да.

— Руничу давно нужно было хавло намылить, — сказал Арбузов. — Он меня уже задолбал на разводах.

— Так, пацаны, у меня к вам просьба! Допьете, тихо рассосались по своим койкам, по батальону не лазить, морду другу другу не бить.

...Командир РМО капитан Иголка до глубокой ночи засиделся у Немоляева, командира 1-й роты батальона связи. Они сидели с вечера. Выпили бутылку водки, взяли другую. Говорили о жизни, о судьбе государства, жарко спорили.

Немоляев рассказал о том, что прочел недавно книгу генерала КГБ Леонида Шебаршина, возглавлявшего Первое главное управление КГБ СССР, который писал в ней о том, как Вадим Викторович Бакатин, назначенный после августа 1991 на пост Председателя КГБ СССР, выдал западным спецслужбам ряд секретных сведений, в частности о подслушивающих устройствах, установленных чекистами в здании американского посольства, сдал 40 дел оперативного наблюдения и учета за западной резидентурой в Москве.

— Это ж предатель! Самый настоящий предатель! — гневно сверкая запяневшими голубыми глазами, горячился Немоляев. — И Горбачев, и Ельцин, назначая его, ставили пред ним конкретную цель — развалить КГБ, что он и сделал с блестящим успехом. А делал он это очень просто, по принципу: «разделяй и властвуй!» Способом расчленения. Первым делом Бакатин убрал из подчинения КГБ погранвойска, выделив их в самостоятельный род войск; во-вторых, Первое главное управление выделил в самостоятельную структуру — Службу внешней разведки; создал ФАПСИ <Федеральное агентство правительственной связи и информации>; кроме того, выделил из подчинения Комитета подразделение по борьбе с терроризмом...

Иголка, внимательно слушая сослуживца, в знак согласия молча кивал головой.

— А начал он с кадровой чистки! Помнишь, Сталин говорил: «Кадры решат все!»? Утром 24 августа 91-го года Бакатин, новый Председатель КГБ СССР, вошел в приемную своего кабинета. Там стоял дежурный офицер. Отдавая честь, офицер отрапортовал. А Бакатин его спросил: «А где вы были 19 августа?» — «На службе», — наивно и искренне ответил дежурный. «Уволить его!» — приказал Бакатин сопровождавшему его кадровику.

— Ничего себе, — возмутился Иголка.

— Ты представляешь, Степа? Я, как прочитал это, потерял дар речи! Офицер, не вникая во все тонкости политики, честно исполнял свой долг, явился 19-го на службу, а его за это уволили. Потому что Бакатин посчитал, что тот поддержал ГКЧП. В этом эпизоде проявилась вся линия дальнейшего бакатинского поведения... По развалу Комитета...

— А как, ты говоришь, называется книга?

— «Из жизни начальника разведки». Леонид Шебаршин.

— Дашь почитать?

— Дам.

— ГКЧП. Я встретил ГКЧП в Чехословакии, — задумчиво сказа Иголка. На него нахлынули воспоминания. — Наша дивизия дислоцировалась в Праге. До нас долетали обрывки

информации. Никто тогда ничего толком не понимал. Единственно, помню, командир поднял всю дивизию по тревоге. Семьдесят часов мы провели в жутком напряжении. А потом все рухнуло!

— Армии нужно было решительнее себя проявить в момент августовского путча, — грохнув по столу кулаком, сурово глядя на друга, сказал Немоляев. — Нужно было брать на себя инициативу... по спасению Отечества.

— Этого не могло произойти, — возражал Иголка. — Специфика нашего государства заключается в том, что армия не самостоятельна в своих решениях. Ни армия, ни МВД, ни КГБ никогда не решились бы на самостоятельное решение, потому что над всем стояла Партия. «Партия — наш рулевой!» Что Партия нам говорила, так мы и поступали.

— И это плохо. В решающий момент власть нужно было брать военным. Как Пиночет в Чили, как Франко в Испании, как Фидель в Кубе. Нужно было действовать решительно и быстро. Нужно было провести массовые аресты, чистки государственного аппарата. Необходимо было в самые кратчайшие сроки пересажать всю эту демократическую мразь! Всю национал-сепаратистскую сволочь! Сгноить их в камерах!

— Да ты что говоришь? Сашка, ты что говоришь? — запальчиво говорил Иголка. — Это ж прямой путь к гражданской войне. Народ не дал бы. В тот момент у народа уже настолько сильное было отторжение коммунистов, что в случае ареста демократов, его тогдашних кумиров, он поднялся б на бунт...

— Какой бунт, Степа! Все это мы могли бы задавить в считанные дни. Силами двух сухопутных дивизий. Два-три отряда спецназа, сотня трупов, и готово. Народ забился бы по норам и сидел бы тише воды, ниже травы.

— А мы получили бы вторые Тбилиси или второй Новочеркасск! Ты представляешь, какой общественный резонанс прозвучал бы во всем мире? Это ж международный скандал!

— Плевать! Это наши внутренние дела и никто не имеет права совать свой нос в нашу кухню! Если я ругаюсь с женой, это наше дело. На-ше! А государство — это такая ж семья, только большая. Не лезь со своим уставом в чужой монастырь! А насчет крови... Подавление мятежей без жертв не бывает.

— Подожди, Саш, речь сейчас не об этом. Ты говоришь, что руководству ГКЧП нужно было брать власть?

— Да. Я решительно на этом настаиваю.

— Так ведь, вспомни, они ж и были самой властью, — возражал Иголка.

— Как? — не понял мысли приятеля капитан Немоляев.

— Смотри, все очень просто... Маршал СССР Язов — министр обороны. Пуго — министр внутренних дел. Крюч-

---

ков — председатель КГБ СССР. Янаев — вице-президент, Павлов — премьер-министр, Стародубцев — председатель Крестьянского союза, Бакланов — первый зам председателя Совета обороны. О каком захвате власти ты говоришь? Они сами олицетворяли собой власть. Верховную власть.

— Это ясно. Я не об этом. Нельзя было допускать полумера. Я говорю о том, что нужно было действовать решительнее и эффективнее, — пояснил свою мысль Немоляев. — Ошибка ГКЧП заключалась в том, что они не расстреляли Горбачева и Ельцина. Они ездили к Горбачеву делегацией в Форос, спрашивали его решения... Сю-сю, масю. Разве за пять лет его деятельности не было ясно, что перед нами скрытый враг, хитрый лис, тонкий, лукавый предатель?

— Перестройка — это блеф. Провокация! Никакого путча, переворота не было. Была гениально спланированная и блестяще осуществленная провокация. В эту провокацию были вовлечены люди, которые порой не осознавали свои действия и не умели просчитать последствий, к которым они могли привести. Все это было выношено в спецслужбах США. Это все реализация плана Даллеса.

— Дело не в этом, — отодвигая сковородку с яичницей, возражал Немоляев. — Враги у нас были искони. С кем мы только не воевали. С татарами, хазарами, поляками, немцами... Я говорю о «пятой колонне». Если б не она, никакому Даллесу, никакому Эйзенхауэру, никакому Рейгану, Бжежинскому, Киссинджеру и Бушу не удалось бы реализовать свой хоть трижды гениальный план.

— Так ведь у Даллеса об этом и идет речь, — горячо согласился Иголка. — У него весь план построен на этом. На формировании в СССР активной и сильной «пятой колонны», «агентах влияния», о которых накануне ГКЧП говорил Крючков.

Допив бутылку, офицеры продолжили разговор.

Немоляев высказал свои сомнения в официальной версии о самоубийстве маршала Ахромеева, бывшего начальника Генерального Штаба СССР, боевого офицера, участника Великой Отечественной и афганской войн.

— Я не верю, Степ, понимаешь, не верю, что здоровый и сильный мужик полез в петлю. Не верю. Режьте меня, бейте! Не верю! Это чистойшей воды политическое убийство. Видимо, Ахромеев что-то знал. А его убрали, чтобы спрятать концы в воду. Кстати говоря, и выбор смерти... ну никак не убедителен. Офицер не полезет в петлю, он предпочтет пулю!

— Согласен.

— Смотри далее. 22 августа 91-го года, по официальной версии, покончил жизнь самоубийством Пуго, застрелив перед этим жену. Не верю. Их убили. Отказываюсь верить. Че-

---

рез несколько дней из окна собственной квартиры якобы выбрасывается Николай Кручина, управляющий делами ЦК КПСС. И в тот же день, буквально через несколько часов, московская мэрия запускает процесс экспроприации партийной собственности. Разве смерть Кручины случайна? Не верю. Примерно в это же время «выбросился» с балкона другой управляющий делами ЦК КПСС Георгий Павлов. А может, ему помогли? Может быть, он тоже кому-то мешал. Может быть, он тоже стоял на пути у «приватизаторов»? Социализм — это лучшая общественно-политическая формация. История это уже доказала.

Насчет социализма капитан Иголка придерживался несколько иной точки зрения, но не стал ее высказывать, так как, глубоко уважая Немоляева, не хотел задевать его чувств. И потому намеренно увел разговор в сторону.

— Я слушал, на днях намечается проверка. Якобы возможен приезд командующего.

— Все может быть. Что ж, коли так, будем готовиться...

Информация о возможном приезде командующего подтвердилась. И вся дивизия стала готовиться, работая в сумасшедшем ритме, подобно муравьям, когда у них разрушают муравейник.

Этот бешеный ритм захватил и втянул в свой водоворот отделение ГСМ. «Деда» заправляли машины, выдавали бензин, «гуси» вместе с Лопатиным занимались уборкой территории. Аэродромная рота работала на взлетной полосе, очищая ее до мельчайшего камушка, до ничтожной соринки. На территории дивизии были выбелены все бордюры, собраны и сожжены все опавшие листья, выметены дорожки, плац.

Во всех кубриках суетливо и нервно наводилась уборка. В коридор БАТО были вынесены койки. Пока «деды» сидели на них и, бренча на гитарах, коротали время в разговорах, «гуси» и молодые «черепа» шуршали в кубриках. Скоблили паркет стеклом, вытирали пыль с подоконников, с батареей, водопроводных труб, шкафов и дверных косяков. Газетами и тряпьем оттирали оконные стекла. Старшина в шкаф для шинелей поставил полную банку ваксы для чистки сапог. Выдал новые каблуки на сапоги тем, у кого они стерлись. Поменял «афганки» Арбузову, Вербину и Вдовцову; Комари на время новую шапку-ушанку.

За два дня дивизия была неузнаваема. Все сияло и улыбалось. В умывальниках медные краны были начищены до блеска и казались золотыми. Все солдаты были одеты во все чистое, отглаженное и свежее.

В понедельник на самолете прилетел главнокомандующий, со свитой старших офицеров из штаба армии. А на другой день командующий пожелал увидеть полеты.

После развала Союза военный бюджет Украины был крайне скуден. На армию выделялись ничтожные, по сравнению с прошлыми временами, суммы. Полеты в авиационно-истребительных полках и дивизиях проводились крайне редко. Многие молодые летчики не имели элементарной возможности наработать полетную практику; навыки, полученные в военных училищах, быстро забывались. В тех редких полетах, которые организовывались по приказам Министерства обороны и штаба армии, активное участие принимали лишь капитаны, майоры, подполковники и полковники. В «бой», как и в фильме, шли одни «старрики».

По взлетке, стремительно набирая разгон, один за другим поднимались в небо истребители. Сегодня около пятидесяти «мигов» штурмовали небо Западной Украины. И сотни глаз с земли с восторгом смотрели на них. В груди многих людей, любовавшихся полетами, сладко билось сердце, и каждый в этот миг ощущал себя маленькой частью огромного организма под гордым названием «Авиация».

Дробышев стоял у заправочной, задрал голову, наблюдая за пятеркой красавцев «мигов», выстроившихся в небе клином, как гуси, улетающие осенью на юг. На фоне облачно-серого неба голубоватые истребители шли правильной стройной фигурой, потом веером расплылись в стороны. Один из них, взмыв в небо, высоко-высоко, завис на секунду в одной точке, словно остановившись, а через мгновение, как коршун на добычу, устремился вниз, долетел почти до самой земли и опять ушел вверх.

Пилоты, управляя двукрылыми машинами, выходили в штопор, делали кобру, крутили бочку. Выстраиваясь в ромб, разделялись на пары и разлетались в стороны. И Сергей, глядя на них, ощущал себя необычайно счастливым человеком. В этот миг он понимал, что он, простой солдат, рядовой Украинской армии, делает маленькое, но очень нужное общее дело.

С отъездом командующего дивизия вернулась в обычный ритм жизни. В казармах на другой же день ухудшился порядок, а в столовой — питание.

...Дробышев ходил по батальону взволнованный. Со дня на день должен был уволиться Стецко, а Сергею не хотелось меняться с ним «афганками».

— Как быть? — спросил Сергей приятеля.

— А хрен его знает? — пожал плечами Вдовцов. — Самый лучший вариант: подойти и добазариться со старшиной, за-

---

ныкать у него в каптерке. Я, Арбуз и Вербин так и сделали. У нас ведь тоже есть новая форма, но она лежит у старшины. Он выдаст ее, когда уволятся «деды».

На ужине к нему за стол подвели Арбузов и Бардо.

— Слышь, Дробь, — сказал Бардо. — Есть предложение. Спрятать твою «афганку» у меня в каптерке. Когда уволятся Стецко, я тебе ее верну. Разумеется, не за просто так. Поставишь нам с Арбузом пузырь синевы.

Недолго думая, Сергей согласился.

После ужина Дробышев в каптерке у Бардо переоделся в старую форму и ушел. Арбузов полулежал, откинувшись на койке с сигаретой в зубах, лениво глядел на приятеля, который, сидя на корточках, запихнул форму Дробышева в вещмешок, а сверху наложил новых портянок. Спрятал вещмешок в глубине шкафа, завалив его шмотьем.

Бардо на форму Дробышева имел свои планы: он не собирался ее возвращать. Спрятав, Бардо достал из записки пакет с печеньем, банку сгущенки, воткнул в розетку электрочайник, необычайно довольный уселся за стол.

— Классно мы с тобой этого лоха развели.

Арбузов сдержанно улыбнулся. Ему тоже нравилась форма Дробышева.

— Короче, если спросит, скажу, что у меня ее, типа, Пупс попалил. С понтом себе забрал, — говорил Бардо весело.

Пока приятели строили планы насчет дальнейшей судьбы «афганки», Дробышев стоял у себя в кубрике пред «дедами».

— Где твоя форма? — спросил Стецко.

— Ротный велел снять. Спрятал в каптерке.

— Не балаболь! — недовольно сказал Куриленко. Лицо его было мрачным и не предвещало ничего хорошего.

«Деды» быстро выяснили, что форма находится в каптерке у Бардо. В сопровождении «дедов» Дробышев уныло поплелся из кубрика.

Куриленко нетерпеливо постучал в каптерку. Когда Бардо открыл ее, Куриленко без разговора ударил каптерщика ладонью по лицу.

— Ты что, «гусяра», обурел?

Арбузов на всякий случай почтительно поднялся с койки, скромненько встал в углу.

Бардо, красный, держась за глаз, недовольно буркнул:

— Я уже две недели как «череп».

— Это не меняет дела, — Куриленко всадил ему в ухо. — Понял? Я для тебя — «дед». Всегда «дед»! А ты для меня — «шнэкс». Всегда! Понял, сука! Давай сюда форму, живо!

Бардо молча слез со стремянки, отдал форму Дробышева.

— Что стоишь? Одевайся, — приказал Стецко. — Дробь, приучи себя к мысли, что эта форма не твоя. Эта форма — моя! Заруби себе это на носу.

Арбузов стоял в туалете раздраженный. В сердце его закипала великая злость. Кроме него в туалете было несколько «гусей» из других рот. Из «черепов» и «дедов» — никого. Арбузова не так задевало, когда ему доставалось от Рыжего. Куриленко был физически крепок; он невольно всем своим видом внушал уважение. Арбузов нутром чувствовал в Рыжем силу. А сильному подчиняться не в тягость.

В Киме же такой силы он не ощущал. Ким в его глазах был лохом. Поэтому Арбузов чувствовал себя глубоко оскорбленным, когда был вынужден выполнять его прихоти или хуже — получать от Кима тумачи.

— Я его завалю! — говорил он, гневно сверкая голубовато-серыми глазами. — Если б не Рыжий и Лебедько, я б давно его урыл.

— Пацаны, а не поднять ли нам бунт на корабле? — лениво улыбаясь, спросил светловолосый Буреломов, солдат аэродромной роты.

Родом из Харькова, высокий, с болезненно-красным лицом, с широкими и приподнятыми плечами, он казался большим равнобедренным треугольником. С тяжелым, выдвинутым вперед подбородком, низким лбом и громадными кулаками, Буреломов был одним из самых здоровенных «гусей» в батальоне. На гражданке он едва не ушел по этапу за разбой. «Отмазали» родители, дав следователю взятку.

За последние две недели батальон заметно поредел. Половину «дедов» уволили. Всего в БАТО и РМО «дедов» оставалось не более пятнадцати.

А вчерашних «гусей» — в два раза больше. Но половина из них, по своей сути, были «рабы». Другая половина мучилась вопросом: «Тварь ли я дрожащая... иль право имею?»

В человечестве не существует равенства. Общество изначально неравно. Есть сильный и слабый, есть умный и дурак. Есть здоровый и больной. Есть те, кто всю жизнь будет рыть могилы, лепить пельмени, месить раствор, крутить гайки, получая за это гроши, возмущаться несправедливостью жизни, но так и останется на низах общества.

Есть другие, кому с рождения не хочется делать грязную работу. Он лучше будет грабить, убивать себе подобных, но никогда не будет работать на стройке, в котельной, на комбинате у доменной печи, зарабатывая себе горб и трудовые

мозоли. Он лучше будет охранником у сильных мира сего, вышибалой в баре, сутенером, содержателем притона или бандитом.

Есть и третьи... Кто не обладает крепкими кулаками, ловкостью, но они умеют «держать нос по ветру». Как правило, такие... идут в политику. В любую относительно спокойную историческую эпоху, уловив суть господствующего на тот момент политического учения, они заявят себя его последовательными сторонниками и будут холуйски исполнять все прихоти и причуды своего начальства; будут вежливыми, исполнительными, преданными и постепенно они добьются своего: займут хорошо оплачиваемые должности, мягкие кожаные кресла, роскошные кабинеты. Они будут обладать просторным жильем и красивыми женщинами. Столы их будут накрыты изысканной пищей и сладкими винами. Их жизни будут охранять люди из второй социальной категории. Личные водители на служебном транспорте будут возить их домой после шикарных банкетов. Их не будут останавливать сотрудники ГАИ. Им многое будет сходить с рук, потому что они «сильные мира сего». Их основная функция заключается в том, что они, обладая знаниями в области экономики, политологии, государственного управления, юриспруденции, перераспределяют материальные средства, заработанные людьми первой категории.

Есть и такие времена, смутные, нестабильные, когда Корабль Истории штормит. В это время на авансцену вылезают четвертые: те, кто недоволен существующим положением, кто сам хочет занимать места третьих. Для этого они кричат о необходимости «социальной справедливости», для этого из пыльных кладовых извлекаются потрепанные лозунги «о всеобщем равенстве, братстве и счастье»; ораторы на митингах заводят толпы недовольных, взывая к их оскорбленным чувствам, направляют их гнев и злобу на вторых и третьих, бросая их на бунт. В такие моменты происходят революции. Идут массовые казни, кровавые разборки.

«Радетели» о народном благе, заняв кресла побежденных, сами с годами обрастают жирком и новыми запросами.

Жизнь не меняет своей сути: во все времена и эпохи, в любой стране, на любом континенте были, есть и будут «господа»: цари, короли, вожди, премьер-министры, президенты, султаны, халифы, шахи, визири и т.д. Их называют «политической элитой». Их основная функция — управлять большинством... от лица большинства.

На страже их интересов стояли, стоят и будут стоять прокуроры и судьи, чекисты и жандармы, полицейские, фельдмаршалы и маршалы, генералы и полковники...

Во все времена были, есть и будут «рабы». И не важно, как они будут называться — пролетариат, плебс, холопы, крепостные или чернь. Наивен тот, кто верит, что может быть иначе. Есть исключительные случаи, когда низы, как это было с Меньшиковым, замеченным Царем Петром I, выбиваются «из грязи в князи». Ничего хорошего, увы, из этого не бывает. Казна трещит по швам и быстро истощается. Но при этом пухнут чьи-то карманы.

Неравенство было, есть и будет. Несправедливость была, есть и будет. Ее может быть только меньше или больше. Но все равно идеального общества на земле никогда не будет. Идеал — удел Небес... Идеален только Бог и Царство Небесное, Им созданное...

...Буреломов, скрестив на груди руки, стоял, широко расставив ноги, насмешливо глядел на остальных. Ему была интересна их реакция.

— А шо в натуре... — поддержал его Стиф. — Пошли валить «дедов»?

— Это дело надо обмозговать, — высказался Бардо. Соблазнительная мысль о бунте и о мести приятно взволновала его сознание. Он с наслаждением представил, как будет сапогами избивать Куриленко, Лебедько, Кима. Бить их по почкам, по ребрам, по спине...

— Я против, — сухо возразил Арбузов. Он подождал, пока утихнут споры, и сказал: — Бунт — дело хорошее, слов нет. Но пока в батальоне есть Лебедько и Рыжий, я против бунта.

— Почему?

— Витек, шо ты, в натуре?

— Чем они лучше! Вспомни, как Лебедь отправлял тебя в будущее, а Рыжий — на сорок пять секунд в отпуск!

— Я на них зла не держу, — так же сухо и спокойно отвечал Арбузов. — Да, они нас с вами «строили». Но ведь год назад их тоже «строили» — их «деды». Они свое отполучали. Ушли их «деды», пришли мы. Настала их власть. Но их власть заканчивается. Через две недели максимум их здесь не будет. Нас больше никто не тронет. А кто попытается, получит сразу в хлебрезку. Неужели мы не в состоянии потерпеть две недели? Всего две недели!.. Или вам нужно кровавое побоище, а потом военные суды, прокуратуры, трибуналы и дисбаты? Если вы этого хотите, что ж... пошли валить «дедов»! — Арбузов достал из голенища сапога тонкий нож. — Пошли! Ну! — Вид солдата был решителен. Взгляд дерзок.

Арбузов всем дал понять, что если «сходняк» решит «валить» «дедов», он первым пойдет их «валить».

— Витек прав, — сказал Бардо, положив руку на плечо Буреломову. — Подождем недельку. Пусть уволятся Лебедь и Рыжий. Остальных мы тогда «построим».

— Но Киму это просто так не сойдет, — сказал Арбузов. — Я тут при всех говорю.

Так на этом и порешили.

Дробышев вдруг задумался...

«А ради чего я служу? Зачем? В чем мой долг перед Родиной? В том, что я каждый день, как полоумный, ношусь по территории ГСМ с ручным насосом? В том, что я вместо «дедов» стою ночью на тумбочке? В том, что я мою лестницу за этими дебилами? В том, что я отдаю Нытику в месяц по три пачки сигарет? В том, что я должен «летать в будущее»? В том, что с меня снимают мою форму? Как все дебильно!»

Когда Сергей шел в армию, он, насмотревшись в свое время ура-патриотических телепередач «Служу Советскому Союзу!», рассчитывал, что в армии его будут учить воевать...

Наивно думал, что его научат стрелять из всех основных видов стрелкового оружия, ознакомят с тактикой ночного боя, ориентированием на незнакомой местности. Ему хотелось, чтобы с ними постоянно вели занятия по огневой и физической подготовке, чтобы учили рукопашному бою, знакомили с теорией современного оружия, рассказывали о новейших моделях отечественных танков, самолетов, артиллерии...

А вместо этого за все семь месяцев службы он был на стрельбах всего только раз... В Нижнеподольске, перед принятием присяги... В тот день им выдали всего по шесть патронов. Бойцы сделали три тренировочных и три зачетных выстрела. И все! На этом вся огневая подготовка закончилась... А между тем на стендах, висящих на стенах в БАТО, где капитан Иголка каждую неделю вывешивал листки с запланированными занятиями, огневая подготовка числилась два раза...

«Все это показуха! Очковтирательство! Если так и в 40-м году готовили солдат срочной службы к предстоящей войне с Гитлером, тогда неудивительно, что мы первые два года терпели поражение... Армия... Долг Родине? А где у меня Родина? Где? Где она? Кто мне это скажет? Где? Ненька Украина? Почему я, русский по крови, служу в Украинской армии? А если элите взбрдет в голову идти войной на Россию, как быть в этом случае мне? Я же присягал Украинской армии? Или нарушить присягу? Или стрелять в русских солдат? Так как же мне быть? Как?»

Эти «проклятые» вопросы не давали покоя.

В воскресенье ротный выписал увольнительные записки. Арбузов вышел в город вместе с Бардо, Стифом и Буреломовым и они поехали на железнодорожный вокзал.

Сегодня на дембель отправлялся Ким. С минуты на минуту он должен подъехать сюда за билетом на киевский поезд.

Ким еще здесь не было. Узнав расписание на Киев, приятели вышли на улицу. Приятели, чтоб лишний раз не светиться, ушли в забегаловку напротив вокзала, купили бутылку водки, стали распивать. По очереди сквозь окно следили за главным входом вокзала.

— Вот он! — радостно воскликнул Арбузов, чем привлек к себе внимание местных забулдыг. — Все, братва, пошли.

Ким, одетый по гражданке, закинув на плечо спортивную сумку, сошел с автобуса и, ничего не подозревая, поднялся по гранитным ступенькам, зашел в здание вокзала и занял очередь у кассы. Взяв билет, он сходил в буфет, поелпельменей, выпил стакан вина и спустился в туалет, а на выходе нос к носу столкнулся с Арбузовым. Позади него стояли Стиф, Буреломов и Бардо. Внушительно. Грозно. Их мрачные лица не обещали ничего хорошего.

— Ну что, «дедуля»? Вот мы и встретились. Не ждал? — спросил Арбузов.

Ким вымученно улыбнулся.

— Отступную за дембель платить думаешь?

Это не входило в планы Кима. Сегодня он слинял из части тихо, ни с кем не попрощавшись. Ему не хотелось давать роте деньги на водку. Какого ж было его удивление, когда здесь, в туалете вокзала, ему повстречался Арбузов с приятелями.

Ким молча залез в карман брюк и, достав сотню, протянул своему бывшему «гусю».

Сунув деньги в карман, Арбузов сказал:

— Ким, но это не все!

— В смысле? У меня больше нет.

— Я не про то. Ты помнишь наш первый совместный наряд по столовой?

— К-какой? — У Кима заметно дрогнул голос.

— Ну, тот, когда ты меня воду в ведрах заставлял носить.

— Н-нэ помню... — заикаясь, ответил Ким.

— Ну, так я напомним! — твердо сказал Арбуцов и, сжав кулак, с размаху врезал Киму в челюсть.

«Дембель» пошатнулся, выронил сумку на загаженный пол и тут же был сбит двумя ударами в лицо.

Арбузов с яростью стал пинать.

— Шо, сука! Забыл? Память короткая? Зато я помню. Я все, падла, помню!

Стиф, вывернув Киму руку, завел ее за спину и придавил «деда» к полу. Бардо схватил Кима за ноги.

Буреломов трогать жертву не стал. Он вышел в коридор смотреть за «шухером».

— Не надо, Витек! — умолял Ким, пытаясь свободной рукой смягчить удары.

Но Арбузов был беспощаден.

— Витек! Уже «Витек». А раньше звал исключительно «шнэкс» и «гусь». Не Витек, а Виктор Павлыч! — удары становились все злее и резче; Арбузов уже входил в раж. — За столовую! За водку! За сигареты! За все хорошее!

Стиф плюнул Киму в лицо. Уперевшись сапогом Киму в гиб коленного сустава, Бардо выламывал ногу.

— Все, Витек! Хватит, — резко сказал Буреломов, заглянув в туалет.

— Что такое? Сюда идет кто-то?

— Нет.

— Ну, тогда слиняй. Смотри за «шухером!» — раздраженно крикнул Арбузов. — Стиф, Бардо, подмогните! — Арбузов, схватив за воротник куртки, рывками потащил упиравшегося Кима к «очку».

Стиф, моментально уловив мысль Витька, свободной рукой надавил Киму на затылок. Бардо помог ему. Втроем они — не без усилий — все же ткнули упрямого «дембеля» в кал лицом.

— Вот теперь все! — сказал Арбузов удовлетворенно.

— А это тебе, чтоб тебя девушки любили! — выдохнул Стиф, врезав напоследок Киму в пах.

Бардо переступил через лежащего Кима и вышел из туалета вслед за приятелями.

Сергей третий день балдел в санчасти. После завтрака Дробышев валялся на койке, читая «Таинственный остров».

Когда Сергей впервые записался в библиотеку части и на вопрос: «Что вас интересует?», попросил:

— Мне, пожалуйста, любой роман Чейза.

Библиотекарь, пожилая, тучная женщина с высокой прической, сказала:

— Не понимаю, что вы находите в Чейзе? Сейчас все помешались на Чейзе. А у него все книги похожи друг на друга. Пишет он увлекательно, спору нет. Но его сюжеты в голове не держатся и двух недель. Моментально все выветривается. Другое дело русская классика. Вот взять, к примеру, Достоевского... «Братья Карамазовы». Вот это книга... Сила-то какая! Там какие идеи развиваются... Одна «Поэма о Великом Инквизиторе» чего стоит!.. Достоевским сейчас вся За-

---

падная Европа зачитывается... Фридрих Ницше, который к русским, мягко говоря, не очень хорошо относился, так высоко чтит Достоевского, что называл его «самым гениальным среди русских».

Сергей заинтересовался. До армии он уже несколько раз слышал имя этого немецкого философа. И даже пытался читать «Так говорил Заратустра». Поэтому он, поддавшись советам библиотекаря, взял «Братья Карамазовы».

Однако чтение ему не пошло. С трудом прочел он первую главу романа и потерял интерес. Но какого же было его возмущение, когда он, собираясь сдавать книгу в библиотеку, обнаружил, что в книге отсутствуют несколько последних листов, хотя брал он ее из библиотеки в полной сохранности.

— Кто это сделал? Что за мразь это сделала?

Вдовцов, махнув рукой Сергею, попросил, чтоб он склонился и на ухо тихо сказал:

— Это Штырба и Найда на сортир себе вырвали.

— Скоты!

Дробышев шел в библиотеку и не знал, как будет смотреть в глаза библиотекарше, что ей скажет.

После этого книги он прятал у себя в матрасе, распоров там дыру у изголовья...

Соседи по палате книг совсем не читали, целыми днями резались в карты. В палате, кроме Сергея, лежали еще два человека.

Рядовой Пильчук, родом из Черновицкой области, хмурый, тощий, сутулый, с длинными, как у орангутанга, руками, солдат из ОБАУ. У него была широкая, размашистая походка, желтые от курева пальцы и шепелявая речь. Пильчук прослужил год и теперь считался молодым «дедом». Он целыми днями ходил по палате, говорил всем, что с нетерпением ждет—не дождется своих «шнэксов» и тогда уж он на них оттянется.

— Ох, воны в мэнэ будут вишаться!

Глядя на хмурого, вечно недовольного жизнью Пильчука, нетрудно было догадаться, что сам он «по молодости» был здорово бит «дедами», что он «шуршал, как негр», и теперь собирался свою злобу выместить на новобранцах...

...Дни тянулись однообразно и скучно. Дробышев сильно грустил. На него навалилась невероятная, зеленая тоска. Целыми днями он валялся на койке и, отложив книгу, много думал, вспоминал «гражданку»...

Ольгу... Ее улыбку. Ее тонкие белые руки с длинными пальцами, когда она, сидя с ним рядом, чуть касаясь своим плечом его плеча, учила его игре на фортепиано.

Он вспоминал ее двухэтажный дом; крутую, узкую лестницу наверх, запах старых книг, шкафов, старинное фортепиано черного цвета; круглый стул, на винтовой крутящейся ножке.

А потом упоительные вечера в синем сумраке сада, голубовато-белый лунный свет, падающий сеткой сквозь листву яблонь!

Сергей вдруг задумался. Так где ж его Родина? Липецкая земля, на которой он родился? Или там, где встретил свою любовь — тихий уездный городишко с зелеными улицами, густыми садами, окруженный полями сахарной свеклы и пшеницы?

Или милый сердцу, яркий, шумный, сказочно красивый Львов, где прошли его детство и юность?

Где это все? В другом, далеком мире? Мире, свободном от сапог и казарм, приказов и нарядов... Он отрезан от этого чудного мира унылыми стенами больничной палаты, высоким забором дивизии, где ему торчат и чахнуть еще полтора года.

Жизнь в палате стала веселее с появлением нового человека. Валентин Погорельский прослужил год. Но из этого года в части он находился не более двух месяцев. Он был живой легендой, и слава о нем летела по всей дивизии, обрастая все новыми подробностями и деталями.

Призванный из Львова, Валентин после «карантина» по распределению попал в роту охраны. Когда его во вторую ночь подняли «деды» (в первую «молодых» обычно не трогали, давая время освоиться) и хотели вместе с другими «шнэксами» «построить», Погорельский сделал то, что очень редко происходит в армейских подразделениях: он нагло и грубо наплевал на все сложившиеся неписанные солдатские традиции.

Старослужащий сержант Якушев шел вдоль строя и через одного «пробивал фанеры» новобранцам. Дело происходило так...

— Грудь к осмотру!

— Фанера трехслойная, грудь бронебойная, к осмотру готова! — сухо, по-военному четко отвечал «молодой».

Сержант наносил удар в грудь.

«Молодой», сгибаясь под тяжестью удара, хватал ртом воздух и отвечал:

— Отдачи нет, откат нормальный, гильза упала в ящик!

И сержант шел дальше.

Очередь дошла до Погорельского.

— Грудь к осмотру!

Насмешливо глядя в глаза сержанту, Валентин нагло спросил:
— Слышь, дядя, а не пошел бы ты...?

Десятка два изумленных глаз «молодых» уставились на Погорельского. С коек поднялись заинтересованные «деды». Якушев выкинул кулак вперед, метя в лицо. Уклонившись от вполне ожидаемого удара, Валентин с подшагом вперед сбил сержанта с ног встречным в подбородок. Это был коварный удар. Не давая опомниться, Погорельский носком сапога дважды с силой двинул в колено сержанту.

Погорельский знал, что теперь Якушев ему не страшен. От таких ударов он еще недели полторы будет хромать, ковыляя на ужин позади всей роты. Валентин схватил табуретку, швырнул в одного из «дедов». Произошло секундное замешательство.

Пока остальные «старики» изумленно глядели, как их товарищ с разбитым лбом поднимался с пола, Погорельский времени зря не терял. Он успел выхватить из кармана выкидной нож. Секунда — и уже угрожающе блеснуло остро отточенное лезвие.

Валентин сделал несколько шагов назад, подцепил свободной рукой табурет. Заняв оборону в углу бытовки, с широко расставленными ногами, дерзко глядя на «дедов», заявил:

— Короче, так... Я вам не бык — хрен запряжете. Любого «шнэкса» гноите, но — не меня. Признаю только воровские понятия. А по ним нет ни «дедов», ни «шнэксков». Есть «быки», «лохи», «чмыри»... Еще — «вафлы» и «пидоры... И — нормальные, реальные пацаны. Я — пацан! Кто сомневается — вперед! Проломлю башку или ливер нанижу на шампур... Я все сказал!

Такого отпора от «шнэкса» никто не ожидал.

«Дедушки» потоптались вокруг в нерешительности: в «молодом» было 185 сантиметров роста, а вкупе с чуть ли не метровыми плечами смотрелся он на все сто девяносто. Такой точно, череп раскроит запросто. Нарываться ливером на «шампур» тоже не хотелось...

Положение спас Якушев. С трудом поднявшись на ноги, он, морщась от боли, закричал на сослуживцев:

— Что стоите? Бараны тупорылые! Табуретки! Табуретки хватайте! И разом, по команде в череп ему! В бестолковку! И по ногам!

Валентина окружили полукольцом.

— Огонь!

Двенадцать тяжелых табуреток полетели в Погорельского. Как Валентин ни закрывался, две достали по ногам, третья угодила в локоть. Еще одна выбила из осушенной руки нож.

— Мочи его! — раздался крик.

И «старики» дружно кинулись все на одного. Кого-то Погорельский успел знатно встретить пинком в промежность: нападавший скорчился на полу в позе эмбриона и жалобно подвывал. Еще одного сшиб с ног сильным ударом в челюсть. Остальные свалили бунтовщика на пол и с наслаждением трамбовали сапогами (но не по физиономии: учить следует без видимых следов).

Отступили потные, разгоряченные.

— Это только аванс, — пообещал Якушев. — за мои колени, падла, и разбитую голову Славки ответишь отдельно.

Валентин на полу харкал кровью.

«Деды» оставили его одного, и ушли на «военный совет».

— Пацаны, его зачмырить обязательно надо. Чтоб другим «шнэксам» неповадно было.

Предложения сыпались одно за другим.

Но тут распахнулась дверь, и в туалет вошел Погорельский. С разбитым лицом, расхристанный, в нижнем белье с пятнами крови, он, грубо сдвинув плечом стоявшего на пути сержанта Якушева, горделиво прошел через толпу — остальные «деды» невольно расступились, пропуская его к умывальникам.

Умывшись, Валентин повернулся к «дедам», сказал без особой рисовки, независимо и спокойно.

— Короче, слушайте сюда... Спору нет... Вас больше... Воевать с превосходящими силами я не намерен. Сегодня же в ночь перехожу на диверсии... Вариант первый: в полночь кидаю кому-нибудь из вас на рожу подушку и сажусь сверху сам. Во мне весу — центнер с небольшим. Через пять минут — перехожу к следующему... Очередность — кому за кем — разыграю в карты. Шестерка червовая — один, бубновая — другой... Как масть ляжет... Утром проснетесь, а кто-то уже на небесах... И попробуй, докажи! Ну а если кто из вас утречком, по холодку, побежит ротному докладывать... Что ж... значит: это — чмырь голимый, он моего дерьма не стоит! Не верите, что могу? А вы проверьте! За мной, на «гражданке», уже мокруха числится, только хрен кто до этого докопается. И ничего живу, и жмурик по ночам не снится. А теперь заранее хочу предупредить. У вас сейчас разные мысли в голову могут ползть, например, опустить меня. Смотрите, прежде чем вздернуться, я с собой на тот свет всех своих обидчиков захвачу. Ночью ножом спящим глотки вскрою, писюны отрежу и во рты вам запихну.

Я очень жестокий человек. Вы не представляете, до какой степени я жестокий. И еще... кто из вас выживет, с него на зоне обязательно спросится. Развальцуют в полный рост.

Резьбу накрутят. Здесь в роте мой кореш есть. Он на гражданку моей братве весь расклад пропишет. Сюда на таких крутых тачилах подъедут, какие вам и не снились. Мой двоюродный брательник — криминальный авторитет. Погоняло Михась. Может, кто слышал? Он сейчас смотрящий во Львове. Его с месяца на месяц должны короновать. Так что, пацаны, подумайте...

Выждав несколько секунд, Погорельский шагнул вперед. «Старики» молча расступились. В нем невольно признали лидера.

— Ну что скажете? — обводя всех взглядом, спросил Кустов.

«Деды» молчали.

— Пацаны, этот «шнэкс» не простой. Какие будут предложения?

«Старики», посоветовавшись, приказали дневальному позвать Погорельского.

Валентин вошел. От лица «дедов» заговорил Кустов.

— Мы тут потолковали и решили тебя приподнять. Мы тебя досрочно переводим в «черепа».

— Я ваших голимых понятий не признаю.

— Так принято. Надо подчиниться...

— Как будет осуществляться перевод в «черепа»?

— Тебе нанесут двенадцать ударов пряжкой по заднице, будто ты отслужил двенадцать месяцев.

— А если я не соглашусь?

— Надо согласиться. Таковы традиции.

— Ладно, хрен с вами. Лупите.

...Валентина досрочно перевели в «черепа», минуя стадию «гуся».

Погорельский был теперь на особом положении. Он сидел за стол только с «дедами», с ними пил, ходил в самоходы и увольнения. Ему разрешалось «строить» свой собственный призыв.

Так минуло месяцев пять. Погорельский получил с «гражданки» письмо. А на другой вечер он самовольно оставил войсковую часть.

Предполагали, будто он получил письмо от девушки и уехал во Львов «разбираться». Впрочем, это были только слухи. Его искали всей ротой три дня.

Потом командир взвода поехал к нему домой, во Львов. Но, разумеется, там он подчиненного не нашел.

Семь месяцев Погорельский скитался по Украине.

Недели две назад его задержала милиция и сдала во Львовскую гарнизонную комендатуру. Уже оттуда под конвоем Погорельского привезли в Говерловск.

В части своей гауптвахты не было, а городская была переполнена злостными нарушителями воинской дисциплины со всего Говерловска.

Валентина привезли глухой ночью, конвой сдал беглеца под роспись дежурному по части. На ночь Погорельского оставили в роте, закрыв в кладовке, где старшина РО хранил инвентарь для уборки территории — метлы, лопаты. Утром дезертира должна была забрать военная прокуратура. Но ночью узник штыковой лопатой выломал фанеру, вставленную в оконную раму вместо стекла, забрался на подоконник...

Отсюда до земли было около семи метров. Погорельский знал, что высота десять метров — критическая, выше — как правило, верная смерть. Если свеситься на руках, то высота сократится до пяти с хвостиком метров. Разжав пальцы, грузный солдат полетел на асфальт, но подняться уже не смог. Сломал ногу...

Своими стонами он привлек внимание старика-котельщика, выходявшего на улицу за водкой. Тот, в свою очередь, сбегал к дежурному по части. Командир РМО капитан Иголка, — в ту ночь дежурил он, — отправил неудачника в санчасть.

За лихой характер Погорельского прозвали — Зона.

Арбузов сразу сказал:

— Это будет лагерный житель.

Зона передвигался по санчасти на костылях. Высокий ростом, бритый наголо, лицом своим он походил на типичного уголовника. Необычайно веселый, острый на язык, он довольно быстро соблазнил одну из медсестер.

...Жизнь в палате проходила размеренно и спокойно, пока сюда не попали два «шнэкса». Они вошли в палату неуверенно и боязливо. Зона сразу понял, что они «молодые», и позвал их к себе. Он лежал на койке, заложив руки за голову. У тумбочки стояли его костыли.

— Ну, голуби вы мои... сизокрылые... рассказывайте... откуда родом, как зовут и так далее...

После прихода «шнэксов» жизнь в палате стала веселой.

Зона заставлял «молодых» танцевать друг с другом, делать приседания, держа на вытянутых руках табуретку, бегать в столовую за хлебом и чаем, «сушить крокодила» («шнэкс» забирался на кровать, упираясь ногами в дужку кровати, руками держась за другую, висел в воздухе минуту, пока хватало сил.)

Пильчуку воображения на проделки никогда не хватало. Он, как обезьяна, повторял все то, что требовал от «шнэксов»

Зона, зато бил Пильчук «молодых» по малейшему поводу. Бил он всегда кулаком по груди, но не прямым ударом, а рубящим, от себя.

В санчасть прибыло еще два «шнэкса», больные чесоткой. Их положили в отдельную палату. «Деды» их не трогали, опасаясь заразиться.

Прибыл еще один молодой «дед» из роты охраны — Борис Хомутинников. Сослуживец Зоны по роте охраны. Он был призван из Донецкой области.

Однажды вечером «деды» захотели выпить. Они предложили Дробышеву и Николаеву. Скинулись деньгами на две бутылки водки.

— Бахмача с Тормозом посылать бессмысленно, — сказал Зона. — Они не знают, где баба Аня живет. «Деды», понятное дело, за водкой не пойдут. Так что, господа «черепа», решайте, кто из вас гонцом пойдет?

— Давайте я схожу, — предложил Дробышев. — Только пусть Бахмач со мной идет. Он должен знать точку. На будущее пригодится.

— Что ж, давайте, — согласился Зона.

...Гонцы вернулись с водкой, и после отбоя палата бухала. «Шнэксам» водки не давали.

— Вам по сроку службы не положено, — говорил Зона, разливая водку по кружкам.

А потом, когда водка закончилась, Хомут с Пильчуком жестоко избивали «молодых». Злоба их была бессмысленна. Зона «молодых» не трогал. Он лежал на кровати, равнодушно глядя на то, как Хомут и Пильчук били «шнэкс-сов».

Среднего телосложения, смуглый, с вытянутым подбородком, Хомут наносил удары в грудь кулаком зажатому в углу Степке Тормозу. Хомут с самого начала его невзлюбил. Цеплялся к нему по малейшему поводу.

Степка ходил по санчасти затравленно. На груди у него были крупные синяки.

Он боялся войти в палату и порой вечерами прятался на лестнице, у чердака.

Как-то днем, когда «шнэкссы» ушли на процедуры, Зона, подозревая к себе Хомута, тихо сказал:

— Борян, совет тебе дам. Чисто по-дружески. Поменьше цепляйся к Тормозу. Не нравится он мне. Либо он шакалам на тебя стуканет, либо, не дай бог, на простыне вздернется.

— Не вздернется. Он у меня все время на виду.

— Ладно, я тебя предупредил. А ты уж думай... У тебя своя башка на плечах.

В тот же день Зону увезли под конвоем. Без него жизнь в палате стала скучнее. Хомут, вняв его совету, перестал бить Степку. Зато всю свою злобу перенес на «шнэкса» Басмача.

Однако через два дня в санчасти произошел случай, после которого Басмача зауважали.

Дело было так...

После отбоя его послали за водкой. Санчасть была закрыта. Ключи находились у медсестры.

В этот день выпало дежурство Веры Петровны. Сидя у себя в комнатушке, она читала любовный роман. Дверь ее была приоткрыта, и сумрак коридора рассекала полоса света.

Басмачу пришлось спускаться со второго этажа на связанных между собой простынях. Спустился он нормально. Сбегал к тете Ане. Без приключений вернулся к санчасти, подошел к окнам палаты. Ему скинули конец «лестницы», Басмач привязал к ней бутылку. Бутылку затащили наверх, а потом скинули конец простыни. Дробышев, Бутка и Хомут держали простынь. Басмач поднимался. Он почти уже залез наверх, но тут один из узлов развязался...

И Басмач упал на снег.

— Ну, шо там? — свесившись с подоконника, спросил его Хомут.

Басмач поднялся. Лицо его было перекошено от боли.

— Кажись, руку сломал, — сказал он, задрав голову.

Надо было что-то делать. Басмача каким-то образом надо было затаскивать в санчасть. Дело было подсудное...

Все, кроме Степки Тормоза, спустились на первый этаж, в мужской туалет.

Благо к тому времени Вера Петровна, закрыв дверь и потушив настольную лампу, легла отдыхать.

Окна в туалете были наглухо забиты гвоздями.

— Нужна газета, — сказал Хомут.

Бутка сбегал наверх за газетой. Хомут, смочив ее под крапом, наклеил на стекло. Выбил кулаком. Звука почти не было слышно. Так же выбили два других стекла.

Дробышев с Хомутом спустились на землю. Подняли Басмача. Пильчук с Буткой втащили его в туалет. Всей толпой осмотрели руку. Она опухла. Подозрения на перелом утвердились. Тихо вернулись в палату. Стали вести совет: как быть? Свой вариант предложил Басмач.

— Пацаны, а давайте я сейчас выйду из палаты под предлогом в туалет захотел. На лестнице я, типа, поскользнусь и упаду. Закричу. А на мои крики прибежит Петровна.

— А вдруг не выгорит? — усомнился в предложенном плане Хомут.

— А шо в цэй ситуации ше можем зробыты?

— Басмач дело говорит, надо попробовать, — поддержал Дробышев.

План Басмача удался. Он грохнулся с лестницы на площадке между первым и вторым этажами. Заматерился. К нему на крики снизу прибежала Вера Петровна. Из палаты повыскакивали ребята. Все разыграли искреннее удивление и сострадание к пострадавшему. Пильчук с Хомутом помогли спустить Басмача на первый этаж, в процедурную. А медсестра, осмотрев руку, убедилась, что здесь самый что ни на есть закрытый перелом, велела Дробышеву сбежать за водителем «скорой».

Дробышев, наспех одевшись, сгонял к своей казарме, забежал к дежурному по части, объяснил ситуацию. Басмача увезли в травматологию.

Утром его в гипсе привезли назад.

...После этого Басмача «деды» не трогали. Они общались с ним на равных, звали его к столу, когда пили.

Степка Тормоз, не в силах выдержать издевательств, досрочно выписался из санчасти и ушел обратно в «карантин». На днях у них должна быть присяга.

Перед армией, за два месяца до призыва, Сергей, отпросившись у родителей, съездил в Петербург. Неделью прожил у Ольги. Она снимала комнату в коммуналке на Петроградской стороне, недалеко от зоопарка. От «Гостинки» до Петроградки они часто добирались пешком, прогуливаясь по шумному, многолюдному Невскому. Ярче всего, конечно, в память врезалась последняя прогулка.

Была середина марта. Моросили дожди. Чернела мокрая брусчатка Дворцовой площади. Александрийский столп уныло смотрел на Зимний.

Держа Сергея под руку, Ольга шла неторопливо и делилась новостями из университетской жизни. Сергей был задумчив и немного хмур. Его беспокоило будущее. Их отношения.

Лед на Неве почти кругом сошел, оставаясь только у гранитных стен набережной и опор мостов.

— Ну, чего, чего ты такой грустный? — спрашивала Ольга, теребя Сергея за руку.

— Не знаю. Так как-то все... Уезжать от тебя не хочется. А надо...

— Ну, я ж пока рядом...

— Но это скоро кончится. А потом, как представлю, что я уйду в армию, что два года не буду видеть тебя, меня кидает в дрожь! Ведь ты не дождешься меня.

— С чего решил?

— Так всегда бывает. — К горлу Сергея подступил сухой, колючий комок.

— Ну не расстраивайся ты так. — Ольга крепче сжала его руку.

На Стрелке Васильевского острова Сергей спустился с Ольгой к воде. Обнял ее и крепко-крепко поцеловал.

В стене Стрелки торчали каменные львиные морды. Львы держали в зубах большие железные кольца. Сергей подошел, взялся за одно из колец, торжественно объявил:

— Это будет наше с тобой место. Если ты меня дождешься, мы обязательно с тобой придем сюда. И сфотографируемся здесь. И еще, Оля. Если и будем гулять свадьбу, то давай это сделаем в Петербурге? Ты не против?

— Серезка, да как я могу быть против? Я только за.

Дробышеву очень понравилось лежать в санчасти, и он с удовольствием провел бы здесь еще пару дней, но как-то вечером к нему пришли неожиданные гости — Куриленко и Арбузов.

— Слышь, Дробь, погонял лафу, и хорош! — сказал Рыжий. — Завтра я тебя наблюдаю в казарме. Меня из-за тебя на дембель не пускают. Ты меня понял?

Делать нечего. Дробышев выписался. Куриленко в тот же день отпустили домой. Навсегда. Это был последний «дед» Дробышева.

...Найда со Штырбой постепенно входили в роль сержантов. Они то и дело покрикивали на солдат, особенно стараясь выслужиться перед старшиной или ротным. За это их за глаза называли «рвачами». Штырба и Найда об этом знали, но их эта роль вполне устраивала.

Вдовцова поставили на должность командира отделения ГСМ, но звания младшего сержанта пока не присваивали. Иван же по этому поводу был абсолютно спокоен. Конечно же, ему было приятно получать сержантскую зарплату. «Присвоят, так присвоят, — думал он. — Я никуда не спешу».

Вербин же ходил красным от зависти. Он думал, что после увольнения Ржавина на должность командира отделения ГСМ поставят именно его, Вербина, но капитан Лукьянов, посоветовавшись с прапорщиками, ходатайствовал перед командиром РМО о назначении Вдовцова. Лукьянов совершенно не подозревал о том, что сильно обидел Вербина. Ведь этим летом Вербин добросовестно вкалывал у него на даче, строя гараж. Вербин до армии окончил строительный техникум; не отрываясь от учебы, успел поработать на «шабаш-

---

ках» в Кировоградской области. Он умел класть кирпичную кладку, штукатурить под «шубу» и под «маяки», врезать стекла в оконные блоки, а также многое другое. «Какого фига я пахал на тебя!» — со злобой думал он о Лукьянове. Вербин пытался скрыть свое чувство от роты, но сослуживцы быстро заметили, что происходит у него на душе.

Арбузов тут же начал его поддевать.

— Шо, Бебик, зря пупок рвал. Перед Злободяном и Лукьяном. Один хрен Ванька командиром поставили. Вот так, братан, часто в жизни бывает. Кто не работает, тот ест.

— Почему? Ванек работает, — вмешался за товарища Дробышев.

— Ну, это я так... для красного словца, — широко улыбался Арбузов. — Пацаны, а давайте походатайствуем перед Тараканом всей ротой, чтоб Бэбику повесили на погоны по «сопле». Старший солдат Вербин, разрешите обратиться! Рядовой Арбузов по вашему приказанию прибыл!

Лицо Вербина покрылось багровым оттенком. Он душился от злобы. Ему хотелось врезать зубоскалу по морде, но Вербин не решался.

Однажды вечером РМО, как обычно, занималось своими делами. Солдаты готовились к завтрашнему дню.

Дробышев был сегодня дневальным; он только что закончил с уборкой лестницы, зашел в кубрик передохнуть.

— Серега, ну-ка, пляши! — весело сказал подошедший Вдовцов, пряча руку за спиной.

— Что, письмо?

— Письмо, брат! От нее. Держи.

Сергей принял письмо, сразу же узнав родной почерк на конверте. Отошел в сторону. Волнуясь, распечатал.

«Здравствуй, Сережа!

Извини, что так долго молчала. Я не знала, писать ли тебе или нет. И все же решила, что нужно сказать всю правду.

Сережа, я вынуждена тебя огорчить: это будет мое последнее письмо к тебе. Я нашла молодого человека. Мы полюбили друг друга, и я выхожу за него замуж. Ты очень хороший, добрый парень. Я убеждена, что ты найдешь еще себе девушку. Поэтому постарайся не делать глупостей. Я знаю, что тебе сейчас тяжело. Ты в армии. Но помни о том, что я не единственная девушка на этом свете. Есть гораздо лучше меня. Боюсь, я не смогу дать тебе того счастья, которого ты заслуживаешь.

Ты очень хороший человек. Я знаю, у тебя все получится. Все то, что ты задумал, у тебя обязательно выйдет.

Извини еще раз.

Прощай! Только не пытайся мне писать или звонить».

Во время чтения письма руки солдата задрожали; лицо дернулось, помрачнело. Сергей в третий раз перечитывал письмо и чувствовал, как у него плывет пол под ногами.

В сознание его вернули едкие слова Бардовского:

— Смотри, Витек! Дробь от шмары телегу получил. По ходу, она пишет, что отдалась другому, и теперь он остается с носом.

Бардо, широко раскинув ноги, лениво полулежал на койке, подложив под спину подушку, насмешливо наблюдал за реакцией Дробышева. На соседней койке сидел Арбузов.

— Что ты сказал? — с вызовом спросил Сергей, глядя в ненавистное лицо.

— А ты что в уши долбишься? — гадко улыбаясь, бросил Бардовский.

Услышав это, кинулся к Бардо. Повод для драки был найден. Или сейчас или никогда!

Опираясь руками о койки второго яруса, Сергей в прыжке ударил Бардовского в грудь сапогами. Зарядил кулаками «двойку» в лицо. Рывком за воротник выволок на середину кубрика.

Пух с Найдой, подхватив табуретку, моментально освободили им место.

— Бэбик, на фишку! — вскочив с койки, крикнул Арбузов.

Бросив китель с иголкой, Вербин метнулся к двери и занял «свое» место. Все, как куры с насеста, послетали со своих мест и, встав в проходах между коек, с любопытством наблюдали за развитием событий: всем было интересно, кто же победит

...Дробышев принялся гвоздить Бардовского. По голове, по шее, по спине! Но вскоре выдохся. Когда он, обессиленный, уже вяло наносил удар за ударом, Бардо вырвался. Свалив при помощи подножки Дробышева на пол, теперь он, Бардовский, яростно бил Сергея сапогом в живот и кулаками по голове. Сергей закрывался, и удары попадали ему на кисти рук и запястья.

— Шухер! — крикнул Вербин, увидев дежурного по батальону.

— Все, хватит! — крикнул Пух и, подойдя к Бардовскому, за воротник рывком оттащил его от Дробышева.

В кубрик зашел лейтенант Завражных. На рукаве у него адела повязка с белыми буквами «Дежурный».

— Что случилось? — спросил он.

— Да вот пацаны рамснули немного, — выдвинулся вперед Арбузов, загораящая солдат.

— Ну-ка, дай гляну, — сказал Завражных, наклонившись над Дробышевым. — Так, глаз заплывает. Синяк будет. Следов драки, по ходу, скрыть не удастся.

Дробышев был весь в мыле. Афганка расстегнута, от нее отскочили три пуговицы. Колени и бока измазаны.

Бардо тоже был не лучше. У него вспухла и покраснела губа, из нее сочилась кровь. На щеках горели малиновые пятна от ударов. Болел лоб. Но глаза были целы. По вискам и грязной шее струился пот.

— Так, пацаны, надеюсь, теперь вы свои отношения окончательно выяснили, — скорее с утверждением, чем с вопросом, сказал Завражных. — Ты крут, Бардо. Ты тоже крут, Дробь! Вы — обалденные бойцы. А теперь пожмите друг другу руки и бегом в умывальник, пока Белобородова тут нет. Привести себя в порядок, прийти ко мне и доложить. Выполнийте! — Завражных хотел укрыть этот факт от вышестоящего командования, опасаясь выговора за то, что не доглядел.

Дробышев не стал жать Бардо руку. Он, молча и угрюмо, вслед за ним, плечом вперед, вышел из кубрика. Но, как назло, в этот момент в коридоре показался майор Белобородов, и драчуны сразу же попали в его поле зрения.

— Это еще что такое? — воскликнул он. — Ну-ка, оба сюда!

Драчуны невесело приблизились к начальнику штаба БАТО.

— Бардовский, опять ты? Дробышев, как тебе не стыдно? У тебя отец подполковник!

— Майор, — недовольно поправил Дробышев.

— Ну, майор. Какая разница? Старший офицер. А ты его так позоришь. Бегом в умывальник, а потом ко мне. Напишите объяснительные.

...Дробышев с Бардовским умылись, расчесались, привели себя в порядок. Однако на их лицах остались следы драки: у Дробышева заплыл глаз и появился добротный чернослив синяка, а у Бардовского уродливо распухла верхняя губа, а на виске осталась ссадина.

Они пришли в канцелярию, где сидел майор Белобородов. Он дал им бумагу. Лейтенант Завражных сидел здесь же в кресле, смотрел телевизор.

Дробышев в своей объяснительной написал, что младший сержант Бардовский послал его на «три известные буквы». Бардовский, в свою очередь, написал, что рядовой Дробышев оскорбил его, назвав «шнэксом» и «лохом».

Читая объяснительные, Белобородов приказал:

— Завражных, бери этих двух горе-вояк, веди в санчасть. Пускай их там осматрят: нет ли сотрясения или еще там чего-нибудь. Смотри, чтоб они дорогой опять не подрались. Отвечашь головой. Потом тоже напишешь мне объяснительную.

В казарме Дробышева позвали курить солдаты из 1-я транспортная рота.

— Молодец, Серега, — хвалил его Сидор в курилке. — Бардо давно треба було хавло набыты. Вин зовсим вже зухвалый став...

Сидор только что вернулся с аэродрома. От него воняло керосином. Шинель его была старой, рыжевато-коричневой. На коленках штанов красовались жирные пятна от машинного масла. Лицо Сидора было грязным и потным. Он сел рядом с Дробышевым на подоконник, прикурил.

— Серега, держи пять, ты молодец, — сказал Вдовцов, пожав другу руку. — Теперь он тебя не тронет.

Пришел из батальона связи земляк.

— Здорово, брат. Наслышан, наслышан о твоих подвигах. Молоток, дай пять!

Моральная поддержка друзей приподняла Дробышеву настроение. Он улыбнулся. Он сейчас почувствовал, как много значит простое, от сердца сказанное теплое слово.

В это же время в бытовке происходил другой разговор. Арбузов, попыхивая сигареткой, важно прохаживаясь по скрипящему паркету, говорил приятелю:

— Мало ты ему накостылял, Бардо. Хотя, вроде, так неплохо получилось. Я хотел добавить ему, но Завражных приперся.

Стиф заметил:

— Ничего... Повод подвернется, добавим.

Буреломов лениво заметил:

— Пацаны, что вы, в натуре? Ну, подрались. Ну, помяли друг другу пятаки. Чего ж из этого трагедию делать?

— Никто трагедии не делает, — огрызнулся Стиф. — Просто никто не должен нашу колду трогать. Тронет, пусть вешается! Только так мы можем поставить на колени все БАТО.

— Лично я никого на колени ставить не собираюсь, — возразил Буреломов. — Мне на всех глубоко наплевать!

— Да у тебя по жизни принцип: моя хата с краю.

— Да, у меня такой принцип. А что... ты что-то имеешь?

— Да я ничего не имею.

— Ну, тогда закрой хлеборезку!

— Ладно вам, пацаны, — примирительно сказал Арбузов. — Не хватало нам еще между собой кусаться.

— Никто не кусается, — уточнил Буреломов. — Просто Стиф тупит. Чего он за Бардо впрягается? Бардо, я думаю,

---

сам в состоянии свои проблемы решить. Да и вообще. Чего вы к Дроби домахались? Он же доказал сегодня, что не лох. Если кто-то сомневается, идите и вызовите его еще на раз. В чем проблема?

Буреломову никто не возразил.

В выходной день подполковник Самовалов был разбужен ранним звонком. Телефон звонил отчаянно, нервно. В планы командира не входило сегодня просыпаться рано. Вчера он до глубокой ночи засиделся в ресторане с другом юности, сослуживцем по военному училищу, который, находясь в отпуске, заехал к нему повидаться на день.

От вчерашнего алкоголя у Самовалова раскалывалась голова.

— Да, слушаю, — тяжело сказал он, подняв трубку.

Ответственный по дивизии сообщил, что вчера в БАТО произошло ЧП — драка между двумя солдатами. Ответственный говорил, что пытался дозвониться Самовалову еще вчера вечером, но не получилось.

— Генерал знает? — сердито спросил Самовалов, имея в виду командира дивизии.

— Пока еще нет. Но я ему сейчас собираюсь доложить.

— А никак нельзя это дело замять?

— Не получится. Солдаты вчера обращались за медпомощью в санчасть. Наверняка их визит отражен в документах. Да и сам знаешь. У нас доброжелателей хватает. Если не я доложу, так другой...

Самовалов выпил таблетку и, приняв прохладный душ, почувствовал себя гораздо бодрее. Гладко выбрил подбородок и щеки, расчесал короткие, чуть тронутые сединой, темно-русые волосы и, поглядев в большое овальное зеркало, остался доволен своим видом.

Когда за ним заехал Пух, Самовалов уже успел выпить чашку горячего кофе с молоком, слегка перекусить и был уже одет. Командир попытался выведать у личного водителя, что именно вчера произошло в батальоне, но Пух молчал, как партизан.

— Петр Петрович, я ничего не знаю. Вы ж знаете, я приехал вчера поздно. Я — не в курсе. Узнайте у Белобородова.

— Не ври! Ты не можешь не знать.

— Товарищ подполковник, я повторяю вам: я ничего не знаю. Я стараюсь во внутренние дела не вникать.

— А надо вникать! — рявкнул офицер.

— Зачем? Вы — командир, вы и вникайте, а мое дело маленькое — крутить баранку.

— Ты как со мной разговариваешь?

— Виноват, товарищ полковник! Но при всем к вам уважении, стучать не буду. Я повторяю, даже если я что-то знаю, я вам ничего не скажу.

Самовалов, поняв, что от водителя он ничего не добьется, сурово поджал сухие, тонкие губы, нахмурил брови.

...Пока они с Пухом через весь город добирались до части, дорогой Самовалов уже заранее принял для себя решение: поскольку о ЧП стало известно в штабе дивизии и неприятного пятна, покрывшего его подразделения, не утаить от генерала, необходимо будет применить к злостному нарушителю дисциплины самые суровые меры... Устроить показательный уголовный процесс и непременно отправить преступника в дисциплинарный батальон для устрашения остальных солдат части.

Однако, когда он, в длинной, голубовато-серой шинели, с тающими снежинками на воротнике грозно вошел в казарму батальона связи, поднялся по лестнице и, выслушав от дежурного по части доклад, из объяснительных, взятых Белобородовым, узнал все подробности о том, что подрались солдаты одного призыва — оба «молодые», Самовалов изменил свое решение.

Он торопливо поднялся в БАТО. Дневальный, стоявший на «тумбочке», во всю глотку проорал: «Смирно!» Находившиеся в коридоре солдаты, моментально повернулись лицом ко входу и вытянулись в струнку.

— Вольно! Ну-ка, где ответственный по батальону?

— Товарищ подполковник, ответственный по батальону — старший прапорщик Лымарь.

— Что, не углядел?

— Виноват, товарищ подполковник!

— Белобородов на месте?

— Обещался к десяти быть.

— Как придет, сразу ко мне.

Самовалов зашел в кубрик РМО. Сделал замечание Арбузову по поводу верхней расстегнутой пуговицы.

— А где ваш драчун?

— Вин с Бардовским у штаби части, пан пидполковник, у майора Рунича, — почтительно вытянувшись, торопливо ответил младший сержант Штырба, — пышутъ пояснючи записки.

Самовалов, глядя на угодливое лицо Штырбы, вспомнил, что этот младший сержант перед приездом командующего подходил к нему насчет отпуска.

— Фамилия? — сурово спросил он.

— Дробышев.

— Нет, твоя фамилия?

— Штырба. Молодший сержант Штырба.

— Ты кто по должности?

— Заступник командыра взвода.

— Хорошо, сержант, занимайтесь по плану.

Самовалов вышел. Он прошелся по всем кубрикам. Уходя из батальона, подозвал к себе Пупса, приказал:

— Из РМО сержанта Штырбу... пришли ко мне... — И, понизив голос, добавил: — Только сделай это тихо, чтоб никто не видел.

Пупс понятливо кивнул головой.

Через полчаса Самовалов полностью знал обо всем конфликте, давно назревавшем между рядовыми Бардовским и Дробышевым и вчера так громко разрешившимся. Командиру, пообещавшему сержанту отпуск, не составило труда выудить всю информацию.

Самовалов решил в ближайшее время провести профилактические беседы с солдатами. Он поставил перед собой цель: в каждом подразделении части завести двух-трех информаторов, которые будут его «глазами и ушами».

— Почему я не сделал этого раньше? — рассуждал он вслух. — Для того чтобы победить «дедовщину», нужно именно знать раздражителей этой болезни. Мне нужно знать, чем дышит в части каждый солдат.

...Самовалов только недавно, менее полугодом назад, был назначен в эту часть командиром и, в связи с новой должностью, получил очередное воинское звание «подполковник». Прежнего командира части, разжаловав до майора, отправили с понижением в глухой провинциальный городок Хмельницкой области...

До того, как Самовалов был назначен сюда, в БАТО случилось убийство... Старослужащие, издеваясь над «молодыми», пытались под музыку заставить двух «шнэков» танцевать друг с другом. Один из них сломался и изъявил готовность. Второй наотрез отказался. «Деды» были пьяные. Один из них, по прозвищу Лимон, подозвал к себе «оборзевшего «шнэкса» и всего два раза ударил его в грудь. У «молодого» пошла изо рта кровавая пена. К несчастью, солдат умер через полчаса в приемной санчасти.

Оказалось, что военком, несмотря на выявленный медкомиссией порок сердца, отправил больного, не подлежащего призыву молодого человека, служить, поскольку «сверху» поступила команда — призвать в армию определенное число новобранцев.

Лимона, ударившего больного солдата, а так же двух других «дедов» судили в части показательным военным трибуналом, собрав весь личный рядовой и младший командный

состав войсковой части. Лимону влупили восемь лет колонии строгого режима, а двум другим, которые не принимали участия в нанесении телесных повреждений, а только угрозами заставляли «молодых» унижаться, дали по два года дисциплинарного батальона.

Судебный процесс, по приказу подполковника Самовалова (он к тому времени уже вступил в должность), отсняли на видеокамеру. И эту видеокассету регулярно раз в три месяца крутили в светлице, собирая все подразделения.

За эти полгода Самовалов успел неплохо сжиться с коллективом и существенно улучшить дисциплину и боеготовность части. Вчерашнее ЧП бросало на него неприятное пятно в глазах командира дивизии. С одной стороны он думал сейчас о том, что ему следует предпринять в отношении нарушителей, с другой — был занят мыслями о том, что следует ему делать дальше, чтобы впредь не допустить подобных ЧП.

Первым делом он решил — с разрешения командира дивизии — ввести в части на две недели казарменное положение, чтобы в каждом подразделении на ночь оставался кто-то из офицеров или прапорщиков. «Пускай, понюхают солдатских портянок! Совсем распустились, лоботрясы!»

Связавшись с дежурным по части, Самовалов вызвал к себе «на ковер» начальника штаба БАТО майора Белобородова, командира РМО капитана Иголку и командира 2-й транспортной роты капитана Ноздреватых. Употребляя крепкие выражения, устроил им разнос и пообещал, что завтра же, на утреннем разводе части, объявит им, всем троим, строгий выговор с занесением в личное дело.

— Свободны! — сурово бросил он, закончив.

Офицеры молча ретировались.

От лица Самовалова медленно отходила кровь. Налив себе из графина стакан воды, командир поднялся, сделав несколько глотков, подошел к окну. На улице, перед его окнами, солдаты роты охраны, подгоняемые сержантами, чистили выпавший за ночь снег. Снег, покрывший лапы елей, верхушку забора, газоны и клумбы, голубовато и ярко искрился на солнце.

Ход мыслей подполковника был прерван звонком командира дивизии. Генерал требовал его к себе. Самовалов, надев шинель, шапку, закрыл кабинет, на ходу застегивая блестящие пуговицы с изображением трезубцев, пошел по коридору...

Генерал, выслушав его объяснения, приказал немедленно собрать ему в клубе весь солдатский состав «Базы». Генерал решил лично устроить «разнос».

...Перед обедом солдат собрали в клубе.

БАТО, РМО, рота охраны и батальон связи расселись по рядам, на деревянных стульях. Выждав, пока солдаты расселись, прекратился скрип стульев, и в зале наступила тишина, командир дивизии сердито сказал:

— Ну, где наши красавцы? Выходите!

Драчуны подавленные, растерянные, вышли на всеобщее обозрение. Стояли, понуро опустив головы, рассеянно слушали речь разгневанного комдива... Тот, энергично размахивая рукой, рубил ладонью воздух, говорил про плохую дисциплину, про неуставные отношения между солдатами, про низкую боеготовность в дивизии, еще про всякие недостатки... Оживились лишь тогда, когда он, повернувшись к ним лицом, красный, с хмуро сдвинутыми седыми бровями, оперев полноватые руки на стол, строго спросил:

— А вы что молчите? Что вы молчите?

— Товарищ генерал, мы больше не будем? — не поднимая головы, тихо выдал Бардовский.

— Мы больше не будем, товарищ генерал-майор! — так же тихо и мрачно буркнул Дробышев.

— Вы не будете? Вы не будете? Так я вам и поверил! Я думаю, мне следует поступить по-другому... Чтоб другим неповадно было впредь... выяснять отношения между собой таким вот, неуставным образом... Вас, я думаю... — здесь он сделал паузу. (В зале — напряженная гробовая тишина.) И резко, фальцетом добавил: — Надо будет посадить! В дисбат! На два года!

Дробышев обмер. Холодная дрожь пробежала по телу. «Только не дисбат... — с ужасом подумал он. — Это ж вешалка! Лучше в зону! На три года, за дезертирство, чем дизель!.. Во, блин, влип... Какие дебильные законы в этой армии! Ты подрался с кем-нибудь, а тебя за это на два года!»

Минут через десять комдив всех отпустил. Разнос закончился.

Солдаты вернулись в казармы.

Дробышев остался на улице, пошел в курилку. Тяжело опустился на скамейку. Он был подавлен и опустошен. Ему хотелось сейчас побыть в одиночестве.

«Посадят. Как пить дать, посадят», — обреченно думал он, глядя на падавший снег. Но больше всего Сергея обжигала мысль о том, что, если его посадят, он уже точно потеряет Ольгу. Сергею не хотелось верить ее письму о том, что у нее есть жених. Даже если есть, не факт, что она пойдет за него.

«Она со скуки закрутила. Я ее понимаю. Два года — срок огромный. Олька, только не выходи за него. Дождись меня! Слышишь. Дождись! Дай мне шанс! Дай мне шанс!»

Подошел Вдовцов, присел рядом, разминая сигарету, сказал:

— Ладно тебе, Серег, забей! Все будет нормально. Я уверен.

— Я дисбата боюсь.

— Какой дисбат? Забей! Все это чушь на постном масле. Комдив просто так вас попугал. Это говорилось для других. Чтоб впечатление зловещее создать. Не принимай близко к сердцу. Подними правую руку.

— Зачем?

— Ну, подними.

— Ну, поднял.

— А теперь опусти ее и скажи: «Плевать!»

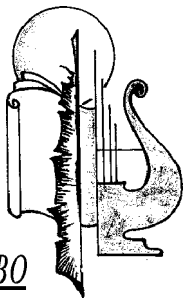
— Да иди ты...

— Ладно, братан, — обнимая друга за плечо, говорил Вдовцов. — Все будет нормально. Вот увидишь.

ПОЭТ С ДУШОЙ ГЕРОЯ

Алексея Степановича Хомякова называли стойком. Для русских поэтов XVIII—XIX веков понятие «стойк» означало многое; стойком оказывается Петр Великий в поэме М.В. Ломоносова, «стойком» напрямую называют своего любимого героя А.В. Суворова Г.Р. Державин и А. С. Шишков. А.Ф. Лосев пишет: «Важно отметить, что стойки тоже были поклонниками и почитателями древнего героизма. Но в то время как мифологические Геракл и Ахилл были героями по самой своей природе, так что героизм был для них всего только естественным проявлением из природы, в то же самое время стойки вовсе не считали человека героем по природе, а этот героизм нужно было еще воспитать, и достигнуть его можно было только в результате невероятных субъективных усилий». Стойки считали творчество средством для воспитания в себе героического начала. Эта философия аукнется в поэзии Хомякова, когда поэт, по существу, предъявит строгую воспитательную систему для исправления нравов в России.

Характерные черты русского героя, в которых воплотились важные для нашего исследования народные представления об идеале, набросал И.А. Ильин в исследовании «О

русской идее»: «О доброте, ласковости и гостеприимстве, а также и о свободолюбии русских свидетельствуют единогласно древние источники, и византийские, и арабские. Русская народная сказка вся проникнута певучим добродушием. Русская песня есть прямое излияние сердечного чувства во всех его видоизменениях. Русский танец есть импровизация, проистекающая от переполненного чувства. Первые исторические русские князья суть герои сердца и совести (Владимир, Ярослав, Мономах). Первый русский святой (Феодосий) есть явление сущей доброты. Духом сердечного и совестного созерцания проникнуты русские летописи и наставительные сочинения. Этот дух живет в русской поэзии и литературе, в русской живописи и в русской музыке». Следует отметить, что в этих тезисах И.А. Ильин вполне охарактеризовал одно крыло российской героики, российского представления об идеале. Есть и другая традиция, неразрывно связанная с первой, — традиция, в которой первостепенное значение имеют такие черты, как трудолюбие, толерантность, аккуратность, дисциплинированность.

Фундамент хомяковской героики — это русский фольклор, и в первую голову — киевский былинный цикл. Центральный образ русского героического эпоса — Илья Муромец — связан взаимно направленными линиями со Святым Илией Муромским, с его образом в житийной литературе. Кстати, в народном эпосе мотив святости Ильи Муромца связан с ходячим сюжетом «гибели богов», который мы встречаем в русской былине о том, как перевелись богатыри на Руси: богатыри уходят, окаменевают, оставляют русскую землю — и это связывается с православной символикой. Современные исследователи, сверяя разные варианты сюжета, пишут: «Иногда богатыри погибают в бою вместе со своими врагами, а Илья находит смерть, наткнувшись, как Святогор, на чудесный гроб. Он хочет примерить его к себе и умирает. В других вариантах богатыри умирают в пещерах Киево-Печерского монастыря, окаменевают на поле боя или, подъехав к стенам Киева, прекращают бой и покидают поле битвы, так как живым «не наратиться с мертвыми». В варианте известного сказителя В.П. Щеголёнкова окаменевают конь Ильи, а сам богатырь превращается в святые мощи». Образ крестьянского сына богатыря Ильи стал многозначительным символом русского патриотизма. Знаменателен тезис А.С. Хомякова, говорившего о былине «Илья Муромец и Козарин»: «Спокойное величие древнего эпоса дышит во всем рассказе, и лицо Ильи Муромца выражается, может быть, полнее, чем во всех других, уже известных, сказках. Сила

непобедимая, всегда покорная разуму и долгу, сила благодарная, полная веры в помощь Божию, чуждая страстей и — неразрывными узами связанная с тою землею, из которой возникла. Да и не ее ли, не эту ли землю Русскую олицетворило в нем бессознательное вдохновение народных певцов? И у нее на груди, как богатырь козарский у Ильи, сидел татарин и литвин и новый завоеватель всей Европы; но «не так у святых отцов писано, не так у апостолов удумано», чтобы ей погибнуть в бою!» Обращаем внимание на противоречивую, но глубоко логичную формулировку Хомякова: богатырь покорен разуму, долгу и вере. На этих трех качествах (каждое из них затрагивает особенный комплекс чувств) и зиждится силушка богатырская.

Илья Муромец — единственный из богатырей, чьи подвиги прослеживаются в целом цикле былин, выстраивающихся в своеобразное эпическое «житие» — представлен как старец; былины о молодости Ильи отсутствуют. В русском героическом эпосе XVIII века старцем предстает Суворов, богатырь нового времени.

Как важна для народной культуры героика!.. Об этом писал А.С. Хомяков, осмыслив оперу М.И. Глинки «Жизнь за царя», представившую глубокие героические образы Ивана Сусанина и царя Михаила Федоровича. Хомяков подчеркивает, что в общепринятом смысле Сусанин — не герой, но его роль — истинно героическая. И эта литературно-музыкальная героика признается важнейшим событием общественной жизни. Хомяков пишет: «Сусанин не герой: он простой крестьянин, глава семьи, член братской общины; но на него пал жребий великого дела, и он дело великое исполнит. В нем выражается не личная сила, но та глубокая, несокрушимая сила здорового общества, которая не высказывается мгновенными вспышками или порывами каждого отдельного лица на личные подвиги, но движет и оживляет все великое общественное тело, передается каждому отдельному члену и делает его способным на всякий подвиг терпения или борьбы». «Подвиг терпения или борьбы» — очень важный для Хомякова образ и одно из точнейших поэтических определений героического начала («Высший подвиг — в терпенье...») — принадлежащего, конечно, не только своей эпохе. Эти строки никогда не находились в измерении злободневности.

В «Письмах о современной литературе» Аксаков утверждал: «Один Хомяков понимал ложность западной дороги, которую шли мы, понимал самостоятельность нравственной задачи для Русской земли; один он сознавал в себе и тогда, может быть, еще не вполне отчетливо, то, что теперь опреде-

---

ленно и ясно в нем выступило, и высказывал это в своих стихотворениях». «В самых первых, молодых его произведениях («Иностранка», «Клинок» и пр.), в его первой трагедии «Ермак» еще является одна неопределенная любовь или, лучше, стремление к своей земле, но скоро разумение прояснило природное чувство, и оно проникнулось истиной. С той поры любовь к родной земле, выражающаяся в стихах, есть в то же время понимание, не слепая, но ясно взирающая любовь». Можно добавить — это была любовь, способная на беспощадный анализ, на горькое раскаяние.

В середине 1830-х Хомяков пишет стихотворение «К Западу». Взаимное проникновение и борение культур, мир исторических закономерностей — все это смолоду занимало поэта. Уже в 1830-е годы он разочарованно вздыхает: «А как прекрасен был тот Запад величавый!» И призывает: «Пробудись, дремлющий Восток!»

Позднейшее, написанное за несколько месяцев до кончины, стихотворение 1859 года справедливо воспринимается всеми ценителями творчества Хомякова как завещание. Знаменательно, что темой стихотворения является, по существу, размышление над сутью героики, героического начала:

*Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилья
Выше мраков земных,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской.*

Стремление к нравственной высоте — вот истинный героизм по Хомякову. Поэт провозглашает подвиг сутью, смыслом жизни — вполне в русле эпической традиции. В русской героической поэзии, начиная с ее фольклорных истоков и с традиций древнерусской литературы, никогда с такой ясностью не был провозглашен мотив духовного героизма. Этот мотив остается хомяковским направлением в истории русской героической поэзии. Разумеется, индивидуальный стиль Алексея Степановича Хомякова формировался под влиянием русской и зарубежной поэзии. Школой героики стали для Хомякова читательские впечатления от античных образцов, от поэзии Державина и старших современников Хомякова, поэтов пушкинской плеяды. В 1826 году А.С. Хомяков обращается к образу одного из значимых героев рус-

---

ской поэзии того времени — легендарного Ермака. Ермаку посвящали свои поэмы и думы Петр Ершов и Кондратий Рылеев, Ермака не раз упоминали в торжественных одах, рядом с именами Петра Великого и Владимира Святого. Героический образ покорителя Сибири привлекал поэтов. Трагедия «Ермак» была написана Хомяковым одновременно с пушкинским «Борисом Годуновым», а через шесть лет Хомяков завершает трагедию «Дмитрий Самозванец», развивая историческую тему Сумарокова и Пушкина... Но лучшие, наиболее своеобразные поэтические произведения были написаны Хомяковым в позднейший период. Парадокс, но свой голос в поэзии Хомяков обрел, когда перестал считать поэзию своей главным назначением.

Центральная тема поэтической героики Хомякова — судьба России. Тема, ставшая определяющей для многообразного творчества поэта, философа, публициста. Обращение к теме России подтверждает важность поэтического творчества в наследии Хомякова: стихами он выражает сокровенные свои мысли, самые яркие озарения и болезненные сомнения:

*В твоей груди, моя Россия,
Есть также тихий, светлый ключ;
Он также воды льет живые,
Сокрит, безвестен и могуч.
Не возмутят людские страсти
Его кристальной глубины,
Как прежде, холод чуждой власти
Не заковал его волны.*

Если в истории русской литературы XIX века наиболее тонкими ценителями поэзии Хомякова можно назвать К.С. и И.С. Аксаковых, то в веке XX родственной душой великого славянофила, несомненно, был И.А. Ильин. Глубокий анализ поэтического творчества Хомякова дает философ в статье-лекции «Россия в русской поэзии», по духу напоминающей гоголевские статьи о поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями» — «Об Одиссее, переводимой Жуковским», «О лиризме наших поэтов», «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность». Философ XX века пропустил через сердце историософскую поэзию Хомякова. Ильина особенно интересуют те стихотворения Хомякова, в которых проявился благородный максимализм авторской позиции — несомненно, это героический максимализм, свойственный непобедимым и обреченным эпическим героям. И для Хомякова, и для Ильина центральным герои-

---

ческим образом становится образ Родины. Философ комментирует стихи Хомякова: «Нет, поистине, ни один народ не судил себя так откровенно, так строго, так покаянно; не ставил себя лицом к лицу с христианской совестью; не требовал от себя такого очищения и покаяния. И не только требовал, а осуществлял его; и этим держал свое бытие и свой быт». Стихи, привлечшие внимание И.А. Ильина, — и впрямь трактуют героическую миссию России в неожиданном ключе высоких противоречий. Великий патриот обращается к своей стране со словами, полными боли и сострадания:

*Но помни, быть орудьем Бога
Земным созданьям тяжело,
А на тебя, увы, так много
Грехов ужасных налегло!*

Хомяков даже настолько остро чувствует природу греха, что его плач над Россией кажется гиперболическим, хотя каждый трагический образ здесь вырастает из вечно злободневных реалий:

*В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!*

Пожалуй, таких тяжелых обвинений Россия не слышала ни от П.Я. Чаадаева, ни от П.А. Вяземского, ни от И.С. Тургенева, ни от других язвительных критиков российских пороков. На первый взгляд, славянофил Хомяков приближается к самым дерзновенным тезисам А.И. Герцена...

Героика борения с грехом — истинно хомяковская поэтическая героика. И для Г.Р. Державина, и для А.С. Пушкина историческое прошлое России — это былинная, легендарная старина, оваянная славой. Конечно, тема греховности пронизывает и «Песнь о Вещем Олеге», и «Бориса Годунова», а Державин не раз в стихах указывал на пороки недавнего прошлого (времена Анны Иоанновны, противопоставленные в «Фелице» славному царствованию Екатерины). Величественный образ Петра у Пушкина противоречив и многозначен, великого императора поэт судит с высоты христианской этики. И все-таки и для Пушкина, и для Державина, и для Лермонтова историческое прошлое России было непредставимо без элементов красочной романтизации. Хомяков настолько

взыскателен, что отказ от идеализации прошлого выходит страстным и трагическим:

*Молитесь, кайтесь, к небу длани!
За все грехи былых времен,
За ваши каинские брани
Еще с младенческих пелён;
За слезы страшной той години,
Когда, враждой упоены,
Вы звали чуждые дружины
На гибель русской стороны.
За рабство вековому плену,
За робость пред мечом Литвы,
За Новгород, его измену,
За двоедушие Москвы...*

Хомяков с хирургической честностью вскрывает раны российской истории, чтобы они вечно кровоточили. Поэтические тезисы напоминают расхожую публицистику авторов, и в XIX, и в XX веке призывавших ко всенародному покаянию за исторические грехи. Но у этих аналогичных призывов разная природа. У Хомякова в подтексте нет надежды на политические реформы, на приобщение к западным цивилизационным ценностям. Природа всенародного покаяния у Хомякова иная. Поэт отождествляет личный духовный опыт с судьбой России. Раскаяние в грехах Отечества для него — личное раскаяние, духовная работа во спасение души. Из этой идеологии рождались лучшие образцы молитвенной героики в истории русской поэзии. В стихотворении 1854 года «Раскаявшейся России» Хомяков снова пытается разрешить противоречие — любить ли Россию вместе со всеми ее пороками или пророческим даром приближать страну к высокому идеалу. Хомяков, в отличие от иных патриотов, отказывается поэтизировать грехи и грешки России, они не вызывают у поэта сентиментальных чувств. Его Святая Русь выше кабацкого ухарства:

*Не в пьянстве похвальбы безумной,
Не в пьянстве гордости слепой,
Не в буйстве смеха, песни шумной,
Не с звоном чаши круговой;
Но в силе трезвенной смиренья
И обновленной чистоты
На дело грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты.*

Гимнический пафос этого стихотворения приобретает особый, хомяковский, дух благодаря смелому перечислению противоречий, если угодно, пороков, вопреки которым спасается Россия. До Хомякова никто в русской поэзии не приближался к таким сложным, зияющим вопросам.

По И.А. Ильину, «вера в Бога давала русскому народу — живую совесть, мудрое терпение, тихое трудолюбие, умение прощать и повиноваться, веру в царя, храбрость, преданность, любовь к Родине и способность освещать и освящать лучами этой веры весь свой жизненный уклад — и быт, и труд, и природу, и самую смерть...». К этому выводу философ приходит, обратившись к поэтической патриотике Хомякова.

Торжественный, проникнутый высоким дидактизмом, стихотворный строй Хомякова стилистически связан с наследием русской одической поэзии XVIII века. В отличие от своих предшественников, Хомяков отказывается от сложных аллегорических образов, от прихотливого словообразования и замысловатых строфических конструкций, свойственных и Державину, и Петрову, и Боброву. Хомяков стремится к ясности в выражении мыслей и эмоций. Мысль для Хомякова куда важнее изобретательной стихотворной техники. Подобно Державину, Кострову и Петрову, которые поэтическим словом поднимали полки во времена русско-турецких и наполеоновских войн, Хомяков вдохновляет на правый бой во имя славянского и православного братства:

*Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет
Через волны гневного Дуная,
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.*

Схожие геополитические эмоции были свойственны и авторам героических од XVIII века, но Хомяков насыщает пышную топонимику сложным идейным содержанием. Призыв Хомякова-поэта, в отличие от своих предшественников, далекого от властной элиты, не был связан с политической конъюнктурой, с правительственными планами. В оде князю Г.А. Потемкину 1778 года Василий Петров воспевает освобождение христианских народов на южных рубежах Российской империи:

*Не совершается ль пророчество мира?
Херсонски жители, единой веры чада
Не все ль, оставя Юг, на Север к нам грядёте?*

---

*...Молдавец, армянин, индеянин иль еллин,
Иль черный эфиоп, под коим кто бы небом
На свет не произшел, мать всем Екатерина.*

И Ломоносов, и Державин, и Рубан, и Костров в одах, посвященных завоевательным походам и освободительным войнам, в которых участвовала Россия, прибегают к экскурсам в историю, нередко — и в древнюю историю. Нередко, как в петровской оде Потемкину, поэты говорили и о христианском единстве. Только поводом, толчком для подобных рассуждений всегда была свершившаяся военная победа или возникновение соответствующего государственного стратегического плана.

Идея единства единоверцев близка и Хомякову, но последний предпочитает не иллюстрировать стихами уже свершившиеся деяния. Хомяков не чужд пророческого пафоса, упоминания же действующих монархов в его стихах излишни и потому крайне редки. А.С. Хомяков — свободный философ, а не государственный поэт. Свое предназначение он видит не в придворной жизни и не в службе. Быть православным мыслителем и православным поэтом в бурный XIX век, справедливо названный веком революций, — это одинокая и героическая участь, осознанно избранная Хомяковым. А отношение поэта к политической власти было куда сложнее господствовавших в 1840-е годы уваровских настроений. Подвиг самодержца воспринимался Хомяковым в сложном соотношении с идеями греха, раскаяния и искупления. Конечно, идеи Хомякова, авторитетные в узком кругу единомышленников, казались парадоксальными, они не были в почете ни у официальных, ни в либеральных кругах.

Эти обстоятельства отразились на трансформации образа автора в одических стихах А.С. Хомякова. Отсутствие претензий на трибуну государственного поэта для Хомякова вполне закономерно, хотя и удивительно в контексте традиции XVIII века. Отношение А.С. Хомякова к природе государственной власти прослеживается не только в сочинениях Алексея Степановича, но и в исследованиях сына поэта, Дмитрия Хомякова. Статьи Д.А. Хомякова, объединенные в трилогию «Православие, Самодержавие, Народность», являются ценнейшим комментарием ко всей русской героической поэзии XVIII—XIX веков, хотя их автор и не уделяет первостепенного внимания поэзии. Но Д.А. Хомякову удалось в простой и лаконичной форме дать обзор многолетнего идеологического движения, удалось раскрыть политический и нравственный смысл самодержавия.

Россия А.С. Хомякова — это поле боя, на котором сходятся миры и идеи. В традициях русской поэтической героики XVIII века, поэт провозглашает и выражает высокую мистическую идею, за которую готов биться. Для Хомякова меньшее значение имеют реальные современные сражения, которые (в особенности — турецкие войны) можно было бы трактовать в близком поэту смысле. Упоминания Дуная и Эгейских вод, которые иногда звучат в поэзии Хомякова, все-таки являются исключением из правила. Поэт также избегает упоминаний современных политических деятелей и военачальников — как в прямой, так и в аллегорической форме. В то же время, в подтексте поэзии Хомякова — не только знание славной русской военной истории, но и личностное восприятие грозы 1812 года, озарившей детские годы поэта. Пожалуй, вне контекста 1812—1815 годов, вне идеи великой российской Победы феномен хомяковской философии православного миссионерства был бы невозможен. Высокое предназначение России, воспетое Хомяковым, ярко проявилось именно в период наполеоновских войн и — позже — в дипломатии и военных походах времен Священного Союза.

Патриотизм Хомякова-поэта — взискательный и страстный. Многие строки из историософской героики Хомякова излучают пророческую силу — подобно «Панмонголизму» В.С. Соловьева, «Возмездию» и «Скифам» А.А. Блока. Взгляд поэта на героическое начало, на жертвенность, на подвиг остался в пространстве русской поэзии. Из всех материй поэта больше всего интересовал подвиг духовный, а хомяковская строка — «Есть у подвига крылья» — может быть эпиграфом ко всей русской поэтической героике.

АПОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБЩИНЫ

Община есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отними его, не останется ничего; из него же развиваться может целый гражданский мир.

А.С. Хомяков

Если хотите, коллективистские начала являются генетическим кодом нашего общества. Когда в живом организме отдельные органы и клеточные структуры начинают функционировать автономно, вне единых правил, как бы живут по принципу «бери от жизни все», в результате возникает новое образование — раковая опухоль, которая губит сначала близлежащие клетки, а затем и весь организм. Нечто подобное происходит в обществе, в котором доминирует принцип индивидуализма, вседозволенности и бесконтрольности.

Такое общество обречено на саморазрушение.

Академик Д.С. Львов

В чем преимущества общинного образа жизни перед исключительно личным? или перед исключительно лично-семейным образом жизни? Попробуем перечислить эти преимущества и раскрыть их кратко.

Первое преимущество в том, что община «держит» национальную религию народа, т.е. не позволяет ей тягаться в его представителях.

Если какой-то отдельный человек может жить без национальной рели-

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

гии своего народа и, как правило, не утрачивает при этом ни желания жить, ни способности думать и строить какие-то планы в своей жизни; если всякая отдельная семья может тоже жить без национальной религии своего народа и держится при этом на взаимной любви супругов, на их любви к детям, на общности их жилья и другого имущества; то для национальной общины таких дополнительных опор нет. Общая национальная религия ее членов это главное ее основание, с разрушением которого тут же рушится сама община.

И сами общинники прекрасно понимают эту зависимость своего единства от своей общей религии. Понимают, что она есть главная их связь, от которой зависят все остальные их связи. Поэтому они кровно заинтересованы в том, чтобы сделать ее нерушимой. Кровно заинтересованы в том, чтобы их национальная религия обладала высоким авторитетом в глазах каждого общинника и усваивалась им с детства.

Конечно, национальную религию «держит» в народе не только национальная община. Национальная религия невозможна без самого института Церкви, ее вероучения, ее таинств и ее священства. Кроме того, национальную религию может «держат» государство, если оно сознает себя христианским. Национальную религию «держат» в меру своих сил и всякая отдельная христианская семья, и все христиане, как разрозненные, так и более или менее связанные друг с другом.

Но без правильно организованной национальной общины, размноженной в общенациональном масштабе, всех этих «держаний» недостаточно для сохранения в народе его национальной религии. Недостаточно потому, что в разрозненных людях и в разрозненных семьях идут в рост эгоистические их наклонности, а высшие их способности затухают. Это правило, из которого могут быть редкие исключения, но духовная направленность общества определяется не исключениями из правила, а самим правилом.

Вот почему общество, построенное на принципе самодовлеющей личности, обречено на прогрессирующую нравственную порчу, которой нет конца. И даже на порчу интеллектуальную, потому что интеллект в безнравственном обществе приобретает уродливые черты. А по мере нарастания его уродства — и демонические черты.

Итак, вот первое преимущество общинной жизни по сравнению с жизнью разрозненной: община «держит» в народе его национальную религию, а разрозненное состояние людей ее не «держит». Национальная же религия «держит», в свою очередь, общенародную нравственность и, кроме того, является фундаментом общенародного идейного единства.

Второе преимущество общинной организации жизни состоит в том, что она спасает семью от разрушения. Дело в том, что тех опор для семьи, о которых сказано выше, недостаточно для сохранения семьи в истории. Семья может держаться без религии на протяжении одной человеческой жизни, но при смене поколений она утрачивает постепенно свою крепость. И нынешнее состояние семьи в безбожном мире подтверждает сказанное.

Кроме того, национальная община не только стоит на страже правильной организации семьи, но и создает вокруг семьи здоровую в нравственном и умственном отношении микросреду, которой защищает ее от духовных болезней, господствующих в безбожном мире. И чем больше разрастается эта здоровая микросреда, чем успешнее она превращается из микросреды в среду значительную, тем значительнее ее благотворное влияние на духовное состояние семьи.

Об этом я уже писал в статье «Здоровая семья как условие национальной безопасности России». К этой статье я и направляю желающих ознакомиться подробнее с этой темой. Но далее я дополню сказанное в ней двумя столь важными темами, что каждая из них заслуживает быть выделенной в особое преимущество общинной жизни.

Итак, третье преимущество общинной жизни. Община является условием восстановления детородной продуктивности народа. Об этом свидетельствует тот факт, что народы, сохраняющие общинный строй жизни, не сокращаются численно, а народы, утратившие общинный строй, сокращаются.

Чтобы понять, почему так происходит, надо обратить внимание на следующие два обстоятельства.

Первое, о котором уже говорилось раньше. Разрозненность людей эгоизирует их интересы и провоцирует их на борьбу за личный успех в жизни. Она впрягает их в изматывающую гонку за материальным успехом. Первым в нее включается муж, а затем и жена, которая хочет работой вне дома не только увеличить семейный бюджет, но и упрочить свою самостоятельность, подкрепить ее своей материальной независимостью от мужа.

Разрозненное состояние людей порождает все более материальных эгоистов, которым дети не то чтобы не нужны, но нужны лишь в последнюю очередь, как увенчание их жизненного успеха. На первом этапе жизни дети для них обуза, мешающая им добиваться успеха и располагать временем для развлечений и наслаждений. Рождение ребенка откладывается на поздний срок, когда супруги созреют в материальном отношении для продолжения себя в детях. Если только созреют и если захотят себя продолжить.

Число детей в семье при такой настроенности должно постоянно сокращаться, и оно действительно сокращается в бывших христианских народах. До единицы или даже до нуля. А это значит, что они начали вымирать. И вымрут окончательно, если не изменят свой нынешний образ мысли и образ жизни.

Причем высокий уровень материальной жизни, достигнутый европейскими народами, этому вымиранию не мешает. Поэтому сводить причину вымирания современного русского населения только к его материальной нищете значит свидетельствовать о своей умственной слепоте.

Выше описан, в общих чертах, фактор субъективный, работающий на демографическую катастрофу народов. Однако есть еще и объективный фактор, порождаемый той же разрозненностью людей и тоже препятствующий деторождению. Этот фактор заключается в том, что работать вне дома и быть матерью трех-четырёх детей в современных условиях невозможно просто физически. А для сохранения народа минимальная норма детей в семье должна быть, как известно, не меньше двух. Потому что не все дети доживают до детородного возраста.

Но матери, имеющей одного-двух детей и работающей вне дома, приходится тоже трудно. Ей приходится разрываться между детьми и работой. Такая жизнь не позволяет ей быть ни полноценной матерью, ни полноценным работником вне дома. Болезни детей и связанные с ними невыходы на работу делают ее нежелательной для предприятия. И она понимает это обстоятельство, и ее самочувствие страдает от этого понимания.

Но если даже она имеет возможность не работать вне дома и, следовательно, посвятить себя целиком своим детям, то и в том случае ей не позавидуешь.

Дети в каком-то смысле это мед жизни. Но если человека кормить одним медом, то он взвоет. Все хорошо в меру. Человеку нужна не только своя семья, ему нужно и свое общество, без которого его жизнь бедна. Как недостаток воздуха делает человека больным, так и недостаток своего общества.

Чужое общество, выход в которое мы имеем сегодня через двери своей квартиры и через СМИ, не может заменить нам общества своего, в котором все понимали бы друг друга и помогали бы друг другу. Такое свое общество необходимо каждому человеку. Но его нет ни для матери, фактически изолированной, вместе с ее детьми, в ее квартире, ни для ее детей, которым тоже нужно свое общество. Для нее нет даже сурrogата такого общества в виде трудового коллектива, который есть у ее мужа и других матерей, работающих вне дома.

В этом отношении положение матери в русской сельской общине существенно отличалось от ее положения в современном мире.

Крестьянка не была прикована к своим детям, как прикована теперь к своему ребенку не работающая вне дома мать. Дети не выматывали ее. У нее было много помощников по части ухода за ними. За ними присматривали все старшие дети. Причем не только ее собственные, но и дети ее родственников и соседей. За ними присматривали сами родственники и соседи. Так или иначе за ними присматривали все члены общины. Вот почему рождаемость в нашей сельской общине была высокой.

Это была не единственная причина высокой рождаемости среди русских крестьян, но это была одна из главных ее причин. Наличие компактно живущих родственников и близких семье по духу соседей, а также наличие своей территории, практически недоступной для чужаков, — вот главное условие сохранения семьи и ее детородной продуктивности.

Тот факт, что поселившиеся в Европе магометане сохраняют у себя, в отличие от коренных европейцев, высокий уровень рождаемости, подтверждает сказанное. Подтверждает потому, что живут они, в отличие от европейцев, общинно. Причем городские условия не препятствуют им в этом.

Высокой рождаемостью отличаются и наши старообрядцы в Америке, общины которых разбросаны по всему континенту. Когда я спросил Светлану Ивановну Беликову (проживающую в Буэнос-Айресе и хорошо знакомую с этой темой), сколько у американских старообрядцев детей в среднем на одну супружескую пару, то она ответила, что восемь детей. В Северной Америке, добавила она, чуть меньше, потому что там они живут несколько более разбросанно, а в Южной Америке чуть больше, потому что они живут там кучнее.

Так что дело, думается, не столько в расовых особенностях афро-азиатских народов, сколько в характере мышления разных этносов и субэтносов. В характере мышления, который складывался и складывается под влиянием разных исторических обстоятельств.

Если раньше русский народ жил практически весь общинно, то затем, под влиянием новых политических и социальных обстоятельств, общинное начало стало в нем слабеть — и чем дальше, тем больше. А затем, после 1917 года, остатки общинной его организации были добиты окончательно и вымыты из сознания новых его поколений почти полностью. Что и предопределило последующее беспомощное его состояние.

Если в советской России по старообрядцам прошелся всей своей тяжестью каток подавления религиозных организаций — и в результате общинное начало у них оказалось подорванным, то зарубежные старообрядцы избежали этой участи и сохранили свою общинную психологию и свои общинные навыки. А потому и высокую степень рождаемости даже в условиях городской жизни.

Итак, восстановление детородной продуктивности в русском народе невозможно без восстановления в нем общинного образа жизни.

Четвертое преимущество общинной жизни. Община не только помогает матери выхаживать детей, она и воспитывает их, т.е. учит их уму-разуму и навыкам правильной жизни.

Современная мать не способна на это, потому что сама не знает толком ничего и даже не догадывается об отсутствии у нее главных знаний о жизни. Ее голова наполнена множеством второстепенных или даже вообще не нужных знаний, а знания о том, в чем смысл человеческой жизни и как нужно жить правильно, у нее нет. Как и потребности в таком знании. Ее не учили этому ни в семье, ни в школе, ни в высшем учебном заведении.

Как же она может воспитывать детей, если сама не знает азов правильной жизни? Но и современный отец, прошедший ту же школу «воспитания», не намного лучше ее как воспитатель. А то и хуже.

Наука о смысле человеческой жизни, наука о том, как надо правильно строить свою семью, как надо правильно строить окружение своей семьи, как надо правильно относиться к своей религии и своему народу (и почему именно так, а не иначе), это наука наук, это ядро всей системы человеческих знаний. С утратой этого ядра остальные науки утрачивают свою связь и свой смысл. Они разбегаются друг от друга все дальше и оказываются в зависимости от тех, кто обладает деньгами. И не просто деньгами, а очень большими деньгами. И, следовательно, властью.

Наука в ходе капитализации жизни коммерциализируется и превращается в свою противоположность. В том смысле, что перестает служить разуму и добру и служит тому, что им противоположно. Подлинная наука, служащая Богу и человечеству, мировой плутократии не нужна. Она ей вредна и потому уничтожается ею сознательно. Наука же в качестве служанки мировой плутократии действительно совершенствуется и используется для прогрессирующего расстройтва человеческих умов. И, как следствие, для разрушения народов, для упрочения власти эгоистического меньшинства над

бездумным большинством человечества. Вот почему современные родители лишены основ здравого понимания задач воспитания. Этих основ нет в доступной им информации. А разрозненное состояние людей делает их не способными думать самостоятельно вообще о чем-либо, кроме сугубо личных их дел.

Однако, имея детей, трудно обойтись полностью без мыслей о воспитании. Поэтому какие-то мысли все-таки оказываются в головах родителей. Или рождаются в них самостоятельно. Или принимаются по наследству от их собственных родителей. Или усваиваются от знакомых. Или вылавливаются из СМИ — случайные мысли, не связанные между собою в одно целое, но чаще все-таки связанные кое-как с мыслью о добре. Хотя о том, в чем оно заключается, каждый думает в одиночку. Да и не очень-то думает, потому что много других забот. И лишь немногие из родителей дорастают до понимания необходимости религиозного воспитания детей. Учат их сами азам христианского понимания мира, водят их в храм или даже отдают в православные школы. А каков результат? Дети послушно внимают своим родителям, пока малы. Но, подрастая, начинают чувствовать какую-то раздвоенность взрослого мира. В Бога, оказывается, веруют не все. А почему?.. Правила жизни, внушаемые родителями и священниками, тоже как-то, похоже, не действуют в большом мире. И даже в школе о них молчок. Но до сознания эти вопросы и наблюдения еще не доходят. Они живут в подсознании и готовят почву, на которой произойдет в дальнейшем отход детей, уже переставших быть детьми, от религии. Полный отход или частичный, у кого как.

Отход начинается в подростковом или юношеском возрасте, когда дети начинают превращаться во взрослых. Когда начинают думать самостоятельно и этим уже отделяются в чем-то от своих родителей. А затем начинают и вести себя самостоятельно.

Размеры семьи им уже тесны, их тянет общество и, прежде всего, общество их сверстников. А поскольку русской национальной общины, этой необходимой после семьи формы общества, у нас нет, то они втягиваются в общество для них чужое, не сознавая этого обстоятельства. А если не сознают его чуждости, то принимают его за общество нормальное, которому нет альтернативы. И в результате оказываются безоружными перед его духом и нормами его жизни, которые и усваивают, — кто быстрее, кто медленнее, кто в большем объеме, кто в меньшем. Причем усваивают с каждым новым по-

---

колением все больше. То есть превращаются в нечто противоположное тому, на что рассчитывали их близорукие христианские воспитатели.

Коренной порок системы современного православного воспитания в том и состоит, что она игнорирует необходимость православно-русского общества для своих воспитанников. Она не сознает того, что христианские идеи и нормы жизни не работают в современном большом мире, т.е. в мире маммоны. А своего собственного общества, в котором они работали бы, у православных русских людей нет. А если нет, то, значит, христианские идеи и нормы жизни должны атрофироваться и вытесняться из жизни христиан идеями и нормами жизни большого мира — нехристианского и даже все больше уже антихристианского по его основным принципам жизни.

Сегодня православные христиане разрозненны даже в своих храмах. Подавляющее большинство прихожан почти любого храма знает в лицо друг друга, но не испытывает при этом никакого желания познакомиться друг с другом поближе. Это фактически чужие друг другу люди. Они даже не здороваются друг с другом. Вот тебе и «братья и сестры». Язык не поворачивается выговаривать такие слова при нынешнем положении.

Современное семейное христианское воспитание, как и обучение в православных школах, не дают детям ни правильного представления об окружающем их мире, ни правильного представления о том, каким должно быть правильное общество и как его созидать.

Вот почему современные православные молодые люди, вступая в большой мир, оказываются, при всех освоенных ими науках, не мыслителями, не воинами и не созидателями правильного мира, каковыми они должны быть хотя бы в зачатке, но лишь приспособленцами к миру маммоны.

Что и предопределяет дальнейшую их судьбу. Как и дальнейшую судьбу всего христианства в целом, если оно не осознает своей болезни и не исцелится от нее.

В отличие от маленькой одинокой семьи, в которой родители не могут давать своим детям здорового, хотя бы в основе своей, воспитания, община дает детям такую основу. Здесь высокие истины могут быть не очень высокими (или даже ложными с христианской точки зрения), но они не повисают бесполезно в воздухе, как это происходит в мире разрозненных христиан. В национальной общине высокие для ее членов истины «держат» ее, а потому и сами «держатся» ею.

Здесь уже с детства человек начинает осваивать ту науку

наук, о которой у нас речь была выше. Начинает понимать связь, существующую между семьей, национальной общиной, нацией и национальной религией. И с возрастом понимает эту связь все полнее и отчетливее. Понимает, что все эти институты «держат» друг друга лишь в их связке. Одно недостающее звено в цепи — и начинают гнить все остальные звенья.

В национальной общине дети и молодые люди приобретают навык здравого мышления и, следовательно, иммунитет по отношению к чужому для них миру. Понимание его порочности. Кроме того, они имеют в своей общине опору для всей своей жизни.

Спасительность национальной общины для жизни нации нельзя отрицать, но, с другой стороны, общину нельзя и идеализировать. Общины, как и религии, бывают разные. И примитивные по уровню своего нравственного и умственного развития, и паразитические по отношению к внешнему миру. Бывают и преступные общины. Но даже в этом последнем случае община воспитывает в своих членах верность своим, что уже поднимает преступников в нравственном отношении над теми, кто озабочен лишь собственным благополучием.

В общинном человеке его нравственное и умственное развитие зависит, в основном, от того, каков характер национальной идеологии его народа. Способна ли она совершенствоваться в интеллектуальном и нравственном отношении. И если она не способна, то в этом случае действительно возникает конфликт между общиной и ее членом, поднявшимся по своему духовному развитию над ее уровнем.

Вот почему разговор об общине имеет смысл только в том случае, если мы подразумеваем ее способность к совершенствованию вместе с совершенствованием самого человека. Если мы готовы брать из прежних и ныне существующих типов общин все лучшее, что в них было и есть. Но не их слабости и пороки. Если мы нацелены на постоянное совершенствование своей национальной общины.

Возвращаясь к теме общинного воспитания детей, отмечу еще такие эффекты. В общине не только сообща присматривают за каждым ребенком, но и сообща учат его уму-разуму. Здесь каждый учитель по отношению ко всем младшим по возрасту, начиная уже лет с шести или семи. А если такой малолетний член общины уже учитель, то, значит, он не только сам усваивает твердо доступные ему истины, которым учит других, но и вникает с какого-то возраста в возможные казусы, связанные с ними.

Кроме того, есть еще одно обстоятельство. Дети (да и не только дети, хотя они в особенности) усваивают ценные мысли и навыки не столько работой своих собственных умов, сколько подражанием авторитетам. Они подражают и взрослым, но особенно своим сверстникам, которые чуть старше их. Поэтому в национальной общине, где дети находятся по преимуществу в детской среде (причем, что особенно важно, в среде разновозрастной), освоение ими организующих их идей и навыков происходит куда естественнее и полнее, чем в общении их с одной только матерью, как это бывает, в основном, в малой и одинокой семье. Если даже у такой матери-одиночки три-четыре ребенка, то все они, будучи оторванными от естественной для них национальной среды, не в состоянии развивать друг друга.

В детских же садах, где дети разбиты на разновозрастные группы, им некому подражать и некого учить. Тем более, что здесь нет единой, логически связанной, системы идей и норм, организующей всякий народ. Здесь хаос идей и норм, неизбежный для общества либерально-космополитического. Хаос идей и норм не может воспитывать.

Кроме того, в яслях и в детском саду все чужие. А пребывание в чужой среде это причина того, что ребенок замыкается в себе и проявляет себя в общении с другими не лучшим образом. Детские сады, лишённые необходимой для детей семейно-родственной атмосферы, это катализаторы детских нервных болезней, которые провоцируют и физические их болезни. А умножающиеся детские болезни, в свою очередь, отражаются на состоянии родителей, особенно матери. Они ее угнетают, и ее угнетенное состояние сказывается, в свою очередь, на детях.

Но и это еще не все. В современной «эмансипированной» семье, характерной для одиноких малых семей, авторитета одной матери не хватает для того, чтобы ее слова были для детей действительно авторитетными. Авторитет матери ослабляется противоречиями между супругами, неизбежными при независимости жены от мужа и независимости мужа от жены. Эти противоречия между родителями не остаются незамеченными юными наблюдателями. И они не только ранят их сердца, но и роняют авторитет родителей в их глазах. А ссоры между родителями, доходящие до скандалов с обоюдными оскорблениями, роняют их авторитет еще больше. А венчающие это безобразие разводы — еще больше. Но вместе с падающим авторитетом родителей падает и авторитет родительских поучений.

Если бы, подчиняясь отцу своих детей, мать подавала им пример, как им следует относиться к нему, то и ее собствен-

---

ный авторитет поднимался бы в их глазах. А не опускался, как это бывает обычно сегодня. Она была бы в глазах своих детей не только матерью, но и представителем грозного отца. И, покрывая мелкие грешки своих детей, пользовалась бы за это особой их признательностью.

Умная мать созидает авторитет отца, а не разрушает его. Авторитет отца это основа семьи. Авторитет отца обязывает его соответствовать высокому мнению о нем членов его семьи. Авторитет отца нагружает его ответственностью перед каждым членом его семьи. Обязывает его думать об общем порядке и условиях общего порядка в семье и в обществе. Авторитет отца способствует нравственному и умственному развитию всех членов семьи.

Если же авторитет отца разрушается, то разрушается и его ответственность перед семьей. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Живите, как хотите, — замыкается он в себе и ограничивает свои обязанности по дому каким-то минимумом. И компенсирует свою неудачу в качестве отца чем придется. Кто чем, в зависимости от обстоятельств и своих человеческих качеств.

Ах, если бы авторитет матери крепился авторитетом отца, взирающего на детей с какой-то убедительной для них высоты. Если бы этот общий авторитет родителей крепился авторитетом всех родственников и всех взрослых членов общины. Если бы, кроме того, на детей взирал с самой большой высоты всевидящий Бог. Не только любящий их, но и грозный. Вот это было бы условием подлинного воспитания детей. Когда сами воспитатели держат себя на высоте, а дети принимают от них и через них все лучшее из исторического опыта жизни их народа. Вот когда шло бы постоянное накопление национальной культуры, а не постоянное ее разорение.

На эту тему следовало бы сказать еще многое, но, думается, и сказанного достаточно, чтобы понять главное: в мире разрозненных людей и разрозненных семей воспитание юного поколения невозможно. А если возможно, то лишь в такой малой степени, какой недостаточно не только для восхождения нации на все большую духовную высоту, но даже для ее удержания на том уровне, на каком она пребывает в данное время. В разрозненном состоянии народ обречен на постоянное скольжение вниз в нравственном и умственном отношении, и никакие внешние науки не способны спасти его от этого скольжения.

Итак, выше были названы и раскрыты четыре главных преимущества общинной жизни по сравнению с жизнью раз-

---

розированной. Повторю сказанное кратко: община «держит» национальную религию, община «держит» семью, община «держит» детородную способность семьи и национальное воспитание юного поколения. Без общины народ обречен на разрушение, а с разрушением народа рушится в человеке его человечность.

К этим главным преимуществам общинной жизни можно добавить еще ряд вытекающих из них преимуществ, относящихся к разным сторонам личной и общественной жизни. Перечислю их и скажу о них тоже.

1. В псевдообществе, состоящем из разрозненных людей, неизбежен рост алкоголизма, наркомании, разврата и преступности всякого рода. Борьба с ними заведомо неэффективна до тех пор, пока не устранена порождающая их причина. Поэтому исцеление от названных болезней невозможно иначе, как через восстановление в русском народе (и в других народах Земли) общинного строя жизни.

2. Из видов преступности, о которой сказано выше, отмечу здесь два вида. Это, во-первых, преступность представителей государства, использующих свою власть не в интересах государства, а в своих личных и клановых интересах. В результате государство оказывается в плену у своих собственных агентов, почти открыто торгующих его интересами и его собственностью. Эти агенты-перерожденцы, ради сохранения своей власти, сплачиваются и выдавливают из государственного аппарата добросовестных работников.

Во-вторых, это преступность не наделенных государственной властью грабителей и вымогателей, которые тоже организуются в сообщества и подчиняют себе население страны с целью его эксплуатации.

Эти две преступные силы нуждаются друг в друге не только потому, что мафия готова платить чиновникам за то, чтобы те смотрели сквозь пальцы на ее дела (или даже покровительствовали ей), а чиновники, в свою очередь, рады использовать мафию для увеличения своих доходов. Ничуть не меньшее значение имеет еще то обстоятельство, что сама деятельность мафии была бы невозможна без преступников, оседлавших государство, а эти последние не имели бы без господства мафии над разрозненным населением дополнительной гарантии своей безопасности.

Эти две преступные силы усиливают друг друга, а потому и происходит их неофициальное сращение.

3. В этих условиях свобода и достоинство любого разрозненного человека имеют иллюзорный характер. И эта иллюзия сохраняется лишь до тех пор, пока такой человек никому

не нужен и никому не мешает. А если начнет мешать или заинтересует чем-либо преступников, то им не составит большого труда подчинить его себе полностью или уничтожить физически.

Вот какая реальность скрывается за словами о «правах человека», гарантированных, якобы, всем гражданам в т.н. «правовом обществе». Подлинная охрана подлинных прав человека возможна лишь в обществе, построенном по типу семьи, где каждый его член работает на общее благо и потому ценен для всех и бережется всеми.

Добиться полной безопасности в мире грешных людей человек не сумеет никогда, но его стремление к наибольшей безопасности для его семьи и для его народа — это праведное стремление. Если такое стремление у него есть, то ему остается лишь понять, что наибольшая безопасность для них достигается правильной организацией его единоверцев и соплеменников. Понять — и способствовать этой правильной организации.

Чем больше и сильнее будет твоя национальная община, чем больше будет таких общин в твоём народе и чем лучше твой народ будет организован, тем больше будет гарантий того, что каждый его представитель будет защищён от преступников всякого рода.

4. В мире разрозненных людей надежда на возрождение государства с приходом нового его руководства — это беспочвенная надежда. Это надежда на чудо. Но если бы даже такое чудо произошло, то новое руководство страны все равно завязло бы в неразрешимых проблемах, порожденных и порождаемых разрозненным существованием людей.

Без правильного представления о том, каким должно быть правильное общество, не может быть ни истинного вождя, ни его соратников, ни начатков твердой почвы в народе, на которые вождь и его соратники могли бы опереться. Если население останется жидкой массой, безвольной и неразумной, каковой оно становится с разрушением общинных и национальных идей, то любой вождь будет бессилён. И никакие соратники ему не помогут. И никакого исцеления нашего государства от разрушающих его болезней не будет.

Если же русские люди поймут, что разрозненное их состояние — это их смерть (и, следовательно, начнут думать о том, как им возродить свои национальные общины), то появится надежда на то, что они, пусть и не сразу, сумеют это сделать. Поначалу будут созидать свои общины неудачно, а затем, осмысливая свой отрицательный опыт, научатся совершенствовать свое искусство. И, наконец, обретут действитель-

---

ный способ возрождения своего народа. А с его возрождением начнет возрождаться и русское государство. И будет возрождаться в более правильном виде, чем это было когда-либо в нашем прошлом.

Но здесь надо оговориться. Идея общинного строя жизни — это фундаментальная идея, но ее одной недостаточно для возрождения нашего государства в новой силе. Необходимы, наряду с этой идеей, другие важные идеи, отсутствие которых в нашем прошлом стало причиной скольжения русского народа в пропасть.

Например, важно понять ту простую истину, что совокупный эффект того или иного государственного устройства и той или иной государственной политики должен оцениваться, в первую очередь, не по усилению или ослаблению военной и экономической мощи государства и не по размерам новоприобретенных или утраченных им территорий, а по духовному и физическому состоянию государствообразующего народа — этого ядра всей государственной системы. Если это ядро ослабевает настолько, что перестает быть хозяином в своем собственном государстве, то не помогут этому государству никакие внешние успехи. И его катастрофа в будущем, при сохранении этого ненормального положения, неизбежна.

5. И еще один эффект общинной организации людей. Общинная организация человечества является условием его спасения от экологической катастрофы, неизбежной при разрозненном состоянии людей. Это разрозненное состояние, как уже говорилось выше, разрушает их нравственность, разрушает их разум (ибо разум, утративший свою нравственную основу, заболевает и вырождается в безумие) и, следовательно, разрушает их ответственность за состояние общества и природной среды. Разрозненный человек загаживает и отравляет не только себя самого, но и все пространство вокруг себя. Однако дело не только в разрозненных людях. Не меньшее значение имеет сама разрушительная идея, заложенная в основание современного псевдо-общества, имя которому капитализм.

Капитализм начинался с раскручивания в людях ложных потребностей с целью увеличения рынка и, соответственно, доходов торговцев, обслуживавших эти потребности. И он невозможен в принципе без все большего их раскручивания. А ложные потребности людей не только обессиливают и уродуют их в духовном отношении; они извращают сам строй хозяйства. Истинное хозяйство — это способ обслуживания истинных потребностей людей, одной из которых является

их потребность в окружающей их живой и богатой природе. Нынешнее же извращенное хозяйство — это способ истребления природы ради наживы обезумевших предпринимателей и торговцев.

Идея, заложенная в основание капитализма, прямо противоположна идее праведной жизни. То есть жизни скромной в материальном отношении и потому позволяющей человеку иметь время и силы для неспешных раздумий о смысле человеческой жизни и правильном ее устройении. Такая скромная в материальном отношении жизнь позволяет человеку быть сотрудником Бога и всех добрых людей в деле созидания все более совершенного мира.

Но скромная личная и семейная жизнь не есть отрицание материального богатства людей в принципе. Истинное материальное богатство прекрасно. Все дело в том, каким оно должно быть, чтобы быть прекрасным. Истинное материальное богатство возможно лишь в том случае, если оно служит истине и добру. А это возможно только тогда, когда семья, обеспечив себя скромным достатком, позволяющим ей развиваться духовно, радеет не о дальнейшем увеличении своего материального имущества, а о достатке своей национальной общины. И вкладывает свой труд и свои материальные средства в ее развитие. Такой вклад есть самое выгодное для семьи помещение плодов ее труда, потому что национальная община — это ее крепость и сила. Вкладывая свои силы и деньги в свою общину, семья обеспечивает себя спасительной для нее средою и созидает в себе и вокруг себя мир высоких отношений между людьми, вне которого любое богатство уже не богатство.

Так и община. Если она приобретает скромный материальный достаток, делающий ее способной к развитию, то заботится в дальнейшем не о наращивании своего материального богатства, а о создании вокруг себя других, родственных ей по духу, национальных общин, усиливающих ее в самых разных отношениях. И так далее. Сначала выстроим правильно свой народ, а затем поможем другим союзным народам выстроить себя правильно. А затем приблизимся и к задаче правильного строя всего человечества.

Вот когда будет по-настоящему спасена природа. Лишь правильной организацией человека и всего человечества в целом. Созданием нового типа цивилизации, еще небывалого в человеческой истории. Цивилизации, в которой не на словах, а на деле, будет осуществлена правда христианского образа жизни. Хотя бы в той мере, в какой это посильно для нас на этой земле. Но начало пути к гармонии в человечестве

и в отношениях между человечеством и природой это организация нашей национальной общины.

А теперь представлю самые обычные возражения на апологию национальной общины.

Первое возражение. Мне говорят, что это неправда, будто общинный строй есть условие здоровой жизни общества. Дело, говорят, не в общинах, а в том, кто нами правит. Будет у нас правильное правление — будет и возрождение нашей семьи, будет и возрождение нашей экономики, будет и возрождение нашей национальной культуры. И все остальное у нас будет. Милиция будет бороться с преступниками, чиновники перестанут брать взятки, алкоголики бросят пить, а цены на все станут такими низкими, что всякий ропот утихнет.

Темы государства я уже касался выше, но дополню сказанное такими еще соображениями. От правильного руководства действительно зависит очень многое, с этим нельзя не согласиться. Очень многое, но далеко не все, как думает теперь большинство русских людей, ошарашенных разрушительной политикой руководителей Российского государства. Правильное руководство это одно из условий возрождения нашей страны, но не единственное условие. Это не панацея от всех бед. Как птица не полетит, если одно ее крыло не будет помогать другому, так и правильное руководство окажется бессильным, если понадеется на одну лишь свою силу и не призовет на помощь себе другую силу, заключенную в самом народе. Заключенную в нем потенциально и не раскрытую актуально по причине ложной его организации.

Эта вторая сила есть сила общинной организации народа. Именно община, как уже говорилось выше, является условием нравственного и умственного развития людей. Если общинная жизнь народа уродуется, а затем и разрушается, то в дальнейшем неизбежен процесс все большего духовного вырождения людей. Неизбежна порча как населения страны в целом, так и того «человеческого материала», из которого набирается состав государственной организации.

При низком качестве людей самое прекрасное руководство будет бессильно осуществить свои идеи на практике: его инициативы будут вязнуть в своекорыстных проводниках его политики и в самой развращенной, а потому и низкоумной массе населения. Из глиняных в нравственном отношении людей нельзя создать золотого в нравственном отношении общества.

Вот почему правильная патриотическая политика заключается не в сосредоточении всех сил борцов за лучшее будущее на одной только политической проблематике, а в сочета-

---

нии политической борьбы с раскрытием правды о том, каким должно быть правильное общество. Не имея этого ориентира и не организовав правильно свой народ, политики обречены быть слепыми, заведомо не способными на победу. Что мы и наблюдаем сегодня.

Второе возражение. Мне говорят, что общинная организация народа возможна лишь в самой малой его части. Она возможна, якобы, лишь в сельской местности, где люди живут компактно и где они связаны с землей. А современное хозяйство — это хозяйство, по существу, городское. Оно исключает связь людей с землей и компактное проживание общинников.

Что связь человека с землей важна, с этим следует согласиться. Но восстановление этой связи может происходить лишь по мере духовного возрождения людей и освобождения экономики от ее современных уродств. Современная экономика — это больная экономика и современный город — это больной город. Их переустройство и приспособление к истинным потребностям человека есть объективная необходимость. Иначе род человеческий извратится уже окончательно.

Что же касается утверждения, будто нынешний большой город исключает возможность существования в нем национальной общины, то оно явно противоречит факту приспособления самых разнообразных национальных общин к условиям городской жизни. В США и Европе китайцы, японцы, мексиканцы, евреи, армяне, негры, цыгане, арабы, турки и многие другие переселенцы живут как разрозненно, так и в своих национальных общинах. Чем выше уровень национального сознания в каком-либо народе, тем сильнее тяга его представителей к совместной жизни в своих национальных общинах.

Национальная община это очень гибкая и очень жизнеспособная форма самоорганизации людей. Она может подстраиваться даже к очень плохим для нее внешним условиям жизни. Но ее главная задача не просто подстроиться к чужеродному для нее миру, а начать перестраивать его под себя. Под свои собственные интересы. Поначалу перестраивать его частично, а затем во все большем масштабе.

Если богатые люди могут строить для себя особняки и огораживать их заборами, то почему общинники не могут построить для себя большой дом и тоже огородить его забором? Они не только могут сделать это, но и делают это уже кое-где. Самый яркий пример тому — разбросанные по всему миру «чайна-тауны». Но свои национальные дома строят на чужой территории не только китайцы.

Чем хороши такие дома? Здесь общинное пространство практически закрыто для посторонних. На такой территории преступникам нечего делать, потому что здесь десятки внимательных глаз наблюдают за каждым шагом любого чужого человека.

Кроме того, в таком доме есть своя служба охраны. Здесь за детей можно не беспокоиться. А для самих детей здесь простор для общения с множеством общинников самого разного возраста. И в остальных отношениях здесь все приспособлено для истинных нужд общинников.

В таком доме есть (или должны быть) помещения для общих собраний и для совместного досуга как молодых, так и людей более зрелого возраста; здесь и общая библиотека с читальным залом, и общий спортивный зал, и медицинская служба, и юридическая. И, может быть, что-то еще.

А если это будет не один дом, а два или три рядом стоящих дома? Если это будет микрорайон, принадлежащий нескольким родственным общинам? Тогда это будет, в своем роде, маленькое автономное государство со своими магазинами, своей прачечной, своими небольшими кустарными или машинными производствами.

Здесь найдется место и для женского труда, и для юношеского, и для детского; причем труда в таких формах, которые соответствовали бы максимально их половым и возрастным особенностям.

Такой городской район мог бы снабжаться продуктами питания от их непосредственных производителей на селе, минуя грабителей-перекупщиков. Такой район мог бы помогать своим сотрудникам-крестьянам в самых разных отношениях. Обеспечивать их, например, дешевой гостиницей при их наездах в город, позволять им пользоваться местным общинным овощехранилищем. А на селе можно было бы создать, по договоренности с крестьянами, дешевый летний лагерь для своих детей, чтобы они не только проводили каникулы на природе, но и познакомились с крестьянской жизнью, помогали крестьянам в чем-то своим трудом. Детство, лишённое труда, это порочное детство. Да и взрослые могли бы проводить свой отпуск в таком «своем» селе с пользой для себя и для местных крестьян. Вот это была бы кооперация.

В общинном доме возможен и свой детский сад, принципиально отличный от современных детских садов. Здесь собирались бы на половину дня или на треть дня дети родственников и соседей под руководством не чужих наставников, а своих же родных и близких, единоверцев и соплеменников. Здесь религиозное и национальное воспитание детей не от-

---

равлялось бы безбожием и космополитизмом современных детских садов, а усиливалось и развивалось.

А если возможны свои национальные детские сады, то почему бы не быть и своим национальным школам?

Выход из общины во внешний мир здесь будет открыт для каждого общинника. Но он будет выходить во внешний мир не духовно слепым, а духовно зрячим и уверенным в себе человеком. Знающим, что у него за спиной есть его крепость — его национальная община.

Третье возражение. Оно есть разновидность предыдущего возражения. Мне говорят, что при общинном строе невозможны крупные формы производства, что общинная жизнь подразумевает малые предприятия, организуемые самой общиной. В этом утверждении есть какая-то доля правды, но только доля, потому что, как уже говорилось выше, община есть гибкая форма самоорганизации людей. Она способна приспосабливаться к разным условиям жизни, в том числе и к не лучшим для нее, а затем изменять эти условия, приспосабливая их к себе.

Если семья не разрушается оттого, что мужа работают вне дома, то почему должна разрушаться от этого община? Центр тяжести общинной жизни не в хозяйственных делах, а в нравственном единстве общинников и совместном их проживании. Центр тяжести там, где дети и жены, где родственники и соседи, где общая организация и общая территория.

Сказанное подтверждается практикой жизни современных общин, члены которых работают на разных работах вне своей общины. Утром уходят на работу из нее, а после работы в нее возвращаются.

Кроме того, надо учесть, что не только средние предприятия, но даже малые вполне жизнеспособны при современном хозяйственном строе. А при общинном строе повысится не только их роль, но даже роль кустарного производства. И, следовательно, умножатся соответствующие рабочие места как на территориях самих общин, так и поблизости от них.

«А если говорить, — пишет крупнейший наш экономист М.Ф. Антонов, — о постиндустриальном, информационном обществе, то там мелким предприятиям, объединяющим членов артели единомышленников, может принадлежать, особенно в инновационной сфере, важнейшее место во всей структуре общественного производства» (М.Ф. Антонов «Экономическое учение славянофилов», Москва, Институт русской цивилизации, 2008 г., стр. 399).

Четвертое возражение. Мне говорят, что современные русские люди настолько завязли в своем бездумном и беспоч-

---

венном образе жизни, что изменить его уже не способны. А если даже какая-то их часть окажется способной что-то делать по части организации своих общин, то рост их будет, как не трудно догадаться, столь медленным, что не сможет предотвратить вымирание основной массы русского народа. Да и не допустят враги русского народа возникновения даже первых русских общин, не говоря уж об их размножении.

Что можно ответить на это возражение? Мы не знаем сегодня действительного состояния русского народа: убит он духовно или тяжело ранен. Мы знаем лишь то, как ведут себя русские люди в настоящее время, когда они не видят разумного выхода из нынешнего положения. Не видят его, а потому и ведут себя не лучшим образом. Но могут ли они вести себя иначе, если значение русской национальной общины для них не раскрыто?

Вот почему судить о том, способны ли русские на создание своих национальных общин или уже не способны, пока рано. Поначалу надо раскрыть их значение и показать, каким образом их создавать в наше время. А затем довести этот общинный проект, по возможности, до каждого русского человека. И впрячься самим в практическое его осуществление. Вот когда мы увидим, способны ли современные русские люди на разумную деятельность или уже не способны.

Рост русских общин, если он начнется, может быть очень медленным, но может стать и взрывоподобным, если государство поймет спасительность для себя общинной организации народов. Нельзя исключить полностью, что со временем даже нынешние враги русского народа перестанут быть его врагами и начнут помогать русскому делу. Это может произойти в том случае, если они поймут, что с уничтожением русского народа сами окажутся в отчаянном положении. Намного худшем, чем при добросовестном сотрудничестве с ним.

В связи с чем полезно вспомнить, что христианский переворот в Римской империи совершился тогда, когда христиане были в количественном меньшинстве (что-то около 10% от всего населения) и как материальная сила были несравнимы с материальной силой Римского государства. Причиной переворота стало духовное состояние римского общества. Причина была в том, что язычники доросли до понимания нравственной несостоятельности своих богов, но были вынуждены поддерживать их культ ради спасения своего государства. Они понимали, что общая религия есть главная связь, связывающая людей в единое целое, а потому она же есть и духовное основание их государства. Рухнет это основание — и вслед за ним рухнет империя.

Но формальная вера в языческих богов не могла спасти сердца римлян от фактического идейного опустошения, которое влекло за собою и нравственное их опустошение. Население империи разлагалось в нравственном отношении, а нравственность это тоже, наряду с религией, необходимое условие существования государства. Опустится нравственность ниже какого-то уровня — и потребуются лишь какой-то внешний или внутренний толчок, чтобы государство распалось. Вот почему смена примитивной и нравственно несостоятельной религии в Римской империи религией высокого типа стала объективной необходимостью. И невозможное стало возможным: потомки врагов христианства стали на его сторону и позаботились о его торжестве в империи.

Нечто подобное может произойти и в нашем будущем, хотя гарантии, что это случится, нет никакой. Все зависит от многих условий, угадать которые заранее невозможно. Все может быть — и новая жизнь русского народа, и окончательная его смерть. А потому и гипнотизировать себя заранее мнимым всемогуществом его врагов — значит помогать этим врагам.

Все зависит от многих условий, одно из которых (и самое, думается, главное) — сумеют ли сами русские развить такую энергию в деле своей самоорганизации, которая сделает невозможное возможным. Сумеют ли донести правильные идеи до каждого русского человека и пробудить его тем самым к высшей жизни.

ГОРЯЧИЕ ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

В 1985 году я — по одному из своих базовых образований театровед — работал в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии. В научно-исследовательском отделе с 1972 года я руководил сектором театрального искусства. На этом секторе со временем (отчасти скрытно) сложились две противостоящих друг другу группы научных сотрудников. Одна из них (и я в том числе) придерживалась взглядов и аналитических подходов, традиционных для русской культуры — приверженности принципам реализма, психологической достоверности искусства, его нравственно-просветительского предназначения. Мы разделяли эстетику корифеев МХАТа, в частности, кредо Станиславского, который полагал, что самое важное в творчестве — раскрыть и передать «жизнь человеческого духа». Моим оппонентам ближе была театральность Мейерхольда и в целом «левой сцены». Они разделяли эстетику авангардистского театра.

С началом «перестройки» Кремль за-действовал новые критерии кадровых назначений. Они имели отчетливо русофобскую направленность. После Москвы настал черед и Ленинграда. Получив поддержку из ЦК КПСС, где уже начали по-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

гром русских кадров, руководство нашего института перешло в открытое наступление на «инакомыслящих». Действовали по хорошо отработанной в совдеповские времена схеме: прежде чем совершить «жертвоприношение» — истерзать жертву проверочными комиссиями с заранее предрезанными оценками и выводами.

Мои противники энергично взялись за работу. Весь 1986 год одна за другой создавались «комиссии». Они состояли из вполне ангажированных работников, которые хорошо знали, зачем их нанимают и что надо делать. Были комиссии — партийная, министерская, межвузовская, межсекторальная и т.п. Все они пришли к единому итогу: деятельность театрального сектора развалена, все свидетельствует о полной профессиональной непригодности и творческой несостоятельности руководителя. Авторы этой провокационной и клеветнической кампании быстро «забыли» о том, что буквально за год до этого Ученый совет института единогласно переизбрал меня на новый пятилетний срок работы, а деятельность сектора имела высокую оценку.

Помню, что помимо комиссий меня ежемесячно (а иногда и чаще) прорабатывали, нагнетая обвинительную истерию и накапывая обвинения в антипартийности, в подрыве устоев советского марксистского искусствознания и даже с намеками на самый ужасный «грех» — русский национализм.

Доносами были завалены обком партии, министерство, даже ЦК КПСС. Чтобы пресечь идейно-эстетическую линию, которую я проводил, руководству института сильные мира сего (понимай — «архитекторы перестройки») предписали убрать меня с должности. В наступившие горбачевские времена люди с патриотической, русско-национальной ориентацией показали не просто неугодными, а и глубоко враждебными «новому мышлению».

Противник задействовал силы и такого калибра как А.Н. Яковлев и Г.А. Товстоногов. Последний принял самое энергичное участие в кампании по моей дискредитации. На одном из ученых советов прочли его письмо-заявление с обвинениями Любомудрова как антисоветчика, антимарксиста, противника партийной, идеологической линии и т.п. В сущности, это был политический донос, после которого в бериевские, скажем, времена был бы один удел — Колыма. Позднее подобные «упражнениями» по моему адресу занимался достопочтенный дирижер Ю.Х. Темирканов. Помню, особенно ретиво усердствовали в моей травле критики А.А. Нинов, Ю.А. Смирнов-Несвицкий, театроведы А.Я. Альтшуллер и С.К. Бушуева. Бог им судья.

Когда все было готово, состоялся ученый совет, на котором меня забаллотировали при соотношении голосов 31 — за отрешение от должности, 7 — против. В выступлениях тогда прямо было сказано, что меня надо уволить за «чуждые взгляды», а потом в приказе ректора значилось — уволить в связи с «профессиональной несостоятельностью».

Какое-то время, несколько месяцев я был вне службы. Но поскольку я был членом Союза писателей, у меня автоматически продолжался стаж. Неожиданно возникла новая ситуация, вдруг ко мне поступило предложение от Чернушенко, ректора консерватории, поступить на работу туда в отдел социологии. Я удивился его смелости, но, тем не менее, откликнулся, и два года работал на поприще социологии музыки, проводил исследования, но это не суть важно. Однако я думаю, что эти два года Чернушенко до сих пор вспоминает как некий кошмар, потому что его подвергли страшному преследованию за то, что он меня принял. В местной музыкальной газете «За музыкальные кадры» стали появляться и множиться статьи: «Как мог решиться наш ректор так опозорить консерваторию, чтобы принять этого мерзавца, негодяя, антимарксиста в ряды нашей светлой, незапятнанной консерваторской гвардии?» Вот такая завязалась борьба. Но поскольку тогда был назначен еще и новый главный редактор этой газеты, то там появилась возможность полемики. Редактором оказался честный, порядочный человек. И на каждую клеветническую публикацию я писал свой ответ, что, конечно, еще больше подливало масла в огонь. Но несчастного Чернушенко просто как ужа на сковородке поджаривали. Его поносили на всех музыкальных съездах и собраниях последними словами и доконали его тем (это мне потом уже сказали), что ему перекрыли зарубежные гастроли. На этом его сломали, он через третьих лиц попросил меня подать заявление об уходе. Я, конечно, его тут же подал и ушел. А Чернушенко мне было даже жалко: он вынужден был оправдываться, когда на него особенно наседали. Он много сделал и делает как музыкальный руководитель Капеллы в пропаганде русского репертуара и музыкальных традиций, действительно национальных. Тем не менее на поприще «окопной войны» он не выдержал. Как я понимаю, тогдашнее финансовое положение Капеллы очень зависело от зарубежных гастролей. От него стали разбегаться кадры, потому что любая гастроль дает валютную выручку и возможность подпитывать музыкантов. Так закончилась моя эпопея с консерваторией.

В 1988 или 1989 году было организовано при моем живейшем участии Петербургское отделение Всероссийского фонда

культуры. Тогда была двойственность: существовал Советский фонд культуры, который возглавлял Лихачев. И поскольку происходили размежевания (появился российский президент), возник Всероссийский фонд культуры, который возглавил писатель Проскурин. Там создали свое правление, оно было ориентировано русско-национально, патриотично. Учредительная конференция проходила в зале Смольного собора. Было несметное количество людей, человек 500. Создали правление, меня избрали председателем, и я был председателем на протяжении последующих семи лет.

Потом стало происходить размежевание. И политическое, и этническое. В основном, по отношению к России, к русскому народу. Постепенно сложился лагерь или направление космополитического характера. К сожалению, как правило, с выраженным русофобским оттенком. Русско-национально-патриотическое направление, в задачи которого входило возрождение русской культуры, возрождение русских традиций в литературе, музыке, живописи и любых других сферах жизни, стремилось отстоять свое политическое лицо. Например, я дважды баллотировался в депутаты, один раз в депутаты Верховного Совета СССР, это было в мае 1989 года, и второй раз в Верховный Совет РСФСР в 1990 году. И там была возможность у каждого выдвинуть свою программу. Нас, кандидатов, собралось человек 30, и каждому давалось по 5 минут, чтобы изложить программу. Моя программа имела отчетливо национальную направленность с напоминанием о том, что необходимо вернуть русскому народу и достойные его права: геополитические, культурные и любые другие. В том числе я выдвинул тогда тезис о необходимости национально-пропорционального представительства русских в политической жизни, в СМИ и т.д., что вызвало невероятную ярость в стане моих противников. При этом я ссылался, поскольку мне необходимо было забаррикадироваться от натиска космополитов, на английский закон о национально-пропорциональном представительстве разных этносов в представительных органах власти. Но это уже сочли поклепом на любимую либеральную Англию... Это вызвало бурю...

Кто-то из русских кандидатов в депутаты говорил: «Странно, мы выбираем депутатов в государственный орган России, но единственная программа с русской национальной ориентацией только у Любомудрова почему-то». Действительно, это было так, хотя там были достойные люди, там был Шипунов, Легостаев, Васильев, которые могли бы выступить с такой же программой. Но позиции русского патриотического движения были в значительной степени ослаблены. Глав-

---

ным образом, потому, что в раскрепощенной стихии, захватившей тогда широкие массы людей, была, прежде всего, эйфория по поводу свободы, мол, завтра наступит счастливый день, и что все мы войдем в Европу. Было опьянение тем, что теперь наступила демократия, а тут с какими-то национальными вопросами суются, мол, национальное самосознание второстепенно и незначаше, а главное — демократия и свобода. Этот гипноз подействовал. Надо сказать, что дирижеры, мастера, которые манипулировали сознанием обывателя, конечно, были высокого класса. Думаю, что они прошли обучение за океаном. Мы знаем, что оттуда на русофобские космополитические организации постоянно шли и денежно-финансовые потоки. В отличие от нас, они были завалены оргтехникой — компьютерами, ксероксами, множительной техникой, чего у нас не было совершенно. Наши противники получали инструктаж по тому, как надо себя вести, какими лозунгами пользоваться, чем воздействовать на массы.

У меня была статья с подробным анализом этих выборов. Статья в оригинале называлась «Русский выбор» и была опубликована в журнале «Молодая гвардия» (1990, № 2). Анализируя события, я увидел, что симпатии избирателей распределились по следующей иерархии. Прежде всего, большие надежды возлагались на сотрудников правоохранительных органов, на юристов, в которых виделись спасители отечества. Они знают «право», они наведут порядок. Предпочтения эти были на первом месте, почему и победил тогда юрист Иванов. Но у него были огромные деньги — весь город был обклеен цветными листовками с портретом Иванова и призывом голосовать за него, чего не было ни у кого другого. На втором месте были, как я их называл, колбасники, т.е. работники продуктовой, продовольственной сферы. И на третьем месте, как я назвал их для себя, были лицедеи и шуты: актеры. Почему-то думалось, что артисты спасут Россию. Вот в своей статье я все это подробно и описал. Правоведы, колбасники и шуты — народ был совершенно загипнотизирован этими фигурами. А интеллигент он или нет, его биография, взгляды, честный он или не честный — никого не интересовало. Причем выборы проводились честно, ничего не скажешь, никаких подтасовок. Но манипуляция была, конечно, и на высшем уровне. Помню, на участке, где собирался наш штаб, было ясно, что у меня есть шансы победить. И что было сделано? Завтра выборы. Сегодня в 12 часов дня заканчивается регистрация кандидатов. В 11 часов 50 минут поступает заявка от Басилашвили Олега Валерьяновича. И

его регистрируют. И для меня стало ясно, что я могу собирать вещи. Конечно, он популярная фигура, масса фильмов с его участием. «Дирижеры» общегородского процесса, видимо, до последнего не знали, куда его определить. В последний момент его сунули в противовес мне. Он и победил. «Пену» он умеет пускать, импозантный человек, всем известный. Довольно много прошло артистов в тот Верховный Совет.

На своем уровне, на уровне русской интеллигенции и русской национально-патриотической элиты, конечно, кое-что нам удалось сделать. Должен сказать, что в 1970-е годы сложилась очень мощная когорта замечательных русских мыслителей, литераторов и идеологов. Это Петр Васильевич Палиевский, Вадим Кожин, затем — Сергей Семанов, Михаил Лобанов, Олег Михайлов, Валерий Ганичев, Дмитрий Жуков, Станислав Куняев, Владимир Солоухин, Владимир Осипов. Все они энергично и плодотворно участвовали в общественно-политической и литературной жизни России в 1970-е — 1990-е годы. Среди видных питерских ратоборцев, русских патриотов вспоминаются имена священника Василия Лесняка, Александра Хватова, Леонида Ершова, Николая Утехина и многих других.

Кое-какие инициативы нам удалось провести. Мы совершили благотворный раскол, размежевание в Ленинградской писательской организации, которая была на определенном этапе, еще в конце 1960-х годов или даже раньше, целиком захвачена космополитическими, сионистскими силами, совершенно перекрывшими прием в Союз писателей русским литераторам.

В 1988—1989 годах группа ленинградских членов Союза писателей повела борьбу за то, чтобы выделиться, отмежеваться от Ленинградской писательской организации — стать самостоятельными, независимыми от существовавшего тогда руководства. Мы намеревались создать русскую, патриотически ориентированную структуру, освободиться от враждебного нам диктата. Городская писательская организация в подавляющем большинстве состояла из лиц еврейской национальности. Ее руководители при поддержке многих еврейских активистов проводили жесткую русофобскую (на этнической основе) политику — в приеме новых членов, распределении привилегий, утверждении издательских планов, творческих поездок, вечеров и т.п.

Чтобы не быть голословным, приведу наблюдения писателя В.Ф. Козлова, который некоторое время был в составе писательской ревизионной комиссии. Козлов обратил внимание на статистику: «В Союзе писателей при мне принима-

---

лись молодые литераторы примерно в таком соотношении — это сохранялось из года в год — десять человек еврейской национальности и один русский... У нас в Ленинграде полное большинство в Союзе писателей захватили литераторы еврейской национальности». В.Ф Козлов указывал на злодешью роль в этом процессе прозаика Даниила Гринина и поэта Михаила Дудина, женатого на еврейке. Их властью «за восемь лет были приняты семьдесят человек, из которых только семеро были русскими (журнал «Ленинградская панорама», 1989, №11-12).

Считаю большим нашим достижением то, что нам удалось нашу писательскую структуру оформить организационно. Это было неслыханной дерзостью. Конечно, границы свободы расширились. И вдруг в Союзе писателей, всегда монолитном, всегда покорном «указаниям партии» и т.п., вдруг возник раскол, завелись какие-то «фракции»!

На собрания, связанные с «расколом», сбегался весь литературный Ленинград. Помню, на одно из первых собраний пришел Борис Стругацкий. Сидел во втором ряду, смотрел на все холодно-презрительным изучающим взглядом. Мы со Стругацким одноклассники, но тогда здороваться друг с другом уже перестали.

Не могу не вспомнить в этой связи роман братьев Стругацких «Отягощенные злом, или сорок лет спустя», изданный в том же, «горячем» 1989 году. В одной из глав выведен персонаж по имени Марек Парасюхин. По авторской характеристике (можно предположить) этот вариант русского патриота. Марек напевает «Боже, царя храни», в графе национальность «неизменно писал «великоросс», предлагает проект «решения национального вопроса в пределах Великой России, с учетом угрожающего размножения инородцев», а также утверждает, что «Третья мировая уже идет... сионизм против всего мира». Само собой у этого персонажа «белесовато-бесцветная физиономия... васильковые глаза... белобрысые волосы».

Конфликт между героем романа (от его лица ведется рассказ) и Марекком возникает из-за того, что герою не понравились политические взгляды Марека. Какова же реакция на подобное инакомыслие? Меня, помню, ошеломила та истинная бездонная, неистовая сила ненависти, которую испытывает к Мареку главный герой-повествователь. Он называет Марека мерзкой поганкой, сукой поганой, поганой мордой, дрянью, скотиной, не давая тому, как говорится, рта раскрыть. Дело не ограничивается ругательствами. Далее происходит свирепая физическая расправа над Марекком.

И вся эта звериная кровожадность возникла — так в романе — только из-за того, что Марек — «другой», у него иные, свои «проекты» и убеждения. У меня родились тогда подозрения, что Борис Натанович вложил в сцену расправы над неудобным и свои мысли и чувства. Здесь тайна, восходящая к талмудистской мистике и заповедям, вроде «лучшего из гоев — убей».

Как я уже упоминал, в Питере нам удалось организовать отделение фонда культуры. Потом возник Комитет «Нева—Ладога—Онега», общественная организация, какое-то время я был ее председателем. Это 1989 год, осень. Там любопытный был сюжет — нас не регистрировали. Орггруппе, которая ходила в регистрационный отдел, сразу сказали: «Снимите фамилию Любомудрова, и мы вас сразу регистрируем». Нервы уже были напряжены. Тогда весьма энергично обсуждался проект поворота северных рек на юг. Это явно диверсионная затея, которая привела бы к массовому затоплению огромных территорий срединной России и погубила бы все эти реки к тому же. Возникло очень сильное сопротивление. Писатель Василий Иванович Белов, эколог Фаттей Шипунов очень много сделали для того, чтобы этого не произошло. В том числе боролись за то, чтобы сохранить путь из Невы через Ладогу и Онегу (Мариинская система), ту речную магистраль, которая соединяла Балтику с Волгой. Она тоже подлежала уничтожению. Комитет возник, чтобы защитить этот традиционный водообмен и сложившуюся экологию. Я не помню, что было с дамбой, по-моему, вопрос о дамбе еще не был актуален, она была в проекте. Тем не менее, нам удалось торпедировать проект поворота рек и обратного течения Невы через Свирь куда-то на юг. Известную роль этот комитет все-таки сыграл в борьбе за традиционное экологическое состояние. И не только из писательской среды шла инициатива создания этого комитета. В этом играл активную роль Риверов Юрий Васильевич, Ширяев Николай Александрович, который возглавлял местную организацию общества «Память», с которой тоже мы сотрудничали. «Память» возрождала традиционную русскую идеологию. Тогда был на подъеме пафос возвращения, возрождения русского духовного наследия. Я имею в виду не только Розанова, но и великих публицистов и мыслителей, таких, как Михаил Осипович Меньшиков. В начале 1970-х в течение года я прочел 15 томов его «Писем к ближнему». Для меня это был еще один университет, потому что это, конечно, наш национальный гений, который все предсказал. Гениальный про-

---

рок, великолепный литератор, публицист, сотрудник «Нового времени». У нас были великие мыслители: М.О. Меньшиков, А.С. Шмаков, Г.В. Бутми, Н.Е. Марков, А. Селянинов, С.Ф. Шарапов, И.Л. Солоневич, Л.А. Тихомиров, И.А. Ильин. Наша патриотика опиралась на их идеи и прозрения.

Какими были главные идейно-художественные взгляды, эстетические предпочтения у меня и моих ближайших единомышленников? Это верность традициям русской культуры, ценностям русской цивилизации, идеалам реализма, народным традициям в художественном творчестве и в культуре в целом. В основном это связано с представлениями о том, что приоритеты русской культуры и русской литературы имеют духовный характер, а не материально-потребительский и не марксистский.

Д.Д. Васильев тоже пропагандировал русскую идеологию. Но он прославился тем, что на одном из своих московских выступлений (примерно осенью 1985 года) стал цитировать «Протоколы сионских мудрецов», книгу, за которую в первое десятилетие большевизма просто расстреливали, а во второе давали 25 лет, если обнаруживали ее при обыске. Это была сенсационная, ошеломившая нас новость. Вдруг книга, которая была под строжайшим запретом, на которую было наложено строжайшее табу, цитировалась с трибуны. Причем Васильев все записывал на кассеты, которые потом разошлись по всей стране.

Более смело стали действовать журналы. Прежде всего журналы «Наш современник» и «Молодая гвардия», которые стали трибуной патриотической мысли.

Тогда возникло кооперативное движение, и мы организовали свой кооператив под названием «Родник». Занимались коммерческой деятельностью, в частности, издательской. И надо сказать, наш кооператив первым в России издал замечательную работу И.Р. Шафаревича «Русофобия». Книга была написана в конце 70-х годов, за границей она вышла в 1984—1985 годах. А вот впервые на русском языке в России издали мы, в 1988 году. Кстати, книга сыграла большую роль в разоблачении русофобии, в анализе ее истоков, причин и следствий.

В Москве утвердилась монополия властной группы, которая получила возможность контролировать средства массовой информации на всех уровнях. Этим активно занимался А.Н. Яковлев, архитектор перестройки. Главное, чем он начал заниматься, — сменой кадров в СМИ. Были смены почти все главные редактора журналов и радио.

В Москве ряд печатных органов все-таки уцелели, потому что они были органами Союза писателей России. Если бы они имели всеоюзное подчинение, как журнал «Знамя», «Новый мир», «Огонек» — это непосредственное ведомство ЦК, в них было бы сменено всё сразу. На моих глазах это было с «Огоньком». При главном редакторе В.А. Софронове я публиковался регулярно, но когда пришел В.А. Коротич, всё переменялось. Помню, из любопытства пришел к Коротичу как главному редактору и предложил ему злободневные темы. Он сказал: «Вы знаете, это сейчас нас не интересует. Я бы хотел вам заказать статью о Георгии Александровиче Товстоногове. Вы знаете, что это наш великий режиссер. Конечно, нас интересует его вклад...» Но у меня отношения с Товстоноговым были не приведи Господь. Конечно, он как режиссер был высокого уровня. Но в личном плане он очень злобная и мстительная фигура. И поскольку у меня было несколько критических статей по поводу его работы, то этого он мне простить никогда не мог. Особенно его привела в ярость моя статья о спектакле «История лошади» (по рассказу Толстого «Холстомер»). Я опубликовал ее в «Молодой гвардии» (1976, № 10), довольно большая статья. Она была диалектична. Один из ее существенных мотивов заключался в критике того, что спектакль имел мало общего с первоисточником. Конечно, это талантливая оперетта, мюзикл, но у Толстого-то про другое. Эта критика вызвала очень резкую реакцию, как мне потом рассказывали, со стороны режиссера. Конечно, согласиться на апологетику Товстоногова я не мог, и на этом мои свидания с Коротичем и отношения с «Огоньком» завершились раз и навсегда.

Существует миф, будто КГБ и Ленинградский обком играли роль русофилов. На самом деле все было совсем наоборот. И достаточно проследить это по кадровым назначениям. Все сферы деятельности: юриспруденция, медицина, средства массовой информации, творческие союзы, партийный аппарат были густо укомплектованы антирусскими элементами. В партийном аппарате этой темы боялись смертельно. Если у меня бывали визиты в обком, — упаси Господи произнести слово «русский»! В то же время я знаю, что в кадровом отношении всегда был зеленый свет космополитам и либерал-демократам. По фактам я могу привести множество примеров.

В 1986 году была издана в «Лениздате» книга Романенко с критикой сионизма. Но даже за такую книгу, где сионизм критикуют с марксистских позиций, обкому сделали втык.

Втык был именно за критику сионизма, за то, что была поднята эта тема — запретная, табуированная. Любая критика сионизма воспринималась как антисемитизм.

В 80-е годы Михаил Лобанов опубликовал в журнале «Волга» свою знаменитую статью «Освобождение», где впервые был дан трезвый и объективный анализ эпохи коллективизации и всего, что происходило в 1930-е годы. Что тут началось! Михаила Петровича начали таскать в ЦК на выволочку, рассыпали в типографиях все его статьи и книги. Потому что там были указаны организаторы и участники геноцида.

Наша национальная драма в том, что русский народ до сих пор не может стать русским народом. Всегда вспоминаю опрос 1987 года: как вы себя самоидентифицируете (опрос проводился среди русского населения). И только 10% ответили, что они считают себя русскими. 50% сказали, что они советские, и 40% затруднились с ответом. Но это же чудовищно! Проведите такой опрос в Грузии, Таджикистане, Израиле — какой будет результат?

Русские патриотические партии нигде и никогда не собирали более 5% голосов. Эти роковые 5%... Как сказал Бернард Шоу: «В человечестве думающих людей — 2%, еще 3% думают, что они думают; остальные 95 — лучше умрут, чем начнут думать».

Думать русские не хотят и сегодня.